

На грани равновесия

Валерия Малинина

18+

Валерия Малинина

На грани равновесия

«Автор»

2026

Малинина В.

На грани равновесия / В. Малинина — «Автор», 2026

София Наварро с детства знала, какой должна быть её жизнь: влиятельная семья, громкая фамилия и блестящее будущее в юриспруденции. Казалось, у неё есть всё, кроме права самой выбирать своё будущее. Её настоящая страсть — музыка. Но в семье Наварро мечты не имеют значения, если противоречат семейным планам. Поступление в Гарвард дарит Софии возможность ощутить вкус новой жизни: новые знакомства, университетские вечеринки, настоящая дружба и чувства, которых она совсем не ожидала. Но что, если любовь станет самым трудным выбором в её жизни, прошлое не отпустит, а цена счастья окажется слишком высокой? Потери, чувство вины и непростые решения заставят Софию усомниться во всём, во что она верила. Сможет ли она обрести себя и позволить музыке звучать в своём сердце? Ведь порой самое трудное — найти равновесие между тем, чего от тебя ждут, и тем, чего на самом деле хочешь ты.

© Малинина В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая.	7
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	44
Глава 9	49
Глава 10	55
Глава 11	61
Глава 12	65
Глава 13	73
Глава 14	77
Глава 15	81
Глава 16	84
Глава 17	88
Глава 18	91
Глава 19	94
Глава 20	98
Глава 21	100
Глава 22	103
Глава 23	106
Глава 24	113
Часть вторая.	120
Глава 25	120
Глава 26	125
Глава 27	129
Глава 28	138
Глава 29	149
Глава 30	154
Глава 31	161
Глава 32	167
Глава 33	177
Глава 34	183
Глава 35	188
Глава 36	199
Глава 37	205
Глава 38	216
Глава 39	223
Глава 40	231
Глава 41	242
Глава 42	250
Глава 43	257
Глава 44	265

Глава 45	271
Глава 46	280
Глава 47	289
Конец ознакомительного фрагмента.	293

Валерия Малинина

На грани равновесия

Часть первая.

Тем, кто боится мечтать, но всё ещё верит в чудеса.

*Пусть однажды тебе хватит смелости сделать шаг навстречу своей мечте, даже если
пусть к ней кажется невозможным.*

Ведь самые прекрасные истории начинаются там, где заканчивается страх и рождается вера в себя.

Глава 1

Последние дни августа.

Софи Новарро никогда не думала, что свобода может так сильно напоминать одиночество.

Она сидела на краю узкой кровати в университетском общежитии, окружённая раскрытыми чемоданами, аккуратно сложенными вещами и стопками книг, которые Кристофер настоял на том, чтобы привезти лично.

Комната оказалась светлой и уютной. На стенах не было ничего лишнего, а мягкий солнечный свет проникал сквозь большое окно, ложась тёплыми пятнами на светлый пол. Из окна открывался вид на внутренний двор кампуса: аккуратные дорожки, зелёные деревья и студентов, которые спешили по своим делам, смеялись и знакомились друг с другом.

В комнате стояли две односпальные кровати, расположенные у противоположных стен. Между ними оставалось достаточно места, чтобы свободно передвигаться. Возле каждой кровати находилась небольшая тумбочка, а у окна стояли два письменных стола с настольными лампами и удобными стульями. Пока один стол был занят вещами и книгами Софи, второй оставался почти пустым — её будущая соседка ещё не приехала.

Вдоль стены располагались вместительные шкафы, в которых хватило бы места даже для гораздо большего количества одежды, чем привезла Софи. А за отдельной дверью находилась собственная ванная комната с душем, туалетом, раковиной и зеркалом. На полках уже лежали аккуратно сложенные полотенца и несколько необходимых мелочей.

Софи понравилось здесь с первого взгляда.

Комната не была роскошной, но в ней было что-то удивительно домашнее. Возможно, дело было в солнечном свете, возможно, в тишине, нарушаемой лишь приглушёнными головами за окном. А может быть, ей просто очень хотелось найти место, в котором она могла бы чувствовать себя спокойно.

Она надеялась, что со временем оно станет именно таким.

На письменном столе стояли семейные фотографии.

На одном из снимков были мама и дедушка. Каталина была красивой женщиной с длинными светлыми волосами и выразительными серыми глазами. Когда-то её волосы были тёмно-русыми, но теперь она блондинка. Она улыбалась сдержанно, сохраняя привычную элегантность, а Альберто, как всегда, выглядел так, словно даже фотографу не собирался уступать ни секунды своего драгоценного времени.

На другой Кристофер держал на руках маленького Николоса — своего двухлетнего сына и племянника Софи. Рядом стояла Бриэль, жена Кристофера, с нежной улыбкой наблюдая за мужем и малышом. Софи обнимала брата за плечи, прижавшись к нему боком. Они оба улыбались одинаково широко, и даже сейчас, глядя на снимок, Софи невольно улыбнулась в ответ.

Нико был очаровательным малышом с тёмно-русыми волосами, большими выразительными глазами и улыбкой, в которой Софи без труда узнавала знакомые черты. Он удивительно походил на Кристофера, а значит, и на неё саму. Казалось, в его маленьком личике соединились черты, которые она так хорошо знала по лицу брата и собственному отражению. Стоило Нику увидеть любимую тётю, как он тут же тянул к ней ручки, требуя, чтобы его взяли на руки. А Софи никогда не могла ему отказать. Для неё он был маленьким чудом, способным одним объятием сделать даже самый тяжёлый день чуточку светлее.

Она подошла ближе к столу и взяла фотографию в руки.

На снимке ей было семнадцать. Длинные тёмно-русые волосы, спускавшиеся чуть ниже лопаток, мягко обрамляли лицо и слегка завивались на концах. Большие серо-зелёные глаза

смотрели на камеру открыто и доверчиво, а на губах играла та самая улыбка, которую Кристофер всегда называл её главным оружием.

У Софи были нежные, тонкие черты лица, светлая кожа с лёгким оливковым оттенком и мягкие, чуть полные губы. В её внешности не было ничего нарочито яркого или вызывающего, но присутствовала особенная, естественная красота, которую трудно было не заметить. Стройная фигура, изящная осанка и плавность движений придавали ей почти балетную грацию.

Впрочем, сама Софи едва ли замечала всё это.

Она никогда не считала себя особенно красивой. Скорее, просто знала, что иногда люди задерживают на ней взгляд чуть дольше, чем нужно, и каждый раз немного терялась, не понимая, как на это реагировать.

Зато сходство с Кристофером она видела прекрасно.

Одинаковая форма улыбки, похожие скулы, выразительные глаза и даже привычка слегка щуриться, когда кто-то говорил что-то забавное. Они были похожи настолько, что порой Софи казалось, будто она смотрит на мужскую версию самой себя. Только глаза у Кристофера были чисто-серыми — мамино наследство, тогда как её собственные сочетали в себе серые и зелёные оттенки, создавая особенный цвет. И волосы достались им от разных родителей.

— Мы с тобой всё-таки очень похожи, — тихо пробормотала Софи, проведя пальцем по краю рамки.

На фотографии Кристофер улыбался ей так, как улыбался всегда: тепло, немного насмешливо и с той особенной нежностью, которую никогда не пытался скрывать от младшей сестры.

Софи прижала снимок к груди на несколько секунд, а затем бережно вернула его на место.

Она скучала по брату уже сейчас, хотя прошло всего несколько часов с тех пор, как они расстались.

И всё же, глядя на их общую улыбку, она почувствовала себя немного спокойнее.

Будто часть дома всё-таки приехала с ней в Гарвард.

Но фотография, стоявшая посередине стола, была для неё самой дорогой.

На ней был её отец — Николай Державин.

Он обнимал шестилетнюю Софи, прижимая дочь к себе одной рукой. Девочка смеялась, запрокинув голову, а Николай смотрел на неё с такой нежностью, будто в тот момент во всём мире не существовало ничего важнее этого маленького человека.

Софи помнила тот день.

Помнила его руки, его голос, его привычку целовать её в макушку, когда она забиралась к нему на колени. Помнила, как он слушал, когда она рассказывала что-то совершенно незначительное, и никогда не заставлял её чувствовать, будто её слова не имеют значения.

Папа первым заметил, что она любит музыку.

Он мог часами слушать, как маленькая Софи играет на пианино, даже если она раз за разом ошибалась в одной и той же мелодии. Он не сердился, не торопил её. Только улыбался и говорил, что самое главное — не бояться начинать сначала.

Иногда он брал её на руки и кружил по комнате, пока она смеялась. Иногда рассказывал о своей бабушке Софии, русской балерине, в честь которой назвал дочь. Он говорил, что однажды Софи обязательно найдёт то, ради чего ей захочется просыпаться каждое утро.

Он не успел увидеть, как она выросла.

И не узнал, что музыка стала для неё чем-то гораздо большим, чем просто увлечением.

Софи осторожно поправила рамку, чтобы фотография стояла ровно.

— Я поступила, пап, — прошептала она.

Голос предательски дрогнул.

— В Гарвард. Ты бы мной гордился, правда?

Она улыбнулась фотографии, но глаза защищало.

Софи быстро отвернулась и занялась оставшимися вещами. Она не любила плакать из-за того, что уже невозможно изменить. За последние три года ей пришлось научиться жить с потерей, о которой она по-прежнему не могла говорить спокойно.

Иногда ей казалось, что стоит только закрыть глаза — и она снова услышит голос отца из соседней комнаты.

Но когда она открывала их, вокруг была тишина.

Она поставила фотографию чуть ближе к кровати, чтобы видеть её каждый вечер перед сном.

А затем достала из чемодана тонкую тетрадь в тёмно-синей обложке.

Внутри лежали десятки незаконченных песен, обрывки стихов и строчки. Иногда там были всего два слова. Иногда — целые куплеты. Между страницами прятались мелодии, которые она боялась забыть.

Софи провела ладонью по обложке.

Отец всегда говорил, что ей нужно заниматься тем, что делает её счастливой.

Но теперь она не была уверена, что имеет право выбирать.

Дедушка хотел, чтобы она стала юристом. Мама не спорила с ним. Кристофер поддерживал Софию, но она не хотела, чтобы брат из-за неё оказался между ней и Альберто.

Она могла выдержать нелюбимые предметы, бесконечные учебники и чужие ожидания.

Но иногда ей было страшно представить, что однажды она привыкнет к этой жизни настолько, что перестанет мечтать о другой.

Софи спрятала тетрадь под подушку и снова посмотрела на фотографию отца.

— Я постараюсь, — тихо сказала она.

Она не знала, кому именно давала обещание.

Ему.

Себе.

Или той маленькой девочке на фотографии, которая ещё верила, что взрослые всегда знают, как правильно.

За окном студенты смеялись, знакомились и таскали коробки в соседние комнаты. В коридоре кто-то громко обсуждал расписание, а дверь напротив то и дело открывалась и закрывалась.

Никто из них не знал, кто она.

Никто не знал о её семье, о потерянном отце, о дедушкиных планах или о песнях, спрятанных под подушкой.

Здесь она могла быть просто Софи.

И почему-то именно это пугало её больше всего.

Потому что впервые в жизни рядом не было папы, которому она могла бы рассказать обо всём.

Но его фотография стояла на столе.

И каждый раз, когда Софи поднимала на неё глаза, ей казалось, что она не совсем одна.

Глава 2

Глава 2

Софи как раз закончила раскладывать последние книги на столе, когда за дверью послышались быстрые шаги.

Она не успела даже обернуться, как дверь распахнулась с такой энергией, словно за ней стоял не человек, а целая делегация, опаздывающая на важнейшую встречу.

— Джеймс, осторожнее! Если ты сейчас уронишь мой чемодан, клянусь, я заставлю тебя слушать мои жалобы до конца жизни!

— Мисс Прескотт, я всего лишь пытаюсь занести ваши вещи, — раздался мужской голос из коридора.

— Вот и заноси. С чувством, с толком, с расстановкой!

В комнату влетела высокая девушка с длинными чёрными волосами, спадавшими почти до талии крупными волнами. За ней показался мужчина в строгом костюме, который с заметным усилием вкатил внутрь сразу два огромных чемодана. Следом он занёс ещё один, а затем вернулся за оставшимися вещами.

Софи замерла возле стола, держа в руках книгу.

Девушка наконец заметила её.

На мгновение в комнате повисла тишина.

Незнакомка окинула Софи быстрым взглядом, затем широко улыбнулась, словно они были знакомы уже несколько лет.

— О! Привет! Ты, должно быть, моя соседка!

Она бросила маленькую сумочку на свободную кровать и протянула руку.

— Дженна Прескотт. Будущая жертва Гарварда, хронической нехватки сна и отвратительного кофе в университетских кафе.

Софи рассмеялась, прежде чем успела себя остановить, и пожала протянутую руку.

— София Новарро. Но все зовут меня Софи.

— Софи, — повторила Дженна, словно пробуя имя на вкус. — Мне нравится. Звучит мило. Тебе подходит.

Она отпустила её руку, развернулась и внимательно оглядела комнату.

Сначала посмотрела на кровати. Затем на столы. Потом на шкафы. Наконец её взгляд остановился на двери ванной.

Дженна медленно прошла по комнате, заглянула в один из шкафов, проверила, как открывается окно, и заглянула в ванную.

Софи с интересом наблюдала за ней.

Дженна появилась в дверях ванной с таким выражением лица, словно только что изучила результаты медицинского обследования.

— Жить можно.

Софи прикусила губу, сдерживая улыбку.

— Всего лишь жить можно?

— Милая, я не собираюсь врать тебе в первый же день нашего знакомства. — Дженна театрално вздохнула. — Я ожидала чего-то... не знаю... более впечатляющего. Может быть, отдельную гардеробную. Или хотя бы ванную, в которой можно развернуться, не задев локтем собственную жизнь.

Она снова огляделась.

— Но две кровати, два стола, шкафы и собственная ванная — это уже неплохо. А окно даже симпатичное.

В этот момент в комнату вернулся водитель с последним чемоданом. Он поставил его возле остальных и выпрямился.

— Всё, мисс Прескотт. Это последний.

— Спасибо, Джеймс.

Он едва заметно улыбнулся и направился к выходу.

— И передай отцу, что я добралась, — добавила Дженна ему вслед.

— Разумеется, мисс Прескотт.

Дверь закрылась.

Дженна посмотрела на гору багажа, затем на Софи.

— Ну что ж. Теперь здесь официально живёт катастрофа.

— Ты всегда берёшь с собой столько вещей?

— Нет. Иногда я беру больше.

Софи рассмеялась.

Дженна выглядела так, будто совершенно не умела находиться в комнате молча. Она двигалась, говорила, жестикировала и успевала обращать внимание сразу на всё. В ней чувствовалась уверенность человека, привыкшего получать желаемое, но за этой уверенностью скрывалось что-то ещё — живое, тёплое и неожиданно располагающее.

На ней была короткая юбка, дорогой топ и туфли на высоких каблуках. Золотые украшения поблёскивали на её запястьях и шее, подчёркивая тёплый шоколадный оттенок кожи. Длинные ноги, выразительные тёмно-карие глаза и роскошные чёрные волосы делали её по-настоящему эффектной.

Дженна была ростом около 172 сантиметров, чуть выше Софи, и даже посреди комнаты, заставленной чемоданами, выглядела так, словно собиралась не в поездку, а на красную дорожку.

— Ладно, — объявила Дженна, хлопнув в ладоши. — Прежде чем я начну разбирать вещи и окончательно потеряю рассудок, покажи мне, где ты успела устроить свою маленькую жизнь.

Софи оглянулась на собственную половину комнаты.

— Да тут особо нечего показывать. Я только разобрала книги и поставила фотографии.

Дженна проследила за её взглядом и подошла к письменному столу.

Она заметила фотографии, но не стала задавать вопросов. Лишь задержала взгляд на снимке, где Софи стояла рядом с братом, а затем перевела глаза на остальные вещи.

— Ты очень аккуратная, — заметила она.

Софи посмотрела на свои аккуратно сложенные вещи.

— Просто мне нравится, когда всё на своих местах.

— О, мы с тобой определённо разные люди. У меня всё тоже на своих местах. Просто иногда эти места находятся под кучей других вещей.

— Думаю, мы справимся.

— Вот это правильный настрой!

Через некоторое время комната стала постепенно заполняться вещами Дженны. На кровати лежали одежда и косметички, на столе появились несколько книг, флакон духов и небольшая шкатулка с украшениями.

Дженна подошла к окну и выглянула наружу. Её лицо тут же оживилось.

— Подойди сюда. Я хочу кое-что показать.

Софи подошла к окну.

— Видишь красную машину за окном?

Она указала на припаркованный во дворе Porsche 911 Carrera GTS.

— Шикарная.

— Папа подарил на выпускной, — с довольной улыбкой сообщила Дженна. — Хотя, подозреваю, он просто пытался меня задобрить.

— За что?

Дженна закатила глаза.

— За то, что засунул меня в Гарвард. Причём не потому, что я мечтала учиться именно здесь. Меня сюда сослали поближе к Миллеру.

Софи чуть удивлённо приподняла брови.

— К Миллеру?

— К Адаму Миллеру, — пояснила Дженна, будто речь шла о совершенно очевидной вещи. — Мой отец ему доверяет. Адам ответственный, благоразумный, воспитанный и всё такое прочее. По мнению папы, он прекрасный молодой человек, который умеет принимать правильные решения и, цитирую, «присмотрит за тобой, Дженна».

Последние слова она произнесла особенно выразительно, передразнивая отцовский тон.

Софи не удержалась от улыбки.

— И Адам согласился присматривать за тобой?

— Адам вообще не знает, что ему поручили такую почётную миссию! — возмутилась Дженна. — По крайней мере, я надеюсь, что не знает. А то мне придётся срочно искать нового лучшего друга.

Она рассмеялась, но тут же продолжила:

— А ещё папа даже слышать не хотел, чтобы я уехала учиться на другой конец страны. Например, в Калифорнию. Поэтому Гарвард оказался идеальным вариантом: престижный университет и Адам поблизости.

Софи улыбнулась.

— И машина должна была помочь тебе смириться?

— Именно! — Дженна указала на Porsche. — Что-то вроде: «Я всё решил, а ты ещё спасибо скажешь». Ну, за машину я ему действительно благодарна. А вот насчёт университета пока подумаю.

— По-моему, вполне справедливый компромисс.

— Вот и я так считаю!

Дженна вернулась к чемоданам, а Софи снова занялась своими вещами.

— А ты сама откуда? — спросила Дженна спустя несколько минут.

— Я родилась в России. Когда мне было шесть, мы переехали в Испанию. Там я прожила до пятнадцати, а потом наша семья переехала в Америку.

Дженна на секунду отвлеклась от одежды.

— Ничего себе. Три страны. Значит, ты наверняка знаешь несколько языков?

— Русский, английский и немного испанский.

— А где ты живёшь сейчас?

— В Коннектикуте, недалеко от Нью-Йорка. А ты?

— В Гринвиче. Мои родители живут там. Адам тоже оттуда, мы дружим с детства. Наши семьи давно знакомы.

— Значит, вы давно друг друга знаете, — улыбнулась Софи.

— Ещё бы! Иногда мне кажется, что я знаю Адама всю жизнь. Что, в общем-то, недалеко от истины.

— И вы до сих пор не устали друг от друга?

— Не напоминай. Я иногда сама удивляюсь, как он меня терпит, — рассмеялась Дженна.

— Но, если серьёзно, он мне очень дорог. Просто не говори ему об этом, а то ещё возгордится.

Софи тихо рассмеялась.

— Не буду.

— Вот и отлично. Первый секрет нашей дружбы уже есть.

К вечеру они наконец разобрали вещи. Между делом Дженна успела рассказать Софи столько историй, сколько иной человек не рассказал бы и за неделю. Она говорила быстро, перескакивала с одной темы на другую, смеялась над собственными шутками и то и дело задавала вопросы, не давая разговору затихнуть.

Софи постепенно расслабилась. Она уже не чувствовала себя неловко рядом с незнакомой девушкой и всё чаще ловила себя на том, что смеётся совершенно свободно.

Они говорили об учёбе, школьных годах, семьях и о том, чего каждая из них ждёт от предстоящего года.

Оказалось, Дженна обожает хоккей. Её лучшие друзья, Адам и Маркус, играли в хоккей, поэтому она привыкла следить за матчами, переживать за них и спорить о результатах.

— Адам и Маркус — мои самые близкие люди, — сказала Дженна с улыбкой. — Мы столько всего пережили вместе, что они мне уже скорее семья, чем друзья. Правда, иногда оба совершенно невыносимы.

Софи улыбнулась.

— Ты так любишь хоккей?

— Очень. Особенно когда мои друзья на льду. Хотя смотреть на них со стороны бывает мучительно. Стоит кому-нибудь упасть, и я уже готова перепрыгнуть через ограждение и лично разобраться с судьёй.

Софи рассмеялась.

— Признаюсь, я совершенно ничего не понимаю в хоккее.

Дженна уставилась на неё с неподдельным изумлением.

— Совсем ничего?

— Боюсь, даже правил не знаю.

— Так. Это срочно нужно исправить. Не могу же я познакомить тебя с двумя хоккеистами, не научив хотя бы отличать шайбу от клюшки!

— А это сложно?

Дженна несколько секунд молча смотрела на неё, а потом расхохоталась.

Софи подумала, что Дженна совсем не похожа на человека, который привык прятать свои чувства. Она могла быть шумной, дерзкой и совершенно невыносимой, но при этом совершенно искренне говорила о том, чего ей не хватает.

И это почему-то вызывало у Софи восхищение.

Ей самой было сложнее даже признаться себе в собственных желаниях.

Она вспомнила дедушку. Альберто уже давно решил, каким должно быть её будущее. Гарвард, юридическое образование, работа в семейной компании. Всё было расписано так тщательно, будто её жизнь уже существовала на бумаге, а от неё требовалось лишь следовать написанному.

О музыке дедушка не желал даже слышать. Для него это было всего лишь хобби, приятное занятие, которому можно уделять время в свободные часы, но никак не дело всей жизни.

Софи опустила взгляд на свои руки.

Она и сама не была уверена, хватило бы ей смелости превратить музыку во что-то большее. Но ей хотелось, чтобы выбор хотя бы принадлежал ей.

Не дедушке. Не семье. Ей самой.

— О чём задумалась? — спросила Дженна.

Софи подняла глаза и улыбнулась.

— Да так. О будущем.

Дженна не стала расспрашивать. Вместо этого потянулась за телефоном.

— Так, подожди. Нам нужно кое-что сделать.

— Что?

— Зафиксировать начало нашей дружбы. Это историческое событие.

Она открыла заметки и принялась печатать, время от времени хихикая.

— Что ты пишешь? — спросила Софи.

— Официальный документ.

Дженна развернула к ней экран.

Правила нашей комнаты:

1. *Не трогать чужие вещи без разрешения.*

2. *Делиться вкусной едой.*

3. *Не давать друг другу грустить в одиночестве.*

4. *Если одна из нас влюбится, вторая обязана знать всё. Без исключений.*

5. *Если однажды мы станем знаменитыми, мы обязаны помнить, с чего всё начиналось.*

Софи прочитала список и улыбнулась.

— Почему именно если станем знаменитыми?

— Потому что деньги у нас уже есть. Пора обзавестись чем-то, чего родители не могут купить за нас, — заявила Дженна.

— Например?

— Собственным именем. Хотя, Софи, я почему-то уверена, что твоё однажды будут кричать на стадионах.

— А твоё?

— Моё будут печатать рядом с твоим в светской хронике. Кто-то же должен следить, чтобы ты не зазналась.

Софи рассмеялась, а Дженна внесла последнее правило:

5. *Когда Софи покорит мир, а Дженна станет легендой, не забывать: всё началось с одной комнаты в Гарварде.*

— Мне нравится. — Софи улыбнулась.

— Я знала! — Дженна торжественно сохранила заметку. — Всё. Теперь это наш договор. Затем она открыла переписку с Софи и отправила ей сообщение.

Софи посмотрела на свой телефон.

Дженна: *«Первый день в Гарварде. Познакомилась с Софией Новарро. Кажется, она нормальная. Пока что.»*

Софи подняла на неё взгляд.

— «Пока что»?

— Я оставляю себе пространство для манёвра.

Софи покачала головой и набрала ответ.

Софи: *«Познакомилась с Дженной Прескотт. Она украла половину комнаты своими чемоданами, но, кажется, с ней будет весело. #»*

Дженна прочитала сообщение и возмущённо ахнула.

— Половину? Да я ещё даже не все вещи распаковала!

Обе рассмеялись.

Они ещё немного посидели, обсуждая завтрашний день. На следующий день первокурсников ждал общий сбор и знакомство с университетом.

— Я познакомлю тебя с Адамом и Маркусом, — сказала Дженна.

— Спасибо, Дженна.

— За что?

— За сегодняшний день. Я немного переживала из-за переезда и всего остального. А с тобой оказалось легко.

На лице Дженны появилось непривычно мягкое выражение.

— Мне тоже, Софи. Думаю, мы подружимся.

Она выключила верхний свет, оставив включённой маленькую лампу у кровати.

— Спокойной ночи, Софи.

— Спокойной ночи, Дженна.

Дженна отвернулась к стене, а Софи ещё некоторое время лежала с открытыми глазами, слушая тихий шум за окном.

Ещё утром Гарвард казался ей огромным и чужим. Местом, в котором ей предстояло соответствовать ожиданиям семьи, учиться тому, что от неё требовали, и постепенно превращаться в человека, которого для неё уже придумали.

Теперь всё выглядело немного иначе.

У неё была комната. Была соседка, которая за один вечер успела рассмешить её десятки раз, поделиться своими мечтами и заставить почувствовать себя не такой одинокой.

Впереди ждал новый день, новые знакомства и целый мир, о котором Софи пока почти ничего не знала.

Ей всё ещё было страшно. Она не понимала, как сможет отстоять собственные желания и не разочаровать людей, которых любила. Не знала, хватит ли ей смелости однажды сказать вслух, чего она хочет на самом деле.

Но теперь, впервые за долгое время, к страху примешивалось любопытство.

Может быть, Гарвард станет для неё не просто местом, где она должна оправдать чужие ожидания.

Может быть, здесь у неё появится возможность узнать саму себя.

И, возможно, это будет только начало.

Глава 3

Утро началось с того, что Дженна объявила войну будильнику.

— Ещё пять минут, — пробормотала она, накрыв голову подушкой.

Софи, уже одетая и причёсанная, посмотрела на часы.

— Ты говорила то же самое десять минут назад.

— Потому что пять минут назад я была уверена, что смогу договориться с реальностью.

— И как успехи?

— Реальность оказалась ужасно упрямой.

Софи рассмеялась.

В конце концов Дженна всё-таки поднялась с кровати и принялась искать одежду, попутно комментируя погоду, университетскую администрацию и тот факт, что первокурсников вообще посмели собрать так рано.

Софи выбрала простое платье спокойного оттенка, аккуратные туфли и несколько неброских украшений. Она оставила длинные волосы свободно лежать на спине, лишь слегка поправив волны пальцами. Ей хотелось выглядеть красиво, но не привлекать к себе слишком много внимания.

Дженна, напротив, выглядела так, словно собралась не на университетское собрание, а на встречу, где собирались решать судьбу всего мира. Короткая юбка, стильный топ, золотые украшения и безупречные волосы — она явно не собиралась позволять раннему утру победить себя.

— Ну что, готова? — спросила она, подхватывая сумочку.

— К чему?

— К новым знакомствам, вечеринкам до утра и горячим парням.

— Думаю, пока остановлюсь на знакомстве.

— Осторожный подход. Мне нравится.

Дженна открыла дверь и жестом пригласила Софи выйти первой.

— Тогда вперёд, соседка. Сегодня начнётся наша легендарная история.

— Главное, чтобы она началась с завтрака.

— Ладно, уговорила. Сначала завтрак, потом покоряем университет.

На территории Гарварда было многолюдно.

Первокурсники собирались небольшими группами, знакомились, сравнивали расписания и пытались разобраться, куда им идти дальше. Кто-то выглядел невероятно воодушевлённым, кто-то старательно скрывал нервозность, а некоторые уже вели себя так, будто университет принадлежал им с рождения.

Софи держалась рядом с Дженной, с любопытством осматривая кампус. Ей нравились старинные здания, широкие дорожки и особая атмосфера места, о котором она столько слышала.

— Через неделю все будут делать вид, что прекрасно ориентируются на кампусе, — заметила Дженна, проследив за её взглядом. — А через месяц выяснится, что половина из них до сих пор путает корпус.

— А ты уже всё знаешь?

— Разумеется.

Софи повернулась к ней с улыбкой.

— Тогда я полностью полагаюсь на тебя.

Дженна уверенно шагнула вперёд, свернула за угол, прошла несколько метров и остановилась перед развилкой.

— Так. Сейчас выясним, в какой именно стороне оно находится.

Софи тихо рассмеялась.

— Хорошо, что у нас есть такой надёжный проводник.

— Я предпочитаю называть это изучением местности.

— Конечно.

— Не смейся! Через несколько дней я буду знать здесь каждый угол.

— Я в тебе не сомневаюсь.

Дженна взяла её под руку, и вскоре они нашли нужное место. Первокурсники собирались перед площадкой, где должно было пройти приветственное выступление. Представители университета рассказывали о предстоящем учебном годе, студенческих организациях и возможностях, которые открывались перед новичками.

Софи слушала внимательно. Гарвард был университетом, куда она поступила благодаря собственным усилиям, и она гордилась этим. Ей хотелось хорошо учиться, познакомиться с новыми людьми и хотя бы немного разобраться в том, чего она сама ждёт от будущего.

— Если я ещё раз услышу фразу «лучшие годы вашей жизни», то начну подозревать, что нас заманили сюда обманом, — тихо прошептала Дженна.

Софи прикрыла улыбку ладонью.

— Постарайся хотя бы дослушать до конца.

— Я стараюсь. Просто у меня очень активный внутренний критик.

— Надеюсь, он хотя бы получает хорошие оценки.

Дженна беззвучно рассмеялась.

Когда выступление наконец закончилось, толпа пришла в движение. Студенты разбились на группы, кто-то направился к информационным стойкам, кто-то принялся искать знакомых.

Дженна огляделась.

— Так. Теперь самое интересное. Нужно найти одного человека, который обязательно будет стоять с таким видом, будто его сюда привезли против воли.

— Ты описала примерно половину собравшихся.

— Но я ищу самого выразительного представителя этой породы.

Однако прежде чем Дженна успела кого-нибудь отыскать, рядом с ними раздался незнакомый мужской голос:

— Девушки, вы обе такие красивые или мне сегодня просто чертовски повезло?

Софи обернулась.

Перед ними стоял высокий молодой человек с короткими платиновыми волосами и голубыми глазами. Он был одет непринуждённо, но со вкусом, а на лице играла уверенная улыбка человека, который прекрасно знал, какое впечатление производит на окружающих.

Он выглядел безупречно. И, судя по всему, совершенно не собирался это скрывать.

— Думаю, для этого существует отдельная стойка, — невозмутимо ответила Дженна. — Рядом с той, где выдают расписания и чувство собственного достоинства.

Парень рассмеялся.

— Дженна Прескотт. Я должен был догадаться.

— А я должна была догадаться, что ты не сможешь пройти мимо, не услышав собственный голос.

— И всё же ты рада меня видеть.

— Не делай поспешных выводов, Блэквуд.

Он изобразил оскорблённое выражение лица, а затем повернулся к Софи.

— А с тобой мы, кажется, ещё не знакомы.

— Софи Новарро, — представилась она.

— Дин Уильям Блэквуд, — ответил он, протягивая руку. — Но можешь звать меня просто Дин.

Софи пожала его руку.

— Очень приятно.

— Взаимно. Хотя теперь у меня возникла серьёзная проблема.

Она с лёгким любопытством посмотрела на него.

— Надеюсь, ничего такого, с чем не справится университетская администрация.

Дженна тихо фыркнула.

Дин рассмеялся.

— Нет, боюсь, это гораздо сложнее. Я собирался провести день, знакомясь с новыми людьми, но теперь подозреваю, что планка поднялась слишком высоко.

— Дин, ты всегда знакомишься так, будто проходишь кастинг на самого обаятельного человека в комнате? — спросила Дженна.

— Только в тех комнатах, где есть достойная конкуренция.

— Поразительно. И как ты умудрился сохранить такую скромность?

— Тяжёлый труд и природный талант.

Софи улыбнулась.

— Значит, скромность в этот список не вошла?

Дин повернулся к ней, явно позабавленный.

— Боюсь, она оказалась слишком требовательной для меня.

— Ничего страшного. У тебя ещё есть время над ней поработать.

Он на секунду задержал на ней взгляд, а затем рассмеялся.

— Хорошо. Принимается.

В его глазах мелькнуло любопытство. Софи заметила его, но не смутилась и не стала отводить взгляд. Она просто улыбнулась в ответ. Ей было приятно знакомиться с новыми людьми, но она не привыкла теряться от красивых слов и уж точно не собиралась делать вид, будто обычный комплимент произвёл на неё неизгладимое впечатление.

Дин, похоже, привык к другой реакции. Обычно люди охотно поддерживали его игру, смеялись чуть громче, чем следовало, или старались привлечь его внимание. Софи же отвечала ему дружелюбно, но не пыталась понравиться любой ценой.

И это, кажется, его заинтересовало.

— Так что ты изучаешь, Софи? — спросил он.

— Право.

— Серьёзно? А я выбрал экономику. Видимо, нам придётся спорить о том, что важнее для спасения мира.

— Думаю, мир как-нибудь справится без нашего спора.

— Ты разбиваешь мои надежды на захватывающую университетскую жизнь.

Софи рассмеялась.

— Не переживай. Уверена, тебе удастся найти себе достойного соперника.

Дженна посмотрела на них с выражением человека, который уже понял, куда движется разговор.

— Дин, неужели ты решил потратить весь свой шарм на мою соседку?

— У меня достаточно шарма на всех.

— Вот это и есть твоя главная проблема.

— Я предпочитаю называть это преимуществом.

Софи покачала головой с улыбкой.

— Что ж, удачи с поисками людей... ну или, скажем так, людей женского пола, которые оценят твои преимущества.

Дин прижал руку к груди.

— И ты так легко меня бросаешь?

— Мы знакомы всего несколько минут. Думаю, ты переживёшь.

— Несколько минут, которые навсегда изменили мою жизнь.

— Тогда надеюсь, следующие принесут тебе не меньше впечатлений.

Дженна рассмеялась, а Дин покачал головой, явно наслаждаясь разговором.

— Ладно, Новарро. Сдаюсь. Пока что.

— Договорились.

Он отступил на шаг и указал на Дженну:

— Прескотт, увидимся.

— Если судьба будет ко мне благосклонна, то нет.

— Ты всегда была такой доброй.

— А ты всегда был слишком самоуверенным.

Дин рассмеялся и растворился в толпе, по пути остановившись поздороваться с ещё несколькими студентами.

Софи проводила его взглядом, после чего повернулась к Дженне.

— Вы давно знакомы?

— Мы учились в одной школе, но особо не общались. Наши семьи пересекаются на разных мероприятиях. — Дженна скрестила руки на груди. — Дин Уильям Блэквуд. Деньги, красивая улыбка и уверенность, что любой разговор становится лучше, если в нём участвует он сам.

— Должна признать, скучно с ним не было. — ответила весело Софи.

— Он действительно весёлый. Иногда даже слишком. Но я бы не советовала принимать его красивые слова за обещание вечной любви.

Софи удивлённо посмотрела на неё.

— Не волнуйся. Я не собираюсь влюбляться в человека только потому, что он умеет красиво говорить.

— Вот теперь я спокойна, — со смехом ответила Дженна. — А то мне ещё придётся следить, чтобы ты не попала в неприятности в первый же день.

— Думаю, я справлюсь.

— Верю. Но всё равно предпочитаю держать ситуацию под контролем.

Софи улыбнулась и взяла её под руку.

— Тогда, капитан Прескотт, веди нас дальше.

— С удовольствием!

Дженна огляделась и указала на другую сторону площадки.

— А вот и те, кого я искала.

У края дорожки стояли двое молодых людей.

Первый был рыжеволосым, с россыпью веснушек на лице и открытой, обаятельной улыбкой. Высокий, широкоплечий и спортивный, он выглядел так, словно привык проводить много времени на тренировках. В его внешности сочетались привлекательные черты и какая-то естественная теплота, благодаря которой ему хотелось улыбнуться в ответ.

Рядом с ним стоял другой парень — тоже высокий, спортивный и настолько красивый, что взгляд невольно задерживался на нём чуть дольше. Тёмные волосы слегка падали на лоб, чёткие черты лица подчёркивали линию скул и подбородка, а ярко-голубые глаза выделялись особенно резко. Он был широкоплечим, крепким и двигался с непринуждённой уверенностью человека, прекрасно знающего собственные возможности.

В отличие от рыжеволосого друга, он не улыбался. Его лицо оставалось спокойным, почти непроницаемым, а взгляд внимательно скользил по толпе.

Софи невольно отметила, что оба парня очень красивы, пусть и каждый по-своему. Один располагал к себе открытой улыбкой, другой притягивал внимание даже тогда, когда просто стоял молча.

Дженна заметила их и просияла.

— Адам! Маркус!

Рыжеволосый парень первым обернулся. Его лицо тут же озарилось ещё более широкой улыбкой.

— Дженна!

Она направилась к ним и без лишних церемоний обняла сначала Адама, а потом второго парня.

— Вы не представляете, как я рада видеть знакомые лица!

— Мы виделись совсем недавно, — заметил Адам.

— Неважно. За это время я успела пережить заселение, сотню чемоданов и необходимость самостоятельно принимать решения.

Маркус приподнял бровь.

— Ты самостоятельно выбрала, в какую сторону поставить кровать?

— Не начинай, Деверо.

— Я просто пытаюсь понять масштаб трагедии.

Адам негромко рассмеялся.

— Я же говорил, что она будет жаловаться.

— Я всё слышу, Миллер!

— На это я и рассчитывал.

Дженна театрально закатила глаза, но улыбку скрыть не смогла.

Затем она повернулась к Софи.

— Так, теперь официальная часть. Ребята, знакомьтесь. Это София Новарро, моя соседка. Но она разрешила звать её Софи, так что не усложняйте ей жизнь в первый же день.

Софи улыбнулась.

— Приятно познакомиться.

Адам улыбнулся и пожал ей руку. У него были удивительно добрые зелёные глаза — тёплые, словно залитая солнцем весенняя листва, в которых не было ни капли притворства. В них читались искренний интерес и какое-то спокойное, почти обезоруживающее тепло. Казалось, он умел располагать к себе одним взглядом, даже не прилагая к этому усилий.

От него приятно пахло одеколоном — лёгким, с нотками кедра, цитруса и едва уловимой свежести, будто после летнего дождя. Этот аромат ненавязчиво смешивался с запахом чистой одежды и почему-то сразу вызывал ощущение уюта.

Рядом с Адамом было легко. Он не пытался произвести впечатление и не заставлял Софи чувствовать, будто ей необходимо подбирать правильные слова. Напротив, его улыбка словно безмолвно говорила, что она может быть собой — и этого вполне достаточно.

— Рад познакомиться, Софи, — добавил он. — Надеюсь, Дженна не слишком сильно тебя замучила за один вечер.

— Мы прекрасно ладили, — заверила его Софи. — Мне кажется, нам повезло друг с другом.

На лице Дженны появилась довольная улыбка.

— Вот! Наконец-то человек, который меня понимает.

— Не торопись с выводами, — со смехом сказал Адам.

Софи улыбнулась, слушая их. Она уже успела заметить, насколько легко Дженна общалась с этими двумя и как естественно они поддразнивали друг друга. Это была дружба, в которой никому не приходилось подбирать слова из страха кого-то обидеть.

Затем Софи повернулась ко второму молодому человеку.

— Маркус Деверо, — представился он коротко.

Голос у него был низким, спокойным. Он пожал Софи руку, его ладонь оказалась шершавой, а пальцы — грубыми, с мозолями, будто он привык постоянно работать руками.

Наверное, работает где-нибудь в автомастерской, возится с машинами, — подумала Софи, пожимая его руку.

Она подняла глаза и встретила его яркий голубой взгляд без малейшей неловкости. В Маркусе чувствовалась сдержанность, отличавшая его от открытого Адама. Его взгляд был острым, почти опасным, словно за спокойным выражением лица скрывалось что-то, к чему посторонним лучше не приближаться. От него веяло чем-то незнакомым, непривычным и необъяснимо тревожным — тем, с чем Софи прежде никогда не сталкивалась.

— Приятно познакомиться, Маркус.

— Взаимно.

Он отпустил её руку и чуть отступил, возвращаясь к привычной сдержанности.

Дженна оглядела их всех с довольным видом.

— Ну вот. Теперь вы знакомы. Осталось только сделать так, чтобы вы все ладили.

— А если мы не поладим? — поинтересовался Маркус.

— Тогда я буду очень разочарована.

— Это угроза? — спросил Адам.

— Это предупреждение.

Софи рассмеялась.

— Думаю, мы справимся.

Дженна просияла, явно довольная её поддержкой.

— Вот именно! Я знала, что ты меня не подведёшь.

— А ты уже придумала, как нас всех организовать? — поинтересовался Адам.

— Разумеется. Но пока не буду раскрывать свои планы.

— Звучит тревожно, — заметил Маркус.

— Прекрасно. Значит, интрига работает.

Софи улыбнулась. Ей нравилось видеть Дженну такой — рядом с людьми, которых она любила и которым доверяла. В её шутках и поддразниваниях чувствовалась настоящая привязанность.

— Кстати, — сказала Дженна, — раз уж мы все здесь, давайте обсудим самое важное.

— Еду? — предположил Адам.

— Хоккей, — ответила она.

Адам улыбнулся и посмотрел на Софи.

— А Дженна тебе сказала, что мы играем в хоккей?

— Да, сказала, — ответила Софи. — Но, если честно, я ничего в нём не понимаю.

Адам слегка удивился.

— Совсем ничего?

— Боюсь, что так.

Маркус усмехнулся.

— Ничего страшного, — сказал Адам. — Посмотришь пару матчей, и всё станет понятно.

— Вот! А я тебе всё объясню! — тут же заявила Дженна.

— Если вы оба будете меня учить, боюсь, я запутаюсь ещё сильнее, — рассмеялась Софи.

— Ничего, я объясню правила, — пообещал Адам. — А Дженна будет подбадривать тебя.

— В смысле подбадривать?! — возмутилась Дженна. — Я вообще-то в хоккее разбираюсь не хуже тебя!

— Конечно. Особенно когда кричишь на судью через телевизор, — невозмутимо заметил Маркус.

— Потому что он слепой!

— Дженна, он тебя не слышит.

— А я всё равно надеюсь, что ему икается!

Софи прыснула со смеху, а Адам только покачал головой.

— Вот видишь? — сказал он Софи. — Правила объяснить проще, чем её поведение.

— Вы двое просто невыносимы! — Дженна демонстративно отвернулась к Софи. — Не обращай на них внимания. Я научу тебя всему, что нужно знать о хоккее.

— Теперь мне точно интересно, — улыбнулась Софи. — Хотя бы ради того, чтобы понять, из-за чего вы так спорите.

— Отлично! На ближайшем матче проверим, чему ты научилась.

— Только без экзаменов, — предупредил Адам.

— Ладно. Всего пять вопросов после первого периода.

— Дженна!

— Что? Я ещё даже не начала!

— А ты, Софи, чем любишь заниматься в свободное время? — спросил Адам.

Вопрос был простым, но ответить на него оказалось сложнее, чем хотелось бы.

Музыка. Песни. Мелодии, которые она придумывала, когда оставалась одна. Стихи, записанные в тёмно-синюю тетрадь.

Софи не стыдилась своих увлечений и не считала их чем-то постыдным. Просто она привыкла хранить эту часть своей жизни при себе. Не каждому нужно сразу рассказывать о мечтах, которыми ты дорожишь больше всего.

— Мне нравятся книги и танцы. Раньше я занималась балетом и немного гимнастикой, — ответила она.

— Правда? — Адам заинтересованно посмотрел на неё. — Это здорово.

— Я бы хотела увидеть, как ты танцуешь, — сказала Дженна. — Надеюсь, однажды ты мне покажешь.

— С удовольствием, — улыбнулась Софи.

— А ты могла бы и меня научить паре движений. Я давно хотела попробовать что-нибудь новое.

— Конечно. Будем заниматься вместе.

Дженна просияла.

— Договорились!

Адам улыбнулся, наблюдая за ними.

— Кажется, у вас уже появились планы на ближайшие выходные.

— И это только начало, — ответила Дженна.

Маркус стоял рядом с ними со скучающим видом, засунув руки в карманы спортивных штанов. Он рассеянно оглядывал территорию университета, изредка бросая на Адама, Дженну и Софи короткие взгляды, всем своим видом показывая, что предпочёл бы оказаться где угодно, только не здесь.

— Так, — объявила Дженна, взглянув на часы. — Что у нас дальше по расписанию?

Адам достал сложенную карту кампуса.

— Нам нужно подойти к информационной стойке, а потом нас распределят по группам для знакомства с университетом.

— Прекрасно. Надеюсь, на этот раз мы не заблудимся, — весело проговорила Софи, поправляя лямку сумки на плече.

— Я постараюсь, — заверила Дженна.

Они двинулись вместе с остальными студентами, постепенно вливаясь в шумную толпу первокурсников.

Софи оглянулась на кампус, на людей, которые ещё вчера были для неё незнакомцами и теперь понемногу становились частью её новой жизни.

День только начался, а она уже познакомилась с тремя совершенно разными людьми.

Дин заставил её улыбнуться своей самоуверенностью. Адам расположил к себе своей открытостью и доброжелательностью. Маркус показался человеком, которого стоило узнать получше, хотя Софи пока не торопилась делать о нём выводы.

А рядом была Дженна — шумная, уверенная, живая, готовая спорить с целым миром, если тот попытается встать у неё на пути.

Софи шла рядом с ней с прямой спиной и лёгкой улыбкой. Она не знала, что принесут следующие дни, и не собиралась загадывать слишком далеко. Её семья могла строить планы на её будущее, но этот день принадлежал ей.

Глава 4

К тому моменту, когда небольшая экскурсия по кампусу закончилась, Софи успела запомнить несколько корпусов, два названия студенческих организаций и множество подробностей о жизни Гарварда.

Дженна, казалось, запомнила гораздо меньше, зато успела составить собственное мнение почти обо всём, что они увидели.

— Знаешь, чего здесь действительно не хватает? — спросила она, когда они отошли от последней информационной стойки.

— Чего?

— Хорошего кофе. Желательно такого, где кофе не напоминает воду, которой промывали кофемашину.

Софи рассмеялась.

— Ты ведь ещё не успела попробовать кофе в университетских кафе.

— Именно. Я предпочитаю заранее готовиться к разочарованию.

Адам, шедший рядом, покачал головой с улыбкой.

— Есть хорошее место неподалёку.

— Вот за это я тебя и терплю, Миллер, — довольно заявила Дженна, хлопнув Адама по плечу. — Знаешь, иногда от тебя всё-таки бывает польза.

— Как трогательно, — усмехнулся Адам. — Дружба длиною в жизнь, а ты до сих пор не научилась выражать благодарность.

— Не преувеличивай. Мы дружим с тобой только потому, что кто-то должен следить, чтобы ты не зазнавался.

— Тогда у тебя работа на всю жизнь.

— Боюсь, мне за это даже не платят.

Адам рассмеялся, а Дженна закатила глаза, хотя на губах у неё играла улыбка.

Софи с улыбкой посмотрела на ребят. Адам и Дженна постоянно поддразнивали друг друга, а Маркус чаще наблюдал со стороны, изредка вставляя короткие замечания, после которых Дженна начинала возмущаться ещё громче.

Софи нравилось быть рядом с ними. Она пока мало знала об их дружбе, но в ней чувствовалось что-то настоящее — то, что появляется не за один день, а складывается из общих воспоминаний, привычек и множества пережитых вместе событий.

— Ты голодная? — спросил Адам, повернувшись к Софи.

— Уже довольно сильно, если честно, — ответила Дженна быстрее Софи.

— Прескотт, ты вообще когда-нибудь бываешь не голодной? — лениво поинтересовался Маркус.

— А ты вообще когда-нибудь бываешь не недовольным? — тут же парировала Дженна.

— Бывает. Когда вокруг тихо.

— Тогда тебе точно не повезло с компанией.

Адам покачал головой, сдерживая улыбку.

— Иногда мне кажется, что вы двое специально соревнуетесь, кто быстрее испортит мне день.

— Не льсти себе, — отозвался Маркус. — Твой день прекрасно справляется с этим самостоятельно.

Дженна звонко рассмеялась, а Адам посмотрел на друга с притворным возмущением.

— Знаешь, Деверо, иногда я искренне не понимаю, почему мы до сих пор дружим.

— Потому что без меня тебе было бы скучно, Миллер.

— Вот именно. Скучно и спокойно. Представляешь, какое ужасное сочетание?

Софи рассмеялась, переводя взгляд с одного на другого. Их перепалка была такой непринуждённой, будто они повторяли один и тот же разговор уже сотни раз.

— Пойдёмте. — сказал Адам

Они направились к кафе неподалёку от кампуса.

По дороге Дженна рассказывала Софи о местах, которые хотела посетить в течение учебного года, и о том, что непременно нужно найти хороший ресторан для их первой совместной вылазки за пределы университета.

Адам слушал её вполуха, время от времени вставляя замечания. Маркус шёл рядом, иногда перебрасываясь с ними короткими репликами.

Софи чувствовала себя всё свободнее. Ещё вчера она не знала, понравится ли ей соседка. Сегодня они уже успели подружиться, познакомиться с её друзьями и найти множество тем для разговоров.

Когда они подошли к кафе, у входа послышался знакомый голос:

— Ну надо же. А я уже решил, что вы сбежали с университетского собрания.

Дин стоял возле двери, держа в одной руке стакан кофе. Увидев компанию, он широко улыбнулся.

— Блэквуд, — сухо произнёс Адам.

— Миллер, — отозвался Дин, сохраняя улыбку.

Маркус ограничился коротким кивком.

— Деверо.

— Блэквуд.

Их приветствия были вежливыми, но лишёнными даже намёка на дружелюбие. Софи заметила это и на мгновение перевела взгляд с одного парня на другого. Между ними явно существовало какое-то напряжение, но она пока не понимала, откуда оно взялось.

Дин, впрочем, быстро переключил внимание на неё.

— Софи Новарро. Как приятно встретить тебя снова так скоро.

— Здравствуй, Дин, — улыбнулась она.

— Надеюсь, ты ещё не успела забыть наше знакомство.

— Пока нет. Хотя день ещё не закончился.

Дин рассмеялся.

— Значит, у меня есть время закрепить впечатление.

Софи улыбнулась, приняв его слова за очередную шутку. Дин производил впечатление человека, который привык флиртовать легко и непринуждённо, не задумываясь, насколько серьёзно его воспринимают.

Адам, стоявший рядом, едва заметно нахмурился.

Ему не понравилось, с какой уверенностью Дин флиртовал с девушкой, с которой они познакомились всего несколько часов назад. Особенно раздражало то, что Блэквуд словно намеренно продолжал этот спектакль, не обращая внимания на окружающих.

— Вы собираетесь внутрь? — спросил Дин, снова обращаясь к Софи. — Могу порекомендовать столик у окна. Оттуда открывается прекрасный вид. И, если повезёт, я даже составлю тебе компанию.

— Спасибо, но я пришла не одна, — мягко ответила Софи, кивнув на Дженну и остальных.

— Я заметил. Но это ведь не мешает нам познакомиться поближе.

Адам посмотрел на Дина, и его голос прозвучал заметно холоднее:

— Мы как раз собирались пообедать. Софи, пойдём? Пока здесь не заняли все столики.

Он не стал дожидаться ответа Дина, но повернулся к Софи с той же спокойной вежливостью, с которой говорил с ней прежде.

— Конечно, — согласилась она.

— Жаль, — произнёс Дин, улыбнувшись ей. — Надеюсь, ещё увидимся, Софи.

— Уверена, ещё увидимся. Хорошего дня, Дин.

Компания направилась внутрь.

Адам шёл рядом с Софи, стараясь не показывать раздражения. Он понимал, что Дин просто ведёт себя как обычно, но его привычный флирт почему-то задевал сильнее, чем следовало.

Маркус, заметив выражение лица друга, негромко произнёс:

— Ты слишком явно демонстрируешь своё недовольство.

— Я не обязан радоваться всему, что делает Блэквуд, — спокойно ответил Адам.

— Разумеется.

Маркус не стал продолжать, но в его взгляде мелькнуло понимание.

Внутри оказалось уютно, хотя свободных столиков было немного. После утренней ориентации сюда стекалось множество студентов, и почти за каждым столом кто-то оживлённо разговаривал.

Адам нашёл свободное место у окна, рассчитанное на шесть человек. Дженна сразу заняла стул рядом с Софи, а Дин, который всё-таки последовал за ними внутрь, устроился напротив. Маркус сел рядом с Адамом.

— Ну что, — сказал Дин, оглядывая компанию, — предлагаю тост.

— У нас даже нет еды, — заметил Адам.

— Неважно. За новый учебный год, горячие знакомства и такую движуху, чтобы к октябрю у нас болели головы, к ноябрю — задницы, а к декабрю мы уже не помнили, с кем именно провели ночь.

— У тебя, я смотрю, планы на семестр уже расписаны по месяцам, — заметила Софи.

— А ты думала, я сюда учиться приехал? — ухмыльнулся Дин. — Диплом — это приятный бонус. Главное — получить жизненный опыт, который в резюме не укажешь.

Маркус покосился на него с усмешкой.

— Ты только что пожаловался на университет, в котором провёл меньше одного дня.

— И уже столько пережил! — Дин приложил руку к груди. — Боюсь представить, что со мной сделает сессия. Придётся искать утешение в объятиях прекрасных девушек.

— Или в учебниках, — подсказал Маркус.

— Не порть мне вечер. Я стараюсь быть оптимистом.

Когда они сделали заказ, разговор постепенно перешёл к учёбе.

— Ты уже выбрала, на какие студенческие мероприятия собираешься ходить? — спросил Адам у Софи.

— Пока нет. Хочу сначала разобраться с расписанием, а потом решить, сколько свободного времени у меня останется.

— Разумно, — согласился он. — В первые недели всё кажется интересным, а потом понимаешь, что невозможно успеть абсолютно везде.

— Ты говоришь так, будто уже прошёл через это, — улыбнулась Софи.

— У меня есть опыт выслушивания Дженны, когда она решает одновременно записаться в десять разных мест.

— Я не записываюсь в десять мест, — возмутилась Дженна. — Я просто рассматриваю возможности.

— В прошлом году ты хотела заниматься сразу четырьмя вещами, — напомнил Адам.

— И могла бы, если бы люди вокруг перестали сомневаться в моих способностях.

Софи улыбнулась.

— А чем ты сама хочешь заниматься в этом году?

Дженна задумалась, впервые за весь разговор отложив телефон.

— Я бы хотела попробовать себя в чём-то настоящем. Например, поработать над бизнес-проектом, придумать стратегию продвижения какого-нибудь бренда или разобраться,

почему одни компании становятся успешными, а другие прогорают. Мне ещё интересны инвестиции — хочется научиться понимать, куда стоит вкладывать деньги, а не просто зубрить теорию на парах. Может, найду стажировку или попаду в студенческую команду, которая занимается реальными проектами. Не хочу ждать выпуска, чтобы начать делать что-то полезное.

— Думаю, у тебя получится, — сказала Софи.

Дженна посмотрела на неё с благодарной улыбкой.

— А ты, Маркус? — спросила Дженна. — Уже составил план покорения мира?

— У меня более скромная цель. Пережить первый семестр.

— Скучно, — заключила Дженна.

— Зато реалистично.

— А если серьёзно? — спросила Софи.

Маркус поднял на неё взгляд.

— Хочу хорошо учиться и играть в хоккей. Остальное неважно.

— Значит, никаких грандиозных планов?

— Они есть. Но я не собираюсь каждому встречному о них рассказывать, — сухо ответил Маркус.

Софи на мгновение замолчала, не ожидая такой резкости.

— Ясно, — спокойно произнесла она и больше не стала развивать тему.

Маркус вернулся к разговору с Адамом, словно этот разговор никогда и не касался его лично.

Еда и напитки появились на столе, и разговор стал ещё оживлённее.

Дженна рассказывала о школьных приключениях, Адам время от времени поправлял детали, а Дин с явным удовольствием вставлял комментарии, даже если его никто не просил.

Постепенно разговор коснулся хоккея. Адам и Маркус обсуждали предстоящие тренировки, сравнивали расписания и вспоминали какие-то моменты прошлых матчей. Дженна с удовольствием включалась в разговор, иногда перебивая их, чтобы вставить собственное мнение.

Софи слушала с любопытством, стараясь не потерять нить разговора.

— Кстати, — сказал Дин, отставляя стакан, — раз уж заговорили о хоккее, скоро вам придётся терпеть меня ещё и на тренировках.

Адам и Маркус одновременно закатили глаза.

— Только этого нам не хватало, — пробормотал Маркус.

— Не переживай, Деверо. Постараюсь не затмевать тебя на тренировках, — усмехнулся Дин.

— Для начала тебе нужно пройти отбор, — спокойно заметил Адам.

— Как и тебе, Миллер, — тут же отозвался Дин.

— Мальчики, не начинайте, — вмешалась Дженна. — Мы ещё даже кофе не допили.

Софи улыбнулась, переводя взгляд с одного на другого.

— Значит, вы все играете в хоккей?

— Да, — ответил Дин. — И я собираюсь попасть в университетскую команду.

— Как и Адам, — добавила Дженна. — А вот Маркусу повезло: его место уже практически гарантировано.

— Дженна, — предупредил Маркус, заметив, что подруга собирается продолжить.

Но она лишь отмахнулась.

— Что «Дженна»? Я вообще-то говорю правду! Софи, ты даже не представляешь, насколько он талантливый игрок. Маркус невероятно одарённый, причём не только в хоккее. Он ещё и умный, сообразительный, может разобраться практически в чём угодно. Иногда это ужасно бесит.

— Особенно когда ты пытаешься со мной спорить? — невозмутимо уточнил Маркус.

— Именно! Потому что ты всегда находишь, что ответить.

Адам усмехнулся.

— Тут она права.

— Спасибо за поддержку, Миллер, — сухо отозвался Маркус.

— Всегда пожалуйста.

Дженна снова повернулась к Софи:

— И самое главное, он получил финансовую поддержку для учёбы в Гарварде. Он действительно многого добился сам, и я им горжусь. Просто он никогда не станет рассказывать об этом первым. Маркус вообще не из тех, кто любит хвастаться.

— Дженна, ты закончила? — грубо бросил Маркус, отпивая кофе.

— Почти.

— Какое облегчение.

Софи улыбнулась, посмотрев на него. Маркус лишь слегка покачал головой, будто давно смирился с тем, что Дженна при желании может рассказать о нём всему миру.

— А вы двое пока ещё должны пройти отбор? — спросила Софи, обращаясь к Адаму и Дину.

— Да, — ответил Адам. — Нам ещё предстоит показать себя тренерам.

— Но я не сомневаюсь, что справлюсь, — уверенно добавил Дин.

— Он ещё даже не вышел на лёд, а уже празднует победу, — усмехнулся Маркус.

— Можешь присоединиться, Деверо.

— Обойдусь, Блэквуд.

Дженна рассмеялась, а Адам покачал головой.

— Что ж, желаю вам удачи на отборе, — сказала Софи Адаму и Дину. — Теперь мне ещё интереснее увидеть вас на льду.

— Тогда обязательно приходи на матч, — тут же подхватил Дин. — Обещаю, будет на что посмотреть.

— Он такое обещает каждой, у кого юбка короче колена, — заметила Дженна. — Хотя нет, вру. До обещаний дело обычно не доходит, Дин предпочитает сразу переходить к горизонтальному положению.

— Прескотт, не завидуй только потому, что тебе приходится добиваться мужского внимания разговорами, — самодовольно протянул Дин.

— Дин, милый, если бы я хотела провести с тобой ночь, мне хватило бы одного сообщения. Но, к счастью для меня, у меня есть стандарты.

— И всё-таки ты так много обо мне думаешь. Тронут.

— Не льсти себе. Я просто пытаюсь понять, как при таком количестве секса ты умудрился остаться настолько невыносимым.

— Природный талант, — невозмутимо ответил Дин. — Не всем дано.

— Да, некоторым хотя бы чувство собственного достоинства досталось.

Маркус закатил глаза, а Софи рассмеялась. Даже Адам не смог сдержать улыбку, глядя, как Дженна и Дин продолжают обмениваться колкостями.

Когда они закончили обедать, Дин посмотрел на часы и изобразил неподдельный ужас.

— Неужели уже столько времени? Я ведь собирался сегодня успеть ещё несколько важных дел.

— Например? — спросила Дженна.

— Подумать о будущем.

— И как успехи?

— Пока решил, что оно слишком неопределённое. Поэтому займусь чем-нибудь более приятным.

— Уже присмотрел себе кого-нибудь на вечер? — лениво поинтересовался Маркус.

Дин усмехнулся.

— А ты будто сам собираешься провести вечер за учебниками.

— Я хотя бы не рассказываю о своих планах каждому встречному.

— Нет, ты просто предпочитаешь, чтобы девушки сами рассказывали о них своим подругам.

Адам поперхнулся кофе, а Дженна рассмеялась.

— Господи, вы оба неисправимы.

Маркус лишь усмехнулся, ничуть не смутившись.

— Завидуй молча, Блэквуд.

— Чему именно? Твоей скромности?

— Тому, что мне не приходится так стараться, чтобы произвести впечатление.

Дин покачал головой с улыбкой.

— Самоуверенность тебе когда-нибудь выйдет боком, Деверо.

— Возможно. Но сегодня вечером это вряд ли случится, — усмехнулся Дин, поднимаясь со своего места и поправляя куртку.

Софи улыбнулась.

— Надеюсь, хоть в учёбе ты проявишь такую же настойчивость.

— Ради такого совета я готов задержаться ещё на пять минут.

— Не стоит. Вдруг кто-нибудь решит, что ты действительно собираешься учиться.

Адам рассмеялся, а Дин указал на Софи пальцем.

— Вот теперь я точно запомню тебя, Новарро.

— Буду польщена.

Он попрощался с компанией и ушёл, оставив после себя привычное ощущение, будто даже обычное прощание он умудрился превратить в небольшое представление.

Дженна покачала головой.

— Он никогда не меняется.

— Вы действительно мало общались в школе? — спросила Софи.

— Да. Мы знали друг друга, но у каждого была своя компания. В Гарварде, возможно, всё будет иначе.

— Он кажется забавным.

— Он и правда забавный. Просто иногда я не понимаю, когда он шутит, а когда говорит всерьёз.

— Может, в этом и заключается его секрет, — улыбнулась Софи.

— Возможно.

Они вышли из кафе и остановились на дорожке перед зданием.

День постепенно клонился к вечеру. Студенты расходились по общежитиям, направлялись на встречи студенческих клубов или продолжали исследовать кампус.

— Что ж, — сказала Дженна, поправляя сумочку на плече. — Думаю, для первого дня мы неплохо справились.

— Мне тоже так кажется, — ответила Софи.

Адам улыбнулся.

— Тогда увидимся завтра?

— Конечно, — сказала Дженна. — И не забывай, что теперь мы официально обязаны проводить время вместе.

— Я не помню, чтобы подписывал такой договор.

— Ты был свидетелем его создания. Этого достаточно.

Софи рассмеялась.

— До завтра, Адам. До завтра, Маркус.

— До завтра, Софи, — отозвался Адам.

Маркус кивнул.

Дженна обняла обоих на прощание, после чего они с Софи направились к общежитию.

— Ну как тебе? — спросила Дженна, когда они немного отошли.

Софи задумалась.

— Мне понравилось. С Адамом легко разговаривать. А Маркус... Я пока не поняла его. Он какой-то закрытый, и мне сложно представить, какой он на самом деле.

— Это на него похоже, — ответила Дженна. — Он не сразу подпускает людей к себе. Но если уж начинает кому-то доверять, то это всерьёз.

— Значит, мне придётся познакомиться с ним получше.

— Вот именно. Только не пытайся разгадать его за один день. С Маркусом так не получится.

Софи улыбнулась.

— Хорошо, учту.

Дженна взяла её под руку, и девушки продолжили путь к общежитию, обсуждая планы на следующий день.

Глава 5

Первая неделя в Гарварде пролетела быстрее, чем Софи ожидала. Постепенно она привыкала к расписанию, запоминала дорогу между корпусами и уже не чувствовала себя потерянной среди бесконечных коридоров и незнакомых лиц.

Дженна помогала ей освоиться, знакомила с людьми и постоянно шутила, что выжить в Гарварде можно только с хорошим чувством юмора и крепкими нервами. Девушки всё больше сближались, и Софи уже чувствовала себя в их комнате как дома.

Адам часто присоединялся к ним после занятий. С ним было легко разговаривать, и Софи постепенно привыкала к его присутствию. Маркус появлялся гораздо реже. Учёба, хоккей и какие-то собственные дела занимали почти всё его время.

Впрочем, иногда они всё же пересекались на лекциях. Некоторые предметы у Софи, Адама и Маркуса совпадали, поэтому они нередко оказывались в одной аудитории.

В один из таких дней Софи заметила Адама и Маркуса в аудитории. Маркус сидел с ноутбуком, просматривая записи, а Адам устроился рядом с ним. Софи села по другую сторону от Адама.

Пара закончилась, и студенты начали собирать вещи. Маркус закрыл ноутбук и поднялся со своего места.

— Он всегда такой занятой? — тихо спросила Софи, взглянув на него.

Адам повернулся к ней.

— В последнее время — да. Хоккей, учёба, вечная беготня. Иногда кажется, что он вообще не умеет отдыхать.

— И не устаёт?

— Устаёт, конечно. Просто привык всё успевать.

Маркус закинул рюкзак на плечо и посмотрел на Адама.

— Ты сразу на тренировку?

— Чуть позже. Мне ещё кое-что нужно сделать.

— Ладно, тогда увидимся там. Я сначала заеду в дом братства, переоденусь.

— Давай, — ответил Адам.

Маркус кивнул Софи на прощание и направился к выходу. Она улыбнулась, но ничего не сказала. Маркус не казался ей грубым. Скорее, он просто жил в собственном ритме и не собирался менять его ради окружающих.

В пятницу после занятий Софи заметила объявление о наборе в университетскую группу поддержки чирлидеров. Она остановилась перед стендом и внимательно прочитала условия.

Ей давно хотелось попробовать что-то новое. Учёбы было много, но ей не хватало занятия, которое помогало бы отвлечься от привычных забот.

— Только не говори, что ты уже нашла себе ещё одно занятие, — раздался за спиной голос Дженны.

Софи обернулась.

— А если нашла?

Дженна прочитала объявление и удивлённо подняла брови.

— Чирлидинг? Вот это поворот.

— Я никогда раньше таким не занималась, — призналась Софи, немного помедлив. — Но мне очень хочется попробовать.

— С такой фигурой и грацией тебе самое место в группе поддержки, — воодушевлённо сказала Дженна. — А уж с твоим голосом ты точно не останешься незамеченной. Я буду рядом и поддержу тебя, обещаю!

Софи мило улыбнулась и предложила:

— А почему бы тебе тоже не попробовать пройти отбор? Было бы здорово заниматься этим вместе.

Дженна тут же покачала головой.

— Нет уж, спасибо. Я предпочитаю любоваться этим со стороны.

— Даже не хочешь попробовать? — с улыбкой уточнила Софи.

— Софи, дорогая, я прекрасно знаю свои таланты. Моя сильная сторона — громче всех кричать на хоккейных матчах, поддерживать подруг и помогать им выбирать туфли. Вот где я действительно незаменима!

Софи рассмеялась.

— Знаешь, звучит вполне убедительно.

— Ещё бы! У каждой великой команды должен быть человек, который следит за тем, чтобы её участницы не выходили в свет в ужасной обуви. Я готова принять эту ответственность.

Софи записала время отборочного занятия и решила, что обязательно придёт.

На следующий день спортивный зал был заполнен студентами. Кто-то разогревался у зеркал, кто-то повторял движения, а несколько человек нервно переговаривались у входа.

Софи переделась, убрала волосы и присоединилась к остальным.

Сначала участникам предложили выполнить разминку, упражнения на растяжку и несколько прыжков. Затем началась танцевальная комбинация, за которой последовали упражнения на координацию и синхронность.

Софи чувствовала себя увереннее, чем ожидала. Годы балета помогали ей сохранять равновесие, контролировать движения и быстро запоминать связки. Она старалась не сравнивать себя с другими и просто делала всё, на что была способна.

Во время короткого перерыва рядом с ней остановился парень с тёмными волосами и дружелюбной улыбкой.

— Ты хорошо двигаешься, — заметил он. — Раньше занималась?

— Я несколько лет занималась балетом, — улыбнулась Софи. — А чирлидинг для меня совсем непривычен. Гимнастикой я тоже пробовала заниматься, но недолго.

— Тогда понятно, откуда у тебя такая грация, — заметил он. — А я, наоборот, перепробовал почти всё: хип-хоп, джаз-фанк, контемпорари, хаус, немного брейкинга и джаз-модерн. Ещё участвовал в постановках, где смешивали разные стили.

— Ничего себе! — удивлённо улыбнулась Софи. — Ты, похоже, действительно много времени посвящаешь танцам.

— Просто люблю их. Это моя жизнь, — легко ответил он. — Кстати, я Дэвид.

— Софи, — представилась она.

Они обменялись контактами, договорившись написать друг другу, когда появятся результаты отбора.

Вскоре занятие продолжилось. Софи сосредоточилась на упражнениях, стараясь не отвлекаться, хотя усталость постепенно давала о себе знать.

Когда всё закончилось, она вышла из зала с приятным чувством выполненного дела. Как бы ни сложился отбор, она была рада, что решилась прийти.

В общежитии Дженна уже ждала её с любопытством, которое даже не пыталась скрывать.

— Ну? Как прошло? И главное — там были симпатичные парни?

Софи рассмеялась, снимая куртку.

— Занятие прошло хорошо. А насчёт парней... Я познакомилась с Дэвидом.

— Дэвид, значит, — протянула Дженна. — И какой он?

— Обычный приятный парень. Он много лет занимается танцами.

— А симпатичный?

— Дженна!

— Что? Я просто собираю информацию.

Софи покачала головой, улыбаясь.

— Мы обменялись контактами, чтобы узнать результаты отбора. Вот и всё.

— Ладно, пока поверю тебе.

Дженна устроилась на кровати и взяла телефон.

— Но если тебя возьмут, мы это отметим. А если не возьмут, тоже отметим. В любом случае повод найдётся.

— У тебя удивительный талант находить повод для праздника.

— Это один из моих главных талантов! — энергично заявила Дженна.

Глава 6

В следующие несколько дней Софи продолжала привыкать к университетской жизни. Однажды вечером, пока соседка принимала душ, Софи устроилась на кровати с телефоном. На экране появилось сообщение от Кристофера— её родного брата.

Крис: *Ну что, как ты там? Уже покорила Гарвард?*

Софи: *Пока просто привыкаю к новой жизни. Но мне нравится.*

Крис: *Звучит подозрительно. Чем ещё занимаешься?*

Софи: *Попробовала пройти отбор в группу поддержки чирлидеров.*

Ответ пришёл почти сразу.

Крис: *Чирлидинг? Вот этого я от тебя не ожидал.*

Софи: *Почему?*

Крис: *Просто пытаюсь представить тебя в форме чирлидерши. Не уверен, что готов к такому зрелищу, но фото жду!*

Софи рассмеялась и быстро напечатала ответ.

Софи: *Очень смешно. Я ещё могу передумать и не присылать тебе фотографии.*

Крис: *Не посмеешь. Я твой брат, мне положено знать, чем ты занимаешься.*

Софи: *Ага, конечно. Просто признавайся, что тебе скучно без меня.*

Крис: *Просто проверяю, не забыла ли ты о существовании семьи после поступления в Гарвард.*

Софи: *Как будто я могу о вас забыть.*

Крис: *Вот и хорошо, малыш. Люблю тебя, даже если ты теперь слишком занята, чтобы вспоминать о своём любимом брате.*

Софи невольно улыбнулась, глядя на экран. Крис всегда называл её малышом — ещё с детства, когда она едва поспевала за старшим братом и постоянно просила взять её с собой.

Софи: *И я тебя люблю. Обязательно позвоню тебе на выходных.*

Крис: *Договорились.*

Она отложила телефон, чувствуя себя немного спокойнее. Иногда ей не хватало возможности просто поговорить с родным человеком, который знал её задолго до Гарварда и всех новых знакомств.

Когда Дженна вернулась, Софи уже убирала телефон на тумбочку.

— Переписывалась с кем-то? — спросила соседка.

— С братом. Он интересовался, как у меня дела.

— И как? Одобрил твой выбор стать чирлидершей?

— Пока не решил, смеяться ему или гордиться мной.

Дженна рассмеялась.

— Братья созданы для того, чтобы издеваться над нами. Но, если понадобится, они же первыми будут нас защищать.

— В этом ты, пожалуй, права.

Софи улыбнулась и переключилась на домашнее задание.

На следующий день Софи решила зайти в университетское кафе. Там было шумно: студенты занимали столики, обсуждали задания и торопливо допивали кофе перед следующими занятиями.

Она взяла свой напиток и села у окна. За соседним столиком разговаривали три девушки. Софи не обращала на них внимания, пока не услышала знакомое имя.

— Я тебе говорю, Клара Уитмор сегодня плакала в туалете.

— Серьёзно? А что случилось?

— Кажется, дело в Маркусе.

Софи невольно замерла с чашкой в руках. Она не собиралась подслушивать, но девушки говорили достаточно громко.

— В каком ещё Маркусе?

— В том, который играет в хоккей. Высокий такой, тёмноволосый.

— А, знаю. Я видела, как они разговаривали пару дней назад.

— Вот именно. А сегодня Клара вышла из туалета с красными глазами.

— Подожди, они что, встречаются?

— Не знаю. Они ведь всего неделю в кампусе. Может, только недавно познакомились.

— Но почему тогда она из-за него плакала?

— Может, он ей нравится, а он не ответил взаимностью. Или они просто поссорились. Мы же не знаем, что между ними произошло.

— Или она вообще плакала не из-за него, а кто-то всё придумал, — заметила третья девушка.

На несколько секунд за столиком воцарилась тишина, после чего разговор переключился на другую тему.

Софи опустила взгляд на кофе. Она не знала ни Клару, ни подробностей её отношений с Маркусом. Да и отношения ли это вообще? Несколько случайно услышанных фраз не могли ничего объяснить.

Она допила напиток и вышла из кафе, не придавая разговору особого значения. Любопытство осталось, но вмешиваться в чужую жизнь она не собиралась.

На следующей лекции Маркус сидел рядом с Адамом, как обычно сосредоточенный на ноутбуке. Они перекинулись парой фраз, Маркус что-то записал в тетрадь, а после занятия быстро ушёл.

Позже в тот же день Софи встретилась с Адамом возле библиотеки. Он предложил взять кофе и немного прогуляться по кампусу, пока у них оставалось свободное время.

— Как прошла неделя? — спросил он, когда они вышли на дорожку, ведущую к центральному двору.

— Лучше, чем я ожидала. Кажется, я наконец перестала чувствовать себя туристкой.

— Это хороший знак. Слышал, ты нашла себе занятие помимо учёбы.

— Ты про чирлидинг?

— Дженна рассказала, что ты пошла на отбор. Как всё прошло?

— Мне понравилось. Я давно хотела попробовать что-то новое. Теперь осталось дожидаться результатов.

— Уверен, у тебя всё получится.

— Ты говоришь так, будто результат уже известен.

— Я просто верю в тебя.

Софи улыбнулась. В словах Адама не было ничего нарочитого, и именно поэтому они казались ей приятными.

Они продолжили прогулку, обсуждая занятия и предстоящие задания. В какой-то момент разговор снова перешёл на хоккей.

— Кстати, у нас есть новости, — сказал Адам. — Мы с Маркусом прошли отбор и попали в команду. Дина тоже взяла.

Софи удивлённо посмотрела на него.

— Правда? Поздравляю! Вы, наверное, очень рады.

— Ещё бы. Теперь тренировок станет больше.

— А на празднование время найдётся? — с улыбкой спросила Софи.

Адам усмехнулся и покачал головой.

— Нет, у нас сейчас совсем нет времени на праздники. Нужно сосредоточиться на тренировках.

— Даже после такой новости?

— Ты же знаешь Маркуса. Он считает, что радоваться можно будет только после победы.

— Похоже на него, — улыбнулась Софи.

— Именно.

Они улыбнулись друг другу и на некоторое время замолчали. Ветер шевелил листья деревьев, а по дорожкам спешили студенты с рюкзаками и книгами.

— Софи, — наконец произнёс Адам, остановившись.

Она повернулась к нему.

— Да?

Он словно собирался с мыслями, хотя обычно говорил уверенно и без долгих пауз.

— Я хотел спросить тебя кое о чём. Может, сходим куда-нибудь вместе? Не просто выпить кофе между занятиями, а нормально провести вечер. Вдвоём.

Софи на секунду растерялась. Она не ожидала такого предложения, хотя после их последних встреч уже замечала, что Адам старается проводить с ней больше времени.

— Ты приглашаешь меня на свидание? — уточнила она с лёгкой улыбкой.

— Да, — ответил он. — Именно на свидание.

Софи посмотрела на него. Ей нравилось общаться с Адамом. Рядом с ним она чувствовала себя спокойно, могла смеяться и не подбирать каждое слово. Но назвать свои чувства чем-то большим она пока не могла.

И всё же ей хотелось узнать его лучше.

— Хорошо, — ответила она. — Давай сходим.

Улыбка Адама стала заметнее.

— Отлично. Тогда я напишу тебе и мы решим, куда пойдём.

— Договорились.

Они продолжили прогулку, разговаривая о других вещах, будто ничего особенного не произошло. Но для Софи этот разговор всё же что-то изменил. Теперь она знала, что Адам видит в ней не просто подругу.

А вот что она сама чувствует к нему, ей ещё предстояло понять.

Вечером Софи рассказала Дженне о приглашении, едва та вернулась в комнату.

— Подожди. Адам пригласил тебя на свидание? — Дженна уселась на кровати, широко раскрыв глаза. — И ты согласилась?

— Да.

— И когда ты собиралась сообщить мне эту потрясающую новость?

— Я узнала об этом всего несколько часов назад!

— Ладно, принимается. — Дженна прищурилась и внимательно посмотрела на подругу.

— И что ты чувствуешь?

Софи задумалась.

— Не знаю. Мне нравится с ним общаться. Он добрый, внимательный, с ним легко. Но я пока не понимаю, есть ли у меня к нему что-то ещё.

Дженна на мгновение перестала улыбаться и посмотрела на неё серьёзнее.

— Адам действительно хороший парень. Я знаю его почти всю жизнь и могу сказать, что он не стал бы приглашать тебя на свидание просто так, от скуки. Если он решил сделать этот шаг, значит, ты ему правда нравишься.

Софи смущённо отвела взгляд.

— Думаешь?

— Софи, я его лучшая подруга с детства. Я замечаю такие вещи. — Дженна усмехнулась. — И, честно говоря, давно догадывалась, что ты ему нравишься. Он смотрит на тебя совсем не так, как на остальных девушек.

— Я ничего такого не замечала.

— Конечно. Ты вообще иногда удивительно невнимательна к подобным вещам, — поддразнила её Дженна. — Но я не хочу, чтобы ты чувствовала себя обязанной ответить ему взаимностью только потому, что он хороший парень.

— Я и не собираюсь, — тихо ответила Софи. — Просто хочу понять, что чувствую сама.

— И правильно. Не торопись с выводами. Свидание — это не обещание провести вместе всю жизнь. Просто сходи с ним, поговори, посмотри, как ты себя почувствуешь.

Софи улыбнулась.

— Ты удивительно разумна для человека, который пять минут назад требовал отчёт о моей личной жизни.

— Я многогранная личность, — гордо заявила Дженна. — И вообще, я хочу, чтобы вы оба были счастливы. Даже если для этого мне придётся терпеть ваши романтические прогулки и слушать подробности.

Софи рассмеялась и обняла её за плечи.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста. Но подробностей всё-таки жду.

— Я так и знала.

Глава 7

Утро понедельника началось с сообщения, которого Софи ждала все выходные.

Она открыла письмо, пробежала глазами список и замерла, увидев своё имя.

— Дженна! — позвала она. — Меня взяли!

Дженна, всё ещё лежавшая под одеялом, тут же приподнялась на локтях.

— Куда?!

— В группу поддержки!

Дженна уставилась на неё, а потом расплылась в улыбке.

— Софи! Ты теперь официально чирлидерша! Если кто-то спросит, чем занимается моя соседка, я смогу ответить: «Поднимает настроение команде. Иногда — буквально».

— А ты, я смотрю, уже готова выступать за меня с группой поддержки.

— Милая, я и без помпонов умею привлекать внимание. Но если понадобится, могу и тебя подбросить. Правда, ловить не обещаю.

Дженна вскочила с кровати и крепко обняла Софи.

В тот же день Софи отправилась на первую встречу команды. В спортивном зале собрались девушки и несколько парней. Кто-то уже знакомился с новыми участниками, другие обсуждали предстоящие тренировки.

— Софи!

Она обернулась и увидела Дэвида. Он шёл к ней, улыбаясь.

— Тебя тоже взяли? — обрадовалась Софи.

— Ага. Теперь тебе придётся видеть меня на каждой тренировке.

— Как-нибудь переживу.

— Вот так и рушатся дружеские отношения, даже не успев начаться.

— Дэвид, мы знакомы всего несколько дней.

— Тем более! А я уже надеялся, что произвёл хорошее впечатление.

— Не спеши, у тебя ещё будет время всё испортить.

— Отлично. Значит, на тренировке постараюсь тебя впечатлить.

— Посмотрим, что у тебя получится.

— Мне нравится твой оптимизм, — усмехнулся он.

Софи рассмеялась. С Дэвидом было легко общаться: он умел шутить и не старался любой ценой перетянуть на себя внимание.

В этот момент к ним подошла высокая брюнетка с уверенной осанкой и внимательным взглядом.

— Вижу, вы уже познакомились. Я Белла, капитан команды.

— Софи, — представилась девушка.

— Дэвид, — добавил он.

— Рада видеть вас обоих в команде. — Белла улыбнулась и окинула взглядом собравшихся. — Здесь у нас и девушки, и парни. Каждый отвечает за свою часть работы, но выступаем мы как единая команда. Поэтому учитесь доверять друг другу и не забывайте: на тренировках я гораздо строже, чем сейчас.

— Звучит обнадеживающе, — пробормотал Дэвид.

Белла услышала его и усмехнулась.

— Можешь проверить на себе.

— Я уже передумал задавать вопросы, — тихо сказал он Софи.

— Трус.

— Осторожный человек. Это разные вещи.

Софи едва сдержала смех.

Белла объяснила новичкам расписание тренировок, рассказала о предстоящих выступлениях и познакомила их с несколькими участниками команды. Софи старалась запомнить имена, но их оказалось так много, что вскоре она перестала быть уверенной, кто есть кто.

Особенно ей запомнилась девушка по имени Мэдисон, которая сразу предложила показать ей, где участники обычно оставляют вещи перед тренировками.

— Не переживай, в первые дни все путаются, — успокоила её Мэдисон. — Через неделю будешь здесь ориентироваться лучше, чем в собственной комнате.

Когда Белла объявила о начале разминки, разговоры постепенно стихли. Софи встала в общий ряд рядом с Дэвидом.

Тренировка оказалась интенсивнее, чем Софи предполагала. Участники повторяли движения, отрабатывали синхронность и учились работать в небольших группах. Ей помогали годы балета, хотя некоторые элементы всё равно требовали усилий.

Дэвид тоже чувствовал себя уверенно. Он быстро запоминал комбинации и иногда помогал другим участникам разобраться с движениями.

Во время короткого перерыва он подошёл к Софи с бутылкой воды.

— Ну как первое впечатление?

— Мне нравится. Хотя, кажется, завтра у меня будут болеть все мышцы.

— Это нормально. Если после первой тренировки ты можешь без труда подняться по лестнице, значит, Белла тебя пожалела.

— Не думаю, что она способна на такое.

— Вот и я о том же.

Они рассмеялись.

Когда встреча закончилась, Белла напомнила всем о следующей тренировке и пожелала новичкам хорошо провести вечер.

— И не забывайте растягиваться дома! — добавила она.

— Она точно хочет нас уничтожить, — тихо произнёс Дэвид.

Софи рассмеялась. Ей нравилось, что в новой команде уже были знакомые лица.

По дороге в общежитие Софи достала телефон и увидела пропущенный звонок от мамы. Она перезвонила почти сразу.

— Доченька! Как дела? — раздался знакомый голос.

— Всё хорошо, мам. У меня даже новость есть.

— Надеюсь, хорошая?

— Меня взяли в университетскую группу поддержки чирлидеров!

На другом конце провода повисла короткая пауза.

— В группу поддержки? — переспросила мама.

— Да. Мы сегодня познакомились с командой.

— Софи, я рада, что ты нашла себе занятие. Правда. Но ты ведь приехала в Гарвард изучать право, помнишь?

Улыбка Софи немного померкла.

— Конечно, помню.

— Вот и хорошо. Не позволяй дополнительным занятиям отвлекать тебя от учёбы. И, пожалуйста, не расстраивай деда. Ты знаешь, как серьёзно он относится к твоему образованию.

Софи тяжело вздохнула.

— Мам, я не собираюсь бросать учёбу. Я просто хочу, чтобы в моей жизни было что-то ещё.

— Я понимаю, милая. Но дед очень многого от тебя ждёт. Он помог тебе получить возможность учиться в Гарварде, и ему важно знать, что ты относишься к этому серьёзно.

— Я отношусь серьёзно.

— Тогда просто не забывай о главном. Ты приехала сюда ради своего будущего.

Софи замолчала на несколько секунд.

Она любила дедушку и ценила всё, что он для неё сделал. Но иногда ей казалось, что её будущее уже расписали за неё, оставив слишком мало места для собственных желаний.

— Я знаю, мам, — наконец ответила она.

Они ещё немного поговорили, прежде чем попрощаться.

Софи убрала телефон в карман и продолжила путь к общежитию. Ей не хотелось ссориться с мамой. Она понимала её тревогу, но не считала, что занятия чирлидингом мешают ей изучать право.

На следующий день после занятий Софи направилась в кафе неподалёку от библиотеки. У входа она неожиданно столкнулась с Дино.

— Новарро! — приветствовал он её с привычной улыбкой. — Куда так спешишь?

— За кофе. А ты?

— Пытаюсь пережить очередной день учёбы. Пока безуспешно.

Софи рассмеялась.

— Бедный Дино.

Улыбка Дина на мгновение застыла.

— Кто?

— Дино, — невинно повторила она. — Тебе не нравится?

— Совершенно не нравится.

— Зато теперь у тебя есть прозвище.

— У меня уже есть имя. Дин.

— Знаю, Дино.

Он посмотрел на неё так, будто всерьёз задумался, не стоит ли немедленно уйти.

— Ты специально меня раздражаешь?

— Немножко.

— А с виду такая милая.

— Не стоит судить по внешности.

Дин рассмеялся, покачивая головой.

— Ладно, Новарро. Это было неплохо.

Они зашли в кафе и взяли кофе. Разговор неожиданно оказался лёгким. Дин рассказал пару забавных историй об учёбе и тренировках, а Софи поделилась первыми впечатлениями от команды поддержки.

— Значит, теперь ты чирлидерша? — спросил он.

— Именно.

— Надеюсь, на тренировках ты не такая вредная, как сейчас.

— А я надеюсь, что на льду ты лучше, чем в разговорах.

— Вот это уже личное оскорбление.

— Переживёшь, Дино.

— Ещё раз так назовёшь — выставлю тебе счёт за моральный ущерб.

Софи рассмеялась, едва не расплескав кофе.

— И как ты собираешься его оплачивать?

— Для начала заставлю тебя обращаться ко мне по имени.

— То есть никак.

Дин покачал головой, но улыбку скрыть не смог.

Они проговорили дольше, чем планировали. Дин оказался не только самоуверенным парнем, который любил флиртовать, но и вполне приятным собеседником. Софи было легко с ним шутить, не опасаясь, что каждое слово примут слишком серьёзно.

Когда они вышли из кафе, Дин посмотрел на неё с притворной строгостью.

— Только никому не рассказывай, что мы мило поболтали.

— Почему? Боишься испортить репутацию?

— Именно.

— Не переживай, Дини. Твоя тайна в безопасности.

— Ты невыносима, Новарро.

— А ты слишком легко раздражаешься.

Софи помахала ему на прощание и направилась к общежитию, всё ещё улыбаясь.

Кажется, в Гарварде у неё появился ещё один знакомый, с которым скучно точно не будет.

И, судя по реакции Дина, прозвище «Дини» она собиралась использовать при каждом удобном случае.

Глава 8

Вечер пятницы наступила быстрее, чем Софи ожидала.

Это было её первое свидание с Адамом — и первое свидание в жизни.

Нельзя было сказать, что Софи не интересовалась парнями или что сама не привлекала их внимания. Она была красивой, приветливой девушкой, и некоторые молодые люди пытались за ней ухаживать. Но до серьёзных отношений дело так и не доходило.

Причина была в её дедушке, Альберто Наварро. Он всегда тщательно следил за тем, кто приближался к внучке, и не спешил одобрять её поклонников. Альберто хотел, чтобы рядом с Софи оказался достойный кандидат — человек из подходящей семьи, с хорошим образованием и перспективным будущим. Ему казалось, что таким образом он защищает её и заботится о её судьбе.

Однако Софи никогда не мечтала о том, чтобы её будущего спутника выбирали за неё. Ей хотелось самой влюбиться, самой разобраться в своих чувствах и однажды выбрать человека не по фамилии, состоянию или положению в обществе, а по тому, как она чувствует себя рядом с ним.

Дженна уехала к родителям ещё днём. Перед отъездом она несколько раз напомнила Софи, что после выходных ждёт подробный отчёт, и пригрозила, что, если подруга попытается отделаться парой фраз, она лично расспросит их обоих.

Теперь комната казалась непривычно тихой.

Софи стояла перед зеркалом и поправляла платье. За окном была осень: деревья постепенно теряли листья, а прохладный ветер заставлял прохожих плотнее укутываться в пальто.

Для первого свидания с Адамом она выбрала короткое платье благородного кремового оттенка с длинными рукавами и аккуратным вырезом. Оно подчёркивало её тонкую талию и стройные ноги, оставаясь при этом элегантным и сдержанным. Образ дополняли кожаные ботинки, небольшая сумочка и тонкие золотые украшения. Сверху Софи накинула классическое пальто, идеально подходившее к прохладной осенней погоде.

Она любила стиль *old money* — неброскую роскошь, качественные ткани и вещи, которые не выходили из моды. В отличие от Дженны, предпочитавшей более смелые образы и мини-юбки, Софи выбирала одежду, в которой чувствовала себя женственной и уверенной. Ей не требовалось открывать слишком много, чтобы привлечь внимание.

В её облике было что-то аристократичное: статная осанка, плавные движения и естественное достоинство. Она выглядела как настоящая представительница семьи Наварро, и даже самые простые наряды на ней казались изысканными. Девушки на кампусе нередко украдкой разглядывали её образы, а некоторые откровенно восхищались её умением сочетать вещи.

Софи распустила волосы, позволив им свободно лечь на плечи, и нанесла лёгкий макияж, лишь подчёркивающий её естественную красоту. Закончив, она ещё раз посмотрела на себя в зеркало и улыбнулась.

Ей хотелось выглядеть красиво. И, если честно, немного волновало, понравится ли она Адаму.

Адам уже ждал у входа в общежитие.

Увидев её, Адам на мгновение замолчал. Его зелёные глаза — мягкого оттенка молодой листвы, согретой весенним солнцем, — с нежностью остановились на её лице. В них мелькнуло искреннее восхищение, а на губах появилась тёплая улыбка, от которой у глаз обозначились едва заметные морщинки.

— Ты прекрасна, Софи, — тихо произнёс он.

— Спасибо. Ты тоже хорошо выглядишь.

Адам усмехнулся, не сводя с неё взгляда.

— Значит, мы оба постарались.

— Похоже на то, — улыбнулась Софи.

Ресторан оказался небольшим и уютным. За окнами мерцали огни улицы, а внутри играла негромкая музыка. Адам заранее забронировал столик, поэтому им не пришлось ждать.

Софи спокойно устроилась на своём месте и посмотрела меню. Когда принесли блюда, она уверенно воспользовалась столовыми приборами, продолжая разговор так естественно, словно они ужинали вместе уже не первый раз.

Адам рассказывал о последней тренировке и о том, как команда готовится к предстоящему сезону.

— Кажется, хоккей занимает большую часть твоей жизни, — заметила Софи.

— Сейчас — довольно большую. Но я не собираюсь становиться профессиональным хоккеистом.

Она удивлённо посмотрела на него.

— Правда? Я думала, раз ты играешь за университетскую команду, то, возможно, хочешь продолжить карьеру после выпуска.

Адам покачал головой.

— Нет. Мне нравится хоккей, я люблю играть, но для меня это скорее увлечение. Я не вижу себя в профессиональном спорте. У меня другие планы.

— Какие?

— Я буду адвокатом. После университета собираюсь работать в юридической фирме моих родителей.

Софи внимательно посмотрела на него.

— Значит, ты уже знаешь, чем хочешь заниматься?

— В общих чертах — да. Я с детства видел, чем занимаются родители, и постепенно сам заинтересовался юриспруденцией. Мне нравится разбираться в сложных вопросах, искать аргументы и находить решения. Думаю, эта работа мне подойдёт.

— А родители не настаивали на том, чтобы ты выбрал именно эту профессию?

Адам на мгновение задумался.

— Они, конечно, надеются, что я присоединюсь к фирме. Но я не хочу идти туда только потому, что она принадлежит им. Если я собираюсь заниматься этим всю жизнь, то должен сам понимать, почему делаю такой выбор.

Софи задумчиво опустила взгляд на чашку.

— Звучит разумно.

— А ты? — спросил он. — Ты действительно хочешь стать юристом?

Вопрос застал её врасплох.

— Я хочу хорошо учиться и получить образование. Но иногда мне кажется, что моя семья уже решила за меня, какой должна быть моя жизнь.

— А ты сама чего хочешь, Софи?

Она помолчала, не сразу находя ответ.

— Я пока пытаюсь разобраться.

Адам кивнул, не требуя объяснений.

— Это нормально. Необязательно знать ответы на все вопросы уже сейчас.

Софи посмотрела на него с благодарной улыбкой. Ей нравилось, что он мог говорить о будущем уверенно, но при этом не пытался убедить её, будто у каждого человека должен быть готовый план на всю жизнь.

— А что ты собираешься делать с хоккеем после выпуска? — спросила она.

— Если получится, буду играть для себя. Необязательно превращать любимое занятие в работу, чтобы оно имело значение.

— Никогда не думала об этом с такой стороны.

— Иногда полезно оставить себе что-то просто потому, что тебе это нравится.

Почему-то эти слова запомнились ей сильнее, чем она ожидала.

После ужина они решили немного прогуляться.

Осенний воздух оказался прохладнее, чем Софи ожидала. Она плотнее запахнула пальто, а Адам шёл рядом. Кампус постепенно затихал. Под ногами шуршали опавшие листья, а фонари освещали дорожки мягким золотистым светом.

Некоторое время они шли молча, и Софи было удивительно комфортно в этой тишине.

— Можно спросить тебя кое о чём? — наконец произнёс Адам.

— Конечно.

— Что ты любишь делать, когда никто не ждёт от тебя хороших оценок, не напоминает о тренировках и не говорит, какой тебе следует быть?

Софи повернула к нему голову. Вопрос застал её врасплох.

Она привыкла рассказывать об учёбе, повседневных делах и планах на будущее. Но о том, что действительно занимало её мысли, говорила редко.

— Я люблю музыку, — призналась она.

— Слушать?

— Не только. Иногда записываю мелодии, которые приходят мне в голову. Бывает, что просыпаюсь среди ночи и пытаюсь сохранить какую-нибудь идею, пока не забыла её. А ещё я пишу тексты песен. Иногда слова приходят первыми, иногда сначала появляется мелодия.

Адам посмотрел на неё с искренним интересом.

— Ты раньше ничего об этом не рассказывала. — Он немного помолчал, а затем мягко улыбнулся. — Я с удовольствием послушаю. Или почитаю твои тексты. Конечно, только если ты сама этого захочешь.

Софи удивлённо взглянула на него.

— Правда?

— Конечно. Мне было бы интересно узнать, что ты создаёшь. — Он слегка пожал плечами. — Но я не хочу, чтобы ты чувствовала себя обязанной показывать мне то, к чему пока не готова.

Софи опустила взгляд на свои руки, чувствуя, как внутри разливается приятное тепло.

— Я почти никому об этом не рассказываю.

— Почему?

Она не собиралась говорить об этом сегодня, но рядом с Адамом ей почему-то хотелось быть честной.

— Моя семья не одобряет это увлечение. Они считают, что мне нужно сосредоточиться на юриспруденции. Для них это серьёзный путь, а музыка... скорее что-то, на что не стоит тратить слишком много времени.

— А ты сама так считаешь?

Она покачала головой.

— Нет. Музыка для меня гораздо больше, чем просто способ провести свободный вечер. Иногда я слышу мелодию и не могу успокоиться, пока не запишу её. Когда сочиняю, мне кажется, что я наконец могу выразить то, о чём не умею говорить вслух.

Адам слушал, не перебивая.

— Тогда почему ты не расскажешь им, насколько это важно для тебя?

Софи слабо улыбнулась, но в её глазах не было веселья.

— Потому что не хочу их расстраивать. Они многое для меня сделали. У них есть представление о том, какой должна быть моя жизнь, и я знаю, что они хотят для меня хорошего.

Она помолчала, подбирая слова.

— Иногда мне кажется, что если я буду достаточно хорошей дочерью, буду учиться, оправдывать их ожидания и не создавать проблем, то всё остальное как-нибудь уладится. А музыка останется при мне. Только моей.

Адам некоторое время молчал, обдумывая её слова.

— Софи, ты можешь любить свою семью и быть благодарной ей за всё, что она для тебя сделала. Но это не значит, что ты обязана отказаться от того, что делает тебя счастливой.

Она посмотрела на него.

— Звучит просто, когда говоришь ты.

— Я не думаю, что это просто. И не собираюсь говорить тебе, что нужно завтра же всё изменить. Просто не хочу, чтобы ты однажды обнаружила, что всю жизнь старалась не разочаровать других и забыла спросить себя, чего хочешь сама.

Софи почувствовала, как что-то внутри неё болезненно отозвалось на эти слова. Наверное, потому, что она и сама иногда думала об этом, но никогда не позволяла себе задерживаться на такой мысли надолго.

— Я боюсь их подвести, — тихо призналась она.

— Понимаю.

Адам не стал убеждать её в обратном и не предложил готового решения. Он просто взял её за руку и слегка сжал пальцы.

И почему-то именно это помогло Софи почувствовать себя немного спокойнее.

— Спасибо, что выслушал меня.

— Тебе не нужно благодарить меня за то, что я тебя слушаю.

Она улыбнулась.

— Всё равно спасибо.

— А когда-нибудь ты позволишь мне услышать одну из своих мелодий?

Софи задумалась.

— Может быть. Когда буду готова.

— Хорошо. Я подожду.

Он сказал это без настойчивости, и Софи была рада, что он не стал расспрашивать дальше.

Они продолжили прогулку, держась за руки.

Через некоторое время они остановились в небольшом тихом сквере неподалёку от общест-
жития.

Ветер шевелил ветви деревьев, и несколько листьев медленно опустились на дорожку рядом с ними. Софи подняла голову, посмотрела на Адама и улыбнулась.

Адам смотрел на неё внимательно, не торопя и не пытаясь угадать, что она сделает дальше.

— Я рад, что ты согласилась пойти со мной, — сказал он.

— Я тоже рада.

Он немного помедлил.

— Софи, можно я тебя поцелую?

Она улыбнулась и чуть приблизилась к нему.

— Можно.

Адам осторожно коснулся её губ своими.

Сначала поцелуй был лёгким, почти робким. Софи почувствовала мягкость его губ и едва уловимый сладковатый вкус десерта, который они разделили после ужина. От него пахло прохладным осенним воздухом и знакомым парфюмом.

Она невольно улыбнулась прямо во время поцелуя.

Адам на мгновение отстранился.

— Что такое?

— Ничего.

Он улыбнулся в ответ и снова поцеловал её.

На этот раз София не чувствовала прежнего волнения. Она обняла его за плечи, а Адам бережно положил руку ей на талию, притягивая немного ближе.

Поцелуй стал продолжительнее. Ей нравилось, как бережно он целовал её, как ненадолго отстранялся, чтобы встретиться с ней взглядом, и как улыбался, замечая её смущение.

Она провела пальцами по его плечу и сама потянулась к нему. Адам ответил на поцелуй, чуть наклонив голову, и Софи почувствовала приятное волнение, от которого сердце забилося быстрее.

Вокруг было прохладно, но она почти не замечала этого. Всё её внимание было сосредоточено на нём: на тепле его ладони у её талии, на мягком прикосновении губ и на той удивительной близости, которая возникла между ними.

Когда они наконец отстранились, Адам не убрал руку с её талии, но оставил ей достаточно пространства, чтобы она сама решила, хочет ли остаться рядом.

Софи посмотрела на него и улыбнулась.

— Всё хорошо? — тихо спросил он.

— Да, — ответила она. — Очень хорошо.

Адам провёл большим пальцем по её щеке.

— Хорошо. Я просто хотел убедиться.

Софи почувствовала, как её сердце наполнилось нежностью. Ей нравилось, что он думал не только о собственных желаниях, но и о том, как она себя чувствует.

Она снова поцеловала его — на этот раз легко и быстро, словно хотела оставить себе маленькое воспоминание об этом вечере.

Они постояли ещё немного, держась за руки, а затем направились обратно.

У общежития Адам остановился.

— Спасибо за вечер, Софи.

— Тебе спасибо. Мне действительно понравилось.

— Тогда, может быть, повторим?

София сделала вид, что задумалась.

— Посмотрим.

— Это звучит не слишком обнадеживающе.

— Зато оставляет тебе надежду.

Адам рассмеялся.

— Спокойной ночи, Софи.

— Спокойной ночи, Адам.

Она уже собиралась войти внутрь, но обернулась и поцеловала его в щёку. Адам явно не ожидал такого прощания, и его улыбка стала ещё шире.

Софи скрылась за дверью, стараясь не улыбаться слишком заметно.

Получалось плохо.

Вернувшись в комнату, она сняла ботинки, повесила пальто и переоделась в удобную домашнюю одежду. Затем устроилась на кровати и достала блокнот и раскрыла его на чистой странице.

Обычно ей хватало нескольких минут, чтобы поймать случайную мысль и превратить её в строчку песни. Но сегодня вдохновение словно куда-то исчезло. Софи крутила ручку в пальцах, смотрела на пустую страницу и пыталась подобрать слова, однако ни одна строчка не казалась подходящей. Стихи не складывались, мелодии не приходили в голову. Она вздохнула и откинулась на подушки.

Глава 9

В субботу вечером общежитие напоминало место подготовки к важнейшему событию года.

По крайней мере, если верить Дженне.

Она уже полчаса занимала единственное зеркало в комнате, раскладывая на кровати косметику, украшения и несколько вариантов одежды. Софи тем временем сидела на своей кровати и наблюдала за происходящим с лёгким недоумением.

В Гарварде устраивали вечеринку по случаю посвящения первокурсников. Её организовывали в доме студенческого братства, где жили Адам, Дин и Маркус. О вечеринке говорили всю неделю, и Дженна с самого утра заявила, что пропустить такое мероприятие они не имеют права.

— Всё, я придумала, — торжественно объявила она и подняла с кровати короткую чёрную юбку. — Вот это ты наденешь.

Софи посмотрела на юбку, затем на подругу.

— Нет.

— Ты даже не примерила!

— Мне не нужно её примерять, чтобы понять, что я не хочу её надевать.

— Софи, это вечеринка, а не заседание юридического клуба.

— Я в курсе.

— Тогда почему ты собираешься одеться так, будто идёшь сдавать экзамен?

Софи рассмеялась.

— Потому что я хочу надеть брюки.

— Брюки? — Дженна прижала руку к груди, изображая потрясение. — Ты разбиваешь мне сердце.

— Переживёшь.

— А если я скажу, что эта юбка сделает твои ноги ещё красивее?

— Я всё равно надену брюки.

Дженна несколько секунд смотрела на неё, а потом сдалась.

В итоге Софи выбрала белые брюки, которые элегантно подчёркивали её фигуру, и чёрный топ, красиво облежавший грудь и открывавший линию ключиц. Наряд выгодно подчёркивал её женственность, но при этом оставался сдержанным и изысканным. Софи умела выглядеть эффектно, не прибегая к слишком откровенным вещам.

Высокие каблуки добавляли образу изящества, а распущенные волосы мягко обрамляли лицо. Она подчеркнула глаза макияжем и дополнила наряд серьгами из белого золота с бриллиантами — подарком отца, который был ей особенно дорог. Софи ещё раз взглянула на себя в зеркало и осталась довольна результатом: просто, элегантно и именно в её стиле.

Дженна остановилась перед ней и внимательно осмотрела с ног до головы.

Сама она выбрала короткое облегающее платье тёмно-вишнёвого цвета с открытыми плечами и высокие сапоги. Длинные волосы она уложила свободными волнами, а губы подчеркнула помадой в тон платью.

При этом Дженна совсем не выглядела вульгарно. Напротив, в ней было что-то от модели, только что сошедшей с обложки *Vogue*. Платье подчёркивало её фигуру, открытые плечи придавали образу женственности, а сапоги добавляли немного дерзости. Всё выглядело продуманно и гармонично, словно она без усилий умела превращать даже смелый наряд в настоящий модный образ.

Дженна держалась уверенно, с привычной улыбкой и блеском в глазах. Она явно знала, как выглядит, и, судя по её настроению, заранее решила, что этот вечер будет принадлежать ей.

— Ладно, — наконец признала она. — Ты выглядишь потрясающе.

— Спасибо. Ты тоже.

— Я знаю.

Софи закатила глаза, и подруги рассмеялись.

— Пойдём, пока я не передумала и не заставила тебя надеть юбку.

— Только попробуй.

Музыку было слышно ещё с улицы. Из открытых окон лился свет, а у входа толпились студенты.

Внутри было жарко и шумно. В гостиной несколько девушек в коротких топах и мини-юбках танцевали прямо на столе, размахивая руками в такт музыке, пока вокруг них собиралась толпа.

На кухне теснились компании с пластиковыми стаканчиками, повсюду стояли бутылки с алкоголем, а в коридоре то и дело раздавался чей-нибудь громкий смех.

Воздух был тяжёлым от смешавшихся запахов алкоголя, сигаретного дыма и чужих духов. От духоты хотелось немедленно открыть окно, но, казалось, никто, кроме Софи, этого даже не замечал.

Она невольно нахмурилась и огляделась. Люди вокруг веселились, танцевали, кричали и поднимали стаканы, словно другого места для отдыха в мире не существовало. Кто-то уже едва держался на ногах, чуть дальше, в полутёмном углу гостиной, двое прижались друг к другу и, казалось, собирались перейти к чему-то большему, не заботясь о том, что вокруг полно людей.

— Ну что, готова веселиться? — спросила Дженна, наклоняясь к ней, чтобы перекричать музыку.

— Я пытаюсь понять, как здесь вообще можно разговаривать.

— Никак. Поэтому нужно танцевать!

Дженна схватила её за руку, но прежде, чем они успели добраться до гостиной, рядом появился Маркус.

На нём были тёмные джинсы и чёрная футболка. Он выглядел так, словно шумная вечеринка совершенно его не утомляла, хотя по выражению лица нельзя было понять, действительно ли ему здесь нравилось.

— Не ожидал увидеть вас здесь так рано, — произнёс он.

— А мы не ожидали, что ты будешь встречать гостей, — ответила Дженна.

— Я не встречаю гостей. Просто стою здесь.

— Какая важная работа.

Маркус покачал головой и кивнул в сторону парня, стоявшего неподалёку.

— Кстати, познакомьтесь. Это Лиам.

Парень обернулся на своё имя. Он был высоким, темнокожим, с короткими тёмными волосами и открытой улыбкой.

— Дженна, — представилась она, протягивая руку и одаривая его кокетливой улыбкой.

— Лиам. Рад познакомиться, — ответил он, с интересом взглянув на неё.

Он пожал ей руку, но отпустить её сразу не спешил.

— А это Софи, — добавила Дженна. — Моя соседка по комнате и человек, который сегодня отказался надеть мини-юбку, потому что у неё есть принципы.

— Дженна! — возмутилась Софи.

Лиам рассмеялся.

— И какие же это принципы?

— Не слушай её, — сказала Софи. — Она просто пыталась командовать моим гардеробом.

— И потерпела поражение, — добавила Дженна, игриво надув губки.

— Похоже, с тобой непросто спорить, — заметил Лиам.

— Ты даже не представляешь насколько.

— Тогда мне придётся выяснить это самому.

Дженна улыбнулась ему чуть медленнее, чем обычно.

Софи заметила это сразу.

Маркус тоже, судя по едва заметной ухмылке.

— Ну что, — произнёс он, — оставляю вас знакомиться. Только не потеряйтесь.

— Мы не дети, — отозвалась Дженна.

— Именно поэтому я и не собираюсь вас искать.

Маркус ушёл, а Лиам предложил девушкам принести напитки.

Дженна согласилась с такой скоростью, что Софи едва удержалась от улыбки.

Вскоре стало ясно, что Лиам заинтересовался именно Дженной. Он постоянно обращался к ней, задавал вопросы, смеялся над её шутками и явно находил повод задержаться рядом.

Дженна, которая обычно могла разговорить кого угодно, на этот раз тоже не собиралась уступать инициативу.

Вскоре Лиам предложил Дженне потанцевать, протянув ей руку с улыбкой.

— Потанцуешь со мной?

— А ты уверен, что выдержишь? — кокетливо спросила она.

— Придётся рискнуть.

Дженна рассмеялась, но всё же вложила свою ладонь в его руку. Перед тем как уйти, она обернулась к Софи.

— Ты справишься без меня?

— Конечно. Иди.

— Если что, звони. Хотя нет, просто найди кого-нибудь красивого.

— Дженна!

— Всё, молчу! — рассмеялась она и позволила Лиаму увести себя на танцпол.

Вскоре они растворились среди танцующих, и следующие несколько часов почти не расставались. Лиам то кружил Дженну в танце, то наклонялся к её уху, чтобы что-то сказать сквозь громкую музыку, а она каждый раз заливалась смехом и смотрела на него с нескрываемым интересом.

Софи некоторое время танцевала вместе с ними, но вскоре решила передохнуть. Пройдя через гостиную, она вышла в небольшую открытую зону за домом, где было заметно прохладнее и тише.

Несколько человек стояли у стены, разговаривая. Среди них она заметила Маркуса.

Он держал в руке сигарету и беседовал с какой-то девушкой. Та стояла слишком близко, периодически касаясь его руки, но Маркус выглядел совершенно невозмутимым.

Софи остановилась рядом.

— Разве спортсмены курят? — спросила она, когда Маркус повернул голову и заметил её.

Он посмотрел на сигарету, потом на Софи.

— София, ты собираешься проверять каждого человека на этой вечеринке на соответствие правилам здорового образа жизни?

В его голосе звучала привычная язвительность.

— Я просто спросила.

— А я просто ответил. Хотя, если ты решила составить список вредных привычек всех студентов Гарварда, боюсь, одной ночи тебе не хватит.

Софи скрестила руки на груди.

— Не переживай, тебя я уже записала первым.

— Какая честь.

Он затаился, не отводя от неё своих голубых глаз. Взгляд у него был настолько пронзительным, что Софи на мгновение забыла, что собиралась ответить.

Затем Маркус чуть склонил голову и ухмыльнулся.

— Что-то ещё, София?

— Нет.

— Вот и прекрасно.

В этот момент к нему подошла девушка в коротком платье. Она что-то шепнула ему на ухо, положив ладонь ему на грудь.

Маркус повернулся к ней, и выражение его лица изменилось. Он улыбнулся девушке — уже совсем иначе, без насмешки и холодной отстранённости, которые Софи привыкла видеть.

— Ты куда пропал? — спросила девушка.

— Был занят.

— Теперь свободен?

— Для тебя — возможно.

Она рассмеялась и потянула его за ворот футболки, целуя.

Софи невольно отвернулась, но всё равно успела заметить, как Маркус обнял девушку за талию и ответил на поцелуй. В этом не было ни робости, ни нерешительности. Он целовал её уверенно, увлечённо, одной рукой придерживая за поясницу, словно вокруг не существовало никого другого.

Софи вдруг почувствовала себя лишней.

Она ведь просто задала вопрос. Не ожидала, что разговор закончится настолько демонстративно.

Маркус отстранился от девушки, улыбнулся ей и что-то тихо сказал. Та снова поцеловала его, на этот раз сама притягивая ближе.

Через минуту появилась ещё одна девушка. Она обменялась с первой несколькими словами, посмотрела на Маркуса и улыбнулась.

— Идём наверх? — спросила она.

Маркус бросил сигарету в пепельницу.

— Почему бы и нет?

Он даже не посмотрел на Софи, проходя мимо неё вместе с девушками. Вскоре все трое скрылись за дверью, ведущей на верхний этаж.

Софи осталась стоять на месте.

Она не понимала, почему это её задело. Маркус не был её другом, не говоря уже о ком-то большем. Он мог целоваться с кем угодно и уходить с кем угодно.

И всё же его ухмылка и обращение «София», произнесённое с таким очевидным подтекстом, неприятно засели в памяти.

— Прекрасно, — пробормотала она себе под нос. — Просто прекрасно.

— Ты разговариваешь сама с собой или мне тоже можно присоединиться?

Софи обернулась.

Перед ней стоял Дин с двумя стаканами в руках и привычной самодовольной улыбкой.

— Зависит от того, насколько интересным будет разговор.

— Тогда мне придётся постараться.

Он протянул ей стакан и прислонился к стене рядом.

— Как тебе вечеринка?

— Шумно. Людно. И, кажется, я уже увидела больше, чем планировала.

Дин проследил за её взглядом в сторону двери, за которой исчез Маркус, и понимающе усмехнулся.

— А, ясно.

— Что тебе ясно?

— Ничего. Я просто умею читать выражения лиц.

— Тогда прочитай что-нибудь полезное.

— Например?

— Где здесь можно спокойно посидеть.

— Могу предложить лестницу. Там обычно никто не задерживается.

— Очень гостеприимно.

— Я стараюсь.

— Слушай, Софи, у тебя случайно нет презервативов?

Она уставилась на него.

— Что?!

Дин рассмеялся.

— Не смотри на меня так. Я просто проверяю, насколько ты готова к университетской жизни.

— Дини, ты совершенно невозможен.

— Знаю. Но ты всё равно со мной разговариваешь.

Он подмигнул ей, поставил пустой стакан на ближайший столик и направился обратно в дом.

— Увидимся, Софи!

— Иди уже!

Дин рассмеялся и скрылся в толпе.

Софи покачала головой, улыбаясь. После разговора с Маркусом эта короткая встреча оказалась именно тем, что ей было нужно.

— Вот ты где!

Софи обернулась и увидела Адама.

Он подошёл к ней, улыбаясь, и остановился рядом.

— Я искал тебя.

— Зачем?

— Хотел потанцевать с самой красивой девушкой на этой вечеринке.

Софи приподняла бровь.

— И ты всех остальных уже проверил?

— Мне хватило одного взгляда.

Она рассмеялась, а Адам протянул ей руку.

— Потанцуешь со мной, Софи?

— С удовольствием.

Он увёл её в гостиную, где музыка играла громче, а танцпол был заполнен студентами.

Сначала они просто танцевали, смеясь и подстраиваясь под ритм. Адам оказался гораздо более раскрепощённым, чем Софи ожидала. Он легко двигался в такт музыке, время от времени наклонялся к ней, чтобы что-то сказать на ухо, и каждый раз заставлял её улыбаться.

Постепенно Софи перестала думать о Маркусе, о его насмешливом взгляде и о том, что происходило на верхнем этаже.

Рядом был Адам, который смотрел на неё так, словно именно ради неё стоило прийти на эту вечеринку.

Когда заиграла медленная песня, он положил руки ей на талию, а она обняла его за шею.

— Ты хорошо танцуешь, — сказала Софи.

— Это комплимент?

— Пока наблюдение.

— Тогда я постараюсь превратить его в комплимент.

Она рассмеялась и положила голову ему на плечо.

Они двигались медленно, почти не замечая людей вокруг. Адам что-то тихо сказал ей на ухо, и Софи подняла голову, чтобы расслышать. Их лица оказались совсем близко.

Он посмотрел на её губы, потом снова в глаза.

— Можно?

Софи улыбнулась и сама потянулась к нему.

Поцелуй получился нежным, но на этот раз уже без прежней робости. Адам притянул её ближе, а она провела пальцами по его волосам, чувствуя, как музыка и шум вечеринки постепенно растворяются где-то на заднем плане.

Когда они отстранились, Софи всё ещё улыбалась.

— Кажется, ты действительно хотел потанцевать, — прошептала она.

— Я могу делать несколько вещей одновременно.

— Самоуверенно.

— Зато честно.

Она снова поцеловала его.

Весь оставшийся вечер они почти не расставались. Танцевали под быстрые песни, смеялись над случайными замечаниями друг друга, иногда выходили подышать прохладным воздухом и возвращались обратно.

Адам несколько раз целовал её — то быстро, словно не мог удержаться от улыбки, то дольше, когда они находили минуту побыть вдвоём. Софи отвечала ему с удовольствием и постепенно перестала стесняться проявлять инициативу сама.

Они не обсуждали, кем приходятся друг другу и что будет дальше. Сегодня это казалось необязательным.

Ближе к концу вечера Софи наконец заметила Дженну.

Подруга сидела на диване рядом с Лиамом. Они о чём-то оживлённо разговаривали, и Дженна смеялась так искренне, что Софи невольно улыбнулась.

Лиам что-то прошептал ей, и Дженна легонько толкнула его плечом.

Адам проследил за ними взглядом. Улыбка на его лице стала чуть менее беззаботной.

— Надеюсь, этот парень знает, с кем связался, — пробормотал он.

Софи удивлённо посмотрела на него.

— Адам, они просто проводят время вместе. Посмотри на Дженну — кажется, ей действительно нравится Лиам.

— Я вижу. — Он снова взглянул на Дженну и Лиаму. — Мне не очень нравится мысль, что какой-то парень может разбить ей сердце.

Софи мягко коснулась его руки.

— Лиам кажется хорошим.

Адам ещё несколько секунд наблюдал за парой, а затем наконец расслабился.

— Ладно. Возможно, ты права.

— Я уверена, что она сама прекрасно справится, — улыбнулась Софи.

Он поцеловал её в висок, а она прижалась к нему плечом.

Вечеринка постепенно подходила к концу, но Софи не хотелось уходить. Она провела ночь, танцуя и смеясь с Адамом, и рядом с ним ей было легко.

Где-то на заднем плане всё ещё мелькала мысль о Маркусе и его вызывающей ухмылке. Но Софи не собиралась позволять этому испортить ей ночь.

Она пришла сюда веселиться — и именно это собиралась запомнить.

А когда Адам переплёл свои пальцы с её, Софи с удовольствием сжала его руку в ответ.

Впереди была ещё целая ночь, а понедельник мог подождать.

Глава 10

В воскресенье утром Софи проснулась от глухого стопа с соседней кровати.

— Никогда больше не буду пить, — пробормотала Дженна, накрывая голову подушкой.

Софи повернулась к ней и улыбнулась.

— Ты говорила то же самое вчера вечером.

— Не разговаривай со мной. Я умираю.

— Может, принести воды?

— И таблетку. И что-нибудь съедобное. И новую голову, если найдёшь.

Софи рассмеялась, поднялась с кровати и принесла подруге воду. Дженна с благодарностью выпила несколько глотков, а затем осторожно приподнялась на локтях.

— Так, — сказала она, прищурившись. — Теперь рассказывай.

— Что именно?

— Не притворяйся невинной. Ты провела почти всю вечеринку с Адамом. Я видела, как вы танцевали. И видела, как он тебя целовал.

Софи почувствовала, как улыбка сама появляется на её лице.

— Мы просто хорошо провели время.

— Просто хорошо провели время? — Дженна медленно села. — Софи, он смотрел на тебя так, будто в комнате больше никого не существовало!

— Дженна...

— Нет, подожди. Мне нужны подробности. Вы уже встречаетесь? Он говорил, что ты ему нравишься? Ты ему призналась в своих чувствах? И самое главное — вы целовались только на танцполе или ещё где-нибудь?

— Ты невозможна.

— А ты влюблённая.

Софи закрыла лицо ладонями, но спрятать улыбку не получилось.

Дженна тут же ткнула в неё пальцем.

— Вот! Вот это выражение лица! Я знала!

— Ничего ты не знала.

— Софи, ты улыбаешься так, будто выиграла лотерею.

Софи опустила руки и посмотрела на подругу.

— Мне с ним хорошо. Очень хорошо. Он внимательный, он умеет слушать, и мне не приходится постоянно думать о том, как я выгляжу в его глазах.

Дженна неожиданно перестала улыбаться так широко. Она внимательно посмотрела на Софи, а потом мягко взяла её за руку.

— Я правда рада за тебя.

— Правда?

— Конечно. Я хочу, чтобы вы оба были счастливы. А вчера вы выглядели именно такими.

Софи улыбнулась и обняла её крепко.

— Спасибо.

— Но если он когда-нибудь тебя обидит, я лично испорчу ему жизнь, — рассмеялась Дженна. — А если ты обидишь его, то испорчу жизнь и тебе.

— Вот теперь я узнаю свою Дженну.

Они рассмеялись, и на несколько минут комната наполнилась привычным теплом.

Затем Дженна снова откинулась на подушки и застонала.

— Всё. Больше никаких вечеринок.

— До следующей пятницы?

— До следующей пятницы, — согласилась она после короткой паузы.

Через некоторое время Софи принесла им завтрак. Дженна уже выглядела немного лучше и даже смогла сесть за стол, хотя периодически морщилась от слишком яркого света.

Они ели, обсуждали вечеринку и вспоминали самые смешные моменты. Дженна рассказала, что Лиам проводил её до общежития и всю дорогу пытался обнимать.

При упоминании его имени она вдруг стала заметно оживлённее.

— Он мне понравился, — призналась она.

Софи многозначительно посмотрела на неё.

— Правда?

— Не начинай.

— Я ещё ничего не сказала.

— Но уже собираешься!

— Он действительно милый. И, кажется, ты ему тоже понравилась, — спокойно ответила Софи.

Дженна попыталась сделать безразличное лицо, но вышло неубедительно.

— Возможно. Мы обменялись номерами.

— Дженна!

— Что? Это совершенно нормально. Люди обмениваются номерами.

— Разумеется. Особенно когда всю ночь не отходят друг от друга.

— Софи, я всё ещё страдаю от похмелья. Прояви немного милосердия.

Софи подняла руки, сдаваясь.

— Хорошо, хорошо. Больше ни слова о Лиаме.

Дженна довольно кивнула и сделала глоток воды.

— Слушай, — вдруг произнесла серьёзно Дженна. Она покрутила в руках телефон, словно не решаясь продолжить. — Мне нужно тебе кое-что рассказать. Я не знаю, с кем ещё могу этим поделиться, а тебе я доверяю. Только обещай, что это останется между нами.

Софи повернулась к ней.

— Что именно?

Дженна открыла переписку, улыбнулась очередному сообщению от Лиамы и начала что-то печатать.

— Просто...

Она осеклась.

Улыбка исчезла с её лица, а взгляд задержался на экране телефона. Софи заметила перемену, но не стала торопить подругу.

— Просто я немного переживаю за одного человека, — наконец сказала Дженна.

— За Лиамы?

— Нет.

Дженна убрала телефон и провела ладонью по лицу.

— За Маркуса.

Софи удивлённо посмотрела на неё. Имя прозвучало совершенно неожиданно.

Она вспомнила вчерашнюю вечеринку: сигарету между пальцами Маркуса, его пронзительный взгляд, самоуверенную усмешку и то, как легко он целовал незнакомую девушку, словно весь мир вокруг переставал существовать.

— Что с ним? — осторожно спросила она.

— Ничего, — слишком быстро ответила Дженна. — Забудь. Я не должна была это говорить.

Она отвернулась, словно собиралась закончить разговор, но Софи заметила, как сильно напряглись её плечи.

— Дженна, если ты не хочешь рассказывать, я не буду спрашивать. Но ты выглядишь так, будто тебя что-то действительно беспокоит.

Дженна молчала.

— Я просто хочу понять, всё ли в порядке, — мягко добавила Софи.

— Вот именно в этом и проблема, — выдохнула Дженна. — Я не знаю, всё ли в порядке.

И меня это сводит с ума.

Она закрыла глаза, а когда снова заговорила, её голос стал тише.

— Маркус участвует в подпольных боях.

Софи замерла.

— Что?

Дженна тут же посмотрела на неё, словно только сейчас осознала, что произнесла вслух.

— Чёрт. Я не хотела тебе говорить. — Дженна нервно провела пальцами по волосам. —

И, пожалуйста, не говори никому. Особенно Адаму. И самому Маркусу ни слова о том, что ты знаешь.

Софи не стала обещать, пока не поняла, о чём именно идёт речь.

— Почему он вообще туда пошёл?

Дженна невесело усмехнулась.

— Из-за денег. Из-за своей гордости. Из-за всего сразу, наверное. Маркус никогда не умел принимать помощь. Даже когда она ему действительно нужна.

Она замолчала, словно случайно открытая дверь в чужую жизнь теперь не позволяла ей просто захлопнуть её.

— Ты же знаешь, что он вырос рядом с семьёй Миллеров?

Софи кивнула.

— Адам рассказывал, что они с Маркусом как братья.

— Они действительно братья. Только не по крови.

Дженна посмотрела на Софи, и на этот раз в её глазах не было ни привычной насмешки, ни лёгкости.

— Сэм и Лейн Миллеры знали Маркуса ещё с детства. Он часто бывал у них дома. Они поддерживали его, помогали, заботились о нём задолго до того, как он стал частью их семьи официально. Для них он никогда не был просто другом их сына.

Софи слушала молча.

— Когда Маркусу было шестнадцать, его мама умерла.

Последние слова Дженна произнесла едва слышно.

Софи почувствовала, как внутри всё сжалось. Она никогда не представляла Маркуса в таком контексте. Он всегда казался ей человеком, которому никто не нужен. Человеком, который держит окружающих на расстоянии и предпочитает справляться со всем самостоятельно.

Но за этой закрытостью, возможно, скрывалась история, о которой он не позволял себе говорить.

— После её смерти Сэм и Лейн усыновили его, — продолжила Дженна. — Они не хотели, чтобы он остался один. Но знаешь, что самое важное? Они не начали любить его в тот день, когда подписали документы. Они любили его задолго до этого.

Дженна сглотнула, пытаясь подобрать слова.

— Для них он всегда был своим. Они не воспринимают его как чужого мальчика, которого нужно пожалеть. Они просто хотят, чтобы он был рядом. Чтобы у него был дом, куда он мог бы вернуться, семья, которая ждёт его, люди, которым небезразлично, как прошёл его день.

Она на мгновение улыбнулась, вспоминая что-то своё.

— Лейн всегда старается накормить Маркуса чем-нибудь вкусным и первой замечает его новые синяки и ссадины, даже когда он пытается их скрыть. Сэм может часами слушать его рассказы о хоккее и планах на будущее. Они любят его так же, как Адама, никогда не делят сыновей на родного и приёмного. Они просто считают его частью своей семьи и любят всем сердцем.

Голос Дженны дрогнул.

— Они стали его родителями. И продолжают ими быть.

Софи почувствовала, как защипало глаза.

Она представила шестнадцатилетнего Маркуса, потерявшего мать. Парня, которому пришлось пережить то, к чему невозможно подготовиться, и который, возможно, даже тогда не позволял себе показать, насколько ему больно.

И рядом — двух людей, которые знали его с детства и не позволили ему остаться одному.

— Они ведь очень хорошие люди, — тихо сказала Софи.

— Да. Правда хорошие.

Дженна опустила голову.

— Именно поэтому мне так тяжело. Они дали ему всё, что могли. Дом, семью, возможность учиться в Гарварде, поддержку. Они верили в него, даже когда он сам, наверное, не знал, что будет дальше.

Она сцепила пальцы.

— А Маркус всё равно живёт так, словно должен доказать всему миру, что способен справиться без чужой помощи.

Софи вспомнила слова Адама о том, что Маркус редко говорит о своих планах. О том, как однажды резко оборвал её вопросы, словно сама попытка узнать его поближе была чем-то лишним.

Тогда Софи решила, что он просто не любит откровенничать.

Теперь она начинала понимать, что дело могло быть гораздо сложнее.

— Он не хочет зависеть от них, — продолжила Дженна. — Не хочет просить денег, не хочет чувствовать, будто ему что-то досталось просто так. Он хочет сам всего добиться. Хочет пробиться в НХЛ и доказать, что способен сделать это своими силами.

— Но ведь они не считают, что он им что-то должен...

— Конечно, не считают! — Дженна подняла на неё глаза. — Вот в этом и проблема. Маркус сам придумал для себя это правило. Он словно не может позволить себе принять то, что ему дают просто потому, что его любят.

В комнате стало тихо.

Софи посмотрела на свои руки, пытаясь представить, сколько всего Маркус мог носить в себе, не позволяя никому даже приблизиться к этому.

И вдруг Дженна добавила:

— Он ведь уже обещал Сэму и Лейн, что больше не будет участвовать в этих боях.

Софи медленно подняла голову.

— Уже обещал?

Дженна кивнула.

— Да. Они узнали, чем он занимается, и были в ужасе. Они испугались, что однажды он не вернётся домой. Что его травмируют настолько сильно, что он больше не сможет играть в хоккей. Или что случится что-то ещё хуже.

Она вытерла ладонью щёку.

— Маркус пообещал, что закончит с этим. И какое-то время я действительно верила, что всё позади.

Софи почувствовала холодок вдоль спины.

Перед глазами неожиданно возникли знакомые детали, на которые она прежде почти не обращала внимания.

Синяки под глазами Маркуса, слишком тёмные и заметные даже в те дни, когда он старался выглядеть бодрым. Его ободренные руки. Пальцы, которые то и дело оказывались забинтованными. Следы повреждений, появлявшиеся снова и снова.

Раньше она объясняла это хоккеем, тяжёлыми тренировками и нехваткой сна. В конце концов, он был спортсменом. Травмы казались вполне естественной частью его жизни.

Но теперь все эти воспоминания складывались в совсем другую картину. Софи почувствовала, как неприятно сжалось сердце, а глаза наполнились слезами.

Неужели всё это время она смотрела на последствия чего-то гораздо более опасного и даже не догадывалась об этом?

— Он может серьёзно пострадать, — тихо произнесла Софи.

— Может, — ответила Дженна. — И это не единственное, чего я боюсь. Если он действительно хочет попасть в НХЛ, ему нельзя так рисковать здоровьем. Одна серьёзная травма может перечеркнуть всё, ради чего он столько работает. А если университетские тренеры узнают о его подпольных боях, у него могут возникнуть серьёзные проблемы. Это ведь незаконно, и подобная история может поставить крест на его хоккейной карьере ещё до того, как он получит шанс попасть в НХЛ.

Она поспешно отвернулась, но Софи всё равно заметила блеснувшие в её глазах слёзы.

— Ты говорила с ним об этом?

— Конечно. Но ты же знаешь Маркуса. Он уверен, что должен со всем справляться сам. Сколько ни предлагай ему помощь, он всё равно будет твердить, что сам разберётся и ему не нужны чужие советы. Он упрямый до невозможности, Софи. Иногда мне кажется, что он скорее позволит себе всё испортить, чем признает, что ему нужна поддержка. И я не знаю, как до него достучаться, не заставляя его чувствовать, будто я пытаюсь контролировать его жизнь.

— А Адам?

Дженна испуганно замотала головой.

— Нет, Софи. Адам ни в коем случае не должен узнать.

Софи удивлённо посмотрела на неё.

— Но они же как братья. Адам мог бы помочь ему.

— Именно поэтому я и боюсь ему рассказывать. Адам не сможет просто сидеть сложа руки. Он обязательно попытается вмешаться, выяснить всё до конца и заставить Маркуса остановиться. Он ведь любит его и никогда не позволит ему так рисковать собой. Но Маркус должен сам обо всём ему рассказать. Он должен быть честен с Адамом, а не узнавать от других. Я не хочу лишать его возможности самому сделать этот шаг. И я не собираюсь вставать между ними и выбирать чью-то сторону. Я люблю их обоих одинаково, Софи. Они оба мне дороги, и я не хочу потерять ни одного из них из-за чужих секретов.

Дженна вздохнула.

— А если Маркус решит, что все снова пытаются распоряжаться им, он просто оттолкнёт их. Даже тех, кто хочет ему помочь.

Софи задумалась.

Софи не могла представить, как можно справляться со всеми трудностями в одиночку, когда рядом есть люди, готовые протянуть руку помощи. В её жизни всегда была семья, пусть и не позволявшая ей самостоятельно выбирать свой путь. Она знала, что её любят, и потому ей было трудно понять, почему Маркус предпочитает справляться со всем сам. Но она не знала, через что ему пришлось пройти и что заставило его привыкнуть полагаться только на себя.

Она не могла судить его, основываясь лишь на нескольких разговорах и случайных встречах.

Дженна взяла Софи за руку.

— Пожалуйста, никому не рассказывай. Ни Адаму, ни Маркусу. И никогда не давай Маркусу понять, что знаешь об усыновлении, его обещании Миллерам или этих боях. Он не должен узнать, что я рассказала тебе.

Софи посмотрела на подругу.

В её глазах было столько беспокойства, что ответить иначе она просто не могла.

— Я обещаю, Дженна. Я никому ничего не скажу.

Дженна с облегчением выдохнула и крепко обняла её.

— Спасибо.

Софи обняла подругу в ответ, чувствуя, как та постепенно успокаивается.

Она не собиралась вмешиваться в жизнь Маркуса. Не собиралась задавать вопросы или пытаться вывести его на откровенность. Если он не хотел рассказывать о себе, она не имела права заставлять его.

Но теперь всё изменилось.

Теперь за его холодными взглядами, резкими ответами и привычкой держаться особняком, Софи видела не просто самоуверенного хоккеиста, который предпочитает никого к себе не подпускать.

Она видела человека, который слишком рано потерял мать. Которого любили и поддерживали, но который всё равно отчаянно пытался доказать, что способен справиться со всем самостоятельно. Человека, который мечтал о будущем и одновременно рисковал им ради денег, о которых не хотел просить.

Софи задумалась о том, где сейчас отец Маркуса. Любил ли он сына так же сильно, как её собственный отец любил её? Или Маркусу никогда не довелось узнать такой любви? Может быть, Сэм стал для него отцом ещё с детства, подарив ему то тепло и заботу, которых ему так не хватало.

Эти вопросы не давали ей покоя, но она понимала, что вряд ли когда-нибудь узнает на них ответы. По крайней мере, пока сам Маркус не решит поделиться с ней своей историей.

Позже, когда Дженна отправилась в душ, Софи осталась одна у окна.

В кампусе было тихо. Студенты постепенно возвращались к привычному ритму воскресного дня, кто-то спешил в библиотеку, кто-то сидел на ступенях с кофе, а ветер срывал с деревьев последние листья.

Софи взяла телефон, открыла переписку с Адамом и несколько секунд смотрела на экран.

Ей хотелось написать ему что-нибудь простое. Спросить, как проходит его день, пошутить о вчерашней вечеринке, узнать, увидятся ли они на неделе.

Она улыбнулась, вспомнив его поцелуи и то, как легко ей было рядом с ним. Между ними ещё ничего не было определено. Они только начинали узнавать друг друга, осторожно делая шаги навстречу. И Софи нравилось, что ей не приходилось торопить события.

Но теперь между ней и Адамом существовала тайна, о которой он не знал.

Софи не нравилось скрывать от него что-то важное. И всё же она понимала, почему Дженна попросила её молчать. Это была не её история, не её секрет и не её право решать, когда Маркус должен открыться.

Она отложила телефон, не отправив сообщения.

В памяти снова всплыли его руки — ободранные, иногда забинтованные. Синяки под глазами, которые она замечала и прежде. Его усталый взгляд на занятиях.

Всё это теперь имело для неё другой смысл.

И всё же Софи не собиралась смотреть на Маркуса с жалостью. Ему она была бы не нужна. Возможно, он бы даже разозлился, почувствовав её.

Она просто хотела понять его немного лучше.

Не спасти. Не изменить. Не заставить поступать так, как она считала правильным.

Просто однажды увидеть за его привычной холодностью настоящего человека — если он сам позволит ей это сделать.

Софи посмотрела на отражение в стекле и тихо вздохнула.

Она по-прежнему почти ничего не знала о Маркусе Деверо. Но теперь понимала, что за его молчанием скрывается гораздо больше, чем она могла предположить.

И некоторые тайны, однажды случайно доверенные тебе, уже невозможно забыть.

Глава 11

Недели сменяли друг друга, кампус постепенно окрашивался в золотые и багряные оттенки осени, а вместе с холодным ветром пришло событие, которого хоккейная команда ждала с особенным нетерпением, — начало сезона.

Софи и Дженна быстро превратились в постоянных гостей на матчах. Сначала Дженна утверждала, что ходит исключительно ради поддержки друзей, но после нескольких игр Софи заметила, что подруга гораздо внимательнее следит за Лиамом, чем за шайбой.

Впрочем, сама Софи тоже не всегда понимала, что происходит на льду. Зато теперь она хотя бы знала, когда нужно радоваться голу, и уже не спрашивала, почему игроки так часто толкаются.

На тренировки девушки тоже заглядывали несколько раз. Дженна уверяла, что им необходимо лично убедиться в профессионализме команды. Особенно одного конкретного игрока.

Лиам, казалось, был совершенно не против такого внимания.

Он ухаживал за Дженной настойчиво, но без навязчивости: провожал её после занятий и находил поводы увидеться даже в самые загруженные дни. А Дженна, обычно не испытывавшая недостатка в словах, рядом с ним порой становилась удивительно тихой.

Хотя ненадолго.

Однажды утром дверь их комнаты распахнулась так резко, что Софи едва не выронила книгу.

— СОФИ!

Дженна влетела внутрь с сияющими глазами и растрёпанными волосами.

— Мы переспали!

Софи медленно опустила книгу.

— Доброе утро и тебе.

— Это был лучший секс в моей жизни!

— Дженна!

— Что? Я должна была с кем-то поделиться!

Софи закрыла лицо ладонью, одновременно смеясь и пытаясь осознать услышанное.

— Ты можешь хотя бы не кричать об этом на весь этаж?

— Не могу. Я слишком счастлива!

Дженна плюхнулась рядом с ней на кровать и начала взахлёб рассказывать о вечере, периодически замолкая, чтобы в очередной раз признаться, какой Лиам замечательный.

Софи слушала, улыбаясь. Ей нравилось видеть подругу такой счастливой. Дженна действительно влюблялась — пусть пока и не решалась произнести это слово вслух.

У Софи тоже всё складывалось хорошо.

После нескольких встреч Адам однажды предложил ей прогуляться вечером. Они долго ходили по кампусу, разговаривали обо всём подряд, пока он вдруг не остановился и не взял её за руки.

— София, я хочу спросить тебя кое о чём.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Мне нравится проводить с тобой время. Нравится узнавать тебя, слушать, как ты рассказываешь о том, что любишь, и даже просто сидеть рядом, когда нам обоим нечего сказать.

Адам чуть улыбнулся.

— Я не хочу, чтобы мы бесконечно гадали, что между нами происходит. Я хочу встречаться с тобой. По-настоящему. Если ты тоже этого хочешь.

Софи почувствовала, как сердце забилося быстрее.

Она уже успела привыкнуть к его вниманию, к спокойствию, которое ощущала рядом с ним, и к тому, как бережно он относился к её чувствам. Адам не торопил её, не требовал немедленных ответов и не пытался изменить под себя.

— Я тоже этого хочу, — тихо ответила она.

Он улыбнулся и притянул её к себе.

Поцелуй получился нежным, но на этот раз Софи чувствовала не только волнение. В нём было что-то новое — понимание, что теперь они оба сделали осознанный шаг навстречу друг другу.

Они всё чаще проводили время вместе: встречались после занятий, ужинали и смотрели фильмы по вечерам. Адам любил отвлекать Софи разговорами именно в те моменты, когда она увлекалась сюжетом.

Адам и Лиам подарили Софи и Дженне хоккейные джерси малинового цвета с белыми полосами на рукавах и по низу. На груди красовалась эмблема команды, а на спине — фамилии игроков крупными белыми буквами и номера: **MILLER 19** и **CARTER 11**. Джерси были немного свободными, с плотной тканью и высоким воротом, как у настоящей хоккейной формы. Софи сразу понравился подарок, а Дженна, кажется, особенно обрадовалась возможности носить фамилию Лиам. С тех пор девушки надевали их на матчи и с гордостью поддерживали команду с трибун.

Дин окинул взглядом джерси Софи и иронично закатил глаза.

— Новарро, тебе, конечно, подходит Миллер, но носить ты будешь мою фамилию, — заявил он с самодовольной ухмылкой.

Софи рассмеялась, а Адам покачал головой.

— Продолжай мечтать, Блэквуд.

— Я просто даю девушке возможность сделать правильный выбор. — отмахнулся Дин.

К этому времени у их компании появилась привычка обедать за одним столом в университетской столовой.

Лиам, Дженна, Софи, Маркус, Адам и Дин.

Они спорили о хоккее, обменивались новостями, обсуждали преподавателей и постоянно подшучивали друг над другом. Иногда к ним присоединялись другие ребята из хоккейной команды, но чаще всего они собирались именно этим составом.

Маркус по-прежнему оставался немногословным, однако рядом с друзьями заметно расслаблялся. Софи продолжала хранить слова Дженны о Маркусе. Каждый раз, когда Адам рассказывал о тренировках или жаловался, что его друг снова куда-то исчез, ей хотелось спросить, всё ли у него в порядке.

Она не спрашивала.

И постепенно научилась жить с этим молчанием, хотя оно по-прежнему давалось ей нелегко.

С Дином Софи в последнее время стала общаться гораздо больше.

За шутками и самоуверенными улыбками постепенно обнаруживался человек, с которым можно было поговорить серьёзно. Он не пытался постоянно флиртовать с ней и давно перестал воспринимать каждую их встречу как повод для очередной провокации.

Однажды после занятий они остались вдвоём в почти пустом кафе.

Разговор незаметно перешёл на музыку.

Софи долго крутила в пальцах бумажный стаканчик, прежде чем решилась рассказать то, что до этого доверяла лишь Адаму.

Она рассказала Дину, как сильно любит петь, сочинять мелодии и играть. Как иногда ей хочется перестать прятаться и наконец позволить другим услышать то, что она создаёт.

Но тут же заговорила о бабушке, о семейных ожиданиях и о страхе разочаровать людей, которые столько в неё вложили.

— Я знаю, чего от меня ждут, — тихо сказала она. — И я не хочу их подводить. Но иногда мне кажется, что, если я продолжу всё скрывать, однажды просто потеряю эту часть себя.

Дин больше не улыбался привычной самодовольной улыбкой. Он слушал внимательно, не перебивая.

— Софи, а ты когда-нибудь думала записать что-нибудь по-настоящему? Не для себя, а в студии. Сделать трек.

Она удивлённо подняла на него глаза.

— Думала. Но это совсем другое.

— Разумеется, другое. Поэтому я и предлагаю попробовать. Я знаю людей, которые могут помочь с записью. Мы можем начать с чего-то небольшого. Без обязательств, без публикаций. Просто посмотреть, что получится.

— Дин...

— Я серьёзно. Ты моя подруга. Если музыка действительно так много для тебя значит, я хочу помочь тебе хотя бы попробовать.

Софи немного помедлила, а затем достала из сумки блокнот и протянула его Дину.

— Только не смейся, ладно?

Дин открыл блокнот и принялся читать. Сначала на его лице играла привычная улыбка, но постепенно она исчезла. Он перечитал несколько строк, перевернул страницу, а затем поднял на Софи удивлённый взгляд.

— Софи, ты серьёзно? Это написала ты?

Она смущённо кивнула.

— Это просто стихи. Ничего особенного.

— Ничего особенного? — Дин возмущённо посмотрел на неё. — Новарро, ты вообще слышишь себя? Это чертовски хорошо! Здесь столько чувств, столько смысла между строк... Ты умеешь словами передать то, о чём другие даже не могут рассказать.

— Я обещала дедушке, что перестану заикливаться на музыке и наконец всерьёз займусь юриспруденцией. Он считает, что я должна сосредоточиться на будущем, а не тратить время на песни и стихи.

Дин медленно закрыл блокнот, но возвращать его пока не спешил.

— Подожди-ка. То есть ты решила спрятать свой талант в ящик стола и вместо этого трясти помпонами в группе поддержки?

— Дин...

— Нет, дай мне договорить! — Он всплеснул руками. — Конечно, Новарро, ты огонь. Ты выходишь, улыбаешься, и половина трибун забывает, зачем вообще пришла. Но ты должна блистать впереди всех с микрофоном в руках, а не стоять в стороне и поддерживать тех, кто уже оказался в центре внимания!

Софи невольно рассмеялась, хотя щёки её порозовели.

— Ты преувеличиваешь.

— Я? Преувеличиваю? — Дин приложил ладонь к груди с таким видом, будто она смертельно его оскорбила. — Софи, я сейчас прочитал твои стихи и пытаюсь понять, как ты вообще умудрилась убедить себя, что должна отказаться от всего этого. Ты можешь изучать право, если действительно этого хочешь. Но почему юриспруденция должна означать, что ты больше не имеешь права писать музыку?

Он наконец протянул ей блокнот.

— Я не говорю, что ты обязана прямо завтра выходить на сцену. Но, пожалуйста, не закапывай себя раньше времени. Ты заслуживаешь хотя бы попробовать.

Софи прижала блокнот к груди. Ей было приятно слышать его слова, но обещание, данное дедушке, всё ещё тяготило её.

— Я пока не готова, Дин.

Он вздохнул, покачал головой, но спорить не стал.

— Ладно. Пока не готова — значит, не готова. Но знай: я совершенно не согласен с тем, что ты прячешь эту часть себя. И когда-нибудь я всё-таки услышу, как ты поёшь. Желательно со сцены, а не у себя в комнате, пока никто не слышит.

Софи впервые за долгое время почувствовала, что её мечта не обязательно должна оставаться чем-то постыдным или запретным.

Возможно, ей не нужно было решать всё прямо сейчас. Возможно, достаточно было хотя бы перестать считать собственное желание ошибкой.

Перед тем как они разошлись, Софи вспомнила разговор с Дженной.

— Дин, можно спросить тебя кое о чём?

— Конечно, Дини слушает.

Софи улыбнулась, но затем стала серьёзной.

Она рассказала ему о том, что случайно узнала от Дженны о Маркусе. Об усыновлении, о подпольных боях, о его обещании Сэму и Лейн больше не участвовать в них. И о том, как теперь не могла забыть его забинтованные руки и синяки под глазами.

Дин выслушал её, не перебивая.

— Ты знаешь об этом? — удивилась Софи, заметив выражение его лица.

— Я кое-что слышал, — ответил он осторожно. — Но не знаю, насколько всё это актуально сейчас.

Софи опустила взгляд.

— Я не знаю, что мне делать. Адам ничего не знает. И я не понимаю, правильно ли поступаю, скрывая от него это.

Дин некоторое время молчал, обдумывая ответ.

— Если ты спросишь меня, я бы не стал торопиться рассказывать Адаму то, о чём Маркус сам ему не сказал. Особенно если ты обещала Дженне молчать.

— Но если с Маркусом что-то случится? И мне неприятно от мысли, что я вру Адаму, — тихо призналась Софи. — Он мне доверяет, а я знаю то, о чём молчу. Каждый раз, когда мы разговариваем, я чувствую себя так, будто его обманываю.

Дин на секунду задумался, перестав улыбаться.

— Ладно. Тогда я сам ему расскажу.

Софи удивлённо посмотрела на него.

— Что? Дини, нет. Дженна просила меня никому не говорить.

— Я помню, — ответил он. — И я не собираюсь подставлять тебя. Просто мне кажется, что Адам должен знать правду. Маркус ему не рассказал не потому, что не доверяет, а потому, что знает: Адам полезет помогать, даже если его об этом не просили. Но рано или поздно всё может зайти слишком далеко.

— А если они сильно поссорятся? — спросила Софи. — Я не хочу быть причиной их ссоры.

— Ты не будешь, — уверенно сказал Дин. — А если Маркус решит кому-нибудь набить морду за то, что его секрет раскрылся, то, скорее всего, выберет меня. Что ж, за дружбу с тобой, Новарро, иногда приходится расплачиваться моим безупречным лицом.

Софи рассмеялась.

— Какая жертва! Не знаю, как мне теперь жить с таким чувством вины.

— Вот и я о том же. Надеюсь, ты хотя бы помолишься за мою красоту, если Маркус всё-таки до неё доберётся.

— Спасибо, Дини. Ты правда хороший друг. Для меня это очень много значит, — серьёзно сказала Софи, и в её голосе звучала искренняя теплота.

Дин в ответ лишь широко улыбнулся своей очаровательной улыбкой.

Глава 12

К концу ноября Гарвард заметно опустел. Приближался День благодарения, и многие студенты собирались провести праздничные выходные дома.

Адам предложил Софи поехать к его родителям ещё за несколько дней до праздника.

— Я хочу, чтобы ты познакомилась с ними, — сказал он, переплетая свои пальцы с её. — Мама уже несколько раз спрашивала, когда я наконец привезу тебя в гости.

— И что ты ей ответил?

— Что сначала должен убедиться, что ты согласишься.

Софи улыбнулась.

— А если я тебе откажу?

— Тогда мне придётся придумать другую причину, почему ты не приехала. Но мама всё равно доберётся до тебя. Поверь, у неё талант задавать вопросы.

— Теперь мне стало ещё страшнее.

Адам рассмеялся и поцеловал её в висок.

— Всё будет хорошо, Софи. Они тебе понравятся. Мои родители замечательные.

Он говорил так уверенно, что Софи понемногу успокоилась. И всё же знакомство с родителями человека, с которым она встречалась, казалось ей чем-то гораздо более серьёзным, чем обычный праздничный ужин.

Дом Миллеров находился всего в трёх часах езды от кампуса. Он встретил их мягким светом, льющим из больших окон. Вдоль подъездной дорожки тянулись аккуратно подстриженные кусты и старые деревья, а у широкого крыльца стояли кашпо с осенними цветами. Светлый каменный фасад и тёмная крыша выглядели элегантно, но в доме не было ничего холодного или слишком официального.

Внутри пахло запечённой индейкой, пряностями и свежей выпечкой. В гостиной потрескивал камин, на диване лежали мягкие пледы, а на столике стояли семейные фотографии. Светлые стены, деревянные полы и тёплое освещение создавали ощущение, будто здесь всегда ждут кого-то домой.

Софи огляделась, улыбаясь.

— У вас так уютно, — сказала она Адаму.

Он улыбнулся в ответ и взял её за руку.

— Мама очень старалась. Она всегда говорит, что дом должен быть местом, куда хочется возвращаться.

Не успела Софи снять пальто, как из гостиной появилась рыжеволосая женщина.

— Адам!

Лейн Миллер обняла сына, а затем посмотрела на Софи с такой искренней радостью, будто ждала её несколько недель.

— А вот и ты! Наконец-то мы познакомились.

— Здравствуйте, — улыбнулась Софи. — Спасибо, что пригласили меня.

— Дорогая, какое ещё «спасибо»? Мы очень рады, что ты приехала.

Лейн была худощавой, с длинными рыжими волосами, собранными в свободный пучок, и выразительными зелёными глазами. В её улыбке было что-то удивительно тёплое. Софи сразу заметила сходство с Адамом: те же зелёные глаза, мягкие черты лица и привычка чуть склонять голову, когда слушаешь собеседника.

— Теперь я понимаю, в кого Адам такой красивый, — вырвалось у Софи.

Лейн рассмеялась.

— Вот это мне уже нравится! Адам, почему ты не привозил её раньше?

— Мам, мы знакомы не так давно.

— Прекрасное оправдание. Я запомню.

В этот момент из кабинета вышел Сэм Миллер.

Ему было около сорока пяти. Каштановые волосы слегка тронула седина у висков. На нём были тёмные брюки и светлая рубашка с закатанными рукавами. Очки в тонкой оправе, лёгкая щетина и спокойный взгляд придавали ему вид человека, который привык внимательно слушать, прежде чем что-то сказать.

— Значит, это София, — произнёс он, улыбаясь. — Рад наконец познакомиться.

— Взаимно, мистер Миллер.

— Сэм, пожалуйста. А то я почувствую себя намного старше, чем есть на самом деле.

— Не слушай его, — вмешалась Лейн. — Он обожает, когда к нему обращаются официально. Просто делает вид, что нет.

Сэм покачал головой, но спорить не стал.

Софи почувствовала себя гораздо свободнее. Родители Адама не пытались её оценивать или задавать неудобные вопросы. Они интересовались её учёбой, впечатлениями от Гарварда и тем, успела ли она привыкнуть к жизни вдали от дома.

А потом из коридора раздался громкий стук лап.

Две шоколадные морды появились из-за угла, а следом за ними — две счастливые лабрадорши, явно решившие, что гостя прибыла исключительно ради них.

— Девочки, спокойно! — рассмеялась Лейн.

Разумеется, девочки её не послушали.

Одна, с тёмно-шоколадной шерстью и светлым пятнышком на груди, немедленно уткнулась носом в ладонь Софи. Второй лабрадор, чуть крупнее и с янтарными глазами, попытался просунуть голову ей под руку, требуя внимания.

Софи присела рядом с собаками и обняла обеих. Белла тут же принялась лизать ей руки, а Рори радостно завиляла хвостом и прижалась к её боку.

— Какие же вы красивые!

— Это Белла, — с улыбкой сказала Лейн. — А вторая — Аврора. Но мы чаще зовём её Рори.

— Они чудесные!

— И ужасно избалованные, — с теплотой заметил Сэм. — Хотя мы с Лейн сами в этом виноваты.

— Особенно Маркус, — добавила Лейн. — Он их обожает. Мы подарили их ему, когда он переехал к нам, и с тех пор они практически не отходят от него. Правда, воспитанием он занимается сам. Иногда мне кажется, что они слушаются его лучше, чем нас обоих вместе взятых.

Сэм усмехнулся.

— Стоит Маркусу появиться, как для Беллы и Рори больше никого не существует.

Лейн улыбнулась, но, оглядевшись, нахмурилась.

— Кстати, а где сам Маркус?

— Наверное, задержался, — ответил Адам. — Я ему напишу.

Софи невольно подняла голову.

«Маркус тоже будет здесь?» — вопрос чуть не сорвался с её губ, но Софи вовремя прикусила язык. Конечно, будет. Это ведь его дом. Как она могла об этом забыть?

— Ну что ж, давайте садиться за стол, пока всё не остыло, — позвала Лейн, направляясь в столовую.

Софи последовала за остальными и устроилась на свободном стуле. Едва она села, Белла тут же положила голову ей на колени, словно они были знакомы целую вечность, а Рори уселась рядом, прижавшись к её ноге.

Софи невольно улыбнулась и ласково погладила Беллу по голове. Похоже, обе решили, что теперь она тоже часть их маленькой стаи.

— Кажется, я им понравилась, — засмеялась Софи.

— Это плохой знак, — сообщил Адам. — Теперь они не дадут тебе уйти.

Ужин прошёл в удивительно тёплой атмосфере.

За столом собралась вся семья, включая Маркуса, который приехал чуть позже. Он появился в тёмном свитере и джинсах, поздоровался с Сэмом и Лейн, потрепал Беллу за ушами и сел рядом с Адамом.

— Ты опоздал, — заметил Адам.

— А ты слишком много говоришь.

— Я скучал по твоему обаянию.

— Тогда тебе стоит найти себе другое хобби.

Софи едва заметно улыбнулась.

Привычный Маркус. Колкий, самоуверенный и совершенно не склонный скрывать своё мнение.

Но стоило ужину начаться, как она заметила кое-что неожиданное.

Маркус много разговаривал с Сэмом и Лейн.

Он рассказывал о хоккейном сезоне, обсуждал результаты последних матчей, спорил с Сэмом о тактике и смеялся над историями, которые вспоминала Лейн.

Он не выглядел человеком, который хочет поскорее закончить разговор. Наоборот, он сам задавал вопросы, интересовался делами Сэма и внимательно слушал Лейн.

Когда Белла устроилась у его ног, Маркус незаметно опустил руку и погладил её по голове. Рори тут же воспользовалась моментом и положила морду ему на колено.

— Ты обещал не давать им лакомства перед ужином, — заметила Лейн.

— Я ничего не давал.

— Маркус.

— Это клевета.

Сэм поправил очки.

— Я лично видел, как ты достал пакет из кухонного шкафа.

— У вас в этом доме отвратительная система наблюдения.

Лейн рассмеялась, а Маркус улыбнулся ей в ответ.

Софи смотрела на него с неподдельным удивлением.

Она никогда не видела его таким.

В университете он казался холодным, порой даже отстранённым. С друзьями мог быть весёлым, но всё равно держался так, будто не позволял себе расслабиться до конца. А здесь он разговаривал свободно, не огрызался на каждое замечание и позволял себе быть совершенно другим.

Не нужно было угадывать, что он думает. Не нужно было заслуживать его внимание.

Рядом с Сэмом и Лейн Маркус выглядел именно так, каким и должен быть сын рядом с родителями. В его привычной холодности не оставалось и следа. В мелочах, во взглядах и едва заметной улыбке чувствовалось, как сильно он их любит, пусть и не привык говорить об этом вслух.

И это почему-то тронуло Софи сильнее, чем она ожидала. Ей захотелось увидеть его таким ещё раз.

Не для того, чтобы раскрыть его секреты или понять все причины его поведения. Просто потому, что этот Маркус нравился ей гораздо больше, чем тот, которого она привыкла видеть в кампусе.

Когда разговор зашёл о хоккее, Сэм посмотрел на обоих сыновей.

— Ну что, парни, как вам начало сезона?

— Неплохо, — ответил Адам. — Пока всё идёт по плану.

— Пока, — усмехнулся Маркус. — Не слезь.

— Вот поэтому я и не играю в хоккей, — рассмеялся Сэм. — Слишком много суеверий.

— Ты просто боишься, что мы будем лучше тебя, — поддразнил его Адам.

— Конечно. Именно поэтому я и переживаю за каждый ваш матч.

Лейн улыбнулась, покачав головой, а затем повернулась к Софи.

— Мы обычно стараемся не пропускать ни одной игры, — объяснила Лейн. — Но в последнее время работы столько, что никак не получается выбраться на арену. Зато мы смотрим все матчи онлайн. Каждый до последнего.

— Правда все? — с улыбкой уточнила Софи.

— Каждый, — подтвердила Лейн. — Иногда даже ужинаем перед экраном, потому что не успеваем закончить дела к началу игры.

— А ещё Лейн каждый раз готова сама выйти на лёд и растолкать всю команду соперников, если кто-то начинает играть слишком грубо, — с усмешкой добавил Маркус.

— Потому что некоторые игроки просто не умеют держать себя в руках! — тут же возмутилась Лейн. — Стоит им выйти на лёд, как они забывают, что это хоккей, а не уличная драка. И когда кто-то начинает нападать на моих мальчиков, мне так и хочется самой оказаться там и объяснить им, как нужно играть!

— Вот видишь, Софи? — Адам улыбнулся. — Если кто-нибудь решит нас обидеть, нам даже не придётся звать на помощь. Мама сама со всем разберётся.

— И правильно! — заявила Лейн и, проходя мимо Адама, ласково потрепала его за щёку.

— Mam, ну я же не маленький, — рассмеялся он.

— Для меня ты всегда будешь моим мальчиком, — невозмутимо ответила она.

— И Маркус тоже, — добавила Лейн, с теплом взглянув на второго сына. — Вы оба мои любимые мальчики. Надеюсь, скоро мы наконец сможем болеть за вас не перед экраном, а прямо с трибун.

— Мы тоже будем рады видеть вас на матчах, — сказал Адам. — Только постарайтесь не выбегать на лёд.

— Ничего не обещаю, — с серьёзным видом ответила Лейн.

Сэм рассмеялся и покачал головой.

— Мы постараемся освободить вечера. Хватит уже смотреть ваши игры через экран. Хотим наконец поболеть за вас лично.

Маркус усмехнулся:

— Тогда готовься кричать громче мамочки.

Софи невольно посмотрела на него. «Мамочки»? Это прозвучало так легко и ласково, будто он называл Лейн так всю жизнь.

— Только попробуй мне помешать, — тут же отозвалась Лейн.

Было видно, как сильно Сэм и Лейн любят обоих сыновей. Они следили за каждым матчем, переживали за них и даже на расстоянии умудрялись быть самыми преданными болельщиками.

Когда пришло время возвращаться в кампус, Лейн настояла, чтобы Софи взяла с собой контейнер с десертом, а Сэм пообещал прислать Адаму и Маркусу фотографии с одного из их семейных праздников.

— В следующий раз приезжай на целые выходные, — сказала Лейн, обнимая Софи на прощание. — Я хочу показать тебе ещё столько всего и столько всего с тобой обсудить.

— Обязательно, — улыбнулась Софи.

Адам задержался у входа, чтобы ещё раз попрощаться с родителями. Софи вышла на улицу первой, наслаждаясь прохладным воздухом.

У дорожки возле гаража стоял Маркус.

Белла и Рори носились вокруг него, то прыгая за брошенной игрушкой, то возвращаясь, чтобы он почесал им уши. Он смеялся, когда Рори пыталась выхватить игрушку раньше Беллы, и выглядел почти беззаботным.

Пока Софи не заметила сигарету между его пальцами.

Она подошла к нему и остановилась.

Ну конечно.

— Разве спортсмены курят? — ехидно спросила она.

Маркус поднял голову.

Его небесно-голубые глаза встретились с её взглядом. Он неспешно затянулся, словно специально демонстрируя, насколько мало его волнует её замечание.

— София, ты снова проверяешь меня на здоровый образ жизни? — усмехнулся он. — Может, ещё выдашь мне список запрещённых продуктов, чтобы ты могла спать спокойно?

— Не переживай. Для начала достаточно было бы отказаться от сигарет.

— Какое облегчение. А то я уже боялся, что ты составила для меня целый план исправления личности.

— Для этого одного плана будет мало.

Маркус тихо рассмеялся.

Софи скрестила руки на груди.

— Почему ты всё время называешь меня Софией? Ты так упорно произносишь моё имя, будто пытаешься что-то доказать.

Он приподнял бровь.

— Тебя так зовут.

— Какая наблюдательность.

— Спасибо. Я долго тренировался.

— А я уж подумала, что ты путаешь меня со столицей Болгарии.

Маркус на секунду замолчал, а потом усмехнулся шире.

— София, ты сейчас серьёзно сравнила себя со столицей Болгарии?

— По крайней мере, у столицы Болгарии есть достоинство. Она не курит возле собственных собак.

— И не читает лекции незнакомым людям.

— Мы проводим много времени в одной компании. Незнакомыми я бы нас уже не назвала.

Его улыбка стала чуть менее заметной.

— И к чему ты ведёшь?

Софи посмотрела на него внимательнее.

— Маркус Деверо, ты абсолютно наглый и невоспитанный.

— А ты слишком любопытная.

— Возможно. Скольким девушкам ты уже разбил сердце в кампусе?

Он повернул голову и посмотрел на неё с притворной усталостью.

— София, слишком много вопросов для одного вечера.

— Я ещё даже не начала.

— Тогда мне лучше уехать, пока ты не добралась до вопросов о моём детстве.

Софи улыбнулась, но на этот раз не стала подхватывать шутку.

Она посмотрела на собак, которые крутились возле его ног, затем снова на Маркуса.

— Я переживаю за тебя.

Он замер.

Всего на мгновение, но она заметила.

— С чего бы это? — спросил он уже без прежней лёгкости.

Софи немного растерялась, однако отступить не стала.

— Мы проводим много времени в одной компании, но я почти ничего о тебе не знаю. Иногда мне кажется, что ты специально держишь меня на расстоянии. Будто тебе проще отшутиться или нагрубить, чем позволить узнать тебя настоящего.

Маркус молчал.

— И ещё, — продолжила она осторожнее, — иногда ты выглядишь так, словно тебе больно. Не физически. Просто... будто ты всё время с чем-то борешься, но никому не позволяешь даже спросить, что случилось.

Он смотрел на неё теперь совсем иначе.

Не насмешливо. Не рассеянно.

Внимательно.

Софи сглотнула.

— Адам любит тебя как брата. Дженна тоже переживает за тебя, даже когда злится на твоё поведение. И мне кажется, что...

Она запнулась, поняв, что подходит слишком близко к тому, о чём обещала молчать.

Маркус слегка наклонил голову.

— Что тебе кажется?

— Что ты не обязан всё делать один.

Несколько секунд он ничего не отвечал.

Ветер шевелил его тёмные волосы, а сигарета медленно тлела между пальцами. Белла ткнулась носом ему в ладонь, словно требуя внимания, но Маркус даже не посмотрел на неё.

Он продолжал изучать лицо Софи.

— София, ты решила стать психологом? — наконец произнёс он. — Займись собственной жизнью и не лезь в чужую.

Слова прозвучали жёстко.

Софи почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось, но не отвела взгляда.

— Я не пытаюсь лезть в твою жизнь. Я просто хочу помочь.

— С чего ты взяла, что мне нужна помощь?

— Я знаю...

Слова сорвались прежде, чем она успела остановиться.

Маркус мгновенно выпрямился.

— Ты знаешь? — переспросил он.

В его голосе больше не было ни капли веселья.

Софи замерла.

Она поняла, что только что едва не нарушила обещание Дженне. И теперь не знала, как объяснить свои слова, не выдав подругу.

— Я... — начала она, но не смогла закончить.

В этот момент входная дверь открылась.

— Софи, ты готова? — позвал Адам.

Он вышел на крыльцо, заметил их и подошёл ближе. Обняв Софи за талию, он легко поцеловал её в губы.

— Всё в порядке? Вы о чём-то спорите?

— О том, что твоя девушка слишком любит задавать вопросы, — ответил Маркус, вновь возвращая на лицо привычную маску.

Адам посмотрел на Софи.

— Это правда?

— Я бы сказала, что вопросы были вполне разумными, — ответила она, стараясь говорить непринуждённо.

— Вот видишь, — заметил Маркус. — Уже защищает свою честь.

Адам рассмеялся и хлопнул друга по плечу.

— Ты едешь с нами?

— Нет. Поеду на своей машине.

Софи посмотрела на старую BMW, припаркованную у гаража. Тёмный кузов был местами поцарапан, краска потускнела, а на переднем бампере виднелись следы давних столкновений с бордюрами. Машина явно повидала многое, но Софи знала, что Маркус сам на неё заработал и при необходимости чинил её своими руками.

Маркус проследил за её взглядом.

— Даже не начинай, София.

Она удивлённо повернулась к нему.

— Я ничего не сказала.

— У тебя всё написано на лице.

— Ладно, увидимся завтра, — вмешался Адам, доставая ключи от машины.

— Давай. Не опаздывай на тренировку, — ответил Маркус и пожал ему руку.

— За собой след.

Маркус коротко усмехнулся, затем посмотрел на Софи.

— До встречи, София, — произнёс он, чуть растягивая её имя, словно пробуя его на вкус.

— Пока, Маркус.

Он затушил сигарету и направился к своей машине.

Софи проводила его взглядом.

— Он всегда такой? — тихо спросила она.

— К сожалению, да, — ответил Адам. — Но ты ему понравилась.

Софи удивлённо повернулась к нему.

— С чего ты взял?

— Маркус обычно не тратит столько времени на разговоры с людьми, которых считает неинтересными.

— То есть его оскорбления — это комплименты?

— В его случае почти.

Адам открыл пассажирскую дверь своей графитовой Porsche Panamera и помог Софи сесть.

Салон встретил её мягким светом приборной панели и запахом кожи. Когда Адам устроился за рулём, он взял её руку и переплёл их пальцы.

— Ты понравилась моим родителям, — сказал он.

— Правда?

— Мама уже пригласила тебя на следующий семейный ужин. Это практически официальное одобрение.

Софи рассмеялась.

— А что насчёт твоего одобрения?

Адам повернулся к ней и улыбнулся.

— Моё ты уже получила.

Он поцеловал её, прежде чем завести двигатель.

Машина плавно тронулась с места, и дом Миллеров постепенно остался позади.

Софи смотрела в окно, но мысли её были совсем не о дороге.

Она вспоминала Маркуса за ужином — его улыбку, лёгкость, с которой он разговаривал с Сэмом и Лейн, то, как заботливо гладил собак. И совсем другого Маркуса, стоявшего у гаража с сигаретой между пальцами и мгновенно выставившего перед ней стену, едва разговор приблизился к чему-то настоящему.

Она не знала, что именно успела выдать своим последним признанием.

Но в тот вечер произошло кое-что ещё.

Впервые Маркус посмотрел на Софию не как на очередную девушку, которая оказалась рядом с его другом. Не как на милую, немного наивную студентку, которую можно поддеть ради развлечения.

Он увидел, что она наблюдает за людьми внимательнее, чем кажется. Что за её мягкостью скрывается собственное мнение. Что она способна заметить чужую боль даже тогда, когда человек изо всех сил старается её спрятать.

И что, несмотря на его резкость, она не попыталась унижить его или заставить оправдываться.

Она просто хотела помочь.

Это раздражало его.

Пугало.

И почему-то заставляло вспоминать её слова даже после того, как машина Адама скрылась за поворотом.

Маркус постоял возле гаража, глядя вслед удаляющимся огням.

Рори ткнулась носом ему в руку. Он машинально погладил её по голове и выдохнул остатки холодного воздуха.

— Любопытная девчонка, — пробормотал он.

Белла тихо гавкнула, словно соглашаясь.

Маркус усмехнулся, открыл дверь своей старой BMW и сел за руль.

Он всё ещё не доверял Софии.

Но впервые ему стало интересно, что ещё она успела заметить.

Глава 13

В начале декабря карьера Софии Новарро в группе поддержки закончилась.

Без громких скандалов, выяснения отношений и слёз на публике.

Причина оказалась до смешного банальной — ревность.

Белла, которая поначалу казалась Софи милой и дружелюбной, на деле оказалась настоящей стервой. Она несколько раз переспала с Дином и, похоже, решила, что Софи представляет для неё угрозу. Даже несмотря на то, что у Софии был Адам.

Когда Белла нашла повод избавиться от неё, Софи просто выслушала решение капитана, собрала вещи и ушла.

Доказательств у неё не было. Да и желания что-то доказывать тоже.

В конце концов, чирлидинг никогда не был мечтой.

Дэвид ушёл следом за ней.

— Ты понимаешь, что я только из-за тебя терпел эти тренировки? — возмутился он, догоняя Софи в коридоре.

— Конечно. Я же невероятно вдохновляющая личность.

— Наконец-то ты начала это осознавать.

Софи рассмеялась, но Дэвид вдруг остановился и серьёзно посмотрел на неё.

— Вообще-то, мне нравится чирлидинг, — признался Дэвид. — Танцы — это моя жизнь, сама знаешь. Я ведь сам хотел попасть в группу поддержки.

— Тогда почему ушёл?

Дэвид пожал плечами.

— Гарри, парень с моего курса, собирает музыкальную группу. Позвал меня, потому что я чувствую ритм, немного пою и играю на гитаре. Я пока только думаю, соглашаться или нет.

Гарри был избалованным, самовлюблённым блондином с отвратительным характером. Софи слышала о нём, чтобы не испытывать особого желания знакомиться поближе. И всё же у него был один неоспоримый талант: парень пел так, что хотелось забыть о его существовании и просто слушать.

— То есть ты собираешься присоединиться к музыкальной группе? — уточнила Софи.

— Скорее всего. Давно хотел попробовать себя в чём-то подобном, но всё никак не решался. А тут ещё и повод нашёлся уйти от наших очаровательных стерв из группы поддержки.

— Дэвид! — Софи притворно возмутилась. — Неужели ты использовал меня в своих корыстных целях?

— Именно, — невозмутимо ответил он.

За три месяца тренировок они успели подружиться. Он заметил, как Софи иногда напевает себе под нос, когда думает, что никто не слышит. Как она чувствует мелодию. Как меняется её лицо, когда разговор заходит о музыке.

И теперь Дэвид загорелся идеей, от которой никак не хотел отступать.

— Ты нам нужна, — заявил он уже в очередной раз. — Ты талантливая. Тебе не обязательно всю жизнь заниматься юриспруденцией только потому, что этого хочет твоя семья.

Софи отвела взгляд.

— Дэвид, я не могу.

— Не можешь или боишься?

Она ничего не ответила.

Потому что он попал в самую точку.

— Хотя бы познакомься с Гарри, — продолжил Дэвид. — Просто поговори с ним. Я уверен, ты ему понравишься. А когда он услышит, как ты поёшь, сам поймёт, что ты нам нужна.

— Ты так говоришь, будто уже всё за меня решил, — тихо заметила Софи.

— Я просто не хочу, чтобы ты отказывалась от того, что у тебя действительно хорошо получается, даже не попробовав.

Софи прикусила губу. Она не хотела снова обсуждать музыку, но Дэвид смотрел на неё с такой искренней надеждой, что отмахнуться было непросто.

— Я подумаю, — наконец сказала она.

— Ладно, — улыбнулся он. — Пока мне хватит и этого.

Софи направлялась к общежитию и у входа заметила три дорогие машины. Она узнала их почти сразу и невольно замедлила шаг.

Дедушка.

Альберто Новарро редко появлялся без предупреждения, и его неожиданный визит мог означать что угодно. Софи поспешила внутрь, поднялась к своей комнате и, открыв дверь, замерла на пороге.

Альберто сидел за столом, сложив руки перед собой, словно находился не в студенческом общежитии, а в собственном кабинете. Даже здесь он умудрялся выглядеть так, будто всё вокруг подчинялось установленному им порядку.

Высокий, статный мужчина с гордой осанкой, он носил безупречно сшитый тёмно-синий костюм, белую рубашку и строгий галстук. Ни одной лишней складки, ни малейшей небрежности. Ухоженные усы с заметной проседью придавали его лицу ещё большую солидность. На пальце поблёскивал массивный фамильный перстень Новарро — символ имени и наследия, которое однажды должно было перейти к Кристоферу.

Услышав шаги, дедушка поднял голову.

— Вот и моя внучка.

В его голосе прозвучало тепло. Альберто поднялся, подошёл к Софи и крепко обнял её, а затем поцеловал в щёку.

— Хорошо ты здесь устроилась, — произнёс он, оглядывая комнату. — Я проезжал неподалёку и решил навестить тебя.

Софи улыбнулась и обняла его в ответ.

Он снова сел за стол, жестом приглашая её устроиться напротив. Софи сняла сумочку с плеча и села на край стула.

— Как учёба? — спросил Альберто.

— Всё хорошо. Я справляюсь.

— Не сомневаюсь. Ты ведь знаешь, чего от тебя ждут.

Софи чуть заметно напряглась. Она знала этот тон: спокойный, почти ласковый, но не оставляющий пространства для возражений.

— Дедушка, я больше не занимаюсь чирлидингом.

Альберто приподнял брови, а затем его лицо озарилось искренним удовлетворением.

— Вот как? Наконец-то ты приняла разумное решение.

Софи невольно улыбнулась, хотя радость дедушки была вполне предсказуемой.

— Я не ушла из-за тебя, если ты об этом.

— Неважно, что стало причиной. Мне никогда не нравилось, что ты выступаешь перед трибунами в этих коротких юбках и шортах, прыгаешь и танцуешь на глазах у всех. Ты из семьи Новарро, София. Тебе не нужно привлекать к себе внимание подобным образом.

Она опустила глаза. Спорить с ним о чирлидинге уже не имело смысла, но именно поэтому Софи решила перейти к тому, ради чего ей действительно хотелось поговорить с дедушкой.

— Вообще-то, я хотела обсудить с тобой ещё кое-что.

— Слушаю.

Она сцепила пальцы на коленях, подбирая слова.

— Один мой знакомый собирается создать музыкальную группу. Он предложил мне присоединиться. Я подумала, что могла бы попробовать. Мне нравится музыка, дедушка. Ты ведь знаешь.

Улыбка Альберто медленно исчезла.

— Музыкальную группу?

— Да. Но это не значит, что я собираюсь бросать учёбу. Я продолжу изучать право, буду заниматься как прежде. Просто хотела бы дать себе возможность попробовать что-то ещё. Хотя бы на время.

Альберто откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на неё.

— София, мы уже говорили о твоём будущем.

— Я помню.

— Тогда ты должна понимать, что я не собираюсь менять своего решения.

Софи почувствовала, как внутри всё сжалось, но всё же заставила себя продолжить:

— Я не прошу тебя разрешить мне отказаться от юриспруденции. Я хочу заниматься музыкой параллельно с учёбой. Разве это так плохо?

— Если ты хочешь заниматься музыкой, ради бога, — ответил он после короткой паузы. — В университете наверняка есть хор. Можешь вступить в него или найти какой-нибудь музыкальный ансамбль. Играй на скрипке, на фортепиано, посещай концерты. Я не возражаю против культурных интересов.

Софи осторожно подняла на него глаза.

— Но?

— Но никакой музыкальной группы. И никаких серьёзных увлечений, которые будут отвлекать тебя от главного. Я не хочу, чтобы ты тратила время на сомнительные затеи, вместо того чтобы строить своё будущее.

— Но почему ты считаешь, что музыка обязательно помешает мне учиться?

— Потому что я знаю, как легко увлечение может превратиться в одержимость. Ты талантливая девушка, София, и у тебя есть возможности, о которых многие могут только мечтать. Я не позволю тебе растратить их впустую.

Софи замолчала. Она ожидала отказа, но всё равно надеялась, что дедушка хотя бы выслушает её до конца.

Альберто смягчил голос и протянул руку, накрыв её ладонь своей.

— Я хочу для тебя достойного будущего. Ты получишь хорошее образование, станешь прекрасным юристом и займёшь своё место в мире. Однажды ты поймёшь, что я был прав.

Софи кивнула, хотя внутри всё протестовало.

Она снова не смогла сказать ему правду. Не смогла объяснить, что музыка для неё — не мимолётное увлечение и не прихоть, которую можно заменить занятиями в университетском хоре. Это была часть её самой, та часть, которую она так долго пыталась спрятать.

И сейчас дедушка снова просил её отказаться от неё.

— Я поняла, — тихо произнесла Софи.

Альберто удовлетворённо кивнул, словно вопрос был решён.

— Вот и хорошо, моя девочка.

Альберто уже собирался сменить тему, когда Софи решила рассказать ему об Адаме. После неудачного разговора о музыке ей хотелось хотя бы поделиться чем-то хорошим.

— На День благодарения я была в гостях у Адама Миллера. Познакомилась с его родителями. Они добрые люди.

— Миллеры? — Альберто слегка приподнял брови. — Я знаком с ними. Мы пересекались пару раз на деловых встречах. Сэм и Лейн — достойные юристы, уважаемые люди. Хотя, насколько я помню, они ещё усыновили того оборванца, Маркуса.

Софи неприятно задело, как пренебрежительно дедушка отозвался о Маркусе. Она уже открыла рот, чтобы возразить, но передумала. Спорить с Альберто сейчас не хотелось.

— В любом случае, — продолжил он, — семья у них хорошая. С положением, связями и достойной репутацией. И я уверен, что их сын — достойный молодой человек.

Софи закатила глаза.

— Дедушка, мы просто встречаемся. Не нужно сразу оценивать его как потенциального мужа.

— А почему бы и нет? — невозмутимо спросил Альберто. — В твоём возрасте самое время обращать внимание на то, с кем ты связываешь своё будущее.

— Я знала, что ты к этому сведёшь.

Он пропустил её замечание мимо ушей.

— Думаю, стоит пригласить Миллеров к нам на Рождество. Будет хорошая возможность пообщаться с ними в более непринуждённой обстановке и поближе познакомиться с твоим молодым человеком.

Софи удивлённо посмотрела на него.

— Ты хочешь пригласить Адама и его родителей к нам?

— Именно. Уверен, Каталина тоже будет рада познакомиться с твоим парнем и его семьёй.

Софи невольно вздохнула. Она уже представляла, как дедушка превратит рождественский ужин в неофициальное собеседование для Адама.

— Ты ведь понимаешь, что это просто ужин, а не встреча двух семей для обсуждения нашего будущего?

— Посмотрим, София, — ответил Альберто с едва заметной улыбкой.

И по его тону она поняла, что дедушка уже всё решил.

Глава 14

Софи и Дженна собирали вещи, раскладывая одежду по чемоданам. В комнате царил беспорядок: открытые сумки, разбросанные свитера и косметика, которую Дженна упорно пыталась запихнуть в отдельную косметичку.

— Боже, наконец-то каникулы! — радостно выдохнула Дженна, застёгивая чемодан. — Почти пять недель без лекций, бесконечных заданий и преподавателей, которые считают, что у нас нет личной жизни. Пять недель свободы, Софи! Я намерена провести их с максимальной пользой.

— И что же ты подразумеваешь под пользой? — улыбнулась Софи.

— Сон, еду, Лиама и ещё немного сна. В произвольном порядке.

Софи рассмеялась, складывая в сумку свёрнутый свитер, но улыбка быстро сошла с её лица.

— Я всё думаю о Рождестве. Дедушка уже пригласил Адама и его семью к нам. И мне почему-то кажется, что для него это больше похоже на деловую встречу, чем на обычный семейный ужин. Будто он уже всё решил за меня.

Дженна перестала возиться с молнией и посмотрела на подругу.

— Соф, ты любишь Адама, и он любит тебя. Какая разница, считает дедушка это сделкой или нет? Пусть хоть контракт на двадцать страниц составляет, если ему так спокойнее. Главное, что ваши отношения — не его бизнес-проект.

— Ты умеешь утешать.

— Я знаю. У меня редкий талант.

Софи покачала головой, улыбаясь.

— А ты собираешься познакомить Лиама со своей семьёй?

— Конечно. Он, правда, уже начал сопротивляться, но я его потащу. Пусть привыкает к мысли, что встречаться со мной — значит иногда переживать семейные допросы.

— Бедный Лиам.

— Не жалею его. С его мамой я уже познакомилась — она крутая, сама знаешь.

Софи, помедлив, спросила:

— А где Маркус будет отмечать Рождество? Он ведь отказался приезжать к нам вместе с Миллерами.

Дженна на мгновение замолчала, а затем закатила глаза.

— Соф, не переживай. Он собирался к отцу. Хотел проверить, не спился ли тот окончательно, — грустно произнесла она.

Софи нахмурилась, но решила не спрашивать дальше.

— Я просто не хочу, чтобы он оставался один.

— Он не маленький мальчик. И, кстати, они с Адамом немного повздорили из-за этих дурацких боёв без правил. Дин всё разболтал Адаму. Откуда этот придурок вообще узнал?

Дженна подозрительно прищурилась, посмотрела на Софи, а потом рассмеялась.

— Хотя могла бы и догадаться. Этот чёрт за тобой в огонь пойдёт! Как ты вообще этого парня к своей ноге привязала?

— Дженна!

— Ладно-ладно, молчу.

Софи закатила глаза, но улыбку скрыть не смогла.

— Прости, что не рассказала тебе сразу, — уже серьёзнее произнесла она. — Я очень переживала из-за того, что скрываю всё от Адама. И боялась, что с Маркусом что-нибудь случится. Я не хотела, чтобы кто-то пострадал.

Дженна смягчилась и подошла ближе, легко толкнув её плечом.

— Эй, перестань извиняться. Может, оно и к лучшему, что Адам теперь знает. По крайней мере, больше не придётся разрываться между секретами и чувством вины. Они с Маркусом сами разберутся.

— Надеюсь.

— И не вздумай винить себя за их ссору. Маркус всё равно будет делать то, что считает нужным для себя. Адам может сколько угодно ругаться, но со временем примет его решение. Они же братья, даже если иногда ведут себя как два упрямых барана.

Софи невольно улыбнулась.

— Очень точное описание.

— Я знаю этих двоих достаточно давно, чтобы иметь право на подобные выводы.

Дженна вдруг выпрямилась, словно вспомнила нечто чрезвычайно важное, и полезла в свой чемодан.

— Ладно, хватит о грустном. Нам нужно решить, в чём ты будешь встречать Рождество. У меня есть для тебя кое-что интересное!

Она вытащила блестящую мини-юбку и подняла её перед Софи, словно демонстрировала произведение искусства.

— Вот! Надеваешь это, добавляешь красивый топ, каблуки — и готово. Адам забудет собственное имя.

Софи посмотрела на юбку с сомнением.

— Дженна, она же едва прикрывает всё необходимое.

— Именно! Ты быстро схватываешь суть.

— Это совсем не мой фасон.

— София Новарро, ты скучная! — возмутилась Дженна. — И как ты вообще соблазнила Адама с таким отношением к красивой одежде?

— Кажется, он полюбил меня не за юбки.

— Да, но зачем лишать мужчину возможности лишиться дара речи?

Софи рассмеялась и вернула юбку подруге.

— Оставь её себе, искусительница.

— Ладно, но если передумаешь, она твоя. И каблуки тоже можешь взять. У тебя ноги просто огонь, не прячь их под скучными нарядами.

— Я подумаю, — пообещала Софи, чтобы прекратить спор.

В этот момент в дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, вошёл Адам. Увидев Софи, он сразу улыбнулся, подошёл к ней и нежно поцеловал в губы.

— Привет, — тихо произнесла она, улыбаясь ему в ответ.

— Привет, Софи.

Следом за ним в комнату вошёл Маркус. Он бросил на них мимолётный взгляд, будто уже привык к подобным проявлениям нежности, и перевёл внимание на горы вещей.

Дженна довольно улыбнулась.

— Какие вы сладкие. Прямо невозможно смотреть без риска получить кариес.

— Рад, что ты довольна, — невозмутимо ответил Адам.

— А ты уже всё собрала? — обратился Маркус к Дженне, оглядывая комнату. — Или мне стоит заказать грузовик?

— Очень смешно, Деверо, — бросила Дженна, запихивая в сумку очередную вещь.

Адам тем временем присел рядом с чемоданом Софи.

— Давай помогу.

— Я почти закончила.

— Я вижу. Осталось всего-то собрать половину твоего гардероба.

— Не преувеличивай, — улыбнулась Софи, передавая ему стопку одежды.

Он аккуратно уложил вещи, помог застегнуть чемодан и поднял его с пола.

Маркус тем временем взялся за чемоданы Дженны. Их оказалось так много, что он несколько секунд молча смотрел на них, словно пытался понять, не собирается ли она переехать в другую страну навсегда.

— Ты серьёзно? — наконец спросил он. — Дженна, мы едем домой на Рождество, а не открываем филиал магазина одежды.

— Не начинай. Мне всё это нужно.

— Конечно. Надеюсь, твоя машина умеет ездить с перегрузом. А то придётся выбирать: ты, я или твой гардероб. И что-то подсказывает мне, что шансов у меня меньше всех.

Дженна прыснула со смеху.

— Ой, бедный Маркус. Может, тебе массаж заказать?

— Лучше оплати мне физиотерапевта на январь.

— Нытик.

— Катастрофа в обуви, — парировал он.

Отец Дженны запретил ей ехать одной на такое большое расстояние, поэтому Маркус согласился отвезти её домой на её красном «Порше». Судя по количеству вещей, поездка обещала стать для него испытанием.

Когда чемоданы наконец оказались у двери, Адам взял сумки Софи.

— Ну что, готова?

— Теперь да.

Дженна поспешила к Софи и Адаму. По очереди поцеловав обоих в щёки и широко улыбнулась.

Софи обернулась к Маркусу, который всё ещё возился с чемоданами Дженны.

— Счастливого Рождества, Маркус.

Он на секунду отвлёкся и посмотрел на неё.

— И тебе счастливого Рождества, София. Не скучай.

Софи улыбнулась, не обратив внимания на его сдержанность. А Маркус задержал на ней взгляд всего на мгновение, прежде чем отвернуться.

Он постепенно привыкал к Софии. К её мягкости, спокойной манере говорить и тому, как рядом с ней Адам становился по-настоящему счастливым. И, к собственному удивлению, Маркусу это нравилось. Он видел, как брат смотрит на неё, как невольно улыбается в её присутствии.

Адам узнал о боях без правил и был в ярости не столько из-за самих драк, сколько из-за того, что Маркус подвергал себя опасности и ничего ему не рассказывал. Маркус же не собирался оправдываться. Он знал, что брат попытается помочь.

Особенно он не хотел, чтобы обо всём узнали Лейн и Сэм. Они никогда ни в чём ему не отказывали, приняли его в семью, когда он потерял мать, и ни разу не дали почувствовать себя чужим. Если бы он попросил денег, они бы помогли без лишних вопросов. Но Маркус не хотел брать их деньги.

Он хотел иметь собственные средства — заработанные им самим, без необходимости объяснять, куда они уходят и зачем ему понадобились. Он не был родным сыном Миллеров, как бы сильно они ни старались показать обратное. И хотя разумом он давно понимал, что для них это ничего не меняло, принять их заботу до конца всё ещё было непросто.

У него когда-то была своя семья. Мать, которая любила его, и отец, которого Маркус давно ненавидел. После смерти матери от прежней жизни почти ничего не осталось. И всё же он продолжал помогать отцу деньгами, даже если каждый раз убеждал себя, что делает это в последний раз.

Поэтому он и ввязался в бои. Не ради острых ощущений и не ради чужого одобрения. Ему нужны были собственные деньги, а это казалось самым быстрым способом их получить.

Маркус подхватил очередную сумку Дженны и тяжело вздохнул.

— Если там ещё хоть одна вещь, я оставлю её здесь.

— Даже не думай, Деверо! — тут же отозвалась Дженна.

Он усмехнулся, покачав головой, и понёс сумки к выходу, стараясь не думать ни о предстоящей поездке, ни о ссоре с Адамом, ни о том, как сложно иногда было позволить другим людям заботиться о нём.

Впереди было Рождество — время семейных встреч, долгожданных объятий, подарков под нарядной ёлкой, горячего чая, уютных посиделок у камина и разговоров, которые хотелось вести до самого утра. Но для каждого из них этот праздник обещал принести нечто своё.

Глава 15

Рождество прошло замечательно. Семья Софи тепло приняла Миллеров, а Лейн и Каталина с первых минут нашли общий язык. Они разговаривали так непринуждённо, словно знали друг друга много лет.

Софи была особенно рада провести время с племянником Ником. Она почти не выпускала малыша из рук, играла с ним и смеялась каждый раз, когда он тянулся к её волосам.

За праздничным ужином Каталина попросила дочь сыграть на фортепиано для гостей. Софи немного замялась, но всё же согласилась. Когда в комнате зазвучала музыка, Лейн и Сэм удивлённо переглянулись. Они не подозревали, что Софи так хорошо играет.

Альберто тем временем расспрашивал Адама о планах на будущее.

— После выпуска я собираюсь работать в юридической фирме родителей, — спокойно ответил Адам. — Хоккей для меня важен, но это скорее увлечение. Я всегда хотел заниматься юриспруденцией.

Дедушка остался доволен. Адам был воспитанным, серьёзным молодым человеком из уважаемой семьи, с хорошими перспективами. Альберто и представить не мог более подходящего избранника для внучки. Тем более что Софи сама выбрала человека, который соответствовал его ожиданиям.

Позже, когда они с Адамом остались наедине, Софи развернула свой подарок. На ладони лежала тонкая цепочка из белого золота с подвеской в виде музыкальной ноты, украшенной маленькими бриллиантами.

— Адам... Она прекрасна.

— Я хотел подарить тебе что-то особенное, — сказал он, застёгивая цепочку у неё на шее. — И хочу, чтобы однажды ты всё-таки исполнила свою мечту. Чтобы ты пела, София. Не потому, что кто-то разрешит, а потому, что сама этого захочешь.

Софи коснулась подвески и посмотрела на него влажными от волнения глазами.

— Я тебя люблю, Софи.

— Я тебя люблю, Адам.

Она прижалась к нему, чувствуя, как понемногу отпускает страх перед собственными мечтами.

Однажды вечером Софи спросила Адама, помирился ли он с Маркусом после ссоры из-за боёв без правил.

— Мы поговорили, — ответил Адам. — Я всё ещё не одобряю то, чем он занимается, но не собираюсь его отговаривать. Маркус всё равно поступит по-своему.

— Ты не боишься, что с ним что-нибудь случится?

— Боюсь. Он мой брат. Но я не могу прожить его жизнь за него.

Адам помолчал, а потом добавил:

— Может, как-нибудь сходим посмотреть на один из боёв? Я хочу быть рядом с ним.

Софи нахмурилась.

— Мне не по душе эта идея, — честно призналась она. — Но если для тебя это важно, я пойду с тобой.

— Спасибо, Софи.

Каникулы пролетели незаметно. За неделю до начала занятий Софи приехала в дом Миллеров.

Лейн и Сэм встретили её как родную. Белла и Аврора радостно носились вокруг, требуя внимания, а Маркус, заметив, как Софи присела на пол, чтобы почесать одну из собак за ушами, только усмехнулся.

— Осторожнее. Они быстро понимают, кого можно использовать в своих интересах.

— В отличие от некоторых людей, они хотя бы не скрывают своих намерений, — ответила Софи.

Маркус не ответил.

С Адамом он снова был почти таким же, как прежде. Они вместе тренировались, говорили о хоккее и могли часами обсуждать что угодно. Софи радовало видеть, что между братьями постепенно возвращается привычная близость, хотя тема боёв по-прежнему оставалась болезненной.

В один из дней к Миллерам приехала Дженна. С порога она сообщила, что поссорилась с Лиамом.

— Мой отец решил, что наши отношения — не самая удачная идея, — объяснила она, усаживаясь на диван. — По его мнению, у Лиамы нет ничего, кроме хоккея. Его семья не такая обеспеченная, как наша, и папа почему-то решил, что это повод для беспокойства.

— И что ты ему сказала? — спросила Софи.

— Что я люблю Лиаму не за деньги и не за фамилию. А ещё напомнила, что отец зря судит о человеке по тому, сколько у него на счету. Маркус тоже не родился в богатой семье, но это никак не мешает ему быть хорошим человеком. Разве деньги определяют, чего человек стоит?

Софи понимающе улыбнулась, но Дженна тут же нахмурилась.

— И знаешь, что меня разозлило больше всего? Лиам согласился с моим отцом. Вместо того чтобы поговорить со мной и вместе решить, как быть дальше, он заявил, что, возможно, папа прав и мне не стоит усложнять себе жизнь.

— Наверное, он просто не хочет, чтобы из-за него у тебя были проблемы с семьёй, — осторожно предположила Софи.

— Я понимаю, но это не значит, что он может решать за меня. Я люблю его и не собираюсь отказываться от наших отношений только потому, что мой отец считает его недостаточно хорошей партией.

Дженна всё же добила своего: отец согласился дать Лиаму шанс, хотя и предупредил, что будет внимательно следить за тем, как развиваются их отношения.

— «Посмотрим, что из этого выйдет», — передразнила она отца. — Ненавижу эту фразу. А Лиаму ещё предстоит объяснить, что я не собираюсь сдаваться при первой же трудности.

— По крайней мере, твой отец согласился, — заметил Маркус.

— Не начинай. Ты сегодня на моей стороне или нет?

— Я на стороне здравого смысла. А он, как ни странно, иногда совпадает с твоей.

Дженна закатила глаза, но улыбнулась. Она всё ещё злилась на Лиаму, однако слишком сильно его любила, чтобы позволить одному спору разрушить то, что было между ними.

В следующие дни они много времени проводили вместе. Лейн готовила для всех, Сэм рассказывал истории из детства Адама и Маркуса, а Белла и Аврора неизменно устраивались рядом с Софи, стояло ей сесть на диван.

Когда приехал Лиам, дом стал ещё шумнее. Сэм и Лейн были рады принять его на несколько ночей.

Маркус и Лиам очень сблизились: играли в PlayStation, вместе бегали по утрам и тренировались, а иногда уходили куда-то вдвоём и о чём-то перешёптывались. Стоило Дженне поинтересоваться, что они задумали, как оба лишь переглядывались с одинаковыми ухмылками, явно не собираясь посвящать её в свои секреты. Она их иногда поддразнивала, напоминая, что они не на хоккейных сборах.

Тем временем Дженна помирилась с Лиамом. Ей нравилось видеть, как Лиам становится частью жизни Миллеров, и оставалось надеяться, что он наконец перестанет сомневаться в их отношениях.

Адам тем временем показывал Софи места, связанные с его детством. Они гуляли по заснеженным дорожкам, останавливались у старого дерева, на которое он когда-то пытался

забраться вместе с Маркусом, и проходили мимо площадки, где они с Дженной устраивали свои детские шалости.

— А здесь мы однажды спрятали папины ключи, — рассказывал Адам.

— И что было дальше?

— Мы забыли, куда их положили. Папа искал ключи три часа.

Софи смеялась, а Адам смотрел на неё с такой нежностью, что ей хотелось, чтобы эти дни никогда не заканчивались.

Вечером, когда остальные уже разошлись по комнатам, Софи и Адам остались вдвоём в его комнате. Они сидели на кровати, разговаривая вполголоса. Адам осторожно убрал прядь волос с её лица и поцеловал её.

Софи ответила на поцелуй, чувствуя, как исчезает привычное волнение. Она доверяла ему и знала, что может остановить его в любой момент.

Его руки медленно опустились на её бёдра, а затем плавно скользнули выше, под край кофты, нежно проведя по животу. Софи едва заметно вздрогнула от прикосновения, и Адам тут же остановился. Он отстранился ровно настолько, чтобы заглянуть ей в глаза.

— София, ты уверена? — спросил он тихо. — Нам некуда спешить.

Она нежно коснулась его щеки.

— Я уверена. Я хочу этого с тобой.

Он поцеловал её снова — медленно, бережно, словно у них впереди было всё время мира. Между ними не осталось ни неловкости, ни необходимости что-то доказывать. Только близость, доверие и тихая уверенность в том, что они оба этого хотят.

Когда Софи впервые открылась ему полностью, Адам был внимателен к каждому её движению и не торопил её. Он обнимал её, целовал и время от времени спрашивал, всё ли в порядке. Для Софи это был новый, немного пугающий, но одновременно прекрасный опыт. Она чувствовала себя любимой и защищённой, и именно это помогало ей не бояться неизвестности.

Позже она лежала у него на груди, слушая ровный стук его сердца. Адам осторожно поглаживал её по волосам и целовал в макушку.

— Всё хорошо? — спросил он.

— Да, — прошептала Софи. — Даже лучше, чем я представляла.

Он улыбнулся и крепче обнял её.

— Я люблю тебя, моя Софи.

— И я тебя люблю.

За окном падал снег, дом постепенно затихал, а Софи впервые за долгое время чувствовала себя совершенно спокойной. Ей не нужно было думать о дедушкиных ожиданиях, о будущем или о том, кем она должна стать.

В эту ночь ей было достаточно просто быть собой — рядом с человеком, которого она любила.

Глава 16

Полгода пролетели незаметно.

К концу учебного года София уже не чувствовала себя чужой в Гарварде. Она знала короткие пути между корпусами, любимые столики в библиотеке и места, где можно было спрятаться от шума кампуса. У неё появились привычки, близкие люди и воспоминания, которые она хотела сохранить.

И всё же кое-что оставалось неизменным.

Она по-прежнему училась на юриста, потому что этого ждала семья. По-прежнему прятала свои мелодии в заметках телефона и запертых тетрадах. И по-прежнему каждый раз, когда кто-нибудь спрашивал, чего она хочет сама, не знала, как ответить честно.

— Ты опять написала песню? — спросил Дэвид, заглянув через плечо Софии.

Она тут же захлопнула тетрадь.

— Ты когда-нибудь слышал о личном пространстве?

— Слышал. Софи, ты талантливая. Это преступление — прятать такое от мира.

Он устроился напротив неё в университетском кафе, поставил на стол два стакана кофе и посмотрел на неё с привычной решимостью.

За последние полгода он не оставил попыток уговорить её присоединиться к группе, которую собрал Гарри Уайлд. Ребята репетировали в доме барабанщика, оборудовав там небольшую музыкальную студию. По выходным они иногда выступали в местном кафе неподалёку от кампуса, постепенно собирая свою аудиторию.

София знала об их успехах, но сама не стремилась стать частью группы. Она не собиралась петь вместе с Гарри или писать для них песни. Обещание, данное дедушке, по-прежнему удерживало её от мечты, которой она когда-то хотела посвятить себя.

— У нас есть вокалист, я играю на гитаре, у нас есть басист, клавишник и барабанщик. С музыкальной частью всё неплохо, но нам не хватает чего-то особенного, — Дэвид подался вперёд. — Ты играешь на скрипке и фортепиано, пишешь стихи, придумываешь тексты и мелодии. А ещё ты двигаешься так, будто музыка живёт в каждом твоём жесте. Ты могла бы добавить нашим песням то, чего нам сейчас не хватает.

— Вам не хватает человека, который будет терпеть Гарри.

— Это тоже важная должность.

София рассмеялась, но Дэвид не улыбнулся в ответ.

— Я серьёзно. Ты можешь писать музыку, петь, выступать. Ты каждый раз оживаешь, когда говоришь об этом. А потом закрываешь тетрадь и возвращаешься к своим юридическим конспектам. Ты могла бы стать частью группы.

Она опустила взгляд на чашку.

София ничего не ответила.

Дэвид вздохнул и смягчился.

— Ладно. Я не буду заставлять тебя. Но если однажды ты решишь попробовать, ты знаешь, где меня найти.

София улыбнулась, но, когда Дэвид ушёл, снова открыла тетрадь.

На странице были несколько нотных строк и короткая мелодия, которую она сочинила прошлой ночью.

Она тихо напела её себе под нос.

А потом закрыла тетрадь.

Как всегда.

С Дженной за эти месяцы они стали почти сёстрами.

Они делились одеждой, секретами, косметикой, обсуждали преподавателей, жаловались на учёбу и могли часами разговаривать перед сном. Дженна знала, когда София нуждается в совете, а когда ей достаточно просто посидеть рядом.

Дженна почти всё свободное время проводила с Лиамом.

— Я люблю его, — объявила Дженна однажды, сидя на кровати Софии.

София подняла голову от подушки.

— Доброе утро и тебе.

— Я серьёзно.

— Я заметила. Ты говоришь об этом примерно каждые три часа.

— Потому что это правда!

Дженна бросила в неё подушку.

София рассмеялась и вернула её обратно.

Отношения Дженны и Лиамы развивались спокойно и уверенно. Он был внимательным, тёплым и терпеливым, а рядом с ним Дженна, обычно громкая и дерзкая, иногда становилась удивительно нежной.

Тем временем у Маркуса была бурная личная жизнь. Девушки рядом с ним появлялись часто, и Софи порой замечала, как он уходил с вечеринки в компании очередной красавицы. Иногда девушка могла провести с ним несколько вечеров подряд, а потом исчезнуть из его жизни так же внезапно, как появилась.

Встречался ли он с ними по-настоящему или всё ограничивалось короткими увлечениями, Софи не знала. Маркус не делился подробностями, а она не хотела лезть в его личную жизнь. По нему было сложно понять, что он чувствует.

Тем временем его успехи в хоккее шли в гору. Он тренировался почти без передышки, всё больше выделяясь среди игроков команды. Но примерно раз в месяц Маркус по-прежнему участвовал в подпольных боях.

Это особенно тревожило Адама и Дженну. Они пытались убедить его отказаться от опасного увлечения, но Маркус оставался непреклонен. Софи тоже побывала на нескольких боях вместе с ними — и больше не хотела возвращаться.

Там было жутко громко, повсюду пахло алкоголем и сигаретами. Толпа кричала, подталкивая бойцов, а на ринге всё быстро превращалось в жестокую схватку. Софи тяжело было смотреть, как после очередного удара на лице Маркуса выступает кровь.

Маркус держался уверенно. Крупный, спортивный, с хорошо развитой мускулатурой, он двигался быстро и точно, словно заранее угадывал действия соперника. Но даже его уверенность не могла успокоить Софи. Каждый раз она боялась, что однажды он не поднимется после очередного удара. Но, как бы сильно её ни тревожили его подпольные бои, жизнь продолжалась, наполняясь другими событиями, встречами и моментами, которые постепенно сближали их компанию.

За эти полгода Дин стал для Софи по-настоящему родным человеком. С ним она могла говорить обо всём, не боясь, что её неправильно поймут или осудят. София показывала ему свои стихи, делилась мыслями, которые прежде держала при себе, и постепенно открывала ту часть себя, которую так долго прятала от окружающих.

Дин относился к её творчеству серьёзнее, чем она ожидала. Он мог сколько угодно шутить над окружающими, но, читая стихи, становился неожиданно внимательным. Иногда он возвращался к строчкам, которые Софи сама считала незначительными, и убеждал её, что в них есть что-то особенное.

Вместе с Адамом он продолжал уговаривать Софию попробовать свои силы в группе Гарри Уайлда. А она всё ещё не была готова сделать этот шаг, но теперь хотя бы могла говорить о своей мечте вслух.

Ребята много раз ездили к Миллерам на выходные. Их дом постепенно стал для Софи местом, где можно было забыть об учёбе, семейных ожиданиях и бесконечных планах на будущее. Там всегда находилось место для всех, а Лейн умела накормить целую компанию так, словно ждала их с самого утра.

Один из таких вечеров Софи будет помнить особенно хорошо.

Они собрались в гостиной после ужина. Лиам подключил музыку, Дженна принесла напитки, а Дин, как обычно, решил, что обычного вечера недостаточно.

— Господа, — торжественно объявил он, забирая у Лиам пульт, — сегодня мы докажем, что талант не всегда требует профессиональной подготовки.

— Судя по твоим танцам, иногда он вообще не требуется, — заметил Маркус.

Дин прижал руку к груди, изображая оскорблённое достоинство.

— Деверо, я прощаю тебе эту зависть.

Адам рассмеялся, а Софи едва успела поставить стакан на стол, как Дин протянул ей руку.

— Софи, окажи мне честь.

— Я уже начинаю жалеть, что приехала.

— Поздно. Контракт подписан.

Он вытащил её в середину гостиной, где в тот момент заиграла *Cheri, Cheri Lady* группы Modern Talking.

Сначала они просто смеялись и пытались попадать в ритм, но Дин быстро превратил танец в настоящее представление. Он кружил Софи, нелепо двигал плечами и с таким серьёзным лицом изображал профессионального танцора, что она не могла перестать смеяться.

— Дин, ты вообще понимаешь, что делаешь? — крикнула Дженна, уже согнувшись от смеха.

— Разумеется! Я создаю историю!

— Тогда история явно нуждается в реабилитации! — отозвался Лиам.

В следующую секунду Дин схватил его за руку и втянул в их импровизированный танец. Теперь они втроём двигались посреди гостиной, совершенно не попадая в такт, зато искренне наслаждаясь происходящим.

Дженна смеялась так громко, что даже Адам не мог удержаться от улыбки. Маркус стоял у дивана, покачивая головой, но на его лице появилась редкая, почти незаметная улыбка. Белла и Аврора носились вокруг друзей, путались под ногами и радостно лаяли, будто тоже решили присоединиться к празднику.

— Смотрите, даже собаки танцуют лучше тебя! — крикнула Дженна Дину.

— Они мои ученицы! Я лично поставил им хореографию!

— Тогда я понимаю, почему они всё время бегают кругами, — заметил Маркус.

Они смеялись до слёз. Когда песня закончилась, Дин поклонился Софи с таким размахом, будто они только что выступили перед тысячной аудиторией. Софи присела в ответ, и он тут же объявил, что отныне *Cheri, Cheri Lady* — официальная песня их компании.

И почему-то она действительно ею стала.

Стоило кому-нибудь включить первые ноты, как Дженна начинала подпевать, Лиам принимался отбивать ритм, а Дин немедленно искал Софи глазами, готовый снова вытащить на середину комнаты. Адам обычно протягивал Софи руку и с улыбкой присоединялся к танцам, притягивая её к себе и кружась под музыку. Иногда он пел Софи прямо на ухо, нарочно фальшивя, чтобы рассмешить, и тогда они оба забывали о танцах, едва сдерживая смех. Даже Маркус больше не пытался делать вид, что вся эта затея его раздражает.

За это время они провели в доме Миллеров немало таких выходных. Иногда смотрели фильмы до глубокой ночи, иногда устраивали соревнования в видеоиграх, иногда просто сидели на кухне и разговаривали обо всём на свете. Адам показывал Софи старые семейные

фотографии, Лейн готовила что-нибудь вкусное, Сэм обсуждал с Маркусом хоккей, а Белла и Аврора неизменно старались устроиться поближе к кому-нибудь из них.

Постепенно этот дом стал для Софи чем-то большим, чем просто местом, где жила семья её парня. Здесь она чувствовала себя своей.

И, пожалуй, именно тогда она поняла, насколько сильно привязалась ко всем им. К Адаму, рядом с которым ей было спокойно и легко. К Дженне, без которой она уже не представляла своей жизни. К Маркусу, чья редкая улыбка всегда казалась маленькой победой. К Лиаму, чья доброта и открытость делали любую встречу веселее. И к Дину, который помог Софи поверить, что её стихи и музыка заслуживают того, чтобы их слышали.

В доме Миллеров Софи не нужно было притворяться кем-то другим. Здесь её принимали такой, какая она есть, — и это значило для неё гораздо больше, чем она могла представить.

Глава 17

К середине мая кампус постепенно менялся. После последних лекций и итоговых экзаменов студенты начинали собирать вещи, строить планы на лето и обсуждать, кто куда уедет на каникулы. Первый учебный год в Гарварде подходил к концу, и Софи с удивлением понимала, как быстро пролетели эти месяцы.

После года, проведённого с друзьями, мысль о расставании казалась особенно неприятной. Поэтому в последний вечер перед отъездом они решили собраться всей компанией в баре неподалёку от кампуса и отметить окончание учебного года.

Вечер начался вполне спокойно. Они заняли большой стол, заказали напитки и еду, вспоминали самые смешные моменты прошедшего учебного года и шутили о том, как сильно будем скучать друг по другу летом.

Дженна довольно быстро решила, что одного коктейля недостаточно для полноценного празднования, а Дин с готовностью поддержал её идею. Вскоре они уже спорили о том, кто из них лучше танцует, хотя оба с трудом попадали в ритм музыки.

Когда кто-то предложил петь в караоке, Дженна поддержала идею с таким энтузиазмом, будто только этого и ждала весь вечер.

— Всё, теперь вы узнаете, на что я способна! — заявила она, хватая микрофон.

— Мы уже боимся, — заметил Маркус.

Но Дженна лишь показала ему язык и выбрала песню. Лиам присоединился к ней, а вскоре Дин выхватил второй микрофон и принялся подпевать так громко и самозабвенно, что София с Адамом не выдержали и тоже вышли к ним.

Софи не сразу решилась петь перед всеми, но Адам протянул ей руку.

— Ну же, Софи. Сегодня никаких отговорок.

— Ты ведь знаешь, что я не собиралась выступать.

— Это не выступление. Просто мы с тобой поём вместе.

И она согласилась.

Они выбрали песню, которую знали почти наизусть, и вскоре уже пели вместе с остальными. Дин нарочно брал не те ноты, Дженна смеялась прямо в микрофон, а Лиам пытался удержать её от очередной безумной выходки. Даже Маркус в какой-то момент присоединился к ним, хотя потом долго уверял, что его заставили.

Адам всё это время держал Софи за руку. Когда их взгляды встречались, он улыбался, и она чувствовала себя настолько счастливой, что ей хотелось остановить время.

В тот вечер они пели, танцевали и смеялись до боли в животе. Дженна с Дином успели поспорить о том, кто из них лучше исполняет баллады, а закончилось всё тем, что они вдвоём фальшиво пели очередную песню, обнявшись за плечи.

— Если нас когда-нибудь попросят выступить вместе, — заявил Дин, когда мы наконец вернулись к столу, — я соглашусь только при условии, что Дженна будет отвечать за хореографию.

— А ты — за молчание между песнями, — парировала она.

Они снова рассмеялись.

Ребята провели вместе весь учебный год, и за это время стали гораздо ближе, чем могли представить в самом начале. И, наверное, именно поэтому мысль о предстоящем расставании казалась такой неприятной.

На следующий день кампус казался непривычно тихим. Чемоданы стояли у дверей, машины ждали у общежитий, и каждый пытался растянуть последние минуты вместе.

Дженна обняла Софию так крепко, что она едва могла дышать.

— Звони мне. И не вздумай исчезнуть в Испании, поняла?

— Обещаю. Но ты тоже не забывай обо мне, когда будешь с Лиамом.

— Не могу ничего обещать, — пробормотала она, и они обе рассмеялись.

Лиам поцеловал её в висок и пообещал написать Софи, если Дженна начнёт слишком скучать по друзьям. Дин попрощался со всеми так театрально, словно они отправлялись на другой конец света, а не просто на летние каникулы.

— Софи, — сказал он, заключая её в объятия, — не забывай о своих стихах. И подумай о группе. Я всё ещё жду, когда ты признаешь, что рождена для сцены. Люблю тебя.

— А я всё ещё жду, когда ты научишься танцевать. Люблю тебя.

— Жестоко. Я запомню это предательство.

Софи рассмеялась и обняла его крепче. Дин стал ей очень близким человеком, и ей уже не хотелось представлять жизнь в университете без его шуток и поддержки.

Маркус стоял чуть поодаль, засунув руки в карманы. Когда Софи подошла к нему, он посмотрел на неё своим привычно спокойным взглядом

— Постарайся не стать образцовой наследницей за лето.

— Постарайся не сломать себе все кости за лето, — ответила она.

Уголок его рта дрогнул.

— Ничего не обещаю, София.

Она хотела сказать ему что-то ещё. Напомнить, что он не обязан справляться со всем один.

Но она не знала, услышит ли он её.

Поэтому просто улыбнулась.

— Береги себя, Маркус.

Он задержал на ней взгляд на секунду дольше обычного.

— Хорошего лета, София.

Напоследок она подошла к Адаму. Они стояли рядом с его автомобилем, и Софи совершенно не хотелось отпускать его руку.

— Я буду скучать, — призналась она.

— Я тоже, Софи.

— Пообещай, что мы будем созваниваться каждый день.

— Каждый день, — ответил он и поцеловал её. — И не успеешь оглянуться, как снова меня увидишь.

София обняла его, уткнувшись лицом ему в грудь. Ей предстояло провести лето в Испании с семьёй, а он оставался дома. Она знала, что несколько недель пролетят быстро, но от этого расставаться было не легче.

Когда она наконец села в машину, Адам всё ещё стоял у дороги. Софи смотрела на него через стекло, пока машина не свернула за угол.

Только тогда позволила себе вздохнуть.

Она уже скучала.

Она любила ту жизнь, которую постепенно построила сама.

Когда машина остановилась у дома, дедушка вышел встречать её. Он улыбался, говорил о предстоящей поездке в Испанию и уверял, что лето пойдёт ей на пользу.

София улыбнулась в ответ.

Она не стала спорить.

Впереди было целое лето, и она надеялась, что сможет найти в себе смелость хотя бы однажды сказать вслух, чего хочет на самом деле.

Потому что золотая клетка всё ещё оставалась красивой.

Но София всё чаще задумывалась о том, что однажды ей придётся открыть дверцу — даже если за ней окажется неизвестность.

Испания встретила Софи солнцем, тёплым морским воздухом и длинными днями, которые будто никогда не заканчивались. Семья старалась занять её делами, прогулками и встречами, но мысли всё равно возвращались к Адаму. Они переписывались, созванивались и рассказывали друг другу о каждом дне, однако ей не хватало простого — возможности коснуться его руки, услышать его смех рядом, обнять без прощания в конце разговора.

Поэтому девятое августа стало для неё настоящим сюрпризом.

В свой день рождения Софи вышла на террасу и увидела Адама. Он стоял у входа с дорожной сумкой в руке и улыбался так, словно совершенно не понимал, что только что сделал с ней.

София застыла на месте.

— Адам?

— С днём рождения, любовь моя.

Она бросилась к нему и обняла так крепко, как только могла. Он рассмеялся, подхватил её и закружил на месте.

— Ты приехал! — выдохнула она, всё ещё не веря своим глазам.

— Разве я мог пропустить твой день рождения?

Софи поцеловала его, не заботясь о том, кто может их увидеть. В тот момент ей казалось, что лучшего подарка просто не существует.

Следующие дни они провели вместе в Испании. Гуляли по узким улочкам, купались в море, ужинали на открытых террасах и встречали закаты, держась за руки. Иногда они почти не разговаривали — просто сидели рядом, наслаждаясь тем, что больше не нужно считать минуты до следующего звонка.

Когда пришло время возвращаться в кампус, София уже не боялась нового учебного года. Впереди их ждали занятия, друзья и новые события. Но главное — теперь она знала, что Адам будет рядом.

И этого ей было достаточно.

Глава 18

В конце августа они вернулись в Гарвард.

Кампус снова оживал после летнего затишья. Студенты возвращались с чемоданами, в коридорах общежитий гремели двери, а возле корпусов то и дело встречались знакомые лица.

Дженна обняла Софию так крепко, что та едва не выронила сумку.

— Я скучала!

— Я тоже!

— Больше никогда не уезжай на всё лето.

— Хорошо, в следующий раз я проведу лето в твоём шкафу.

— Отлично. Там достаточно места, если убрать половину одежды.

Лиам подошёл следом и обнял Софи.

— Вы собираетесь стоять здесь весь день?

— Да, — одновременно ответили девушки.

Дин появился последним, с солнечными очками на голове и таким видом, словно вернулся не с каникул, а из длительного путешествия по миру.

— Ну что, скучали по мне?

— Нет, — ответил Маркус, который стоял чуть позади Лиамы.

— Ты мог хотя бы сделать вид.

— Мог бы. Но не хочу.

София рассмеялась.

Маркус выглядел почти так же, как перед летом. Та же привычная полуулыбка, та же уверенность, за которой он прятал всё, что не собирался показывать окружающим.

Адам подошёл к Маркусу и крепко хлопнул его по плечу.

— Рад, что ты всё ещё жив, придурок.

Маркус усмехнулся и покачал головой.

— А я надеялся, что за две недели без тебя наконец-то отдохну.

— Соскучился, значит.

— Не льсти себе.

Адам рассмеялся и притянул его к себе, коротко обняв. Маркус поначалу остался неподвижен, но через мгновение всё же хлопнул брата по спине.

— Ладно, — пробормотал он. — Рад, что ты вернулся.

— Вот это уже больше похоже на признание в любви.

— Ещё слово — и снова улетишь в Испанию.

— А София будет скучать.

— К сожалению, — сухо ответил Маркус, хотя уголок его губ дрогнул.

София рассмеялась, глядя на них.

Никто не захотел устраивать большую вечеринку в первый день после возвращения. Все устали от дороги, разбора вещей и бесконечных разговоров о предстоящем семестре. Поэтому решили просто посидеть своей компанией, заказать еду и выпить.

В комнате Дина в доме братства на столе стояли коробки с пищей, миски с закусками и бутылки. Лиам устроился рядом с Дженной на кровати, Дин развалился на диване, а Софи сидела рядом с Адамом, положив ноги ему на колени.

Маркус расположился в кресле напротив.

Сначала разговор шёл обо всём подряд. О преподавателях, расписании, хоккее и о том, как Дин умудрился потерять свой багаж в аэропорту, хотя летел без пересадок.

— Это был не мой багаж, — возмущался Дин.

— Ты написал своё имя на чемодане, — заметил Лиам.

— Совпадение.

— И адрес.

— У меня распространённый адрес.

— Дин, на чемодане был твой телефон, — вставила Дженна.

— Ладно, я понял. Вы все против меня.

— Наконец-то ты начинаешь понимать жизнь, — сказал Маркус.

Все засмеялись.

Даже Маркус.

— У меня есть предложение. Следующим летом мы обязаны вместе прокатиться по Европе. — Дин откинулся на спинку дивана и поднял бутылку, словно собирался произнести торжественную речь.

Дженна тут же оживилась.

— Вот это уже звучит интересно. Продолжай.

— Представьте: начинаем с Франции. Париж, маленькие бары с живой музыкой, уютные винные бистро, где мы будем делать вид, что разбираемся в сортах вина. Потом отправляемся на юг, к морю. Днём загораем, купаемся, арендуем лодку, а вечером сидим на пляже с напитками и встречаем закат.

— Надеюсь, ты не собираешься заставить нас слушать свои речи о французской культуре в каждом заведении, — заметил Маркус.

— Я буду нашим главным экспертом по ночной жизни.

— Тогда нам точно понадобится кто-то, кто будет следить за тем, чтобы ты не потерялся, — рассмеялся Лиам.

Дин показательно проигнорировал замечание.

— Потом Италия! Узкие улочки, кафе на открытых террасах, паста, пицца и бары, где музыка не стихает до самого утра. Будем танцевать так, будто на следующий день нам не нужно никуда идти.

— С твоими танцевальными способностями нас оттуда выставят через десять минут, — заметила Дженна.

— Зато меня запомнят.

— К сожалению, это правда, — пробормотал Маркус.

— А ещё можно отправиться в Хорватию или Грецию, — вмешался Лиам. — Там красивые бухты, где можно плавать, нырять и проводить целые дни на воде.

— И сплавать по горным рекам! — подхватил Дин. — Представляете? Мы все в одной лодке, несёмся по порогам, Дженна кричит на Лиаму, потому что он гребёт не в ту сторону, а Маркус пытается утопить меня под предлогом несчастного случая.

— Я бы даже не стал придумывать предлог, — отозвался Маркус.

— Вот за это я тебя и ценю.

Софи улыбалась, слушая их. Она уже представляла тёплый морской ветер, незнакомые города, шумные площади и долгие вечера в небольших заведениях, где столики стоят прямо на тротуаре, а над головой загораются гирлянды.

— И никаких ранних подъёмов, — добавил Дин. — Никаких расписаний. Мы будем гулять до рассвета, пить коктейли в барах у моря, танцевать в клубах, знакомиться с людьми и встречать закаты в каждом городе, где задержимся больше чем на один день.

— То есть ты предлагаешь две недели без сна? — уточнила Дженна.

— Я предлагаю культурное путешествие с насыщенной ночной программой.

— Какое благородное название для твоих безумств, — усмехнулся Лиам.

— Спасибо. Я знал, что ты оценишь мой интеллект.

Адам посмотрел на Софию и заметил её улыбку.

— Уже представляешь, как мы все потеряем Дина где-нибудь в Риме?

— Нет, — ответила она. — Скорее, как он потеряет паспорт, телефон и снова собственный чемодан.

— Софи, я начинаю подозревать, что ты меня недолюбливаешь, — трагически произнёс Дин.

— Неправда. Я тебя очень люблю.

— Ладно, тогда будешь отвечать за наши документы.

— Даже не мечтай.

Все снова рассмеялись.

— Значит, решено, — заявил Дин, обводя друзей взглядом. — Следующим летом — Европа. Море, приключения, бары, танцы, сплавы, закаты и истории, которые мы будем вспоминать до самой старости.

— Ты ещё не спросил, согласны ли мы, — заметил Маркус.

— А вы согласны?

— Я подумаю, — ответил тот.

— Это у него значит «да», — пояснил Адам.

— А это значит, что я могу передумать.

— Конечно, можешь. Главное, чтобы к следующему лету ты не передумал жить, — усмехнулся Адам.

Маркус закатил глаза, но улыбнулся.

Софи посмотрела на друзей и поймала себя на мысли, что ей уже хочется этого путешествия. Не столько из-за красивых городов или моря, сколько из-за возможности снова оказаться рядом со всеми ними, забыть об учёбе и проблемах хотя бы на несколько недель и просто наслаждаться жизнью.

— Ладно, — сказала она. — Но если мы действительно поедem, я выбираю хотя бы один город.

— Договорились! — Дин тут же протянул ей руку. — Адам отвечает за романтические вечера, Лиам — за маршрут, Дженна — за музыку, Маркус — за то, чтобы нас не арестовали, а я...

— За то, чтобы мы все пожалели о своей затее, — закончил Маркус.

— Именно. Без меня вам будет скучно.

И, судя по смеху друзей, никто не собирался с этим спорить.

Глава 19

Когда Софи и Дженна снова въехали в свою комнату в общежитии, Дженна выглядела так, словно её приговорили к нескольким месяцам каторги.

Она стояла посреди комнаты, обводя взглядом две кровати, письменные столы и чемоданы, которые ещё даже не успели разобрать.

— Я не могу поверить, что мы снова здесь, — простонала она, падая на свою кровать. — После всего, что я пережила этим летом, меня опять ждут тонкие стены, шумные соседи и душ, в котором температура воды меняется по настроению.

Софи рассмеялась, вытаскивая из чемодана стопку вещей.

— Зато ты снова со мной.

— Именно это меня и удерживает от побега, — пробормотала Дженна, приподняв голову. — Хотя я предлагала Лиаму кое-что получше.

Софи замерла, держа в руках свитер.

— Например?

— Например, жить вместе.

На лице Дженны появилось непривычное для неё выражение нерешительности. Она тут же отвернулась, будто надеялась, что Софи не заметит.

Но Софи заметила.

— Ты хочешь съехаться с ним?

— Очень, — призналась Дженна. — Мне нравится просыпаться рядом с ним.

— Тогда в чём проблема?

Дженна вздохнула и отбросила косметичку на кровать.

— В деньгах. Точнее, в их отсутствии у Лиамы.

Софи ничего не ответила, давая подруге возможность продолжить.

— Мы могли бы снять квартиру недалеко от кампуса, но я знаю, что он не позволит мне платить за него. А если я предложу оплачивать большую часть расходов, он вообще откажется от этой идеи. Ты же знаешь Лиаму. Он скорее будет работать до изнеможения, чем согласится жить за мой счёт.

— Он просто хочет, чтобы вы были на равных.

— Я понимаю. И именно поэтому не хочу давить на него. Я не собираюсь превращать наши отношения в спор о том, кто за что платит. Но и ждать, пока он заработает достаточно, чтобы спокойно снимать жильё, мне не хочется. Я хочу жить с ним сейчас, а не когда-нибудь потом.

В её голосе не было привычной насмешливости. Только искреннее желание быть рядом с человеком, которого она любила.

Софи отложила свитер и села рядом с ней.

— Ты говорила с ним об этом?

— Конечно. Несколько раз. Он каждый раз отвечает, что мы ещё успеем, что сначала нужно закончить учёбу и разобраться с финансами. А потом целует меня, и я забываю все аргументы, которые приготовила.

Софи улыбнулась.

— Очень коварный метод.

— Не смешно.

— Немного смешно.

Дженна толкнула её плечом, но тоже улыбнулась.

— Я просто не хочу, чтобы деньги решали, сколько времени мы можем проводить вместе. Но и заставлять его принимать мою помощь я не стану.

Софи задумчиво посмотрела на подругу, а затем мягко сжала её руку.

— Дженна, ты ведь можешь просто дать ему время. Лиам гордый, и для него важно самому справляться со своими проблемами. Но это не значит, что вы не сможете жить вместе. Может, со временем вы найдёте решение, которое устроит вас обоих.

— А если нет?

— Тогда будете искать другое. Вы же не собираетесь расставаться из-за квартиры?

— Конечно, нет! — возмутилась Дженна. — Я слишком сильно его люблю, чтобы позволить какой-то недвижимости разрушить мои планы.

Софи рассмеялась.

— Вот и отлично. Не торопи его, но и не отказывайся от того, чего сама хочешь. Вы оба заслуживаете быть счастливыми, и для этого не обязательно, чтобы всё получилось прямо сейчас.

Дженна на мгновение замолчала, обдумывая её слова.

— Знаешь, иногда ты говоришь удивительно разумные вещи.

— Иногда?

— Не зазнавайся.

Софи рассмеялась, а Дженна обняла её за плечи.

— Спасибо. Мне просто хотелось с кем-то этим поделиться.

— Для этого я и нужна, — улыбнулась Софи.

Учебный год начался стремительно.

Лекции, семинары, бесконечные задания, кофе на бегу и вечера, которые редко заканчивались вовремя. Всё вернулось на свои места с удивительной лёгкостью, словно лето было лишь короткой паузой между двумя одинаково шумными главами их жизни.

Адам и Софи по-прежнему были вместе. Они не торопились съезжаться и пока даже не обсуждали эту возможность. Им нравилось иметь собственное пространство, встречаться после занятий, проводить вечера вдвоём и засыпать, переписываясь, если не могли быть рядом.

У Дина и Маркуса тем временем всё шло по привычному сценарию. Девушки быстро увлекались ими, надеясь на что-то большее, а затем понимали, что красивые улыбки и обаятельные взгляды вовсе не гарантируют серьёзных намерений. Дин любил флиртовать, осыпать девушек комплиментами и очаровывать их своей улыбкой, но дальше мимолётных интрижек и секса на одну ночь дело почти никогда не заходило. Он не искал отношений и не собирался притворяться, будто хочет большего. Маркус же притягивал девушек иначе. В нём чувствовались власть, уверенность и привычка добиваться своего. Он не пытался понравиться всем — ему и не приходилось. Девушки сами искали его внимания, а Маркус прекрасно знал, какое впечатление производит, и без угрызений совести пользовался этим, не торопясь связывать себя обязательствами.

В этом учебном году Маркус стал чаще участвовать в подпольных боях. Если раньше это случалось примерно раз в месяц, то теперь он мог пропадать на таких поединках каждые пару недель. На вопросы отвечал неохотно, отшучивался или переводил разговор на другую тему, словно ничего особенного не происходило.

Но Софи замечала последствия. Сбитые костяшки, ссадины на пальцах, иногда припухшие руки. Порой, когда Маркус думал, что на него никто не смотрит, он осторожно сжимал и разжимал кулаки, проверяя, насколько больно. А потом снова появлялся перед друзьями с привычной уверенной усмешкой, будто всё было в порядке.

Софи это тревожило. Она знала, насколько Маркус силен и как хорошо умеет драться, но от этого ей становилось не спокойнее. Скорее наоборот: казалось, он всё чаще проверял собственные пределы, не задумываясь о том, чем однажды это может закончиться.

В четверг вечером они собрались у Дина после занятий. Разговор шёл о планах на выходные, когда Маркус, сидевший в кресле с телефоном в руке, вдруг поднял голову.

— В пятницу будет бой, — сообщил он буднично, словно приглашал всех на обычную вечеринку. — Кто хочет — приходите.

Дин оторвался от экрана.

— Какая щедрость. Даже приглашения рассылаешь.

— Не обольщайся. Просто говорю, где буду.

— А если мы придём, нас хотя бы встретят с красной дорожкой? — спросила Дженна.

— Могу предложить грязный коридор и липкий пол.

— Вот теперь я точно хочу пойти, — сухо заметила она.

Лиам усмехнулся, а Адам посмотрел на Маркуса внимательнее.

— Ты снова дерёшься в эту пятницу?

— Ага.

— Ты же дрался совсем недавно.

Маркус пожал плечами.

— И что?

Адам явно хотел продолжить, но сдержался. Они уже не раз спорили из-за этих боёв, и каждый разговор заканчивался одинаково: Маркус настаивал, что сам решает, что ему делать, а Адам отказывался делать вид, будто его это не волнует.

Софи промолчала, но взгляд невольно скользнул к рукам Маркуса. Костяшки на правой руке снова были сбиты, а на пальцах виднелись свежие царапины.

Маркус поймал её взгляд и слегка усмехнулся.

— Что, София? Тоже собираешься читать мне лекцию?

— Нет, — ответила она. — Ты всё равно не станешь слушать.

— Вот и умница.

Он снова опустил глаза к телефону, будто разговор был закончен. Но Софи ещё долго смотрела на его руки, чувствуя, как внутри нарастает тревога.

Она не понимала, почему Маркус стал драться чаще. И, что беспокоило её сильнее всего, он явно не собирался никому объяснять.

Софи не знала, сколько он зарабатывал на этих боях и что собирался делать с деньгами. Она не знала даже, насколько далеко всё зашло.

Адам не рассказывал ей подробностей. Он не запрещал задавать вопросы, но однажды, когда Софи осторожно попыталась узнать, говорил ли Маркус что-нибудь о причинах, по которым продолжает драться, Адам лишь устало ответил:

— Не лезь к нему, София. Если захочет, сам расскажет.

Софи слишком хорошо знала Маркуса, чтобы понимать: он терпеть не мог, когда кто-то пытался решать за него или вмешиваться в его дела без разрешения. Попытка поговорить с ним напрямую могла закончиться очередной колкостью, за которой он спрятал бы всё, что не хотел показывать.

Поэтому Софи молчала. Но беспокоиться не переставала.

Особенно тяжело было наблюдать за тем, как остальные постепенно становились частью этой тайны. Когда Сэм звонил Адаму и спрашивал, как дела у Маркуса, тот уверял, что всё нормально. Если Лейн интересовалась, не слишком ли сильно Маркус загружает себя тренировками, Адам старался перевести разговор на другую тему. Он не хотел обманывать родителей, но и не собирался раскрывать секрет брата, пока тот сам не будет готов рассказать правду.

Дженне, обычно разговорчивой и прямолинейной, теперь приходилось тщательно следить за словами, чтобы случайно не проговориться.

Софи ненавидела эту ложь. Ей было неприятно видеть, как люди, искренне любившие Маркуса, продолжали верить, что с ним всё в порядке, даже когда перед ними сидел человек с разбитыми руками и свежими ссадинами.

Но ещё сильнее она боялась того дня, когда правда всё-таки выйдет наружу.

Тогда дело будет уже не только в синяках, разбитых костяшках и деньгах, о которых Маркус не хотел говорить. Сэм и Лейн могут узнать, что он скрывал от них, Адам окажется перед выбором между братом и родителями.

И всё же Софи не могла отделаться от мысли, что за его уверенностью и привычкой держать всё под контролем скрывалось нечто большее, чем упрямство или желание доказать собственную силу. Возможно, у него были причины, о которых он не мог или не хотел говорить. Возможно, дело было не только в деньгах.

Но пока Маркус сам не решит приоткрыть эту дверь, Софи не узнает правды.

А Софи оставалось лишь наблюдать, надеяться, что очередной бой не закончится чем-то непоправимым.

Глава 20

Наступил декабрь. В Кембридже заметно похолодало: небо затянуло серыми облаками, по утрам на траве блестел иней, а вдоль дорожек местами лежал тонкий слой снега.

Очередные выходные Софи и Адам решили провести у Миллеров. После обеда они немного посидели с Сэмом и Лейн, поболтали с Маркусом, а потом Адам неожиданно протянул Софии руку и повёл в библиотеку.

Посреди комнаты, у большого окна, стояло белое фортепиано. Оно идеально вписывалось в уютную обстановку: высокие книжные стеллажи, мягкие кресла и тёплый свет, падающий на пол.

Софи замерла на пороге, не веря своим глазам.

— Адам... — тихо произнесла она, переводя взгляд с инструмента на него.

Он улыбнулся, наблюдая за её реакцией.

— Оно твоё, София. Здесь ты можешь играть, писать мелодии, сочинять песни. В любое время, когда захочешь. Это место для тебя. И фортепиано тоже.

Софи осторожно подошла ближе и провела пальцами по гладкой белой поверхности.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. А когда мы поженимся, оно останется здесь, а для нашего дома я куплю тебе другое.

Софи рассмеялась, покачав головой.

— Ты уже всё решил за нас двоих?

— Разумеется. Я же должен заранее позаботиться о музыкальном оформлении нашей будущей семейной жизни.

Она улыбнулась и обняла его за шею.

— Я тебя люблю.

— И я тебя люблю, Софи.

Адам нежно поцеловал её в лоб, а затем отступил, позволяя ей снова посмотреть на подарок.

В дверях появился Маркус. Он прислонился плечом к косяку, скрестив руки на груди.

— Ну всё, хватит нежничать. — На его губах мелькнула усмешка. — Сыграй нам что-нибудь.

Софи бросила на него взгляд, в котором смешались смущение и лёгкое веселье.

— Хорошо.

Она села за инструмент, положила пальцы на клавиши и на мгновение закрыла глаза. Затем библиотеку наполнила мелодия — нежная, глубокая и удивительно красивая. В ней было что-то личное, словно София вложила в музыку всё, о чём не могла рассказать словами.

Адам стоял рядом, не отрывая от неё взгляда. Он знал, как много для неё значит музыка, и теперь видел, как меняется её лицо, когда она занимается тем, что действительно любит.

Маркус тоже молчал. Он смотрел на Софию, и привычная усмешка постепенно исчезала с его лица. Когда последние ноты затихли, он выпрямился и несколько секунд просто смотрел на неё.

— София, это потрясающе. Ты сама это написала? — произнёс он.

Его голубой, пронзительный взгляд задержался на её лице.

Софи мягко улыбнулась ему.

— Да. Спасибо.

Адам подошёл к ней и крепко обнял за плечи.

— Я хочу, чтобы однажды ты всё-таки исполнила свою мечту и начала свой путь в музыке профессионально. Ты заслуживаешь того, чтобы люди слышали, на что ты способна. И я наде-

юсь, что это фортепиано станет ещё одним шагом к тому дню, когда ты перестанешь прятать свой талант,— тихо сказал Адам

Она прижалась к нему, чувствуя, как тепло разливается в груди.

Маркус отвёл взгляд. Он был искренне рад за брата. За то, что Адам нашёл человека, рядом с которым ему было так хорошо. Они с Софией подходили друг другу — в этом Маркус не сомневался.

За последний год София стала частью их семьи. Добрая, красивая, немного застенчивая, она умела располагать к себе людей, даже не пытаясь этого сделать. А её взгляд порой заставлял Маркуса забывать, о чём он только что думал.

Он так задумался, что не сразу заметил, как брат посмотрел в его сторону.

— Маркус, о чём задумался?

Голос Адама вернул его к действительности.

Маркус моргнул и перевёл взгляд на брата.

— Ни о чём, — ответил он привычно небрежно. — Просто думаю, что теперь нам придётся слушать её концерты каждый раз, когда будем сюда приходить.

— Можешь не слушать, — рассмеялась Софи.

— И пропустить возможность напомнить тебе, что ты талантлива? Не дождёшься.

Она улыбнулась, а Адам покачал головой с тихим смехом.

Софи снова повернулась к фортепиано и коснулась клавиш. Вскоре библиотека вновь наполнилась музыкой.

Маркус остался у двери, слушая мелодию и наблюдая за братом и Софией. И вдруг подумал, что, возможно, именно так и должно быть: у каждого должно найтись место, где можно перестать притворяться, забыть о чужих ожиданиях и просто быть собой.

Для Софии таким местом теперь стала эта библиотека. А для них всех — дом Миллеров, где всегда находилось место для тех, кого они любили.

Глава 21

Рождество приближалось с каждым днём. Кампус Гарварда постепенно преображался: на улицах зажигались праздничные огни, в окнах общежитий появлялись гирлянды, а в холлах устанавливали наряженные ёлки. Повсюду звучала рождественская музыка, а студенты всё чаще обсуждали планы на каникулы и предстоящие праздники.

Софи любила это время года. Ей нравились запах хвои и корицы, уютные вечера, огни на заснеженных улицах и особое ощущение тепла, которое появлялось даже в самые холодные дни.

Но до каникул оставалось ещё немного времени, а университетская жизнь продолжалась в привычном ритме. Лекции, подготовка к экзаменам, тренировки и хоккейные матчи заполняли почти каждый день.

Для Адама, Маркуса, Дина и Лиам последние недели выдались особенно напряжёнными. Хоккейный сезон был в самом разгаре, и команда стремилась закончить очередной этап соревнований на высокой ноте.

И им это удалось.

На прошлых выходных парни выиграли Кубок Гарварда по хоккею — университетский турнир, в котором участвовали команды разных факультетов и университетских подразделений. К финалу они шли несколько недель, и решающий матч оказался непростым.

С первых минут игра была напряжённой. Соперники действовали жёстко, не уступая ни сантиметра площадки. Маркус несколько раз перехватил шайбу и организовал опасные атаки, Лиам уверенно поддерживал команду, а Адам, несмотря на то что хоккей не был его главным жизненным планом, играл с полной отдачей. Дин тоже не отставал: он умело обходил соперников, боролся за шайбу и несколько раз помог команде создать опасные моменты у ворот противника. На льду он был совсем не похож на привычного самоуверенного шутника — сосредоточенный, быстрый и азартный, он играл ради победы наравне с остальными.

В последние минуты счёт оставался минимальным. Трибуны гудели, болельщики поднимались со своих мест, а Дженна сжимала руку Софи так крепко, что та уже собиралась попросить её ослабить хватку. Рядом с ними за игрой напряжённо следили Сэм и Лейн, а также старшая сестра Дина — Эмили. Все они пришли поддержать команду, и с каждой секундой напряжение на трибунах становилось всё острее.

Когда прозвучала финальная сирена, команда победила.

Игроки бросились обниматься, кто-то радостно закричал, а вскоре капитан поднял над головой серебристый кубок. Трибуны взорвались аплодисментами.

Дженна вскочила на ноги и закричала так громко, что Софи рассмеялась.

— Они сделали это! Ты видела?! Они выиграли!

— Дженна, я стояла рядом с тобой всё время, — улыбнулась Софи. — Конечно, видела.

— Я просто уточняю, потому что от волнения могла что-нибудь пропустить!

Софи покачала головой, продолжая смотреть на площадку. Она искренне гордилась парнями. Она знала, сколько времени они проводили на тренировках и как много значила для них эта победа.

После церемонии награждения игроки собрались для фотографий. Маркус держал кубок с привычной самоуверенной улыбкой, Лиам обнимал товарищей по команде, а Дин, едва сняв шлем, уже успел оказаться в окружении нескольких девушек, которые подошли поздравить его с победой. Он охотно принимал комплименты, одаривал поклонниц обаятельными улыбками и отпускал шутливые замечания, от которых девушки заливались смехом. Казалось, даже после тяжёлого матча у него оставались силы на флирт.

Адам тем временем заметил Софию среди болельщиков и направился прямо к ней.

— Ну что, впечатлена? — спросил он, остановившись перед ней.

Софи улыбнулась и обняла его.

— Очень. Хотя некоторые моменты заставили меня поволноваться.

— Например?

— Например, когда Маркус решил, что столкновение с тремя игроками одновременно — отличная идея.

Адам рассмеялся.

— Поверь, его это совершенно не удивит.

— Я всё слышу! — донёсся голос Маркуса. Он подошёл к ним, всё ещё держа кубок. — Это называется тактика, София.

— Если твоя тактика заключается в том, чтобы заставлять людей переживать за твою жизнь, то она работает безупречно, — парировала она.

Лиам рассмеялся, а Маркус покачал головой, хотя в уголках его губ появилась улыбка.

— В следующий раз просто смотри внимательнее, — бросил он. — Много интересного пропускаешь.

— В следующий раз я возьму с собой успокоительное.

— Отличная идея. И мне захвати.

Адам обнял Софию за плечи и поцеловал в щеку.

— Не слушай его. Он просто не умеет принимать комплименты.

— А ты, значит, умеешь? — спросила она, приподняв бровь.

— Я предпочитаю принимать поцелуи.

Софи рассмеялась и поцеловала его.

— Вот это уже больше похоже на правду.

Вечером была вечеринка, чтобы отметить победу. Разговоры о финале перемежались шутками, воспоминаниями о самых напряжённых моментах и планами на предстоящие каникулы. Кубок поставили на видное место, и каждый, кто проходил мимо, считал своим долгом ещё раз поздравить парней.

Дженна показывала Лиаму фотографии с матча, пока Дин, развалившись на диване, с довольной улыбкой отвечал на сообщения девушек, которые поздравляли его с победой.

— Между прочим, я считаю, что этот кубок мы должны посвятить мне, — заявил он, убирая телефон. — Без моего участия команда выглядела бы гораздо менее впечатляюще.

Маркус, сидевший рядом с эффектной блондинкой, усмехнулся. Девушка устроилась у него на коленях, обвив рукой его шею. Маркус придерживал её за бёдра, а она лениво перебирала пальцами его волосы, время от времени наклоняясь к нему, чтобы что-то прошептать. Глубокий вырез её платья привлекал внимание, но, судя по всему, ни её, ни самого Маркуса это ничуть не смущало.

— Ты так говоришь, будто не провёл половину матча, споря с судьёй, — заметил Маркус.

— Я отстаивал справедливость.

— Ты отстаивал своё мнение, что судья лично против тебя, — уточнил Лиам, не отрываясь от фотографий.

— А это одно и то же.

Софи рассмеялась, а Адам притянул её ближе к себе.

— Дин, ты чуть не столкнулся с собственным защитником, — напомнил Лиам.

— Это была тактическая неожиданность.

— Для нашей команды тоже, — вставил Адам.

— Вот именно! — Дин театрально развёл руками. — Я внёс в игру элемент непредсказуемости. Соперник не знал, чего от меня ждать. Иногда даже я сам не знал.

Дженна прыснула со смеху.

— По крайней мере, в одном ты точно преуспел: заставил всех понервничать.

— Наконец-то кто-то оценил мой вклад.

В этот момент к Дину подошла высокая брюнетка в коротком чёрном платье. Она без лишних церемоний села рядом, прижалась к нему и положила ладонь ему на колено. Её пальцы скользнули выше, а сама девушка наклонилась к его уху, что-то прошептав.

Дин тут же расплылся в улыбке и обнял её за талию.

— Кажется, меня вызывают по важному делу, — объявил он, поднимаясь с дивана.

— Надеюсь, хоть там ты проявишь больше тактической грамотности, — бросил Маркус.

Девушка рассмеялась и потянула Дина за руку. Он с готовностью последовал за ней, напоследок послав друзьям самодовольную улыбку.

— И этот человек считает себя душой нашей команды, — покачала головой Дженна.

Адам поцеловал её в висок и переплёл свои пальцы с её. Рядом Маркус продолжал негромко разговаривать со своей спутницей, словно ничего необычного не происходило.

Вечер только начинался, и, судя по настроению компании, скучать им точно не предстояло.

Чем ближе становилось Рождество, тем чаще Софи ловила себя на мысли, что ждёт от праздника чего-то особенного. Она ещё не знала, какие сюрпризы приготовила ей судьба, но рядом с Адамом будущее казалось светлым.

А пока за окнами кружился снег, университет готовился к каникулам, а их компания старалась провести вместе каждую свободную минуту, прежде чем всем предстояло разъехаться по домам.

На следующий день после занятий Адам и Софи вместе шли по университетскому кампусу. Декабрьский ветер пробирался под пальто, а дорожки уже покрылись тонким слоем снега. Софи держала Адама за руку, прислушиваясь к его рассказу о предстоящих экзаменах, когда он вдруг заговорил о другом.

— Кстати, Софи, в пятницу, 18 декабря, у Маркуса будет бой.

Софи повернула к нему голову.

— Опять? — в её голосе невольно прозвучало беспокойство.

Адам кивнул и чуть крепче прижал её руку к своему боку.

— Он обещал, что это будет последний. Они с Лиамом нашли работу в хорошей автомастерской недалеко от кампуса. Там готовы подстроить график так, чтобы они могли совмещать работу с учёбой и тренировками.

Софи опустила взгляд на дорожку. Ей хотелось верить Маркусу, но воспоминания о предыдущих боях не позволяли избавиться от тревоги.

— Ты пойдёшь с ним? — тихо спросила она.

— Конечно. Я не собираюсь оставлять его одного в такой вечер.

Софи остановилась и посмотрела на Адама.

— Тогда я тоже пойду.

Он внимательно взглянул на неё.

— Софи, ты уверена? Я помню, как тяжело тебе было в прошлый раз.

— Уверена. Я буду переживать в любом случае, даже если останусь дома. По крайней мере, там я смогу быть рядом с вами.

Адам несколько секунд молчал, а затем нежно улыбнулся и убрал прядь волос с её лица.

— Хорошо. Но если тебе станет плохо или ты захочешь уйти, просто скажи мне. Мы не обязаны оставаться до конца.

— Договорились.

Он поцеловал её в лоб, и они снова зашагали по заснеженной дорожке.

Софи очень хотелось верить, что Маркус сдержит обещание. Возможно, работа в автомастерской действительно поможет ему начать всё заново. Но до пятницы оставалось ещё несколько дней, и одна мысль о предстоящем бое уже не давала ей покоя.

Глава 22

Это место было таким же неприветливым, как и прежде: приглушённый свет, громкие голоса, тесное пространство и люди, пришедшие посмотреть, как другие причиняют друг другу боль. Здесь не было ничего, что могло бы напомнить о нормальной жизни. Только ринг, пропитанный потом воздух и возбуждённые крики толпы.

Софи крепко держала Адама за руку, пока они пробирались сквозь людей к Маркусу.

Он сидел на скамье в небольшом помещении за рингом и спокойно бинтовал руки. Тёмная кофта скрывала широкие плечи и развитую мускулатуру, но даже по тому, как двигались его предплечья и напрягались мышцы под тканью, было понятно, насколько он силен. Маркус двигался уверенно, без лишней суеты, словно предстоящий бой был для него обычным делом. Ни волнения, ни сомнений на его лице не читалось.

Только Софи знала, что за этим спокойствием скрывается нечто большее.

— Ну что, пришли проводить меня на пенсию? — усмехнулся Маркус, заметив их. — Хотя, если честно, не самое романтическое место вы выбрали для свидания. Могли бы найти ресторан получше.

— Мы ещё успеем сходить в ресторан, когда ты закончишь с этим, — ответил Адам, останавливаясь перед братом.

Маркус усмехнулся и продолжил обматывать запястье бинтом.

— Вот только не говори, что собираешься испортить мне вечер своими нравоучениями.

— Я серьёзно, Маркус. Ты обещал, что это последний бой.

Улыбка на лице Маркуса стала чуть менее заметной. Он закончил бинтовать одну руку и протянул её, чтобы проверить, насколько плотно лёг бинт.

— Я помню.

— Надеюсь, ты понимаешь, что я не просто так прошу тебя остановиться. Я не хочу однажды узнать, что ты не вернулся домой.

Адам говорил тихо, но в его голосе слышалось то, что он редко позволял себе показывать окружающим, — страх за брата.

Маркус наконец поднял голову. Несколько секунд он внимательно смотрел на Адама, а затем его выражение смягчилось.

— Знаю, брат.

— Я люблю тебя, придурок, — произнёс Адам с кривой улыбкой, пытаясь скрыть нахлынувшие эмоции. — И мне не хочется однажды потерять тебя из-за какой-то дурацкой затеи.

Маркус коротко усмехнулся, но на этот раз без привычной насмешки.

— Я тоже тебя люблю, идиот.

Адам улыбнулся и слегка толкнул его в плечо.

— Хорошо. Тогда не заставляй меня жалеть о том, что я тебе доверяю.

Маркус кивнул, а затем перевёл взгляд на Софи.

— Ну что, София? Ты тоже собираешься читать мне лекцию?

Она покачала головой.

— Нет.

Маркус удивлённо приподнял брови.

— Правда?

— Ты всё равно меня не слушаешь, — спокойно ответила Софи. — Поэтому я просто надеюсь, что ты сдержишь своё обещание.

Он посмотрел на неё чуть дольше, чем требовалось, а потом тяжело вздохнул.

— Чёрт. Даже так чувствую себя последним негодяем.

— Возможно, потому что иногда ты им и бываешь, — заметил Адам.

— Спасибо за поддержку.

Софи невольно улыбнулась, но тревога никуда не исчезла. Она видела, как спокойно Маркус держится, как уверенно двигается, и всё же не могла перестать думать о том, что случится, если сегодняшний вечер пойдёт не по плану.

Маркус поднялся со скамьи и подошёл к Адаму. Несколько секунд братья молча смотрели друг на друга, а затем Адам обнял его за плечи. Маркус ответил на объятие, после чего они прислонились лбами друг к другу — короткий, привычный жест, в котором было больше чувств, чем в любых словах.

— На этот раз последний бой, брат, — негромко произнёс Маркус. — Обещаю.

Адам закрыл глаза на мгновение, словно пытаясь запомнить эти слова и поверить им.

— Я буду ждать тебя после боя.

— Знаю.

Маркус отстранился и хлопнул его по плечу.

— А теперь перестань смотреть на меня так, будто собираешься устроить похороны. Я ещё даже не вышел на ринг.

— Не смешно, — ответил Адам.

— А я и не шутил.

На этот раз они оба улыбнулись, хотя напряжение между ними никуда не исчезло.

— Деверо! Через пару минут начинаем! — крикнул кто-то из-за двери.

Маркус обернулся.

— Иду!

Он ещё раз посмотрел на Адама, а затем на Софи.

— Не скучайте без меня.

— Постарайся не задерживаться, — ответила она.

— Постараюсь, София.

Он произнёс её имя неожиданно мягко, после чего направился к выходу.

Софи проводила его взглядом, чувствуя, как внутри всё сжимается.

Адам взял её за руку.

— Пойдём. Нам нужно занять места.

Они вышли в основной зал, где их уже ждала Дженна. Она стояла неподалёку от ринга рядом с Лиамом и Дином, однако, заметив Софи, сразу направилась к ней.

— Как он? — спросила Дженна.

— Спокоен, как всегда, — ответила Софи. — Будто собирается на обычную тренировку.

Дженна нахмурилась.

— Вот именно это меня и пугает.

Софи ничего не ответила. Она думала о том же.

Они заняли места среди зрителей. Здесь было немного тише, хотя слово «тише» совершенно не подходило этому месту. Вокруг гудели голоса, кто-то смеялся, кто-то выкрикивал имена бойцов.

Лиам и Дин остались стоять у ринга. Лиам внимательно следил за происходящим, скрестив руки на груди, а Дин, обычно не упускавший возможности отпустить шутку, на этот раз выглядел непривычно серьёзным.

Софи положила ладонь на руку Адама. Он тут же переплёл свои пальцы с её и слегка сжал её ладонь.

Вскоре Маркус появился у края ринга. Он уже снял кофту, оставшись с голым торсом. Забинтованные кулаки он несколько раз сжал и разжал, проверяя, насколько удобно сидят бинты.

Затем он поднял голову и нашёл их взглядом.

Сначала посмотрел на Адама. Тот едва заметно кивнул, и Маркус ответил ему тем же.

Потом его взгляд остановился на Софи.

Она попыталась улыбнуться, хотя губы едва слушались. Маркус чуть приподнял уголок рта, словно хотел сказать, что всё под контролем.

Но Софи не могла избавиться от тревоги.

— Ненавижу это место, — прошептала она.

Адам повернулся к ней и погладил большим пальцем её ладонь.

— Я знаю, Софи.

Она придвинулась ближе и прижалась к его плечу. Адам обнял её, не отрывая взгляда от ринга.

Через несколько минут бой должен был начаться.

И Софи оставалось только надеяться, что Маркус сдержит обещание, которое дал брату.

Глава 23

Всё началось с выстрелов.

Сначала Софи не поняла, что происходит. Ещё секунду назад вокруг гудела толпа, кто-то выкрикивал имя Маркуса, а затем раздались резкие хлопки, от которых зал содрогнулся.

Один. Второй. Третий.

На мгновение всё будто замерло. А потом помещение заполнили испуганные крики. Люди вскочили с мест и бросились к выходам, толкая друг друга. Кто-то уронил стакан, кто-то споткнулся и упал, а через мгновение вокруг уже царил хаос.

Со стороны входа повалил густой дым. Кто-то бросил дымовую шашку.

Софи растерянно оглянулась, пытаясь понять, что происходит, но сквозь дым и мечущиеся фигуры почти ничего не было видно.

— Что происходит?! — закричала Дженна.

Адам резко потянул их обеих вниз, закрывая собой. Он прижал Софи к полу, обхватив её за плечи, а другой рукой заслонил Дженну.

— Не поднимайтесь! — крикнул он.

Софи слышала его голос, но не могла разобрать слов. Уши заложило от грохота, лёгкие обжигало от дыма, а сердце колотилось так сильно, что казалось, оно вот-вот вырвется из груди.

Дженна дрожала всем телом. Софи чувствовала, как та вцепилась в её руку, сжимая пальцы до боли.

Софи осторожно приподняла голову.

У ринга появились люди в масках.

Она не могла разобрать их лиц. Пять человек? Может, больше. Они двигались быстро, вооружённые, и от одного их вида кровь стыла в жилах. Никто не понимал, кто они и чего хотят. Люди метались по залу, пытаясь найти выход, но паника уже превратила помещение в ловушку.

Кто-то упал рядом с ними. Кто-то кричал, умоляя помочь. Выстрелы продолжались.

— Софи, слушай меня. Вы с Дженной должны бежать. Сейчас же. — Адам поднялся первым и помог Софи встать. Его лицо было бледным, но голос оставался твёрдым

— А ты?

Адам посмотрел в сторону ринга.

— Там Маркус, Лиам и Дин. Я должен найти их.

— Нет! — Софи вцепилась в его руку. — Адам, не надо! Пожалуйста, не уходи туда!

Он взял её лицо в ладони, заставляя посмотреть ему в глаза.

— Софи, послушай меня. Ты должна выбраться отсюда. Забери Дженну и беги как можно дальше.

— Я не уйду без тебя!

— Софи...

— Нет! Ты слышишь меня? Я не оставлю тебя здесь!

На мгновение его лицо исказилось от боли. Он притянул её к себе и крепко обнял. Так крепко, словно тоже не хотел отпускать. Софи вцепилась в его куртку, прижалась к груди, чувствуя знакомый запах его парфюма, тепло его тела и биение сердца.

Ей стало так страшно. Не просто страшно из-за выстрелов, вооружённых людей и дыма. Она боялась потерять его.

— Я люблю тебя, Софи, — прошептал Адам ей в волосы. — Слышишь? Я люблю тебя. Всё будет хорошо.

Она отрицательно замотала головой, уже плача.

— Не говори так. Пойдём со мной. Пожалуйста, Адам, пойдём со мной.

— Беги, любимая. Пожалуйста.

Он отстранился, осторожно разжал её пальцы на своей куртке и повернулся к Дженне.

— Забери её. Не отпускай, что бы ни случилось.

Дженна, бледная как полотно, кивнула, хотя по её глазам было видно, что она едва держится на ногах.

Адам ещё раз посмотрел на Софи.

Она запомнила этот взгляд. Его зелёные глаза, мягкие и тёплые, в которых всегда находила своё спокойствие. Уголки губ, дрогнувшие в попытке улыбнуться. И то, как он смотрел на неё, словно хотел убедиться, что она действительно запомнит главное.

Что он её любит.

Потом он развернулся и побежал в сторону ринга.

Дженна потянула Софи к выходу.

То, что происходило дальше, превратилось для Софи в кошмар, в котором невозможно было отличить один миг от другого.

Давка. Крики. Треск чего-то ломающегося. Грохот выстрелов за спиной.

Люди толкали их со всех сторон. Кто-то падал, кто-то пытался протиснуться вперёд, кто-то цеплялся за чужую одежду, лишь бы удержаться на ногах. Софи едва могла дышать. Дым забивался в горло, глаза слезились, а ноги становились ватными.

— Дженна, держись за меня! — кричала она.

— Я здесь! Не отпускай меня!

Софи крепко сжала её руку.

Ещё шаг.

Ещё один.

Кто-то с силой ударил Софи плечом. Она пошатнулась, попыталась удержаться, но рука выскользнула из её пальцев.

— Дженна!

Её никто не услышал.

Чьи-то пальцы зацепились за волосы и резко дёрнули. Она вскрикнула от боли, вырвалась и едва не упала. Ткань брюк за что-то зацепилась и разорвалась, когда она попыталась протиснуться между людьми.

— ДЖЕННА! ДЖЕННА, ГДЕ ТЫ?!

Ответа не было.

Только крики. Только топот. Только выстрелы, доносившиеся откуда-то из глубины здания.

Софи казалось, что она больше никогда не выберется отсюда.

Но впереди показался выход. Узкий просвет между людьми, за которым виднелся ночной воздух.

Она собрала последние силы и бросилась туда.

Кто-то толкнул её в спину. Она ударилась плечом о дверной косяк, споткнулась о порог и буквально вывалилась наружу.

Холодный воздух ударил в лицо.

Софи вдохнула его так жадно, словно до этого всю жизнь провела под водой.

Она была снаружи.

Но облегчение не пришло.

Повсюду были полицейские, пожарные и медики. Люди сидели на асфальте, кто-то плакал, кто-то разговаривал с врачами, кто-то звонил родным, повторяя одни и те же слова.

Здание горело.

Из окон вырывался дым, а в одном из помещений уже плясали языки пламени. Пожарные раскатывали шланги, полицейские оттесняли толпу, а медики пытались помочь пострадавшим.

Софи стояла посреди всего этого, не понимая, что ей делать.

Где Адам?

Где Дженна?

Где Маркус, Лиам и Дин?

— Девушка, сюда! Осторожно, садитесь.

К ней подошёл медик и мягко, но настойчиво усадил на задний борт скорой помощи. Кто-то укрыл её термоодеялом. Софи только сейчас заметила, что её руки ободраны до крови, брюки разорваны на колене, а из рассечённой губы медленно стекает кровь.

— Вы меня слышите? Как вас зовут?

Она посмотрела на медика, но не смогла сразу ответить.

— София, — наконец прошептала она.

— София, вы ранены. Мы сейчас всё проверим. Вы где-нибудь ещё чувствуете боль?

Она покачала головой.

Внешне всё казалось не так уж страшно. Ссадины, ушибы, разбитая губа. Ничего, что нельзя было бы вылечить.

Но внутри...

Внутри неё всё дрожало.

Её зубы стучали, руки тряслись так сильно, что она не могла удержать край одеяла. Слёзы текли по щекам, смешиваясь с кровью на губах.

— Мои друзья... — выдавила она. — Там остались мои друзья.

— Полиция занимается эвакуацией. Постарайтесь успокоиться.

Успокоиться?

Как она могла успокоиться, когда Адам был там?

Когда Дженна исчезла в толпе?

Когда она даже не знала, живы ли Лиам, Маркус и Дин?

Господи, пожалуйста.

Софи прижала ладони к лицу.

Пожалуйста, пусть они будут живы. Я больше ничего не прошу. Только пусть они будут живы.

Слёзы лились градом. Она пыталась остановить их, но не могла. Её трясло всё сильнее, и каждый новый крик со стороны здания заставлял её вздрагивать.

Время потеряло смысл.

Минуты тянулись бесконечно. Пожарные продолжали бороться с огнём, полицейские оцепили территорию, а спасатели выводили людей из здания. Одних поддерживали под руки, других несли на носилках.

Софи всматривалась в каждого, кто появлялся из дыма.

Каждое незнакомое лицо приносило разочарование.

Она искала рыжие волосы.

Зелёные глаза.

Знакомую улыбку.

Но Адама нигде не было.

И ребят тоже.

Потом Софи увидела, как несколько спасателей осторожно выносили кого-то на носилках. Человек не двигался. Его накрыли тканью.

Она замерла.

Холод пробежал по спине, и к горлу подступила тошнота.

Нет.

Нет, нет, нет.

Она отвернулась, зажмурилась, пытаясь отогнать страшную мысль. Ей казалось, что, если она не будет смотреть, если не позволит себе представить худшее, ничего непоправимого не случится.

И тогда она услышала знакомый голос.

— София!

Она резко подняла голову.

— София!

Маркус.

Это был Маркус.

Он шёл прямо к Софи, не сводя с неё глаз. На Маркусе были только шорты, в которых он выходил на ринг. На коже виднелись следы недавнего боя, волосы прилипли ко лбу, а грудь тяжело вздымалась от дыхания. Софи сбросила одеяло.

— Маркус!

Она бросилась к нему так, словно он был последним глотком воздуха в мире, который внезапно перестал дышать. Ноги подкашивались, но она бежала, не замечая боли, и врезалась в него, обхватив руками за шею.

Он тут же прижал её к груди.

Крепко. Отчаянно.

Софи уткнулась лицом в его плечо и разрыдалась так, что не могла вдохнуть. Её пальцы судорожно сжимали его кожу, словно она боялась, что он тоже исчезнет, если она хоть на секунду ослабит объятия.

— Тише, София... — хрипло произнёс Маркус, обнимая её обеими руками. — Ты здесь. Ты в безопасности.

Но сам он дрожал.

Когда Софи наконец немного отстранилась, Маркус взял её лицо в ладони. Его пальцы были испачканы грязью, на костяшках виднелась кровь. Он наклонился, заглядывая ей в глаза, и спросил страшным, сорванным голосом:

— София, где все?

Она смотрела на него, не в силах выговорить ни слова.

— Где Адам? — повторил Маркус. — Где Дженна? Лиам? Дин?

Софи замотала головой.

— Я... я не знаю.

Маркус резко выпрямился и оглянулся на здание.

— Чёрт.

Он провёл рукой по волосам, пытаясь собраться, но в его взгляде уже появился страх, которого Софи никогда раньше не видела.

И тут её взгляд упал на людей, стоявших у края оцепления.

На носилки.

На неподвижные тела, которые продолжали выносить из здания.

— Там... — прошептала она.

Маркус проследил за её взглядом и мгновенно понял, что она собирается сделать.

— Нет, София.

Но она уже шагнула вперёд.

— София, стой. Не надо.

Она не слушала.

— София, не смей туда идти! — Маркус двинулся за ней. — Тебе не нужно это видеть!

Но она продолжала идти.

На ватных ногах, почти не чувствуя земли под собой. Каждый шаг давался с трудом. Сердце колотилось всё быстрее, а дыхание становилось рваным. Она смотрела на лица людей,

на носилки, на тех, кто стоял вокруг, и пыталась убедить себя, что друзья где-то в другом месте. Что они сейчас появятся из-за спин спасателей и скажут ей, что всё в порядке.

Чем ближе она подходила, тем сильнее дрожали её колени.

— София, пожалуйста... — голос Маркуса прозвучал совсем рядом. — Не надо.

Она остановилась.

На асфальте лежало тело, накрытое до груди. Один из медиков склонился рядом, другой отошёл, закрыв лицо рукой.

Софи сначала увидела волосы.

Рыжие.

Знакомые до последней пряди.

Потом — веснушки на бледной коже.

И губы, которые так часто улыбались ей.

Мир остановился.

Все звуки исчезли. Крики, сирены, голоса спасателей — всё пропало, будто кто-то одним движением выключил жизнь вокруг неё.

Софи смотрела на него и не могла понять, почему он лежит неподвижно. Почему не открывает глаза. Почему никто не зовёт его по имени.

Почему он не встаёт.

— Нет... — выдохнула она.

Она сделала шаг.

Потом ещё один.

— Нет. Нет, это не он...

Но это был Адам.

Её Адам.

Человек, который вчера держал её за руку на заснеженной дорожке. Который целовал её в лоб и обещал, что всё будет хорошо. Который обнимал её так, словно она была самым дорогим, что у него есть.

Человек, который любил её.

— Адам?..

Её голос оказался таким тихим, что она сама едва его услышала.

Он не ответил.

Софи сорвалась с места.

— АДАМ!

Кто-то попытался остановить её, схватив за плечи, но она вырвалась. Она упала на колени рядом с Адамом, больно ударившись о холодный асфальт.

— Нет! Нет, пожалуйста! Адам, открой глаза!

Она схватила его за руку.

Она была холодной.

Софи сжала её обеими ладонями, пытаясь согреть, передать ему тепло, заставить пальцы пошевелиться. Её слёзы падали на его кожу.

— Милый, пожалуйста... Пожалуйста, посмотри на меня. Ты же обещал... Ты обещал, что всё будет хорошо...

Она осторожно коснулась его щеки, провела пальцами по веснушкам, словно надеялась, что это всего лишь сон и он сейчас поморщится, улыбнётся и скажет, что она опять слишком сильно переживает.

Но его лицо оставалось неподвижным.

— Адам, пожалуйста! Я люблю тебя! Ты слышишь? Я люблю тебя! Пожалуйста, не оставляй меня!

Её голос сорвался на крик.

Она прижала его руку к своей груди и согнулась над ним, задыхаясь от рыданий.

— Не уходи... Не надо... Я не могу без тебя...

Маркус рухнул на колени рядом с Софи.

И тогда она услышала его.

Этот звук она не забудет никогда.

Это был не крик.

Не плач.

Это был какой-то страшный, нечеловеческий звук, вырвавшийся из самой глубины его груди.

Маркус схватился за волосы обеими руками и потянул их, словно пытался проснуться от кошмара. Он склонился над Адамом, но боялся прикоснуться к нему.

— Нет... Нет, брат...

Его голос дрожал.

— Нет, нет, нет... Пожалуйста...

Он прижал ладонь ко рту, но это не помогло. Рыдания вырвались наружу. Он снова наклонился к Адаму, тронул его плечо и тут же отдернул руку, словно обжёгся.

— Вставай, — прошептал он.

София никогда не слышала, чтобы Маркус говорил так.

Не приказывал.

Не язвил.

Не требовал.

Умолял.

— Адам, вставай. Ну же, брат. Пожалуйста, вставай...

Ответа не было.

Маркус снова дернул его за плечо, а затем отшатнулся, будто только сейчас понял то, чего не желал понимать.

Его лицо исказилось.

Вместо слов из его груди вырвался новый крик — полный такой боли, что Софи показалось, будто этот звук разрывает её саму на части.

Он опустил голову на край носилок и заплакал.

Заплакал так, как, наверное, не плакал даже тогда, когда потерял свою мать.

Потому что Адам был не просто его другом.

Не просто братом, которого ему подарила жизнь.

Адам был его домом.

Человеком, который остался рядом, когда Маркус потерял всё. Человеком, который не задавал лишних вопросов, когда ему было плохо. Который протянул руку, когда весь мир, казалось, отвернулся от него.

Человеком, который любил его без условий.

И теперь Маркус сидел на коленях перед его телом и не мог ничего сделать.

— Это моя вина, — повторял он. — Господи, это моя вина...

Он ударил себя кулаком по груди.

— Прости меня. Прости, брат. Пожалуйста, прости меня...

Софи казалось, что она больше не может дышать.

Она протянула руку и коснулась лица Адама.

Холодного.

Такого знакомого.

Такого любимого.

— Адам, — прошептала Софи

В голове Софи вспыхивали воспоминания, одно за другим, будто кто-то безжалостно перелистывал страницы их жизни.

Их первая встреча.

Его улыбка.

Прогулки после занятий.

Вечера в доме Миллеров, когда она сидела рядом с ним, положив голову ему на плечо, а он перебирал её пальцы.

Белое фортепиано в библиотеке.

Его голос, когда он говорил, что верит в её мечту.

Его губы на её лбу.

Его руки, в которых она всегда чувствовала себя в безопасности.

Я люблю тебя, София.

Она слышала эти слова так ясно, словно Адам стоял рядом.

И от этого стало ещё больнее.

Потому что он больше никогда не произнесёт их.

Больше никогда не обнимет её.

Не улыбнётся, заметив, как она хмурится над учебниками. Не отвлечёт её во время фильма. Не возьмёт за руку под столом. Не назовёт её Софией тем мягким голосом, от которого каждый раз становилось тепло.

Всё, что она считала своим будущим, исчезло в один вечер.

Софи подняла голову и посмотрела на его лицо. Оно было таким знакомым, таким родным, что разум отказывался принимать происходящее.

— Адам... — прошептала она. — Пожалуйста...

Она осторожно прижалась щекой к его груди, прислушиваясь к тишине, которая теперь казалась страшнее любых выстрелов.

Она ждала.

Ещё секунду.

Ещё одну.

Но сердце, которое она столько раз слышала рядом со своим, больше не билось.

И в этот момент что-то внутри неё оборвалось.

Софи перестала кричать. Её губы продолжали шевелиться, но из горла не выходило ни звука. Она только смотрела на Адама, гладила его по волосам и беззвучно плакала, будто вместе с ним из неё уходила сама жизнь.

И в эту ночь, пока вокруг рушились стены, горело здание и чужие голоса звали живых по именам, Софи казалось, что она умерла вместе с ним.

Потому что человек, который был её домом, её спокойствием и её будущим, больше не мог вернуться к ней.

А она осталась жить в мире, где его больше не было.

Глава 24

Софи не помнила, как их привезли в больницу.

Помнила только вспышки полицейских маячков, холодный воздух на лице и чьи-то руки, которые помогли подняться. Потом были вопросы, на которые она не могла ответить, белые стены, запах антисептика и длинный коридор, в котором время будто перестало существовать.

Их усадили ждать.

Дженна, Лиам и Дин были живы.

Софи слышала это несколько раз. Кто-то произносил их имена, кто-то говорил, что их осмотрели и что серьёзных травм нет. Она видела их рядом с собой. Видела, как Лиам сидел, согнувшись и закрыв лицо. Его рука была сломана, и теперь её зафиксировали шиной, подвесив на перевязь. Он почти не двигался, словно только сейчас начал осознавать, что произошло.

У Дженны были ссадины на руках и коленях, а на щеке темнела царапина. Она обнимала себя за плечи, будто пыталась удержать собственное тело от распада. Дин сидел неподалёку, стиснув зубы и глядя в одну точку. На его лбу запеклась кровь, а пальцы дрожали всякий раз, когда он пытался провести ладонью по лицу.

Софи хотела подойти к ним, обнять каждого, убедиться, что они действительно здесь, что никто из них не исчезнет, стоит ей отвернуться. Но внутри всё онемело, и даже собственные мысли казались чужими.

Они были живы.

Но Адама больше не было.

Софи сидела на полу, прижав колени к груди. Одеяло, которым её укрыли, давно сползло на плитку. Она не стала его поднимать.

Она больше не плакала.

Слёз не осталось.

Всё тело дрожало — мелко, бесконтрольно. Она сжимала собственные руки, но не чувствовала пальцев. Казалось, что она находится где-то далеко от самой себя, в месте, где звуки доходят с опозданием, а лица людей кажутся чужими.

Иногда она смотрела на дверь.

Всё ещё хотелось верить, что она откроется и войдёт Адам. Сядет рядом, обнимет меня и скажет, что всё закончилось.

Я здесь, любимая.

Она закрывала глаза, но слышала только выстрелы.

И его голос.

Беги, Софи.

Она не знала, сколько ещё сможет жить с этими словами.

Ведь он остался.

А она убежала.

В коридоре послышались торопливые шаги, голоса, и вдруг перед Софи оказалась мама.

Она опустилась на колени, обхватила её лицо ладонями и принялась что-то говорить. София видела, как дрожат её губы, как по щекам текут слёзы, но не могла разобрать слов.

Затем рядом появился Крис.

Он посмотрел на неё, и его лицо исказилось от боли.

— Софи...

Он рухнул рядом на колени и обнял так крепко, что, наверное, ему казалось, будто он может удержать её рядом с собой одним этим движением. Но она ничего не чувствовала. Ни тепла его тела, ни давления его рук, ни даже боли от собственных ссадин. Словно всё, что ещё несколько часов назад связывало её с этим миром, исчезло вместе с Адамом.

— Господи, ты жива, — повторял он. — Ты жива, сестрёнка. Слава богу, ты жива...
Мама обняла нас обоих.

— Моё дитя... Господи, моё дитя...

Крис прижимал Софи к себе, гладил по волосам, целовал в макушку. Он плакал, и она чувствовала, как его слёзы падают ей на плечо.

Она только смотрела на него пустыми глазами, а он, кажется, от этого страдал ещё сильнее.

— Софи, посмотри на меня, — попросил он. — Пожалуйста, посмотри на меня.

София медленно подняла голову.

Крис слабо улыбнулся сквозь слёзы.

— Вот так. Ты со мной, слышишь? Мы здесь. Мама здесь.

Она смотрела на него и думала, что он не понимает.

Она была здесь телом.

Но всё остальное осталось рядом с Адамом.

И Софи не знала, как вернуться к себе.

Потом приехали родители Дженны.

Её мама сразу бросилась к дочери, обняла её, прижала к себе и заплакала. Отец стоял рядом, положив ладонь ей на затылок, и снова и снова повторял, что всё позади.

Дженна сначала не двигалась.

А потом вцепилась в мать и разрыдалась.

Она плакала так, словно только сейчас позволила себе осознать, что едва не погибла. Лиам пересел ближе, обнял её за плечи и прижал к себе. Его мать, приехавшая следом, обняла сына обеими руками, ощупывая его плечи и лицо, будто убеждалась, что он действительно цел.

Родители Дина тоже приехали. Его отец долго держал сына за плечо, а мать плакала, уткнувшись ему в грудь. Дин обнял её в ответ и закрыл глаза.

Все они были живы.

Все они могли обнять своих родных.

И Софи хотела радоваться за них. Правда хотела.

Но каждый раз, когда она смотрела на счастливые от слёз лица родителей, одна мысль возвращалась к ней с такой жестокостью, что она едва могла дышать.

Адам больше никого не обнимет.

Его мама не сможет прижать его к себе.

Его отец не сможет позвонить ему утром и спросить, как дела.

И никто из нас больше не услышит его смех.

Софи опустила голову.

На полу была маленькая тёмная царапина. Она смотрела на неё, пытаясь сосредоточиться хоть на чём-то, что не причиняло бы боли.

Не получилось.

Сэм и Лейн появились позже.

София слышала их ещё до того, как увидела.

Лейн произнесла имя Маркуса так, словно оно вырвалось из её груди вместе с дыханием.

— Маркус!

Он сидел на стуле у стены, ссутулившись, положив локти на колени. Его руки были сцеплены, на костяшках засохла кровь, а на лице остались следы страшного вечера.

Услышав её голос, он поднял голову.

И впервые за всё время Софи увидела, как Маркус по-настоящему теряет контроль.

Лейн бросилась к нему и обняла, прижав его голову к своему плечу. Она целовала его в волосы, в висок, гладила по затылку, плакала, повторяя его имя.

Сэм обхватил их обоих руками.

— Сынок... Господи, сынок...

Он прижал Маркуса к себе, крепко, отчаянно, будто боялся, что тот исчезнет, если ослабить объятия хотя бы на секунду.

Маркус сначала сидел неподвижно.

А потом вцепился в Лейн так, как ребёнок цепляется за мать после страшного сна.

— Лейн...

Это слово едва сорвалось с его губ.

Лейн разрыдалась ещё сильнее.

— Я здесь, родной. Я здесь. Ты со мной.

Маркус закрыл глаза.

Его плечи затряслись.

Он плакал беззвучно, уткнувшись лицом в её плечо, и Сэм крепко держал его за затылок.

Софи не смотрела на них, но от звуков что-то внутри неё болезненно сжалось.

Они любили его.

Так сильно, что даже сейчас, когда их собственные сердца были разбиты, они прежде всего обнимали его, проверяли, цел ли он, гладили по волосам, словно могли забрать его боль себе.

Маркус был для них сыном.

Не по крови.

По любви.

Но сегодня эта любовь не могла спасти его от того, что он чувствовал.

Сэм отстранился первым. Он посмотрел Маркусу в лицо, обеими руками обхватил его за плечи и спросил:

— Где Адам?

Маркус замер, его губы задрожали.

Он попытался заговорить, но не смог. Несколько секунд он просто смотрел на Сэма, и в его глазах было столько ужаса, что Лейн уже начала понимать ответ.

— Маркус... — прошептала она.

Он судорожно вдохнул, словно даже воздух причинял ему боль.

— Его больше нет...

В коридоре стало тихо.

Не по-настоящему — где-то продолжали разговаривать медики, хлопали двери, звонили телефоны. Но для нас всех звуки словно исчезли.

Сэм не двигался.

Лейн смотрела на Маркуса, не веря услышанному.

— Нет... — выдохнула она.

Маркус закрыл лицо руками.

И тогда Лейн издала такой крик, что у Софи по коже пробежал холод.

Она упала в объятия Маркуса, рыдая, прижимая его к себе, словно он тоже был ребёнком, которого нужно удержать на этом свете.

— Нет, нет, мой мальчик... — шептала она сквозь слёзы. — Господи, нет...

Она обнимала его крепче, целовала в волосы, в лоб, не обращая внимания на кровь и ссадины.

Сэм отвернулся и выглядел так, словно за несколько минут постарел на много лет. Он прижал ладонь ко рту, опустил голову. Он не плакал громко.

Не кричал.

Но его молчание было страшнее любого крика.

Потому что он потерял сына.

И ещё одного сына держал сейчас в объятиях, понимая, что тот, возможно, никогда не простит себе случившегося.

Маркус смотрел в пустоту поверх плеча Лейн.

Его глаза были совершенно потерянными.

Он не обнимал её в ответ так крепко, как раньше. Просто позволял ей держать себя, будто больше не знал, что делать со своими руками.

— София.

Голос бабушки заставил её поднять голову.

Альберто стоял перед Софи в безупречном пальто, но даже его привычная сдержанность не могла полностью скрыть тревогу. В его глазах застыло напряжение, а пальцы крепко сжимали край пальто.

Когда их взгляды встретились, бабушка сделал шаг к ней. На мгновение его лицо дрогнуло, и Софи увидела то, что он так старательно пытался скрыть: страх. Он испугался, что мог потерять её. Навсегда.

— Вставай, — приказал он.

Софи не пошевелилась.

Он посмотрел на неё сверху вниз.

— София, я сказал, вставай. Мы уезжаем.

Крис попытался возразить:

— Бабушка, ей нужно немного времени...

— Ей нужен отдых, — отрезал Альберто. — И он будет не здесь.

Каталина осторожно взяла дочь за руку.

— Софи, милая, пойдём домой. Пожалуйста.

Домой.

Это слово ничего для неё не значило.

Она не хотела домой.

Она хотела к Адаму.

Хотела вернуться на несколько часов назад и не отпускать его руку. Хотела заставить его уйти вместе. Хотела кричать, пока он не согласится.

Крис помог Софи подняться. Её ноги дрожали, и она едва могла стоять. Он поддерживал её за талию, а мама шла рядом, обнимая за плечи.

Они медленно двинулись по коридору.

Софи не смотрела на друзей.

Не могла.

Она боялась увидеть их лица и снова понять, что произошло. Боялась взглянуть на Лейн, которая всё ещё держала Маркуса в объятиях. Боялась встретиться глазами с Сэмом.

И больше всего боялась посмотреть на самого Маркуса.

Они почти дошли до поворота, когда бабушка остановился.

Софи почувствовала, как мама крепче сжала её руку.

Альберто повернулся к Миллерам.

— Вы должны понимать, что произошло.

Сэм медленно поднял голову. Его лицо было осунувшимся, глаза красные. Он выглядел так, словно за одну ночь потерял не только сына, но и часть самого себя.

— Что именно вы хотите сказать, мистер Новарро? — спросил он тихо.

— Ваш сын погиб из-за него, — произнёс Альберто, указав на Маркуса.

Лейн резко замерла. Её пальцы остановились на плече Маркуса.

— Папа, — тихо сказала Каталина, — пожалуйста. Не сейчас.

Но бабушка словно не слышал её. Боль и страх, которые он держал в себе, теперь вырвались наружу, обретая форму гнева.

— Из-за этого мальчишки, его прошлого и его поганой крови! — Голос Альберто стал громче, и несколько человек в коридоре обернулись. — Он втянул Софию в этот мир, подверг её опасности! Моя внучка могла погибнуть там вместе с Адамом! Вы хоть понимаете, что я пережил, когда мне сообщили, что она была в том здании? Что я мог потерять её?!

Последние слова отдались в голове Софи болезненным эхом.

У него впереди была целая жизнь.

Она почувствовала, как к горлу подступили слёзы, но плакать уже не было сил. Казалось, каждая новая вспышка чужого гнева отнимала у неё остатки воздуха.

Лейн крепче сжала руку Маркуса. Она сидела бледная, с заплаканным лицом, и время от времени поглаживала его по спине, словно боялась, что он не выдержит и этого.

А Маркус молчал.

Он сидел, опустив голову, ссутулившись так, будто на его плечи навалилось нечто неподъёмное. Его костяшки были сбиты, пальцы дрожали. Он не смотрел ни на кого, даже когда Альберто остановил на нём взгляд.

Софи вдруг поняла: Маркус уже знал, что сейчас услышит. Возможно, он ждал этих слов с той самой минуты, когда увидел Адама на асфальте. Возможно, считал, что заслужил их.

Альберто снова посмотрел на Маркуса.

— Этот парень не заслуживает ни вашего прощения, ни вашей доброты. Вы дали ему дом, семью, образование, всё, о чём другие могут только мечтать. Вы приняли его, когда от него отвернулся весь мир! И чем он вам отплатил? Тем, что привёл вашего сына туда, откуда тот не вернулся?

— Достаточно, — произнесла Лейн.

Её голос дрожал, но она не отстранилась от Маркуса. Напротив, обняла его крепче, прижав к себе, словно хотела защитить от каждого слова, которое продолжало падать на него, как удар за ударом.

Маркус не сопротивлялся. Не пытался оправдаться. Даже не поднял головы.

И именно это, казалось, только сильнее разжигало гнев Альберто.

Сэм медленно поднялся.

Он не повысил голоса. Не сделал ни одного резкого движения. Просто встал между Альберто и своей семьёй, и в его взгляде было столько сдерживаемой ярости, что дедушка на мгновение замолчал.

— Осторожнее со словами, — сказал Сэм.

— Вы хотите сказать, что я не прав? — Альберто выпрямился, словно перед ним снова стоял не убитый горем отец, а деловой партнёр, с которым он привык спорить. — Вы действительно собираетесь защищать его после всего, что произошло?

— Я защищаю своего сына.

— Вашего сына? — Альберто горько усмехнулся. — Посмотрите на него! Он даже не может поднять голову и признать, что натворил!

Маркус вздрогнул, но промолчал.

— Я говорю то, что должен был сказать, — продолжил Альберто. Его взгляд снова остановился на Маркусе. — Если ты думаешь, что на этом всё закончится, ты ошибаешься. Я выясню, что именно произошло в том здании, кто за это отвечает и почему моя внучка оказалась втянута в эту историю. Я никогда не прощу тебе того, что ты подверг опасности жизнь моей внучки. И того, что чуть не убил её.

Софи дёрнулась, словно дедушка ударил её.

Чуть не убил меня.

Она медленно повернула голову к Маркусу. Он по-прежнему сидел, опустив взгляд, но теперь его плечи дрожали. Лейн что-то шептала ему, прижимаясь щекой к его волосам. Он не отвечал. Только стиснул пальцы так сильно, что побелели костяшки.

И Софи вдруг поняла, что он не станет защищаться. Не станет напоминать, что сам едва выбрался из того ада. Не скажет, что тоже потерял человека, которого любил как брата. Он позволит Альберто обвинять себя, потому что уже вынес себе приговор и не верил, что имеет право на что-то другое.

— Хватит! — крикнула Дженна.

Её голос сорвался, но она всё равно сделала шаг вперёд.

Лиам попытался удержать её за руку, однако она высвободилась.

— Вы вообще слышите себя?! — Она смотрела на Альберто с таким возмущением, что её лицо покраснело. — Маркус только что потерял человека, которого любил как брата! Он сидит здесь и едва дышит, а вы пришли обвинять его в том, что сделали вооружённые преступники!

— Дженна, — попытался остановить её отец.

— Нет! Не надо мне говорить успокоиться! Адам был и моим другом! Я тоже его потеряла!

Голос Дженны сломался.

Лиам обнял её сзади, прижимая к себе, пока она плакала и продолжала смотреть на дедушку с нескрываемой яростью.

— Вы не имеете права говорить с ним так, — выдохнула она.

Лейн крепче обняла Маркуса.

Она прижала его голову к своей груди, одной рукой поглаживая затылок, словно пыталась защитить от каждого слова.

— Он мой сын, — произнесла она тихо, но отчётливо. — И я не позволю вам унижать его в такой момент.

Маркус не двигался.

Он сидел, опустив голову, и слушал.

Слова Альберто будто не задевали его — они просто подтверждали то, что он уже говорил себе всю ночь.

Сэм сделал ещё один шаг к Альберто, и на этот раз его голос прозвучал так тихо, что каждое слово стало особенно отчётливым.

— Вы можете ненавидеть Маркуса. Но не смейте говорить о его крови так, будто она определяет, кем он является. И если вы собираетесь обвинять Маркуса в произошедшем, угрожать ему или пытаться разрушить его жизнь, вам придётся иметь дело со мной. Я не позволю вам использовать своё влияние, деньги или связи, чтобы наказать его лишь потому, что вам нужен кто-то, на кого можно возложить вину.

Альберто прищурился.

— Вы готовы поставить на кон свою репутацию ради человека, который, возможно, сам виноват в случившемся?

— Я готов защищать своего сына, — отчётливо произнёс Сэм. — Если против него есть доказательства, пусть в произошедшем разбираются те, кто имеет на это право. Но я не позволю вам вершить собственное правосудие. Вы не запугаете меня угрозами. Если вы решите испортить ему жизнь, я сделаю всё, что в моих силах, чтобы этого не допустить. И поверьте, мистер Новарро, я не отступлю.

На лице дедушки не дрогнул ни один мускул, но между мужчинами повисло напряжение, от которого, казалось, стало труднее дышать.

Альберто выдержал его взгляд.

— Посмотрим, как долго вы сможете это делать.

— Всю жизнь, — ответила Лейн.

Она не отпустила Маркуса ни на секунду.

— Он наш сын. И ничто из того, что вы сказали, этого не изменит.

В коридоре снова повисла тишина.

Софи больше не могла находиться здесь.

Ей было всё равно, чем закончится этот спор, кто окажется прав и какие угрозы прозвучат следом. Ей было всё равно, что скажет дедушка, как ему ответит Сэм и что Маркус подумает обо всём услышанном. Все эти слова, обвинения и обещания мести казались чем-то бесконечно далёким от её собственной боли.

Софи взглянула на Маркуса.

Он наконец поднял глаза.

Но смотрел не на Альберто, не на Сэма и не на Лейн.

Он смотрел в пустоту.

Он уже решил, что не заслуживает ни любви Сэма и Лейн, ни прощения Адама, ни доброты, которую ему так щедро отдавали. Альберто лишь произнёс вслух то, что Маркус боялся услышать от самого себя.

И теперь, оставаясь в объятиях Лейн, он смотрел в пустоту, не в силах ни ответить на её ласковые прикосновения, ни отстраниться. В голове билась лишь одна мысль, от которой невозможно было спрятаться и которая, он знал, будет преследовать до конца жизни:

Альберто Новарро был прав.

Впервые в жизни Маркус Деверо не нашёл в себе ни единой причины спорить.

Часть вторая.

Глава 25

Софи больше не вернулась в университет после 18 декабря.

Мама и бабушка забрали её домой, подальше от кампуса, от места, где всё оборвалось, от улиц, по которым она гуляла с Адамом, и комнат, в которых ещё совсем недавно строила планы на будущее.

Она не сопротивлялась. Не задавала вопросов. Даже не пыталась объяснить, что чувствует.

Потому что не чувствовала ничего, что могла бы выразить словами.

Софи словно опустела изнутри. Она могла часами лежать в постели, глядя в потолок, или сидеть у окна, не замечая, как меняется за стеклом погода. Иногда мама приносила ей еду, ставила поднос на прикроватную тумбочку и тихо просила хотя бы немного поесть. Софи кивала, но могла так и не притронуться к тарелке.

Ей было всё равно, светит ли солнце, идёт ли снег, кто звонит в дверь и о чём разговаривают в соседней комнате. Мир продолжал жить, будто ничего не произошло.

А Адама больше не было.

Эта мысль не приносила слёз. Она просто существовала где-то внутри, тяжёлая и неподвижная, как камень, который невозможно ни сдвинуть, ни обойти.

Каталина Новарро, женщина, которая при любых обстоятельствах умела выглядеть безупречно, теперь сама с трудом держалась на ногах. Привычная элегантность осталась при ней: аккуратно уложенные волосы, красивые платья, тонкие украшения. Но за всем этим скрывалась женщина, которая боялась потерять ещё и дочь.

Потеря мужа оставила в её сердце рану, которая так и не затянулась до конца. И теперь, глядя на Софи, Каталина словно снова переживала тот же ужас — только она не могла даже представить, как помочь.

Она садилась рядом с дочерью, осторожно гладила её по волосам и целовала в висок.

— Моя девочка, — шептала она. — Моя маленькая девочка...

Иногда Каталина пыталась заговорить с ней, рассказать о чём-нибудь незначительном, спросить, не хочет ли она выйти на прогулку или хотя бы посидеть вместе в гостиной. Но Софи лишь смотрела перед собой, и каждый раз матери казалось, что дочь находится где-то очень далеко — в месте, куда ей самой никогда не добраться.

Каталина обнимала её крепче, прятала лицо в её волосах и молилась, чтобы однажды Софи снова посмотрела на неё по-настоящему.

Рождество в доме Новарро прошло так, словно этого праздника вовсе не существовало.

Ёлку поставили, как полагалось, но огни на ней почти не зажигали. Подарки остались под ветвями нетронутыми. На столе не было привычного изобилия блюд, а в комнатах не звучали разговоры и смех. Даже слуги старались передвигаться бесшумно, будто громкий звук мог причинить кому-то ещё больше боли.

Кристофер и Бриэль вместе с маленьким Николасом уехали на Рождество к родителям Бриэль. Но ещё до отъезда мальчик не мог понять, почему его любимая тётя Софи целыми днями сидит в своей комнате и почти ни с кем не разговаривает. Иногда он видел её в коридоре или за завтраком, но она словно не замечала его присутствия и больше не улыбалась, как прежде. Николас не понимал, что произошло с тётёй, почему она больше не обнимает его и куда исчезла та весёлая Софи, которую он так любил.

Каталина пыталась объяснить ему, что Софи очень больно и ей нужно время, но сама едва сдерживала слёзы. Как объяснить ребёнку, что иногда горе бывает настолько сильным, что человек словно перестаёт замечать весь мир вокруг?

Софи не спускалась к семейному ужину. Не открывала подарков. Не поздравляла никого с праздником.

Она не хотела видеть ни нарядных украшений, ни свечей, ни праздничных открыток. Всё это казалось издевательством. Как можно было праздновать Рождество, когда человек, которого она любила, больше никогда не войдёт в этот дом?

После Рождества состоялись похороны Адама.

В тот день небо было серым, а холодный ветер пробирался под одежду, заставляя людей плотнее запахивать пальто. У церкви собрались родственники, друзья, ребята из хоккейной команды, однокурсники и те, кто знал Адама и хотел проститься с ним. Многие держали в руках цветы. Кто-то тихо плакал, кто-то обнимал близких, пытаясь найти утешение в чужом тепле.

Софи приехала вместе с мамой.

На ней было чёрное пальто, волосы были собраны, а лицо казалось неестественно бледным. Она почти не поднимала глаз и не замечала взглядов, которые следовали за ней. Люди подходили, говорили слова соболезнования, осторожно касались её плеча, но их голоса будто доносились из-за толстой стены.

Внутри церкви гроб установили перед алтарём. Рядом стояли цветы, а впереди, возле кафедры, священник говорил об Адаме, его жизни, доброте и любви, которую он оставил после себя. Звучали молитвы и церковные песнопения. Родные и друзья поднимались, чтобы сказать несколько слов, вспомнить его улыбку, поступки, привычки, которые теперь становились бесценными воспоминаниями.

Софи ничего не сказала.

Она сидела рядом с Каталиной, сложив руки на коленях, и смотрела в одну точку. Мама держала её за руку, время от времени сжимая пальцы, словно напоминая, что она не одна. Но Софи не отвечала на прикосновения. Она даже не повернула головы, когда впереди кто-то начал плакать.

Она слышала голос священника, но не понимала слов.

Слышала всхлипы, но не могла различить, кто плачет.

И не могла заставить себя поверить, что всё это происходит с ней.

Когда церемония закончилась, гроб вынесли из церкви и доставили на кладбище. Несколько мужчин, среди которых были близкие Адама, понесли его к месту захоронения. Люди собрались вокруг могилы, опустив головы. Священник произнёс заключительную молитву, после чего гроб медленно опустили в землю.

Кто-то заплакал громче. Кто-то отвернулся, не в силах смотреть. На свежую землю начали класть цветы.

Софи продолжала стоять неподвижно.

Каталина была рядом, держала её под руку, но не пыталась увести. Она понимала, что сейчас не сможет заставить дочь сделать ни одного лишнего шага. Поэтому просто оставалась с ней, позволяя молчать.

Когда люди начали расходиться, Софи так и не сдвинулась с места.

Прошло десять минут.

Потом двадцать.

Затем ещё столько же.

Около сорока минут она стояла перед могилой, глядя в одну точку, в груди всё болезненно сжалось, и она наконец сделала шаг вперёд. Затем ещё один. Ноги дрожали, но она не остановилась, пока не оказалась совсем рядом.

Она опустила ладонь на колени, не обращая внимания на холодную влажную землю, и осторожно приложила ладонь к свежему холмику. Пальцы едва заметно дрожали. Софи провела рукой по земле, словно надеялась почувствовать под ней тепло его ладони, как бывало, когда Адам брал её за руку и переплетал их пальцы.

— Я пришла, Адам, — едва слышно прошептала Софи, прикоснувшись ладонью к холодной земле. — Я здесь, любовь моя.

Рядом всхлипнула Каталина, но на лице Софи не было ни слёз, ни боли, которую можно было бы прочесть в её взгляде. Лишь пугающая пустота.

Она ещё несколько секунд держала ладонь на земле, а затем медленно поднялась и холодно посмотрела на мать.

Когда Каталина тихо сказала, что пора ехать, Софи послушно последовала за ней.

На поминки она не осталась.

Софи не видела друзей. Возможно, они пытались подойти к ней, возможно, ждали, пока она сама посмотрит в их сторону. Она не знала. И не хотела знать.

Сэма и Лейн Миллеров она тоже не заметила — или сделала вид, что не заметила. Она не подошла к ним, не обняла, не произнесла ни слова.

Ей просто не хватало сил на чужую боль.

Она знала, что Сэм и Лейн потеряли сына. Знала, что Дженна, Лиам, Дин и Маркус тоже переживают случившееся. Понимала, что каждый из них несёт собственную тяжесть и что Адам был дорог им не меньше, чем ей.

Но понимание ничего не меняло.

Её боль заглушила всё остальное. Она не могла разделить её с другими, потому что едва справлялась с той, что разрывала её саму.

Через несколько дней Кристофер приехал в кампус, чтобы забрать вещи Софи из комнаты общежития.

Он собрал одежду, книги, косметику, украшения и тетради, сложил всё в коробки и чемоданы. На столе остались лишь мелочи, которые не имели никакой ценности для постороннего человека, но были частью привычной жизни его сестры.

Кристофер задержался у письменного стола, глядя на оставшиеся вещи.

Он знал, как сильно Софи любила эту комнату. Знал, сколько времени она проводила здесь, как привыкла, как радовалась встречам с Дженной и как часто рассказывала семье об Адаме.

Теперь всё это осталось позади.

Он не стал звонить сестре и спрашивать, действительно ли она хочет, чтобы он забрал всё. Ответ был очевиден. Софи больше не собиралась возвращаться в эту комнату.

Альберто тем временем связался с университетом. Используя свои связи и добившись необходимых договорённостей, он организовал для внучки возможность закончить семестр дистанционно. Ей разрешили выполнять задания, сдавать работы и проходить оставшиеся учебные этапы без личного присутствия на занятиях.

Софи не возражала.

Учёба была единственным, что от неё требовали, и она соглашалась делать необходимое, не задавая вопросов. Иногда открывала ноутбук, читала письма от преподавателей, отправляла выполненные задания. Всё остальное казалось неважным.

Она больше не отвечала на сообщения друзей.

Сначала просто оставляла их без внимания. Потом отключила уведомления. Когда сообщения продолжили приходить, она вышла из общего чата, где ещё недавно они обменивались шутками, фотографиями и планами на выходные.

Дженна написала ей всего пару раз.

Спрашивала, как она себя чувствует, говорила, что скучает, и просила хотя бы коротко ответить. Софи прочитала сообщения, но так и не нашла в себе сил написать что-нибудь в ответ.

Она представляла, что Дженна, возможно, обижается или не понимает её молчания. Но даже мысль о том, что придётся объяснять своё поведение, казалась непосильной.

Как Дженна отреагировала на то, что они больше не будут соседками, Софи тоже не интересовало.

Дин звонил ей и писал каждый день.

Он оставлял голосовые сообщения, просил её ответить хотя бы парой слов, спрашивал, как она себя чувствует, и говорил, что ему нужно лишь знать, что она в порядке. Он не требовал разговора и не ждал объяснений — просто не хотел оставлять её одну в горе.

Софи не слушала голосовые сообщения. Она лишь мельком читала его сообщения, едва задерживая взгляд на строках, прежде чем отложить телефон.

А затем заблокировала его номер.

Это решение далось ей тяжелее, чем она ожидала. Но она больше не могла слышать голоса людей, которые знали Адама. Не могла смотреть на их имена на экране и вспоминать, что когда-то эти люди были частью её счастья.

Ей казалось, что, отдалившись от них, она сможет хотя бы ненадолго отдалиться от воспоминаний.

Но от самой себя не убежишь.

Она понимала это каждый раз, когда закрывала глаза и видела Адама. Его улыбку. Веснушки. Зелёные глаза. Его ладонь, сжимающую её пальцы. То, как он произносил её имя.

Софи.

Она могла заблокировать номера, удалить переписку, покинуть общий чат и отказаться возвращаться в комнату, где они с Дженной строили планы на будущее. Но память не подчинялась её решениям.

Адам оставался с ней.

В каждом воспоминании. В каждом сне. В каждой минуте тишины.

И это было больнее всего.

Январь тянулся бесконечно.

Софи проводила дни в своей комнате, иногда выходила на короткую прогулку по саду, если мама убеждала её подышать свежим воздухом. Она почти не разговаривала с бабушкой и избегала встреч с другими родственниками. Каталина продолжала заботиться о ней, но постепенно перестала задавать вопросы, на которые дочь всё равно не отвечала.

Несколько недель Софи лежала без сна, размышляла о своей жизни и снова возвращалась к одному и тому же вопросу: что теперь?

Раньше за неё многое решали другие. Семья определила её будущее, выбрав юриспруденцию. Дедушка следил за тем, чтобы она не сбивалась с намеченного пути. Даже её мечта о музыке оказалась запертой где-то глубоко внутри, потому что она пообещала отказаться от неё ради одобрения семьи.

С Адамом всё было иначе.

Он никогда не требовал от неё быть удобной, правильной или соответствующей чьим-то ожиданиям. Он смотрел на неё так, будто видел не фамилию, не воспитание, не будущее, которое для неё придумали, а саму Софи.

Он верил в её музыку. В её стихи. В ту часть её души, которую она годами прятала от окружающих.

И теперь его не было.

Но однажды, лежа на кровати и глядя на бледный зимний свет за окном, Софи вдруг подумала: если она продолжит жить так, как живёт сейчас, то от неё самой ничего не останется.

Не потому, что боль исчезнет. Она не верила, что когда-нибудь перестанет болеть. Возможно, эта потеря навсегда останется частью её жизни.

Но разве Адам хотел бы, чтобы она отказалась от всего, что любила?

Она вспомнила белое фортепиано в библиотеке Миллеров. Его руки, когда он протягивал ей подарок. Его слова о том, что однажды люди должны услышать её музыку.

И впервые за долгое время внутри что-то дрогнуло.

Не радость. Не надежда в привычном смысле.

Скорее тихое, упрямое желание хотя бы раз самой решить, что ей делать дальше.

Софи больше не хотела жить исключительно так, как от неё ожидали. Она не собиралась возвращаться к прежней себе — той, которая соглашалась, молчала и откладывала собственные желания на неопределённое потом.

Она имела право выбирать.

Даже если этот выбор не понравится дедушке. Даже если кто-то решит, что она ошибается. Даже если впереди её ждёт не успех, а ещё одно разочарование.

Впервые за долгое время решение принадлежало только ей.

В тот вечер Софи достала телефон и открыла переписку с Дэвидом.

Она долго смотрела на пустое поле для сообщения. Ей хотелось написать что-то простое, не объясняя всего, что произошло за последние недели. Она не была готова рассказывать о своей боли, отвечать на вопросы или делать вид, что с ней всё в порядке.

Но она могла сделать первый шаг.

Софи набрала сообщение, перечитала его и наконец нажала «Отправить».

Дэвид, привет. Я долго думала о том, что ты говорил мне. Если предложение ещё в силе, после возвращения в кампус я хотела бы познакомиться с Гарри и остальными ребятами. Я готова попробовать поработать с вашей группой — над вокалом и текстами. Если вам всё ещё нужна солистка, конечно.

Она задержала взгляд на отправленном сообщении.

Ответа пока не было.

Софи положила телефон рядом и снова посмотрела в окно. За стеклом медленно темнело январское небо. Впереди оставалось много неизвестного, и она не знала, хватит ли ей сил справиться с тем, что ждёт её дальше.

Но впервые после восемнадцатого декабря она сама выбрала, что сделать следующим.

Это не вернуло Адама.

Не сделало боль слабее и не избавило её от воспоминаний.

Однако в тишине комнаты, среди книг, коробок и вещей, которые Кристофер привёз из общежития, появилось нечто новое.

Не счастье.

Не исцеление.

А маленькое решение жить дальше — на собственных условиях.

Глава 26

Дедушка позаботился о том, чтобы у Софи было собственное жильё недалеко от кампуса. Он снял для неё небольшую квартиру, в которой она могла бы жить во время учёбы, не тратя время на дорогу из семейного дома.

Квартира оказалась удивительно уютной.

За небольшой прихожей открывалась гостиная, объединённая с кухней. Между ними располагался компактный кухонный островок, а в самой гостиной стояли мягкий диван и два кресла, журнальный столик и небольшой камин. Большое окно пропускало много света, и даже пустая комната казалась тёплой и гостеприимной.

Из гостиной можно было пройти в спальню, отделённую небольшой гардеробной. В центре стояла большая двуспальная кровать, по обе стороны от неё — прикроватные тумбочки. Напротив кровати телевизор был аккуратно встроен в стену, а сбоку находилась дверь в небольшую ванную комнату.

В спальне тоже было огромное окно. Именно возле него Софи поставила синтезатор. Она долго выбирала для него место, пока наконец не решила, что здесь ей будет удобнее всего играть, глядя на улицу. Рядом, вместо второй прикроватной тумбочки, появился письменный стол, за которым она собиралась заниматься.

Мысли бросить юриспруденцию у неё не было. Она по-прежнему собиралась учиться, сдавать экзамены и идти дальше, несмотря на то, что произошло.

Каталина помогала дочери обустраиваться. Она распаковывала коробки, расставляла баночки в ванной, развешивала шторы и то и дело передвигала какие-нибудь мелочи, пока не оставалась довольна результатом.

— Вот теперь совсем другое дело, — произнесла она, поправляя последнюю складку на занавеске.

Софи стояла посреди гостиной и молча оглядывалась. Всё было на своих местах. Аккуратно, красиво, уютно.

И совершенно по-новому.

Завтра начиналась учёба.

Завтра ей предстояло снова войти в университет, увидеть знакомые лица и сделать вид, что она способна жить дальше.

Каталина подошла к дочери и обняла её. Крепко, почти отчаянно, словно не хотела отпускать.

— У тебя всё получится, милая, — прошептала она, поглаживая Софи по спине. — Не нужно торопиться. Просто двигайся вперёд, шаг за шагом.

Софи прижалась к матери, на мгновение закрыв глаза.

— Я постараюсь.

Каталина поцеловала её в щёку, ещё раз оглядела квартиру и направилась к выходу. На пороге она обернулась, словно хотела сказать что-то ещё, но в итоге лишь улыбнулась дочери.

— Удачи тебе, родная.

— Спасибо, мам.

Когда дверь за Каталиной закрылась, Софи осталась одна.

Она медленно прошла по комнатам, поправила подушку на диване, задержалась возле синтезатора и провела пальцами по клавишам, не нажимая ни на одну. Потом подошла к окну и посмотрела на вечерний кампус.

Завтра начнётся новая жизнь.

Она повторила эти слова про себя несколько раз, стараясь поверить в них. Ей хотелось стать другим человеком — сильнее и увереннее. Человеком, который сможет выдержать чужие взгляды и шёпот за спиной, не позволяя им причинять себе ещё больше боли.

Утром Софи стояла долго перед выходом из дома и не могла заставить себя сделать первый шаг.

Сердце билось слишком быстро, пальцы похолодели, а в груди возникло неприятное ощущение, будто воздух внезапно стал густым и тяжёлым. Она знала, что рано или поздно ей придётся вернуться. Учёба не могла ждать вечно, да и прятаться от собственной жизни она больше не хотела.

Но одно дело — убеждать себя в этом наедине с собой, и совсем другое — оказаться здесь, среди людей, которые знали Адама.

Она глубоко вдохнула и вошла в здание.

Почти сразу почувствовала на себе чужие взгляды.

Кто-то смотрел с сочувствием, кто-то — с любопытством, а кто-то быстро отворачивался, стоило ей поднять глаза. По коридорам разносились приглушённые голоса. Софи не разбирала каждое слово, но обрывков хватало.

Кто-то говорил, что на похоронах она не проронила ни слезинки.

Кто-то обсуждал, как плохо она выглядит.

Другие перешёптывались, пытаясь угадать, что она чувствует и как собирается жить дальше.

Софи слышала достаточно, чтобы понять: её горе успело стать темой для чужих разговоров.

Она сжала челюсти.

Им никогда не узнать, что происходит у неё внутри. Они не знают ничего. И не имеют права судить.

Софи выпрямила спину, чуть приподняла подбородок и гордо направилась дальше. Если им хотелось разглядывать её, пусть смотрят. Она не собиралась оправдываться за собственную боль и тем более доказывать кому-то, что любила Адама достаточно сильно.

Однако, едва оказавшись в главном холле, она резко остановилась.

Сердце пропустило удар.

У стены, рядом со стендом, посвящённым хоккейным достижениям университета, стояла фотография Адама в простой рамке.

На снимке он улыбался — открыто, легко, так, как умел только он. Рыжеватые волосы чуть растрепались, на лице были видны веснушки, а в зелёных глазах отражался свет. Казалось, ещё мгновение — и он рассмеётся, заметив, как кто-то пытается сделать серьёзное фото для университетского стенда.

Но снимок был неподвижен.

Вокруг него лежали цветы. Белые розы, гвоздики, букеты в прозрачной упаковке. Кто-то оставил несколько открыток с короткими посланиями, кто-то написал пожелания на небольших листках бумаги. Среди цветов горели маленькие свечи.

Мемориал.

Для Адама.

Софи почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Господи.

Слёзы мгновенно застлали ей глаза. Она смотрела на фотографию и не могла отвести взгляд. В груди поднялась такая острая боль, что на мгновение ей показалось, будто она больше не сможет дышать.

Боль.

Боль.

Боль.

Хотелось закричать. Смахнуть цветы, разбить рамку, сорвать со стены фотографии и открытки. Уничтожить всё, что превращало её худший кошмар в окончательную, неоспоримую правду.

Софи сжала руки в кулаки. Ногти впились в ладони, но она почти не почувствовала боли. Несколько раз моргнула, пытаясь остановить слёзы, и медленно выдохнула.

Она не собиралась плакать здесь.

Не перед всеми.

Не потому, что ей было стыдно за свои чувства, а потому, что сейчас она не могла позволить себе окончательно развалиться на глазах у людей, которые и без того смотрели на неё так, словно она была хрупкой вещью, готовой рассыпаться от одного прикосновения.

Софи огляделась.

В холле стало подозрительно тихо. Несколько студентов замерли, другие делали вид, что заняты своими делами, но взгляды всё равно возвращались к ней.

Она медленно подняла подбородок и посмотрела на них с холодным презрением.

Пусть смотрят.

Пусть шепчутся.

Она не даст им увидеть, как сильно ей больно.

Софи отвернулась от мемориала и пошла по коридору к аудитории.

Каждый шаг давался с усилием. Ей хотелось обернуться, ещё раз посмотреть на фотографию, но она заставляла себя идти вперёд. Если остановится, то, возможно, уже не сможет двинуться с места.

В аудитории студенты постепенно занимали свои места. Кто-то разговаривал с соседом, кто-то листал конспекты, кто-то проверял телефон.

Софи сразу заметила знакомый ряд.

Три стула на третьем ряду.

Её место, место Адама и место Маркуса.

Маркус уже сидел на своём стуле, откинувшись на спинку. В ушах у него были наушники, а взгляд был прикован к экрану телефона. Он выглядел так, словно происходящее вокруг его совершенно не интересовало.

Софи замедлила шаг.

Она не видела Маркуса с того дня в больнице. Не после того, как дедушка обвинил его в смерти Адама. Не после того, как он остался в объятиях Лейн, глядя в пустоту, словно уже вынес себе приговор.

Теперь он сидел здесь — на своём обычном месте, среди студентов, которые постепенно возвращались к привычной жизни.

Будто ничего не изменилось.

Хотя изменилось всё.

Словно почувствовав её присутствие, Маркус поднял голову.

Их взгляды встретились.

На его лице не появилось ни усмешки, ни привычного выражения холодного превосходства. Он не сказал ни слова и не попытался заговорить с ней. В его глазах не было ничего, что Софи могла бы понять или истолковать.

Только усталость, которую не скрывали даже наушники и равнодушная поза.

Софи тоже ничего не сказала.

Она прошла между рядами и заняла своё место.

Между ней и Маркусом оставался свободный стул.

Его место.

Софи посмотрела на него всего на секунду, но этого оказалось достаточно. Горло сжалось, а глаза снова защищало от подступивших слёз.

Она отвернулась и достала из сумки тетрадь.

Сегодня начиналась новая жизнь, напомнила она себе.

Но пустое место рядом продолжало напоминать ей о той, которая закончилась.

Глава 27

После лекции Софи выскочила из аудитории прежде, чем Маркус успел произнести хотя бы слово.

Все семьдесят пять минут она чувствовала его взгляд. Он словно прожигал правую щёку, заставляя её напрягаться каждый раз, когда преподаватель замолкал. Но Софи ни разу не повернула голову в его сторону. Она не позволила себе даже мельком посмотреть на него.

Она слушала лекцию, старательно записывала что-то в тетрадь и даже несколько раз кивнула, когда преподаватель объяснял очередную тему. При этом не смогла бы повторить ничего из услышанного.

Её мысли были далеко отсюда.

Выйдя в коридор, Софи ускорила шаг. Она не знала, что стучало громче — каблуки по каменному полу или собственное сердце.

На повороте она в кого-то врезалась.

— Осторожнее, красавица, — раздался мужской голос. — Хотя, если бы все девушки налетали на меня с таким энтузиазмом, я бы начал считать это комплиментом.

Софи подняла голову.

Гарри Уайлд.

Тот самый Гарри, о котором Дэвид рассказывал с таким воодушевлением и одновременно с таким количеством жалоб, что Софи уже успела составить о нём собственное мнение. Высокий блондин с выразительными чертами лица, уверенной улыбкой и взглядом человека, который привык получать желаемое. Он оглядел её с головы до ног и негромко присвистнул.

— София Новарро, — протянул он, словно пробуя её имя на вкус.

В его взгляде не было ни жалости, ни неловкого сочувствия, ни того неприятного любопытства, с которым на неё смотрели остальные. Он не видел в ней несчастную девушку, потерявшую любимого человека. Не пытался угадать, почему на похоронах она не проронила ни слезинки, и не смотрел на неё так, словно ждал, когда она наконец сломается.

Для Гарри она была просто Софией Новарро.

Девушкой, о которой ему рассказал Дэвид.

И, кажется, именно это на мгновение выбило её из привычного состояния.

— Земля вызывает Софию, — произнёс Гарри, помахав ладонью перед её лицом. — Есть кто дома?

Софи моргнула и вернулась к действительности.

— Что?

— Дэвид сказал, что ты хочешь попасть в нашу группу, — заявил Гарри с явной долей скепсиса. — Ну что ж. Посмотрим, на что ты способна.

Он снова окинул её взглядом и усмехнулся.

— Фигурка — огонь. Надеюсь, голос такой же прекрасный, как и эти ножки.

Прежде чем Софи успела ответить, Гарри бесцеремонно выхватил из её рук тетрадь.

— Эй!

— Не переживай, я не собираюсь красть твои конспекты. Хотя, судя по твоему лицу, там хранится государственная тайна.

Он вытащил из кармана ручку, открыл тетрадь на чистой странице и быстро записал адрес.

— Сегодня. В шесть вечера. Это дом Рони, нашего барабанщика. Там у нас оборудована небольшая студия. Приходи, покажешь, что умеешь.

Гарри вернул тетрадь и указал пальцем на записанный адрес.

— Не опаздывай. Я не люблю ждать.

Софи забрала тетрадь, посмотрела на него, но ничего не ответила. Затем просто обошла Гарри и продолжила путь по коридору.

— И это всё? — крикнул он ей вслед. — Ни вопросов, ни благодарности, ни обещания покорить мир?

Она даже не обернулась.

Гарри усмехнулся.

— Ладно, Новарро. Посмотрим, что ты за птица.

В течение дня Софи несколько раз замечала Дина.

Сначала он стоял возле аудитории, когда она выходила после лекции. Потом оказался в коридоре у лестницы. В другой раз она увидела его в столовой, за соседним столиком с несколькими знакомыми.

Каждый раз он словно собирался подойти.

Каждый раз Софи делала вид, что не замечает его.

Она смотрела в телефон, поправляла сумку, меняла направление движения, если видела Дина издали. А когда избежать встречи не удавалось, просто говорила, что торопится, и уходила прежде, чем он успевал ответить.

Она не знала, правильно ли поступает.

Дин был одним из немногих людей, рядом с которыми она когда-то могла быть собой. Он читал её стихи, слушал её мысли и не позволял ей окончательно отказаться от музыки. Он был рядом, когда она сомневалась в себе, и поддерживал её, даже когда она сама не верила, что заслуживает поддержки.

Софи понимала, что он тоже потерял друга. Понимала, что ему тяжело и что он, вероятно, пытается помочь ей справиться с утратой. Но она не могла принять эту помощь. Не могла смотреть на него и не вспоминать Адама, не слышать в голове их смех, не возвращаться мыслями к тем дням, когда всё казалось таким простым.

Поэтому она решила, что их дружба закончена.

По крайней мере, для неё.

После последних занятий Софи почти бегом вернулась в квартиру. Она так торопилась оказаться подальше от университета, что даже не заметила, насколько сильно проголодалась.

В холодильнике стояли контейнеры с едой, которую оставила Каталина. Софи достала йогурт, съела несколько ложек и убрала его обратно.

Есть не хотелось. В горле стоял неприятный ком, а от одной мысли о полноценном обеде начинало мутить.

Она посмотрела на часы.

До встречи с Гарри оставалось меньше двух часов.

Софи собрала конспекты и тетрадь с мелодиями, переоделась и накинула пальто. Перед выходом она задержалась у зеркала, поправила волосы и внимательно посмотрела на своё отражение.

Бледное лицо. Тени под глазами. Слишком острые скулы.

Она выглядела хуже, чем хотела бы признать.

Но сегодня это не имело значения.

Сегодня ей предстояло сделать то, на что она не решалась уже много месяцев.

Дать музыке шанс.

Дедушка подарил Софи чёрный Cadillac CT5-V. Дорогой, мощный автомобиль, который совершенно не подходил человеку, который терпеть не мог водить.

И всё же Софи признавала, что машина была удобной. Особенно теперь, когда ей приходилось много ездить.

Она села за руль, настроила навигатор и выехала с парковки.

Адрес, который дал Гарри находился примерно в двадцати минутах езды от кампуса. Дом оказался самым обычным: небольшой, двухэтажный, с аккуратным крыльцом и подъездной дорожкой, ведущей к гаражу. Ничего особенного, если не считать припаркованных возле него машин.

Софи заглушила двигатель и несколько секунд сидела неподвижно, глядя на дом.

Она могла развернуться и уехать.

Могла сказать себе, что ещё не готова, что сейчас у неё нет сил начинать что-то новое, что музыка подождёт.

Но она уже слишком долго пряталась за такими оправданиями.

Софи взяла сумку и вышла из машины.

Из гаража доносились звуки гитары, приглушённый стук барабанов и мужские голоса. Она подошла ближе и осторожно заглянула внутрь.

Гараж был переоборудован в небольшую репетиционную студию. У одной стены стояли усилители и стойки с микрофонами, возле другой находились барабанная установка и несколько гитар. Посреди помещения лежали провода, а в углу разместились клавиши.

Там были Гарри и Дэвид.

Рядом с барабанной установкой сидел Рони — хозяин дома и барабанщик группы. У клавиш стоял Стивен, а возле усилителя настраивал инструмент Кассиан, второй гитарист.

Все пятеро повернулись к Софи, когда она вошла.

— Новарро всё-таки пришла, — протянул Гарри, закатывая глаза. — А я уже начал думать, что ты решила оставить нас без удовольствия услышать свой голос.

— Гарри, прекрати, — бросил Дэвид.

— Что? Я вежлив.

Софи едва заметно улыбнулась.

— Итак, — Гарри хлопнул в ладони, — давай, удиви нас, Новарро.

Она сняла пальто, положила сумку у стены и направилась к клавишам.

Дэвид помог ей перенести микрофон, установил его на стойку и проверил подключение.

— Всё готово, — тихо сказал он. — Не торопись. Делай так, как чувствуешь.

Софи благодарно посмотрела на него.

Она знала эту песню наизусть. Помнила каждую ноту, каждое слово, каждый переход между куплетами. Она написала её давно, в один из вечеров, когда музыка была единственным способом разобраться в собственных чувствах.

Софи села за клавиши.

Пальцы легли на них почти привычно. На мгновение она закрыла глаза, глубоко вдохнула и начала играть.

Первые аккорды прозвучали тихо, постепенно заполняя пространство гаража. Мелодия была нежной, но в ней чувствовалась скрытая сила. Она словно начиналась с едва слышимого признания, а затем постепенно набирала глубину, превращаясь в нечто большее.

Софи запела.

Сначала негромко, осторожно, будто проверяя, сможет ли её голос выдержать эту встречу с самой собой. Но с каждой строчкой напряжение отпускало её. Она больше не думала о кампусе, о чужих взглядах, о пустом месте в аудитории. Не вспоминала, что скажет дедушка, если узнает, чем она занимается.

Оставались только музыка и слова.

Её голос звучал чисто и выразительно, с мягкими переходами и удивительной эмоциональной глубиной. В нём не было показной силы или желания произвести впечатление. Она просто пела так, как чувствовала.

Когда последняя нота затихла, в гараже воцарилась тишина.

Софи медленно убрала руки с клавиш.

Никто не произнёс ни слова.

Рони смотрел на неё с открытой улыбкой. Стивен приподнял брови, а Кассиан, до этого увлечённый настройкой гитары, замер, держа инструмент в руках. Дэвид улыбался так, словно давно знал, что всё закончится именно так.

Только Гарри молчал.

Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на Софи с выражением, которое она не могла прочесть.

Ну конечно. У него и правда тяжёлый характер, — подумала она. — *Но я справлюсь.*

Наконец Гарри медленно выпрямился.

— Ты и правда хороша, Новарро.

Она удивлённо посмотрела на него. Впервые за всё время он не произнёс её фамилию с насмешливой интонацией.

— Спасибо.

— Думаю, мы сработаемся.

Рони рассмеялся и поднялся со своего места.

— Вот теперь можно поговорить о деле. Мы выступаем каждую пятницу вечером в баре «Blue Ember». Знаешь такое место?

Софи кивнула.

Она бывала там пару раз с друзьями. Бар находился примерно в тридцати минутах езды от кампуса, славился живой музыкой и уютной атмосферой. По вечерам там собирались студенты, местные жители и те, кто просто хотел провести время за хорошей музыкой.

— Отлично, — продолжил Рони. — Пока у нас есть небольшой репертуар, но если у тебя есть собственные песни или идеи, мы готовы их послушать.

— И не только послушать, — добавил Дэвид. — Мы можем попробовать что-нибудь вместе.

Гарри снова закатил глаза.

— Дэвид, ты говоришь так, будто мы до сих пор не пытались сочинять собственную музыку.

— Я говорю так, будто у нас наконец появился человек, который может привнести что-то особенное.

— А я говорю так, будто вы оба слишком много разговариваете. Давайте лучше играть.

Несмотря на ворчание, Гарри первым подошёл к клавишам и положил перед Софи несколько листов с нотами.

— Вот наша последняя композиция. Мелодия неплохая, но чего-то не хватает. Послушай и скажи, что думаешь.

Софи пробежала глазами по записям.

— Можно попробовать изменить переход перед припевом. Сейчас он звучит слишком резко. Если немного сместить акценты и добавить другую гармонию, мелодия станет глубже.

Гарри внимательно посмотрел на неё.

— Покажи.

Она сыграла несколько вариантов, затем остановилась и предложила ещё один. Гарри сразу подхватил идею, напевая новую мелодическую линию. Через несколько минут они уже спорили о последовательности аккордов, ритме и том, где лучше оставить паузу.

Рони предложил изменить рисунок барабанов. Стивен добавил партию клавишных, а Кассиан попробовал другой гитарный переход. Дэвид внимательно следил за тем, как постепенно меняется композиция, и время от времени предлагал собственные идеи.

Софи ожидала, что ей придётся доказывать свою состоятельность каждому из них. Вместо этого она обнаружила, что все парни действительно увлечены музыкой. Каждый писал мелодии, экспериментировал со звучанием, а некоторые ещё и сочиняли тексты.

Но Гарри выделялся даже среди них.

Он слышал музыку так же, как она. Мог уловить едва заметную фальшь, почувствовать, когда мелодия теряет направление, и мгновенно предложить решение. Его идеи иногда казались Софи слишком смелыми, но стоило попробовать, как становилось ясно, что он понимал, чего хотел добиться.

Их творческое мышление удивительно совпадало.

Они могли спорить о нескольких нотах дольше десяти минут, а затем одновременно предложить одно и то же изменение. Гарри заканчивал фразу, и Софи уже знала, какую мелодию он хочет услышать. Она начинала играть, а он тут же подхватывал её голосом.

Когда они наконец попробовали спеть вместе, даже сам Гарри на несколько секунд потерял дар речи.

Их голоса сочетались идеально.

Его звучание было сильным, ярким и уверенным, её — мягким, глубоким и эмоциональным. Вместе они создавали гармонию, в которой ни один голос не перекрывал другой. Напротив, каждый подчёркивал особенности второго.

— Вот это да, — наконец произнёс Рони.

Стивен одобрительно присвистнул.

— Кажется, мы только что нашли то, чего нам не хватало.

Гарри медленно повернулся к Софи.

— Ты понимаешь, что мы можем сделать вместе?

Она отвела взгляд к клавишам.

Именно это её и настораживало.

То, как легко они понимали друг друга. Как естественно переплетались их голоса. Как быстро рождались идеи, которые в одиночку могли бы не прийти ни ему, ни ей.

Если наши голоса идеально подходят друг другу, это ещё не значит, что мы с ним сами подходим друг другу, — подумала Софи.

Гарри был талантливым. Это она уже поняла. Но его характер всё ещё оставался загадкой, а сам он производил впечатление человека, который не привык уступать.

Впрочем, она не собиралась позволять этому мешать музыке.

— Давайте попробуем ещё раз, — предложила она.

Гарри улыбнулся.

— Вот теперь ты мне нравишься, Новарро.

— Не привыкай, Уайлд.

Дэвид рассмеялся, а Рони покачал головой.

— Чувствую, скучно нам не будет.

Следующие недели пролетели почти незаметно.

Софи продолжала избегать прежних друзей. В середине февраля её жизнь состояла из лекций, библиотеки и коротких поездок между кампусом, репетициями и квартирой.

Она по-прежнему не возвращалась в общий чат и не отвечала на сообщения Дина. Если он пытался заговорить с ней в коридоре, она говорила, что торопится, и уходила. Иногда ей казалось, что он вот-вот схватит её за руку и потребует хотя бы объяснить, что происходит.

Дженна больше не пыталась с ней связаться. При случайных встречах в кампусе она отводила взгляд и уходила в другую сторону.

Лиам иногда улыбался Софи, когда замечал её, но не подходил. Возможно, он тоже решил, что ей нужно время.

А Маркус продолжал смотреть на неё.

На лекциях. В коридорах. В столовой, когда она садилась за отдельный столик и пыталась заставить себя съесть хотя бы несколько кусочков еды.

Софи всегда чувствовала его взгляд. Иногда поднимала глаза и встречалась с ним взглядом на долю секунды, прежде чем снова отвернуться. В его лице не было привычной усмешки. Он смотрел на неё хмуро, почти гневно, и этот взгляд пугал Софи. Она не понимала, что за ним скрывается, и от этого ей становилось ещё тревожнее.

Она не знала, чего он хотел. Не знала, пытался ли он заговорить с ней из-за чувства вины или просто не мог смириться с тем, что она вычеркнула его из своей жизни.

Но она не собиралась выяснять.

Ей казалось, что между ней и прежней компанией теперь лежит пропасть, которую невозможно преодолеть.

Единственным местом, где Софи чувствовала себя хоть немного свободнее, стала репетиционная студия — гараж.

Там никто не спрашивал, как она переживает смерть Адама. Никто не смотрел на неё с жалостью и не пытался осторожно подбирать слова. Если она ошибалась в нотах, Гарри немедленно указывал на ошибку. Если предлагала удачную мелодию, он признавал это без лишних разговоров.

Музыка не требовала от неё объяснений.

Она просто существовала.

Правда, учёба постепенно начала страдать. Софи всё чаще пропускала часы в библиотеке, откладывала подготовку к семинарам и сдавала некоторые задания в последний момент. Несколько оценок оказались хуже привычных, и это начало её тревожить.

Дедушка не должен был узнать.

Альберто и так считал, что после трагедии ей необходимо сосредоточиться на учёбе и постепенно вернуться к нормальной жизни. Если он узнает, что Софи тратит столько времени на музыку и при этом теряет успеваемость, разговор будет неприятным.

Она старалась наверстать упущенное по вечерам, но часто обнаруживала, что уже не способна сосредоточиться на учебниках. Перед глазами начинали расплываться строки, мысли путались, и через несколько минут она снова тянулась к нотам.

С музыкой было иначе.

Стоило ей сесть за клавиши, как пальцы сами находили нужные последовательности. Мелодии рождались быстрее, чем она успевала записывать их на бумаге.

Дэвид, который отвечал за постановку движений и сценическую хореографию группы, тоже не давал ей расслабиться.

— Музыка — это театр, Софи, — объяснял он, заставляя ребят повторять движения перед воображаемой сценой. — Когда ты поёшь, ты не просто производишь ноты. Ты играешь спектакль. Ты рассказываешь историю. И если зритель не чувствует её вместе с тобой, значит, ты что-то упускаешь.

Он учил их двигаться естественно, не теряться на сцене и не выглядеть так, будто каждый из них пришёл на репетицию исключительно ради собственного удовольствия.

Гарри требовал идеального исполнения, Рони следил за ритмом, Стивен и Кассиан оттачивали свои партии, а Дэвид работал над тем, чтобы вся группа выглядела единым целым.

Софи тоже приходилось много двигаться, петь стоя, отходить от клавиш и взаимодействовать с остальными участниками.

И всё это на фоне почти полного отсутствия аппетита.

Она продолжала худеть. Иногда к середине репетиции у неё начинала кружиться голова, а сил становилось так мало, что даже дорога до машины казалась утомительной.

Дэвид заметил это первым.

— Софи, — позвал он однажды, протягивая ей сэндвич. — Ешь.

Она посмотрела на него с недоумением.

— Я не голодна.

— Меня не интересует, голодна ты или нет. Ты сегодня выпила кофе и съела половину яблока. Это не питание, это издевательство над организмом.

— Я потом поем.

— Ты говоришь это каждый раз.

Он сел рядом и сунул ей сэндвич в руки.

— Давай, Новарро. Я не собираюсь наблюдать, как ты исчезаешь на глазах. От твоей прежней аппетитной фигурки скоро ничего не останется.

— Дэвид!

— Что? Я забочусь о тебе. Причём совершенно бескорыстно.

— Конечно.

— Абсолютно. Хотя, если ты продолжишь так худеть, мне придётся начать приносить тебе еду каждый день.

— Ты и так это делаешь.

— Значит, моя система работает недостаточно эффективно.

Софи невольно улыбнулась и откусила кусочек.

Дэвид ничего не сказал, но остался сидеть рядом, пока она не доела хотя бы половину. После этого он забрал пустую упаковку и вернулся к остальным, словно ничего особенного не произошло.

Она была благодарна ему за это.

За то, что он заботился, но не требовал объяснений. За то, что мог рассмешить её в самый неподходящий момент. За то, что рядом с ним она хотя бы ненадолго переставала чувствовать себя человеком, чья жизнь закончилась вместе с любимым.

Пока группа продолжала репетировать, Гарри решил, что пора выходить на более серьёзную сцену.

Софи ещё не выступала с ними в «Blue Ember». Они хотели подготовить нечто особенное — программу, которая отличалась бы от обычных вечеров с каверами и привычным репертуаром.

Гарри всё чаще говорил о весеннем бале, который должен был состояться в университете в начале марта.

— Мы должны там выступить, — заявил он во время одной из репетиций.

— Мы даже не закончили половину новых композиций, — заметил Кассиан.

— Значит, закончим.

— Гарри, до бала меньше месяца, — напомнил Стивен.

— Я умею считать.

— Иногда у меня возникают сомнения, — пробормотал Рони.

Гарри бросил на него предупреждающий взгляд.

— Мы можем подготовить программу за три недели. Если будем работать нормально, а не тратить время на бессмысленные разговоры.

— Ты понимаешь, что слово «нормально» в твоём исполнении означает репетиции до полуночи? — спросил Дэвид.

— Если потребуется, будем репетировать до полуночи.

Но Гарри не ограничился разговорами. На следующий день он встретился с деканом университета и предложил выступление группы на весеннем балу. Он представил их программу, рассказал о подготовленных композициях и убедил администрацию, что они смогут достойно выступить перед студентами и преподавателями.

К удивлению остальных, декан университета согласился, но выдвинул собственные условия. Их группе разрешат исполнить всего одну песню — *Holding Out for a Hero* Бонни Тайлер.

Когда Гарри сообщил об этом на репетиции, Рони несколько секунд молчал, а затем поднял руки к потолку.

— Прекрасно. Теперь мы официально обязаны не опозориться перед всем университетом.

— Именно, — довольно ответил Гарри.

Софи посмотрела на единственную композицию в списке, лежавшем перед ней.

Постепенно до неё дошло: эту песню предстоит исполнить ей одной. Без Гарри, чей голос переплетался с её голосом. Главной вокалисткой будет только она, а парни обеспечат музыкальное сопровождение: гитары, клавишные и ударные создадут мощное звучание, на фоне которого ей предстоит удержать внимание всего зала. Только она, микрофон и огромная сцена.

Весенний бал.

Настоящая сцена. Свет софитов. Полный зал людей. И её голос, который услышат не только пятеро парней в гараже.

Она никогда не представляла, что её первый серьёзный выход на сцену произойдёт именно так. И уж точно не думала, что решится на него после всего, что случилось.

— Мы справимся, — тихо сказала она.

Гарри услышал её и повернулся.

— Не сомневаюсь. Вопрос только в том, насколько хорошо мы справимся.

С этого дня началась настоящая гонка.

Гарри превратился в невыносимого перфекциониста.

Он контролировал всё: звучание композиции, движения участников, их внешний вид и даже расписание репетиций. Он хотел знать, во сколько Софи легла спать, сколько часов она отдыхала и что ела за день.

Если кто-то опаздывал хотя бы на пять минут, Гарри устраивал разнос.

Если Рони сбивался с ритма, Гарри останавливал всю группу.

Если Кассиан пропускал нужный переход, они начинали композицию сначала.

Если Стивен ошибался в партии клавишных, Гарри заставлял его повторять её до тех пор, пока она не звучала именно так, как он задумал.

Дэвиду доставалось за каждое движение, которое казалось Гарри недостаточно выразительным.

А Софи...

— Ты опять не ела?

Она подняла голову от нот.

— Я ела.

— Что именно?

— Гарри, ты серьёзно?

— Абсолютно. Что ты ела?

— Сэндвич.

— Когда?

Софи замолчала.

Гарри скрестил руки на груди.

— София.

— На обеде.

— Это было шесть часов назад.

— Я собиралась поесть после репетиции.

— Нет, ты собиралась упасть в обморок посреди песни, а потом извиниться за то, что испортила нам прогон.

— Я не собираюсь падать в обморок!

— Тогда докажи это и поешь.

Он сунул ей в руки контейнер с едой, который принёс с собой, после чего развернулся к Рони.

— А теперь давайте ещё раз с самого начала!

— Ты невозможен, — пробормотал Дэвид.

— Я слышал!

— Я на это и рассчитывал.

Софи опустила взгляд на контейнер и едва заметно улыбнулась.

Гарри мог быть невыносимым. Он был резким, требовательным и совершенно не умел вовремя остановиться. Иногда Софи хотелось запустить в него нотной тетрадью, а иногда — просто уйти, хлопнув дверью.

Но стоило группе начать играть, как всё остальное теряло значение.

Они снова и снова проходили одну и ту же композицию. Гарри требовал точности, Стивен добивался идеального звучания клавишных, Кассиан и Дэвид оттачивали гитарные партии, а Рони доводил ритм до совершенства.

Софи работала над голосом и собственными мелодиями, подбирала гармонии, меняла отдельные строки и переписывала те фрагменты, которые больше не соответствовали её настроению.

Постепенно их музыка становилась цельной.

Они учились слышать друг друга, чувствовать малейшие изменения в звучании и понимать, когда нужно добавить громкости, а когда оставить пространство для одного голоса или инструмента.

Иногда после особенно удачного прогона в гараже наступала тишина. Все переглядывались, словно не могли поверить, что только что сыграли именно так.

И тогда Гарри, который обычно находил замечания даже в самых удачных выступлениях, медленно улыбался.

— Вот. Именно этого я и хотел.

В такие моменты Софи понимала, что его требования не были пустой прихотью. Он слышал результат ещё до того, как они начинали работать, и заставлял остальных двигаться к нему, даже если путь оказывался мучительным.

Он не просто хотел, чтобы группа хорошо выступила.

Он хотел, чтобы они стали по-настоящему хорошими.

И когда после очередной долгой репетиции Софи услышала, насколько чисто звучат их голоса вместе, насколько естественно переплетаются мелодия и слова, она впервые за долгое время почувствовала не только усталость.

Она почувствовала гордость.

Возможно, Гарри был прав.

Возможно, всё это действительно того стоило.

До весеннего бала оставалось совсем немного времени, и впереди их ждали ещё десятки часов репетиций, споров и бесконечных повторений.

Но теперь Софи знала, ради чего старается.

Глава 28

— Я отказываюсь выходить на сцену под названием «Гаражные психи».

— А мне нравилось, — возразил Рони. — Коротко, честно и отражает нашу сущность.

— Рони, ты понимаешь, что нас будут объявлять перед несколькими сотнями студентов?

— Дэвид выразительно посмотрел на барабанщика. — Представляешь ведущего, который с серьёзным лицом произносит: «А сейчас на сцену выходят Гаражные психи»?

— Если он достаточно талантлив, то сможет сказать это с достоинством.

Кассиан рассмеялся, а Стивен покачал головой.

— Мы выступаем под этим названием уже почти год. Пора что-то менять.

— Наконец-то хоть кто-то здесь способен мыслить разумно, — одобрил Гарри, сидевший на краю усилителя. — У нас будет настоящее выступление на весеннем балу. Я не собираюсь позволить объявить нашу группу так, будто мы случайно забрели на сцену после неудачной вечеринки.

— Ты забыл добавить, что мы невероятно талантливы и публика должна быть благодарна за возможность нас услышать, — заметил Дэвид.

— Это подразумевается.

Софи, устроившаяся за клавишными, невольно улыбнулась.

За последние недели она привыкла к подобным разговорам. К вечным спорам Гарри о качестве звука, к шуткам Дэвида, к тому, как Кассиан с невозмутимым видом подливал масла в огонь, а Стивен пытался вернуть обсуждение в разумное русло. Рони обычно поддерживал любую идею, которая обещала ему ещё один повод не заниматься уборкой в гараже.

Станным образом эта компания постепенно стала для неё чем-то большим, чем просто людьми, с которыми она репетировала по вечерам.

Здесь никто не знал, какой Софи была раньше. Или, точнее, никто не требовал от неё оставаться прежней.

— Ладно, — Дэвид хлопнул ладонями. — У кого-нибудь есть нормальные предложения?

— Не «нормальные», а достойные нашего уровня, — поправил Гарри.

— Тогда предлагай, великий музыкант.

Гарри задумался, перебрал несколько вариантов, но каждый отверг почти сразу. Стивен предложил название, которое звучало скорее как марка дорогих наушников. Кассиан придумал что-то настолько длинное, что Дэвид успел состариться, пока произносил его вслух. Рони вообще предложил назвать группу в честь своей собаки.

— Мы не будем называться «Рони и его барабаны», — отрезал Гарри.

— А зря. У меня уже есть фан-клуб.

— Из трёх человек?

— Четырёх. Ты забыл о моей матери.

Софи рассмеялась.

Дэвид, до этого лениво перебирающий струны гитары, вдруг замер. Он посмотрел на неё, затем на лежавший возле клавишных блокнот, в котором Софи хранила записи своих мелодий.

— Подождите.

Все повернулись к нему.

— А как насчёт «Сильварикс»?

Наступила короткая пауза.

— Чего? — переспросил Кассиан.

— Сильварикс, — повторил Дэвид. — Как одна из песен Софи.

Софи перестала улыбаться.

Название она придумала во время зимних каникул. Тогда она ещё почти ни с кем не разговаривала, старалась не думать о будущем и проводила долгие часы за инструментом. Музыка оставалась единственным местом, где ей не приходилось объяснять собственную боль, делать вид, что всё в порядке, или убеждать окружающих, будто она постепенно приходит в себя.

В одну из таких ночей родилась мелодия, которая отличалась от всего, что Софи писала раньше. В ней не было привычной мягкости, не было попытки сделать каждую ноту красивой и безупречной. Мелодия начиналась тихо, почти неуверенно, но постепенно набирала силу, словно что-то, долго скрывавшееся в темноте, наконец решилось выйти наружу.

Софи назвала композицию «Сильварикс».

Она не вкладывала в это слово конкретного значения. Ей просто нравилось, как оно звучало: непривычно, резко, с неожиданной мягкостью в середине. Словно имя чего-то, чему ещё только предстояло появиться на свет.

Тогда Софи казалось, что эта песня станет последним, что она напишет.

Теперь Дэвид предлагал сделать её названием группы.

— Мне нравится, — первым произнёс Стивен. Он повторил слово про себя, будто проверяя, как оно ложится на язык. — Звучит необычно. И запоминается.

— На афише будет смотреться отлично, — добавил Кассиан. — SYLVARIX. Уже похоже на название группы, которая собирается выступать не только в университете.

— Мне тоже нравится, — поддержал Рони. — Главное, что не в честь моей собаки.

— Мы ещё можем к этому вернуться, — заметил Дэвид.

Гарри всё это время молча смотрел на Софи.

— Почему ты так назвала песню?

Она опустила глаза к клавишам.

— Не знаю. Просто слово подходило.

— Это не ответ.

— Гарри, не начинай, — предупредил Дэвид.

— Я не начинаю. Я спрашиваю.

Софи провела пальцем по краю блокнота.

— Я написала её во время каникул. После... — Она ненадолго замолчала. — После того, как всё случилось.

Никто не стал уточнять, что именно она имела в виду.

— Мне хотелось написать что-то, что не звучало бы так, словно я пытаюсь вернуть прошлое, — продолжила Софи. — Но и делать вид, что ничего не произошло, я не могла. Поэтому мелодия получилась другой. Я не знаю, что означает это название. Наверное, мне просто хотелось, чтобы у чего-то нового было своё имя.

В гараже стало тихо.

Дэвид первым нарушил молчание.

— Вот именно поэтому оно нам и подходит.

Софи подняла на него глаза.

— Почему?

— Потому что мы тоже не собираемся оставаться прежними. Мы начинаем с нового выступления, с новой музыки. И если уж нам предстоит выйти на сцену, то почему бы не сделать это под именем, которое что-то значит для нас?

Он на мгновение задумался, а затем ухмыльнулся.

— К тому же, представьте, как это будет звучать на интервью, когда мы станем мировыми звёздами. Журналист спросит, откуда взялось название SYLVARIX, а мы расскажем эту историю. Звучит куда лучше, чем признаться, что однажды называли себя «Гаражными психами», потому что нам не хватило фантазии.

— Говори за себя, — возмутился Рони. — У меня фантазии хоть отбавляй.

Кассиан рассмеялся, а Стивен покачал головой.

— Знаете, что самое страшное? — заметил Гарри. — Я уже представляю это интервью. И Дэвид наверняка будет отвечать на все вопросы, даже если его никто не спрашивал.

— Разумеется. Кто-то же должен поддерживать интерес публики.

— Ладно, — произнесла София. — Надеюсь, к тому моменту у нас действительно будет что рассказать.

— Софи, — Дэвид театрально приложил руку к груди, — это лучший ответ для будущей мировой звезды. Скромность, интрига и ни одного обещания, которое потом придётся выполнять.

Гарри медленно кивнул.

— Сильварикс, — произнёс он ещё раз, словно прислушиваясь к звучанию. — Ладно. Мне подходит.

— И всё? — удивился Дэвид. — Ни одного замечания? Ни одной лекции о том, что название недостаточно гениально?

— Не испытывай судьбу.

— Вот теперь узнаю нашего лидера.

— Тогда решено? — спросил Стивен.

Все согласились.

Рони постучал палочками по краю барабана, изображая торжественную дробь. Дэвид поднял гитару, Кассиан хлопнул Гарри по плечу, а Стивен уже записывал новое название в блокнот.

Софи смотрела на слово, выведенное крупными буквами.

SYLVARIX.

Её песня. Слово, родившееся в самую тёмную зиму её жизни.

— Теперь костюмы, — объявил Гарри.

— Почему ты так говоришь, будто мы собираемся на модный показ? — спросил Кассиан.

— Потому что вы собираетесь на сцену, а не на экзамен по физике. Если вы думаете, что я позволю вам выйти в обычных джинсах и футболках, то вы меня совершенно не знаете.

— Я бы предпочёл, чтобы публика слушала музыку, — заметил Рони.

— Публика будет слушать музыку. Но сначала она должна захотеть на нас посмотреть.

— Звучит ужасно поверхностно.

— Говорит человек, который трижды менял причёску перед прошлым выступлением.

— Это было необходимо.

— Конечно.

Софи улыбнулась, слушая их перепалку.

— У весеннего бала есть определённый дресс-код, — напомнила она. — Мы всё-таки выступаем в университете. Не думаю, что нам позволят выглядеть так, будто мы собираемся на подпольный рок-концерт.

— Вот поэтому я и предлагаю весеннюю тему, — тут же ответил Гарри. — Но без этих ужасных пастельных костюмов, которые заставят нас выглядеть как группа аниматоров на детском празднике.

— Я бы посмотрел на Дэвида в розовом, — задумчиво произнёс Рони.

— Ты можешь посмотреть на себя без барабанов, если продолжишь.

— Ладно, ладно. Никакого розового.

Гарри подошёл к столу и разложил несколько эскизов, которые подготовил заранее.

— Чёрный цвет остаётся основой. Он универсальный, смотрится эффектно и подходит всем. Но мы добавим весенние детали. Цветы, тонкие металлические элементы, что-то живое и необычное. Никаких одинаковых костюмов с головы до ног. Мы группа, а не школьная команда на выпускном.

Он посмотрел на Софи.

— А твой образ должен выделяться.

— Почему именно мой?

— Потому что ты будешь петь одна.

Софи замерла.

Даже после нескольких репетиций она всё ещё не до конца привыкла к этой мысли. На весеннем балу им разрешили исполнить только одну композицию — *Holding Out for a Hero* Бонни Тайлер. И хотя парни будут играть вместе с ней, вокальная партия полностью останется за Софи.

— Я не хочу выглядеть так, будто пытаюсь привлечь к себе всё внимание, — осторожно сказала она.

Гарри посмотрел на неё с искренним недоумением.

— Софи, ты собираешься стоять перед полным залом и петь. Привлекать внимание — буквально твоя задача.

— Ты понимаешь, о чём я.

— Понимаю. И не предлагаю тебе надевать платье, в котором невозможно дышать, или корсет, который заставит тебя потерять сознание на первой же ноте. Но ты можешь выглядеть смело, не переставая быть собой.

Софи задумалась.

Она привыкла к сдержанной одежде, аккуратным причёскам и макияжу, который лишь подчёркивал естественные черты лица. Даже когда она хотела выглядеть эффектно, в итоге выбирала что-то привычное. Яркие образы казались ей слишком заметными, словно они требовали от неё быть кем-то другим.

Но, возможно, в этом и заключалась суть предстоящего выступления.

Не стать другой.

Позволить окружающим увидеть ту Софи, которую она так долго прятала.

— Хорошо, — наконец сказала она. — Я доверюсь тебе.

Гарри замер, а затем медленно повернулся к остальным.

— Вы слышали? Она мне доверилась.

— Запомни этот день, — посоветовал Кассиан. — Возможно, больше такого не повторится.

— Я собираюсь сделать его историческим.

В день весеннего бала закулисы напоминало улей.

За дверями главного зала звучала музыка, организаторы проверяли свет и микрофоны, кто-то из студентов в последний момент поправлял галстук, а участники выступлений бегали между гримёрками и сценой. В воздухе смешались запахи лака для волос, духов и нагретого сценического оборудования.

Софи стояла перед зеркалом, пока визажист заканчивал макияж.

Она едва узнавала себя.

На ней была длинная чёрная юбка из лёгкой, струящейся ткани. Она свободно ниспадала почти до пола, а верхняя часть была оформлена асимметричными воланами, заканчивавшимися чуть выше колен. Они лишь слегка прикрывали бёдра, оставляя ноги открытыми. При каждом шаге ткань расходила, обнажая ноги почти до самых бёдер, а затем вновь мягко опускалась вдоль них. Юбка выглядела одновременно элегантно и дерзко, подчёркивая её фигуру и придавая каждому движению особую выразительность.

Верхом служил чёрный укороченный топ с открытыми плечами. По ткани рассыпались вышитые цветы — тёмно-красные, сливовые и нежно-розовые, с тонкими зелёными стеблями. Весенние оттенки почти терялись на чёрном фоне, но под светом софитов должны были ожить.

В цветочной вышивке не было ничего приторного: она напоминала первые бутоны, пробивающиеся сквозь землю после долгой зимы.

На её шее поблёскивала тонкая цепочка из белого золота с кулоном в виде музыкальной ноты — его подарок. Украшение казалось почти невесомым, но Софи никогда с ним не расставалась.

Но больше всего Софи поражал макияж.

Чёрные стрелки подчёркивали глаза, делая взгляд выразительным и почти непривычно острым. Тёмные тени растушевывали вдоль ресниц, а лёгкий блеск на веках отражал свет. Губы остались в приглушённом оттенке розового, чтобы не спорить с глазами.

Софи никогда не красилась так ярко.

Обычно ей нравился макияж, который выглядел естественно и не привлекал слишком много внимания. Сейчас же её глаза казались больше, глубже и смелее. В зеркале на неё смотрела девушка, которая не собиралась просить разрешения занять своё место.

Распущенные волосы крупными локонами спадали на плечи и спину. Несколько прядей обрамляли лицо, а остальные мягко двигались при каждом повороте головы.

Софи осторожно провела ладонью по юбке.

— Ну как? — спросила она, не отрывая взгляда от отражения.

Дэвид, стоявший за её спиной, несколько секунд молчал.

Затем приложил руку к груди.

— Новарро, это охренеть.

Софи рассмеялась и повернулась к нему.

— Дэвид!

— Нет, серьёзно. Это охренеть, Софи. Ты охренеть.

Он обошёл её, оценивая образ со всех сторон, и довольно кивнул.

— Ты выглядишь как человек, который собирается выйти на сцену и заставить всех забыть, зачем они вообще пришли на бал.

— Надеюсь, они всё-таки вспомнят, что у нас музыкальное выступление.

— После твоего выхода им будет сложно думать о чём-то другом.

— Ты преувеличиваешь.

— Я ещё даже не начал.

Дэвид улыбнулся ей в зеркало.

— Знаешь, что самое крутое? Ты не выглядишь так, будто надела чужой костюм. Всё это по-прежнему ты. Просто ты, которой больше не нужно прятаться за привычной одеждой.

Софи перестала улыбаться на мгновение.

Эти слова попали куда-то глубже, чем она ожидала.

Она снова посмотрела на своё отражение. На чёрную ткань, на цветы, на непривычно яркие глаза. Она не пыталась выглядеть как другая девушка. Она просто позволила себе попробовать то, чего раньше избегала.

— Спасибо, — тихо сказала она.

— Не благодари.

Парни тоже успели переодеться.

Дэвид выбрал чёрные брюки и чёрную рубашку с расстёгнутыми верхними пуговицами. На одном плече была тонкая вышивка из тёмно-зелёных листьев, перекликавшаяся с цветами на костюме Софи. Рукава он закатал до локтей, а на запястье оставил несколько серебристых браслетов. Даже в неподвижности он выглядел так, будто готов был в любой момент начать двигаться под музыку.

Кассиан надел чёрные джинсы, футболку и короткую куртку из матовой кожи. На воротнике поблёскивали небольшие металлические детали, а на груди проходила тонкая линия

вышивки в виде цветущей ветви. Его образ был более грубым и рокерским, но оставался достаточно аккуратным для университетского мероприятия.

Стивен выбрал чёрную рубашку с узкими рукавами и брюки свободного кроя. Вдоль воротника и манжет шла едва заметная серебряная строчка, а на груди красовалась небольшая вышитая веточка с тёмно-красными бутонами. Его образ получился сдержанным, но продуманным.

Рони появился в чёрной рубашке с закатанными рукавами, тёмных брюках и высоких ботинках. На спине рубашки, между лопатками, была вышита тонкая серебристая ветвь с раскрывающимися цветами. Он заявил, что это единственный наряд, в котором можно нормально играть на барабанах и при этом не выглядеть так, будто его заставили выступать против воли.

Гарри выглядел так, словно костюм придумали специально для него.

Чёрные брюки, чёрная рубашка с асимметричным воротником и короткий пиджак с узкими лацканами. На левом плече тянулась вышитая ветвь с тёмно-красными цветами, а серебристые детали поблёскивали при каждом движении. Его волосы были уложены небрежно, но, зная Гарри, Софи подозревала, что на укладку ушло больше времени, чем он готов признать.

— Если кто-нибудь спросит, — объявил он, проверяя положение микрофона, — мы всегда выглядели так.

— Конечно, — отозвался Дэвид. — А ещё ты родился с идеальной причёской и врождённой способностью раздражать людей.

— Ревность тебе не идёт.

— А тебе не идёт скромность, так что мы оба в проигрыше.

Софи засмеялась.

Они выглядели по-разному, но вместе создавали цельный образ. Чёрный цвет объединял всех, а весенние детали добавляли индивидуальности. Не маскарад, не попытка выглядеть взрослее или опаснее, чем они были. Просто группа, которая наконец решила относиться к себе всерьёз.

На сцене они собирались взять третью гитару, дополняя партии Дэвида и Кассиана. Стивен и Рони обеспечивали основное музыкальное сопровождение и парни должны были подключиться к бэк-вокалу в ключевых моментах композиции.

Вокальная партия оставалась за Софи.

И все они знали, насколько это важно.

Когда их наконец позвали, Софи почувствовала, как сердце ударилось о рёбра.

Из-за кулис она видела зал, наполненный студентами. Над головами мерцали гирлянды, свет отражался от стеклянных поверхностей, а на сцене сменяли друг друга цветные прожекторы. Весенний бал был именно таким, каким его представляли организаторы: нарядным, шумным, живым.

Дженна сидела рядом с Лиамом. Дин устроился чуть поодаль, наклонившись к ним, что-то рассказывая с привычной оживлённостью. Маркус сидел рядом, откинувшись на спинку стула, с выражением лица человека, который согласился прийти исключительно потому, что его слишком долго уговаривали.

Ведущий произнёс название группы.

— Встречайте на сцене... **SYLVARIX!**

Свет в зале приглушили.

Софи вдохнула, сжала микрофон и шагнула вперёд.

В первые секунды она почти не слышала аплодисментов. Видела только яркий свет, край сцены и лица музыкантов. Гарри занял место с гитарой, Дэвид и Кассиан приготовились к вступлению, Стивен положил пальцы на клавиши, а Рони поднял палочки.

Софи закрыла глаза.

На мгновение она вспомнила зимние каникулы. Тишину своей комнаты. Ночи, проведённые за инструментом. Мелодию, которую писала, когда казалось, что внутри больше ничего не осталось.

Тогда музыка помогала ей просто пережить очередной день.

Сегодня она должна была стать чем-то другим.

Софи открыла глаза.

И зазвучала *Holding Out for a Hero*.

Гитары ударили мощным вступлением. Ударные задали ритм, клавишные наполнили зал плотным, стремительным звучанием. Парни двигались слаженно, каждый точно знал свою партию. Гарри, игравший на третьей гитаре, то и дело обменивался взглядами с Дэвидом, следя за тем, чтобы музыка оставалась цельной.

— Это... — Дженна вдруг выпрямилась.

— Софи, — закончил Лиам, не отрывая взгляда от сцены.

Дин медленно опустил стакан.

— Так. Я, кажется, пропустил несколько глав.

Маркус ничего не сказал.

Он просто смотрел.

А Софи запела.

Первую строчку она взяла уверенно, хотя внутри всё ещё дрожало. Её голос прозвучал чисто и сильно, заполняя пространство между сценой и залом. Он был не таким, каким друзья привыкли слышать его во время тихих домашних вечеров. В нём появилась резкость, напор, почти отчаянная сила.

Она не пыталась подражать Бонни Тайлер.

Софи проживала песню по-своему.

В каждом движении чувствовалась энергия, которую она прежде удерживала внутри. Она двигалась вместе с музыкой, легко проходя по сцене, позволяя ткани юбки расходиться при каждом шаге. Воланы взлетали вокруг ног, цветы на чёрном топе вспыхивали под светом софитов, а распущенные локоны двигались вместе с ней.

В припеве парни подключились к бэк-вокалу. Их голоса поддерживали её, усиливая звучание, но не заслоняя главную мелодию. Гарри особенно внимательно следил за Софи, удерживая свою партию и одновременно подстраиваясь под её темп.

Она больше не чувствовала себя одинокой на сцене.

Но в этот раз ей не нужно было прятаться за чужим голосом.

Она была центром выступления.

И ей это нравилось.

Дженна сидела неподвижно.

Она видела Софи в самые разные моменты жизни: смеющейся на кухне, спорящей с Адамом из-за пустяков, тихо играющей на пианино в доме Миллеров. Но она никогда не видела её такой.

Не такой смелой. Не такой яркой. Не такой свободной.

— Она невероятная, — выдохнул Лиам.

Дин не ответил. Он смотрел на сцену с таким выражением лица, словно пытался совместить девушку, которую знал, с той, что сейчас уверенно держала микрофон перед полным залом.

Они думали, что Софи продолжает страдать в одиночестве, что каждый день для неё — попытка просто дожить до вечера. И, возможно, так и было. Но никто из них не предполагал, что она найдёт в себе силы выйти на сцену и позволить людям услышать то, что прежде хранила глубоко внутри.

Дженна почувствовала, как защипало глаза.

Она скучала по подруге. По той Софи, которая когда-то могла смеяться до слёз, которая обнимала её без всякого повода, которая знала о ней почти всё.

И теперь видела, что та всё ещё существовала.

Просто Дженна больше не знала, есть ли в её жизни место для неё.

— Она изменилась, — тихо произнёс Дин.

Маркус продолжал смотреть на сцену.

Он не мог отвести взгляд.

Сначала его поразил голос Софи. Затем — то, как она держалась. В ней не было ни привычной осторожности, ни той хрупкости, которую он замечал. Она выглядела так, словно музыка давала ей возможность быть кем угодно, не спрашивая разрешения ни у семьи, ни у прошлого.

И всё же Маркус замечал детали, которые остальные упускали.

То, как Софи на мгновение крепче сжимала микрофон перед особенно сильной частью песни. Как закрывала глаза, словно собираясь с силами. Как после каждого вдоха возвращалась к мелодии ещё увереннее.

Понимал, что никакая песня не могла стереть то, что произошло.

Но сейчас Софи не выглядела девушкой, которая собиралась навсегда остаться в той ночи.

И это почему-то отзывалось в нём странным, болезненным чувством.

Когда она повернулась к краю сцены, свет упал на её лицо. Чёрные стрелки подчёркивали глаза, а длинные локоны обрамляли щёки. Юбка разошлась при движении, открывая ноги, и несколько парней из студенческой аудитории переглянулись.

Маркус заметил их взгляды.

Один из студентов наклонился к приятелю, что-то прошептал и снова посмотрел на Софи. Другой не скрывал, что следит за каждым её движением.

Маркусу это не понравилось.

Он нахмурился, сам не понимая, почему чужое внимание к Софи вызывает у него такое раздражение. Она была свободна делать что хотела, выглядеть так, как ей нравилось, и выступать перед кем угодно. Он не имел права решать, кому позволено на неё смотреть.

Но это не мешало ему замечать каждый взгляд.

— Маркус, ты видел? — Дин наконец повернулся к нему. — Софи, оказывается, умеет не только молча смотреть на нас так, будто мы идиоты.

— Ты сам по себе даёшь ей для этого достаточно поводов, — отозвался Маркус.

— Вот теперь я узнаю тебя.

Маркус не улыбнулся.

Софи сделала последний шаг к центру сцены, и музыка начала стремительно набирать силу.

Она вложила в финальную часть всё, что накопилось внутри за последние время. Боль, страх, злость, одиночество. И то маленькое, упрямое желание жить, которое она пока не решалась назвать надеждой.

Её голос взмыл над музыкой.

На последнем мощном аккорде Софи опустила на колени, удерживая микрофон обеими руками. Воланы юбки рассыпались вокруг неё по сцене, словно лепестки, а последние звуки прокатились по залу и постепенно растворились в тишине.

На долю секунды никто не пошевелился.

Затем зал взорвался аплодисментами.

Люди поднялись со своих мест. Кто-то свистел, кто-то выкрикивал название группы, кто-то аплодировал, не переставая. Парни переглянулись, ошеломлённые тем, насколько мощно прозвучало выступление.

Гарри первым подошёл к Софи и протянул ей руку.

Она ухватила за неё, поднялась и рассмеялась, всё ещё тяжело дыша.

— Ты понимаешь, что только что сделала? — спросил он, перекивая аплодисменты.

— Кажется, спела песню?

— Не умничай, Новарро.

Он улыбался. По-настоящему, широко и почти гордо.

— Ты разнесла этот зал.

Дэвид обнял её за плечи, едва не сбив с ног.

— Я же говорил! Я же говорил, что ты охренеть какая!

— Дэвид, я сейчас упаду!

— Не упадёшь. Ты только что стояла на коленях перед целым залом и пела так, будто собиралась заставить всех влюбиться в музыку заново.

Софи смеялась, чувствуя, как к горлу подступает что-то горячее. Но это были не слёзы горя. Впервые за долгое время она ощущала радость, настолько сильную, что ей хотелось смеяться ещё громче.

Остальные парни окружили её, поздравляя и перебивая друг друга. Рони объявил, что теперь им точно придётся искать помещение побольше, а Кассиан заявил, что после такого выступления Гарри придётся смириться с тем, что у группы есть ещё одна звезда.

— У нас не одна звезда, — немедленно возразил Гарри.

— Конечно, — кивнул Дэвид. — У нас целое созвездие. Ты только не начинай требовать, чтобы оно репетировало по расписанию.

Софи снова рассмеялась.

Она не знала, что будет завтра. Не знала, как долго продлится это чувство и сможет ли она когда-нибудь снова жить без постоянной боли.

Но сегодня она была счастлива.

И этого оказалось достаточно.

После выступления к группе подходили студенты, поздравляли, просили рассказать о музыке и интересовались, где можно будет услышать их снова. Несколько девушек восторженно обсуждали костюм Софи.

Софи отвечала, улыбалась и благодарила, постепенно привыкая к тому, что люди смотрят на неё не с жалостью и не с осуждением.

Они просто видели её.

Когда наконец удалось выбраться из закулисья, Дэвид проводил её до выхода и ещё раз крепко обнял.

— Ты сегодня была невероятной.

— Ты уже говорил.

— И буду говорить, пока ты не согласишься.

— Тогда нам придётся встречаться каждый день.

— Меня устраивает.

Софи улыбнулась, попрощалась с ребятами и отправилась домой.

По дороге она несколько раз ловила себя на том, что улыбается без причины. В голове всё ещё звучала музыка, тело приятно ныло после напряжения, а в груди оставалось странное, непривычное тепло.

Она впервые за долгое время не чувствовала себя виноватой за то, что ей хорошо.

Адам по-прежнему оставался частью её жизни. Его не было рядом, но она не собиралась забывать его или притворяться, что их история закончилась без следа.

Просто сегодня она позволила себе прожить ещё один день.

И, возможно, это было не предательством прошлого, а первым шагом к будущему.

Когда Софи подъехала к своему дому, вечер уже окончательно вступил в свои права.

Она припарковала машину, взяла сумочку и вышла наружу. В голове всё ещё крутилась мелодия, а на губах оставалась улыбка. Ей хотелось скорее добраться до квартиры, снять туфли, переодеться и ещё раз прокрутить в памяти выступление.

Но, подойдя к крыльцу, она остановилась.

На ступеньках сидел Маркус.

Он был одет в тёмные джинсы и чёрную куртку. Локти опирались на колени, а между пальцами тлела сигарета. В свете уличного фонаря его лицо казалось непривычно суровым.

Софи несколько секунд просто смотрела на него, пытаясь понять, что он здесь делает. Она остановилась на ступеньку ниже и посмотрела сверху вниз.

— Разве спортсмены курят?

Маркус медленно поднял взгляд.

Сначала посмотрел на её ноги, открытые высокими разрезами юбки, затем задержался на вышитых цветах топа, скользнул взглядом по распушенным локонам и яркому макияжу. В его лице что-то изменилось, но он не произнёс ни слова.

Наконец его взгляд остановился на её глазах.

Маркус поднялся, не отрывая от неё взгляда, и затушил сигарету о край металлической пепельницы, стоявшей возле двери.

— Здравствуй, София, — произнёс он серьёзным тоном.

Софи вдруг растеряла всю лёгкость, с которой шла домой.

Она отвела взгляд.

— Здравствуй, Маркус, — тихо ответила она.

Глава 29

Сердце Софи бешено колотилось, отдаваясь глухими ударами где-то в горле. Она не знала, куда деть взгляд. Смотрела на ступени крыльца, на припаркованные вдоль улицы машины, на освещённые окна соседнего дома — куда угодно, только не на Маркуса. Только не в эти голубые, пронзительные глаза, от одного взгляда которых у неё почему-то перехватывало дыхание.

Он молчал.

Просто стоял перед ней и смотрел.

Софи казалось, что прошла целая вечность. Тишина давила на виски, лишала возможности думать и заставляла осознавать каждую мелочь: прохладный вечерний воздух, запах сигарет, оставшийся после его затяжки, собственные пальцы, судорожно сжавшие ремешок сумочки.

Она не хотела находиться рядом с Маркусом. Не хотела говорить с ним, слушать его голос, видеть его лицо.

Она хотела убежать.

От него.

От себя.

От всего, что напоминало ей о том дне.

— София...

Он произнёс её имя непривычно тихо, на выдохе, словно перед этим слишком долго держал воздух в лёгких.

Софи не подняла головы, но невольно затаила дыхание.

Маркус провёл ладонью по затылку и отвёл взгляд. Он совершенно не представлял, что должен сказать. За последние недели он столько раз прокручивал в голове возможные разговоры с ней, но теперь, когда София стояла всего в нескольких шагах, все заготовленные слова казались бессмысленными.

Что можно сказать девушке, которая закрылась не только от него, но и от Дина, Лиамы и Дженны?

Девушке, которая раньше смеялась с ними, спорила, закатывала глаза на очередную глупую шутку Дина, а теперь проходила мимо так, будто между ними никогда ничего не было?

Он не планировал приезжать к ней сегодня. Решение было спонтанным. Просто в какой-то момент Маркус понял, что больше не может сидеть на лекциях и делать вид, будто её не существует.

Он устал искать её глазами в аудитории.

Устал замечать её в коридорах и заставлять себя идти дальше.

Устал от того, что она была так близко и одновременно недостижимо далеко.

— София, ребята скучают по тебе.

Её пальцы сильнее сжали ремешок сумочки.

— Дин постоянно спрашивает, как ты. Лиам тоже. Дженна...

Маркус запнулся, заметив, как дрогнули её плечи.

Софи молчала.

Глаза начало щипать. Она отчаянно пыталась удержать слёзы, но перед глазами уже расплывались очертания его фигуры и свет фонаря за его спиной.

— София, — повторил Маркус.

Сколько раз он уже произнёс её имя за последние несколько минут?

Каждый раз оно звучало по-разному. Сначала неуверенно, затем настойчиво, а теперь — почти беспомощно.

Он сделал осторожный шаг к ней, но остановился, когда она едва заметно отступила. Маркус почувствовал, как внутри что-то болезненно сжалось.

— Послушай меня. Если ты не общаешься с ними из-за меня, я уйду.

Софи замерла.

— Я уйду из компании. Не буду появляться там, где ты бываешь, не стану мешать тебе чувствовать себя спокойно. Если из-за меня тебе настолько тяжело находиться рядом с ребятами, я могу просто исчезнуть из вашей жизни.

Он произнёс это ровно, почти холодно, но последние слова дались ему с трудом.

— Только не лишай себя друзей, София. Они не виноваты в том, что произошло. И ты не должна оставаться одна из-за меня.

Он ненадолго замолчал и сглотнул.

— Я виноват. Я знаю. И мне чертовски сложно с этим жить.

Последние слова прозвучали хрипло. Голос Маркуса дрогнул, и он тут же сжал челюсть, словно мог таким образом вернуть себе привычное самообладание.

Софи медленно повернула голову.

И посмотрела ему в глаза.

Впервые за весь разговор.

Маркус не отвёл взгляда, хотя, казалось, меньше всего на свете хотел, чтобы она увидела то, что скрывал за своей холодностью.

Она сделала шаг назад.

Потом ещё один.

Слёзы покатались по её щекам, и Софи даже не попыталась их остановить.

Это были первые настоящие слёзы с того самого дня.

Она думала, что выплакала всё. В первые дни после смерти Адама ей казалось, что внутри не осталось ничего, кроме пустоты. Потом слёзы исчезли, оставив после себя глухую, бесконечную боль, с которой она научилась просыпаться по утрам и засыпать по ночам.

Но сейчас что-то внутри неё надломилось.

— Ты не виноват! — крикнула она. Её голос разнёсся по тихой улице. Губы дрожали. Она пыталась вдохнуть, однако воздух застревал в груди.

— Ты не виноват, Маркус!

Он смотрел на неё, не двигаясь.

Софи видела, как блеснули его глаза в свете уличного фонаря. В темноте это можно было принять за отражение света, но она знала, что это не так.

Маркус пытался скрыть слёзы. Даже сейчас, когда они стояли посреди тихой улицы, когда никто не мог увидеть его слабость, он всё ещё пытался удержать привычную маску.

И почему-то именно это разбило ей сердце окончательно.

Софи быстро преодолела разделявшее их расстояние и подняла руки к его лицу. Обхватила ладонями его щеки и осторожно притянула к себе, заставляя наклониться.

Они оказались так близко, что со стороны их можно было принять за пару, выясняющую отношения посреди ночной улицы.

Но между ними была только боль, которую они оба слишком долго пытались вынести в одиночку.

Софи прижалась носом к его носу и закрыла глаза.

Она чувствовала его дыхание на своих губах. Запах одеколона — свежий бергамот, переплетённый с тёплыми древесными нотами. Запах его кожи, едва уловимый запах сигарет. И ту странную силу, которая всегда исходила от Маркуса, заставляя окружающих невольно обращать на него внимание.

Сейчас вся эта сила казалась ей хрупкой оболочкой, за которой прятался человек, не знающий, как перестать себя ненавидеть.

Софи медленно провела большим пальцем по его щеке.

— Ты не виноват, — прошептала она. — Не вини себя.

Маркус закрыл глаза.

Одна слеза всё-таки скатилась по его щеке и коснулась её пальцев.

Софи почувствовала, как он напрягся, словно даже сейчас хотел отстраниться, спрятать лицо, не позволить ей увидеть больше, чем следовало.

Но она не отпустила его.

Тогда Маркус сам притянул её к себе.

Резко, почти отчаянно.

Обхватил руками и крепко прижал к груди, уткнувшись лицом в её волосы. Софи невольно выдохнула, оказавшись в кольце его рук, а затем обняла его в ответ.

Её щека прижалась к его груди. Под курткой она чувствовала напряжённые мышцы и бешеный стук его сердца.

Он тоже дрожал.

Едва заметно, но достаточно, чтобы она это почувствовала.

Софи начала гладить его по спине, медленно проводя ладонью между лопаток, и снова и снова шептала ему на ухо:

— Ты не виноват... Не виноват, Маркус...

Голос срывался, слова тонули в слезах.

Она не знала, сколько времени они так простояли. Может, несколько минут. Может, гораздо дольше. Мир вокруг словно отступил, оставив их вдвоём посреди пустой улицы.

Софи не пыталась утешить его красивыми фразами. Она не знала, как вернуть им обоим то, что они потеряли. Не могла исправить прошлое, отменить тот вечер или вернуть Адама.

Но могла хотя бы сейчас не позволить Маркусу окончательно утонуть в собственной вине.

И, возможно, впервые за долгое время она чувствовала, что кто-то так же отчаянно нуждается в ней, как она сама нуждалась в том, чтобы её боль наконец перестали считать чем-то, с чем она обязана справляться в одиночку.

Постепенно дыхание Маркуса выровнялось.

Софи немного отстранилась, но его руки остались вокруг неё. Он не отпускал её, будто боялся, что стоит ослабить объятия — и она снова исчезнет, закроется, уйдёт туда, куда он больше не сможет за ней последовать.

Она подняла голову.

— Маркус...

Он посмотрел на неё.

Софи осторожно коснулась пальцами его щеки, стирая оставшуюся влагу.

— Я поговорю с дедушкой.

Его брови едва заметно сошлись.

— О чём?

— О тебе. Обо всём, что происходит. Я не позволю ему причинить тебе вред.

На мгновение в глазах Маркуса появилось что-то похожее на удивление, но почти сразу сменилось привычной непроницаемостью.

— Мне всё равно, что он собирается делать.

— Не говори так.

— София...

— Не говори так! — сорвалась она, отстраняясь настолько, насколько позволяли его руки. — Ты не можешь просто стоять здесь и говорить, что тебе всё равно, что с тобой будет!

Маркус замолчал.

Софи тяжело дышала, пытаясь справиться с новым приступом слёз.

— Я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось, — добавила она уже тише. — Не хочу, чтобы ты думал, будто тебе нужно за что-то расплачиваться. И не хочу, чтобы ты снова решил всё за всех, даже не спросив, чего хотят остальные.

Он смотрел на неё долго и внимательно. В уголке его рта мелькнуло что-то похожее на печальную улыбку.

— Ты упрямая.

— А ты невыносимым.

На этот раз улыбка получилась чуть заметнее. Совсем слабая, почти незнакомая, но Софи успела её увидеть.

И почему-то от этого стало ещё больнее.

Маркус наконец ослабил объятия, хотя полностью не отпустил её. Его ладони задержались на её плечах.

— Мы больше не живём в доме братства, — сказал Маркус, словно между делом. — Съехали и сняли дом на территории кампуса. Я, Дин, Лиам и Дженна теперь живём вместе.

Софи растерянно моргнула. Переход к другой теме оказался настолько неожиданным, что она не сразу поняла, о чём он говорит.

— Вы все вместе снимаете дом?

— Да. — Маркус чуть пожал плечами. — Места хватает. Да и, если честно, так удобнее. Он на мгновение замолчал, словно решая, стоит ли продолжать.

— Приезжай к нам завтра, София. Я скину тебе адрес.

Софи опустила взгляд.

Одна часть её хотела согласиться немедленно. Хотела увидеть Дженну, услышать голос Дина, снова почувствовать себя частью жизни, которая продолжалась за пределами её квартиры и бесконечных воспоминаний.

Другая часть панически боялась этого.

Она не знала, как встретится с ними после стольких недель молчания. Не знала, что скажет Дженне, как посмотрит в глаза Дину и сможет ли выдержать их сочувствие и вопросы.

— Я не знаю, получится ли у меня, — призналась она.

Маркус не стал уговаривать.

— Хорошо.

Он убрал руки с её плеч и отступил на шаг.

— Просто подумай об этом, София.

Она посмотрела на него, но ничего не ответила.

Маркус достал ключи из кармана, кивнул ей и направился к своей машине — старому тёмному BMW, который выглядел почти не приметно на фоне дорогих автомобилей вдоль улицы.

Он открыл водительскую дверь, но прежде чем сесть, обернулся.

— И ещё кое-что.

Софи подняла глаза.

— Если завтра не приедешь, я не стану злиться. Но ребята будут рады тебя увидеть. Правда.

Он не стал ждать ответа.

Сев за руль, Маркус завёл двигатель. Старый BMW негромко загудел, фары скользнули по фасаду дома, на мгновение осветив лицо Софи.

Затем машина тронулась с места и медленно покатилась по улице.

Софи осталась стоять у крыльца.

Она смотрела вслед удаляющимся огням, пока те не растворились за поворотом.

Только тогда поняла, что всё ещё дрожит.

Не от холода.

Вечер был прохладным, но дело было совсем не в нём.

Её трясло от разговора, от слёз, от того, как отчаянно Маркус прижимал её к себе. От его голоса, дрогнувшего на словах о вине. От единственной слезы, которую он позволил себе пролить, прежде чем снова спрятаться за привычной маской.

И от того, что, обнимая его, она впервые за долгое время не чувствовала себя совершенно одинокой.

Софи медленно подняла руку и коснулась щеки, на которой ещё оставалось ощущение его прикосновения.

Она не знала, что будет завтра.

Не знала, хватит ли у неё сил переступить порог их дома и встретиться с людьми, которых так долго избегала.

Глава 30

К понедельнику о группе SYLVARIX знал, кажется, весь университет.

В студенческой беседе обсуждали выступление на весеннем балу, выкладывали фотографии, короткие видео и делились впечатлениями. Одни восхищались голосом Софи, другие спорили о музыке, третьи пытались выяснить, кто вообще придумал такое необычное название группы.

Но чаще всего в комментариях мелькали два имени — Софи Новарро и Гарри Уайлд.

«Кто-нибудь знает, откуда взялась эта девушка? Я никогда не слышала, чтобы она пела!»

«Голос просто нереальный. У меня до сих пор мурашки от видео с выступления».

«Гарри Уайлд и Софи Новарро на одной сцене — это вообще законно? У них какая-то невероятная энергетика».

«Мне одному кажется, что SYLVARIX теперь будет самой обсуждаемой группой университета?»

«Не знаю насчёт группы, но я бы ещё раз посмотрел на девушку в чёрной юбке».

Последний комментарий собрал столько ответов, что Софи предпочла закрыть беседу.

Она не привыкла к такому вниманию. Ей нравилось петь, нравилось стоять на сцене и чувствовать музыку каждой клеточкой тела, но одно дело — выступать перед публикой, и совсем другое — обнаружить, что теперь сотни людей обсуждают её внешность, голос и личность.

Весь день она ловила на себе чужие взгляды.

Кто-то узнавал её и улыбался. Кто-то перешёптывался с друзьями, когда она проходила мимо. Несколько студентов даже остановили её возле аудитории, чтобы похвалить выступление.

Софи благодарила, улыбалась и старалась не показывать, насколько сильно её смущает происходящее.

К обеду ей захотелось надеть что-нибудь невидимое и провести остаток дня в библиотеке.

К сожалению, Дэвид придерживался совершенно другого мнения.

— Ну что, звезда? — раздалось у неё за спиной.

Софи едва успела обернуться, как он возник рядом и бесцеремонно закинул руку ей на плечи.

— Дэвид, ты когда-нибудь ходишь нормально, а не подкрадываешься, как человек, у которого слишком много энергии?

— Нет. Это медицинская особенность.

— Тебе стоит обратиться к специалисту.

— Обязательно. Как только закончу наслаждаться собственной популярностью.

Он вытащил телефон и продемонстрировал ей студенческую беседу.

— Ты видела, что там творится? Весь день обсуждают тебя и Гарри. Фотографии, видео, восторженные комментарии... Некоторые уже строят теории о том, как вы вдвоём собираетесь захватить музыкальную индустрию.

Софи закрыла лицо ладонью.

— Что вы у нас такие красавцы? Даже обидно. И завидно. Я вообще-то тоже стоял на той сцене! — Дэвид театрально вздохнул

— Дэвид, тебя тоже заметили.

— Правда?

— Конечно. Кто-то написал, что парень с гитарой выглядит так, будто родился исключительно для того, чтобы позировать на обложках журналов.

Он тут же выпрямился и поправил воротник рубашки.

— Вот! Наконец-то справедливость.

Софи рассмеялась.

— Там было ещё кое-что.

— Что?

— Что тебе стоило бы поменьше любоваться собой и побольше играть на гитаре.

Дэвид замер.

— Новарро, я начинаю подозревать, что ты не на моей стороне.

— Я всегда на стороне правды.

— Ужасная женщина.

Он прижал руку к груди, изображая смертельную обиду, и Софи снова улыбнулась.

Рядом с ним было легко. Дэвид обладал удивительной способностью вытаскивать её из собственных мыслей, даже когда она сама не особенно хотела оттуда выбираться.

— Кстати, сегодня репетиции не будет, — сообщил он, наконец убрав телефон. — У нашего великого Гарри планы с родителями. Поэтому мы все получили официальное разрешение на отдых.

— И что ты собираешься делать?

— Наслаждаться жизнью. Может быть, поем. Может быть, посплю. Может быть, пойду любоваться собой в зеркало.

— Последнее ты и так делаешь каждый день.

— Зависть тебе не к лицу, Софи.

Он подмигнул ей и направился к выходу из корпуса, оставив Софи с улыбкой на губах и неожиданно лёгким сердцем.

Но стоило ему уйти, как мысли снова вернулись к вчерашнему разговору с Маркусом.

Приезжай к нам завтра.

Он не давил на неё. Не требовал обещания, не пытался убедить, что всё будет как прежде. Просто предложил приехать.

И именно поэтому Софи было так сложно отказаться.

После занятий она вернулась в квартиру и почти сразу направилась к синтезатору.

В комнате было тихо. За большим окном медленно темнело, на стекле отражались очертания мебели и её собственный силуэт.

Софи села на стул, положила пальцы на клавиши, но играть не стала.

Она просто смотрела на инструмент.

В голове сменяли друг друга образы: Дин с его бесконечными шутками, Лиам с открытой улыбкой, Дженна, которая всегда могла сказать ей правду прямо в лицо, даже если эта правда была неприятной.

И Маркус.

Его руки, крепко обнимавшие её вчера вечером. Его дрогнувший голос. Слеза, которую он так отчаянно пытался скрыть.

Софи закрыла глаза.

Она посмотрела на часы.

Потом снова на телефон, где по-прежнему не было сообщений от её друзей.

— Чёрт, — тихо выдохнула Софи.

Она не знала, как её встретят. Не знала, сможет ли выдержать их взгляды, вопросы и воспоминания.

Но знала, что если сегодня снова останется дома, завтра ей будет ещё сложнее.

Решение далось ей не сразу.

Софи переделалась в свободные спортивные штаны, удобную куртку и кроссовки. Волосы собрала под шапкой, на плечо закинула сумку, проверила, взяла ли ключи, и несколько секунд простояла у двери.

Ей хотелось вернуться к синтезатору. Спрятаться. Вместо этого она глубоко вдохнула и вышла из квартиры.

Дом, который снимали ребята, находился на территории кампуса, в стороне от основных студенческих корпусов. Это был просторный двухэтажный дом с небольшим задним двором, который, судя по всему, уже успел стать их любимым местом для посиделок.

Софи припарковалась у обочины и несколько секунд смотрела на освещённые окна.

Изнутри доносилась музыка. Судя по басам, кто-то выкрутил громкость почти до предела.

Она невольно улыбнулась. Всё как прежде. И одновременно совсем не так. Софи вышла из машины, поправила сумку и направилась к входной двери. Подняв руку, постучала. Никто не открыл. Она подождала, постучала ещё раз, а затем прислушалась.

Музыка звучала громче с другой стороны дома.

— Конечно, — пробормотала она себе под нос. — Зачем открывать дверь, если можно устроить концерт на заднем дворе?

Обойдя дом, Софи замедлила шаг.

За углом открылся небольшой двор, освещённый гирляндами и светом, падавшим из окон. В центре потрескивал костёр в металлической чаше. Рядом стояли несколько кресел и садовых стульев, на небольшом столе были расставлены напитки и закуски.

Лиам сидел в кресле, обняв Дженну за плечи. Она устроилась рядом с ним, поджав ноги, и что-то говорила ему на ухо.

Чуть поодаль Дин и Маркус разговаривали возле гриля. Дин размахивал щипцами, рассказывая что-то с таким воодушевлением, словно объяснял устройство космического корабля, а Маркус слушал его с выражением человека, который уже пожалел, что вообще вышел на улицу.

Никто не заметил Софи.

Она остановилась у края дорожки.

На мгновение ей захотелось развернуться и уйти. Просто сесть в машину, вернуться домой и убедить себя, что она хотя бы попыталась.

Но потом Софи вспомнила, как Маркус вчера смотрел на неё, когда говорил о друзьях.

Она расправила плечи и шагнула вперёд.

— Всем привет!

Голос прозвучал громче, чем она ожидала.

Музыка оборвалась. Лиам поднял голову. Дженна застыла. Дин обернулся так резко, что едва не уронил щипцы в траву.

Маркус медленно повернулся от гриля.

Несколько секунд никто не произносил ни слова.

Софи вдруг остро ощутила, что стоит перед ними совершенно неподготовленная, без сценического света, микрофона и музыки, за которой можно спрятаться.

Просто София Новарро.

Та самая девушка, которая исчезла из их жизни почти 3 месяца назад, потому что не знала, как продолжать жить своей.

Первым двинулся Дин.

Он бросил щипцы на стол и почти бегом пересёк двор.

— Новарро!

Софи едва успела раскрыть руки, как он крепко обнял её, прижав к себе так, что она тихо охнула.

— Ничего не говори, — пробормотал он ей в волосы. — Просто ничего не говори, ладно? Я люблю тебя, и я чертовски скучал.

У Софи защипало в глазах.

Она обняла его в ответ.

— Дини...

— Нет. Я серьёзно. Ни одного объяснения, ни одного извинения прямо сейчас. Если ты начнёшь извиняться, я тоже начну, а потом мы оба будем стоять здесь и реветь, и это совершенно испортит мой образ неотразимого мужчины.

Софи невольно рассмеялась сквозь подступившие слёзы.

— Ты невозможен.

— Знаю. Но я так тебя люблю.

— И я тебя люблю.

— Вот! Уже лучше.

Он ещё крепче прижал её к себе, а затем наконец немного отстранился, чтобы посмотреть ей в лицо.

— Ты здесь. Этого пока достаточно.

В этих простых словах было столько облегчения, что Софи на секунду не смогла ответить.

Следующим подошёл Лиам.

Он обнял её осторожнее, чем Дин, но не менее крепко.

— Рад, что ты приехала, Софи, — сказал он. — Правда.

Она уткнулась лбом ему в плечо.

Лиам улыбнулся и мягко сжал её плечо, после чего вернулся к Дженне.

И тогда Софи посмотрела на подругу.

Дженна всё ещё сидела в кресле.

Её лицо было почти неподвижным, но в глазах читалась такая смесь обиды, боли и злости, что Софи почувствовала, как внутри всё сжалось.

Она понимала Дженну. Понимала её обиду, её злость, её молчание. Они обе потеряли Адама. Обе лишились человека, который был огромной частью их жизни. Он был её другом с детства, человеком, который всегда появлялся рядом, когда она нуждалась в поддержке. И после его смерти Софи просто исчезла, оставив подругу без объяснений, без возможности разделить горе и даже без шанса понять, что с ней происходит.

Но пока Дженна пыталась справиться с потерей, оставаясь рядом с теми, кто тоже страдал, Софи просто исчезла.

Она не ответила на сообщения. Не пришла к подруге. Не позволила никому помочь ей. Она захлебнулась собственной болью и, сама того не желая, оставила Дженну наедине с её собственной.

Софи опустила взгляд.

Она не ждала, что Дженна бросится к ней с распростёртыми объятиями.

Не ждала, что всё станет как прежде.

Но видеть эту боль в глазах человека, которого она любила почти как сестру, было невыносимо.

Маркус заметил, куда она смотрит.

Он негромко произнёс что-то Дженне. Софи не расслышала слов, но увидела, как подруга резко повернула к нему голову.

— Не надо, Маркус, — отчётливо сказала Дженна.

Затем поднялась с кресла и направилась в дом.

Демонстративно, не взглянув на Софи.

Лиам сразу встал.

— Джен...

Он бросил на Софи короткий сочувственный взгляд и поспешил следом за девушкой.
Внутри всё оборвалось.

Софи сама поставила их дружбу на грань разрыва.

И теперь ей предстояло принять последствия.

Дин всё ещё стоял рядом, не убирая руки с её плеч.

— Не накручивай себя, — тихо сказал он.

— Я не...

— Софи, я знаю тебя достаточно хорошо, чтобы понимать, когда ты собираешься обвинить себя во всех бедах человечества.

Она печально улыбнулась.

— Может, я и правда виновата.

Дин посмотрел на неё серьёзно.

— Ты виновата в том, что исчезла. Да. И Дженна имеет право злиться. Но это не значит, что ты больше не можешь вернуться.

Софи сглотнула комок в горле.

— Я не знаю, как всё исправить.

— Так. Хватит этой трагедии. Мне нужно срочно спасать вечер.

Он направился к столу с колонкой.

— Дамы и господа! — объявил он, схватив телефон. — Внимание! В нашем скромном обществе произошло историческое событие. София Новарро наконец соизволила почтить нас своим присутствием!

— Дин! — простонала Софи, закрывая лицо руками.

— И в честь этого я, как человек с безупречным музыкальным вкусом, посвящаю ей величайшее произведение современной культуры!

Он включил *Cherry Cherry Lady*.

Первые ноты разлетелись по двору.

Дин принялся подпевать, совершенно не заботясь о том, насколько точно попадает в мелодию. Он схватил со стола бутылку пива вместо микрофона и принялся изображать сценического исполнителя, активно жестикулируя и периодически указывая на Софи.

Маркус покачал головой, но уголки его губ дрогнули.

И в этот момент дверь дома открылась.

Дженна вышла на задний двор.

Её глаза были красными. Она явно плакала, хотя теперь старалась держаться так, будто ничего не произошло.

Лиам шёл следом, но остановился у двери, предоставляя ей возможность самой решить, что делать дальше.

Дженна не посмотрела ни на него, ни на Маркуса.

Она шла прямо к Софи.

Та замерла.

Дин тоже заметил происходящее и постепенно перестал подпевать, хотя музыка продолжала играть.

Дженна остановилась перед подругой.

Несколько секунд она молчала, глядя на Софи покрасневшими глазами.

— Ты хоть понимаешь, как сильно я на тебя злюсь? — спросила она дрожащим голосом.

Софи кивнула. Говорить было страшно.

— Нет, не понимаешь! — Дженна всхлипнула и сердито вытерла щёку. — Ты просто исчезла! Я писала тебе, ждала, надеялась, что ты хотя бы однажды ответишь. А потом перестала, потому что поняла: ты не хочешь меня видеть.

— Дженна...

— Дай мне договорить!

Софи тут же замолчала.

— Я тоже потеряла Адама, София. Я тоже скучаю по нему каждый день. И мне было больно не только потому, что его больше нет. Мне было больно, потому что тебя тоже больше не было. Ты была жива, находилась где-то рядом, но я не могла до тебя достучаться.

Голос Дженны сорвался.

Софи почувствовала, как слёзы снова покатались по её щекам.

— В следующий раз, когда тебе станет настолько плохо, что ты решишь исчезнуть из моей жизни, я тебя собственноручно найду, приволоку сюда и запру в своей комнате, пока ты не начнёшь со мной разговаривать.

Софи сквозь слёзы слабо улыбнулась.

— Звучит ужасно.

— Так и задумано.

Дженна всхлипнула ещё раз, а потом шагнула вперёд и крепко обняла её.

Софи словно перестала дышать.

На секунду она не поверила, что это происходит на самом деле. Затем обняла Дженну так крепко, как только могла, уткнувшись лицом ей в плечо.

— И больше не смей пропадать.

— Не буду.

— Обещаешь?

Софи закрыла глаза.

— Обещаю.

Дженна отстранилась ровно настолько, чтобы взять её лицо в ладони и поцеловать в щёку.

— Я скучала по тебе, дурочка.

Софи всхлипнула и рассмеялась одновременно.

— Я тоже.

— Я знаю.

Дженна снова прижала её к себе.

У костра кто-то тихо выдохнул с облегчением.

Дин первым нарушил тишину.

— Так, ну всё! Теперь, когда эмоциональная часть вечера официально завершена, предлагаю вернуться к действительно важным вопросам.

Он вскочил на невысокий садовый столик, едва не потеряв равновесие, и поднял бутылку воды над головой.

— Например, кто украл мою сосиску?!

— Ты сам её съел! — крикнул Лиам.

— Клевета!

Дин принялся танцевать прямо на столе, продолжая петь вместе с колонкой. Дженна, всё ещё обнимая Софи за плечи, рассмеялась. Лиам покачал головой и направился к грилю, чтобы спасти остатки ужина от полного уничтожения.

Софи смеялась вместе с ними. По-настоящему. Не потому, что хотела показать, будто всё хорошо. Не потому, что пыталась успокоить окружающих.

Просто Дин был невыносимым, Дженна — всё той же Дженной, Лиам — самым спокойным человеком в их компании, а вечер внезапно оказался наполнен таким количеством тепла, что Софи не могла оставаться равнодушной.

Маркус стоял немного в стороне.

Он больше не пытался вмешиваться, не подталкивал Дженну к примирению и не искал повода заговорить с Софи. Просто наблюдал за ними, держа руки в карманах.

На его лице появилась редкая, почти непривычная улыбка.

Софи случайно встретила с ним взглядом.

Маркус смотрел на неё так, будто давно не видел ничего настолько важного.

Она не отвела глаз. И впервые за долгое время не почувствовала необходимости немедленно спрятаться от чужого внимания.

Дин тем временем окончательно потерял остатки достоинства, исполняя танцевальные движения, которые, вероятно, должны были изображать нечто романтическое, но больше напоминали попытку отбиться от невидимых пчёл.

Дженна согнулась от смеха.

— Кто-нибудь, снимите его с этого стола!

— Только после того, как он закончит припев! — крикнул Лиам.

Софи смеялась так сильно, что у неё заболели щёки.

Маркус покачал головой, продолжая улыбаться.

После того вечера имя Адама больше никогда не становилось темой их разговоров. Не потому, что они забыли его или перестали скучать. Напротив, каждый из них продолжал носить в себе эту потерю, но боль была слишком сильной, слишком глубокой, чтобы снова и снова возвращаться к ней словами. Иногда молчание оказывалось единственным способом справиться с тем, что невозможно было изменить.

Они помнили Адама. Помнили его улыбку, голос, привычки и то, как много он значил для каждого из них. Просто решили больше не заставлять друг друга переживать эту боль вслух.

В тот вечер никто не просил Софи забыть его. Никто не ожидал, что она перестанет грустить или однажды проснётся прежней.

Они просто оставили для неё место рядом с собой.

А Софи наконец решилась его занять.

Глава 31

Костёр постепенно затихал, но никто не спешил расходиться. Музыка играла чуть тише, на столе прибавилось пустых тарелок, а Дин всё ещё пытался доказать, что его танцевальные способности заслуживают отдельного документального фильма.

Софи сидела в кресле, поджав под себя ноги. Дженна устроилась рядом, время от времени толкая её плечом или забирая с её тарелки что-нибудь вкусное. Лиам обнимал девушку за талию, Маркус расположился напротив, а Дин, наконец уставший от собственного выступления, плюхнулся на свободный стул.

Когда Лиам предложил принести ещё еды, Софи машинально покачала головой.

— Нет, спасибо. Я не голодна.

Дженна посмотрела на неё внимательнее.

— Софи, ты сегодня вообще ела?

— Конечно, — слишком быстро ответила та. — Просто не хочется.

Дженна нахмурилась и оглядела подругу с головы до ног. Теперь, когда они сидели рядом при свете гирлянд, изменения стали особенно заметны. Лицо Софи казалось более худым, скулы обозначились резче, а одежда сидела свободнее, чем раньше.

— Софи... Ты похудела.

Лиам тоже посмотрел на неё внимательнее. Улыбка медленно исчезла с его лица.

— Она права, — негромко сказал он. — Ты сильно похудела.

Софи опустила взгляд на свои руки.

Она знала это и сама. Последние недели еда казалась ей чем-то необязательным. Иногда она забывала поесть до самого вечера, иногда заставляла себя съесть пару кусочков только потому, что понимала: так продолжаться не может. Голод почти не ощущался, а готовить для себя не хотелось вовсе.

— Просто было много всего, — тихо объяснила она. — Учёба, репетиции...

— Софи, — перебила Дженна уже мягче, — мы не ругаем тебя. Просто переживаем.

Маркус молча смотрел на неё. В его взгляде не было ни осуждения, ни раздражения, но Софи всё равно почувствовала себя неловко под этим вниманием.

— Я постараюсь есть нормально, — пообещала она.

— Не «постараюсь», — проворчала Дженна. — Будешь есть. И не только тогда, когда вспомнишь об этом случайно.

— Ты собираешься составить мне расписание приёмов пищи?

— Если понадобится, я составлю тебе расписание на каждую минуту дня.

Дин, который до этого внимательно слушал разговор, придвинул к Софи тарелку с едой.

— Вот. Начни с этого. А если ты решишь отказаться, я произнесу такую длинную речь о пользе питания, что ты пожалеешь, что вообще меня знаешь.

— Это будет самая действенная угроза в твоей жизни, — заметил Маркус.

— Наконец-то ты оценил мой талант.

Софи невольно улыбнулась и взяла немного еды.

Дженна не стала следить за каждым её движением, но осталась рядом. Лиам сменил тему, заговорив о хоккее, а Дин вскоре снова принялся рассказывать о своей идее завести канал.

И всё же Софи заметила, что Маркус время от времени поглядывал на неё, словно хотел убедиться, что она действительно ест.

Она не стала ничего говорить.

— Ладно, Новарро, — Дин подался вперёд, уперев локти в колени. — Теперь рассказывай. Что за музыкальная карьера у тебя тут разворачивается? Мы уже видели выступление, прочитали все восторженные комментарии, но я хочу услышать подробности от самой звезды.

— Какой ещё звезды? — Софи улыбнулась. — Я всего лишь пою в группе.

— «Всего лишь»? — возмущённо переспросил он. — Ты видела комментарии в университетской беседе? Там люди готовы продать почку за возможность услышать тебя вживую.

— Дин!

— Ладно, может, не почку. Но какой-нибудь орган точно.

— Ты отвратителен.

— Зато честен.

Дженна рассмеялась, а Софи покачала головой.

— Группа называется SYLVARIX. Мы играем вместе с Гарри, Дэвидом и остальными. И мне действительно нравится то, чем мы занимаемся.

Она произнесла это немного осторожно, словно сама ещё привыкала к мысли, что может говорить о музыке без необходимости оправдываться.

— Мне нравится репетировать с ними. Нравится придумывать мелодии, работать над песнями. И нравится выходить на сцену.

— Тогда почему ты выглядишь так, будто признаёшься в преступлении? — спросил Маркус.

Софи перевела на него взгляд.

— Наверное, потому что раньше я не думала, что вообще смогу этим заниматься.

— Но ты смогла, — спокойно заметил он.

В его голосе не было ни насмешки, ни удивления. Только констатация факта.

Софи слегка улыбнулась.

— Да. Смогла.

— И что дальше? — поинтересовалась Дженна. — У вас уже есть новые выступления?

Софи оживилась.

— Да. В эту пятницу мы будем выступать в *Blue Ember*.

— Как круто, — крикнул Дин.

— Это всё ещё просто бар, Дин.

— Ага. А потом ты скажешь, что выступление на стадионе — это всего лишь небольшое мероприятие на открытом воздухе.

— Не драматизируй.

— Я? Никогда.

Лиам усмехнулся.

— Мы придём.

— Конечно, — сразу подхватила Дженна. — Даже не сомневайся. Я хочу увидеть, как ты снова выходишь на сцену.

Софи посмотрела на неё с благодарной улыбкой.

— Правда?

— Софи, если ты думаешь, что после всего этого я позволю тебе стать знаменитой без моего участия, то ты плохо меня знаешь.

— А вот это уже звучит угрожающе, — заметил Маркус.

— Ещё бы. Я буду стоять в первом ряду, кричать громче всех и снимать каждое твоё движение.

— Только не выкладывай видео, на котором я падаю со сцены.

— Теперь я обязана это сделать.

Софи рассмеялась.

— Спасибо вам. Мне правда приятно, что вы хотите прийти.

— Мы поддержим тебя, — сказал Лиам. — Неважно, где ты будешь выступать. Главное, чтобы тебе самой это нравилось.

— Именно, — согласился Маркус. — Если музыка делает тебя счастливой, продолжай.

Софи на секунду задержала на нём взгляд. Ей почему-то было особенно важно услышать эти слова именно от него.

— Я постараюсь.

— Нет, — вмешалась Дженна. — Ты не будешь просто стараться. Ты будешь заниматься тем, что тебе нравится. А если кто-нибудь решит, что может тебе это запретить, пусть сначала поговорит со мной.

— Дженна, ты собираешься угрожать всем моим родственникам?

— Только тем, кто заслужит.

— Боюсь представить, что будет с моим дедушкой.

— Я тоже, — невозмутимо ответила Дженна.

Дин поднял бутылку пиво.

— За музыкальную карьеру Софии Новарро! И за то, чтобы однажды мы все могли говорить: «Мы знали её ещё до того, как она стала мировой звездой».

— Ты сейчас говоришь так, будто сам собираешься стать знаменитым, — заметил Лиам.

Дин медленно повернул к нему голову.

— А почему бы и нет?

— Потому что ты не умеешь петь.

— Я умею петь!

— Ты только что пытался взять высокую ноту и чуть не задушил себя.

— Это был художественный приём.

— Это была угроза общественной безопасности, — добавил Маркус.

Софи прыснула со смеху.

Дин посмотрел на них с выражением оскорблённого достоинства, а затем вдруг выпрямился, словно его осенила гениальная мысль.

— Всё. Я решил.

— Что именно? — насторожилась Дженна.

— Я заведу канал.

Несколько секунд все молчали.

— Канал? — переспросил Лиам.

— Да. Буду снимать нашу жизнь, выкладывать видео, показывать, что происходит за кулисами. Тренировки, посиделки, наши выходные, всякие приключения. Людям такое нравится.

— Дин, — осторожно начала Софи, — а ты уверен, что людям настолько нечем заняться?

— Софи, ты меня недооцениваешь.

— Я стараюсь быть объективной.

— Представь только! — Он вскочил на ноги и принялся загибать пальцы. — У нас две хоккейные звезды, одна будущая мировая звезда сцены...

— Почему будущая? — спросила Дженна. — Она уже звезда.

— Согласен. Одна мировая звезда сцены. А ещё у нас есть невероятно харизматичный красавчик, который умеет держать внимание аудитории лучше любого профессионального ведущего.

— И кто же это? — поинтересовался Маркус.

Дин посмотрел на него так, будто вопрос был оскорбительным.

— Я, Деверо. Кто же ещё?

Лиам расхохотался.

— Ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно. У меня есть внешность, харизма, чувство юмора и природное обаяние.

— Скромность у тебя тоже природная, — заметила Софи.

— Это вообще мой главный талант.

Дженна закатила глаза.

— Господи, кто-нибудь, выключите его.

Дин повернулся к ней с ослепительной улыбкой.

— Тебе повезло, дорогая. У тебя столько крутых друзей! Две хоккейные звезды, будущая мировая певица, а теперь ещё и потенциальный интернет-феномен в моём лице.

Дженна несколько секунд смотрела на него, явно пытаясь решить, смеяться ей или запустить в него пустой стакан.

— Дин, ты настолько влюблён в себя, что мне иногда кажется, будто остальные люди существуют в твоём мире исключительно в качестве декораций.

— Наконец-то ты поняла концепцию моего канала.

— Я тебя сейчас этим самым стаканом огрею.

— Вот! — Он указал на неё пальцем. — Эмоции! Химия! Живые отношения! Зрители обожают такое.

Лиам притянул Дженну к себе, смеясь.

— Только попробуй снять её без разрешения.

— Я буду брать интервью у всех участников проекта, — заявил Дин. — И у каждого будет возможность высказаться.

— А если мы не захотим? — спросила Софи.

— Тогда я буду снимать себя. Поверь, материала хватит.

— В этом я не сомневаюсь, — пробормотал Маркус.

Дин торжественно кивнул, будто только что получил одобрение совета директоров.

— Отлично. Первое видео будет называться: «Один вечер с самыми интересными людьми кампуса».

— Второе, — предложила Дженна, — «Как выжить рядом с Дином Блэквудом и не потерять рассудок».

— А третье — «Почему все мои друзья завидуют моей харизме».

— Четвёртое: «Почему Дина никто не просил заводить канал», — добавил Лиам.

Софи смеялась так сильно, что ей пришлось вытереть выступившие слёзы.

Позже разговор незаметно перешёл на работу.

Лиам рассказывал, как они с Маркусом проводят время в автосервисе, где иногда помогают знакомым и берутся за небольшие заказы.

— Вообще-то Маркус там главный специалист по сложным случаям, — сообщил Лиам. — Если машина издаёт звук, похожий на предсмертный хрип, он обычно может понять, что с ней не так.

— Очень поэтично, — заметила Софи.

— Я стараюсь.

— Он преувеличивает, — вмешался Маркус. — Просто разбираюсь в машинах.

— Скромность, — протянул Дин. — Ещё одна черта нашего загадочного красавчика.

Маркус бросил в него салфеткой.

— Заткнись.

— Вот видите? Настоящая звезда не терпит критики.

Софи улыбнулась, наблюдая за ними.

— А тебе нравится этим заниматься? — спросила она Маркуса.

Он пожал плечами.

— Да. Мне нравится понимать, как всё устроено. Когда находишь неисправность, разбираешься в ней и в итоге заставляешь машину работать как надо — это приятно.

— И он может часами рассказывать о двигателях, если его не остановить, — добавил Лиам.

— Ты сам попросил меня объяснить, почему у твоей машины были проблемы.

— Я попросил тебя посмотреть на неё. Не читать мне лекцию на сорок минут.

— Ты задал вопрос.

— Один вопрос!

Софи тихо рассмеялась.

— Теперь понятно, почему вы так хорошо ладите.

— Мы просто не оставляем друг другу шанса умереть от скуки, — объяснил Лиам.

Маркус усмехнулся и потянулся за бутылкой воды.

Софи некоторое время молчала, прислушиваясь к разговору. Ей нравилось узнавать такие подробности о друзьях. Раньше она знала их привычки, любимые шутки и маленькие странности, но сейчас будто открывала для себя заново.

И когда разговор ненадолго стих, она решилась заговорить о том, что беспокоило её уже несколько недель.

— Вообще... у меня тоже есть одна проблема.

Дженна сразу повернулась к ней.

— Какая?

Софи неловко поправила рукав куртки.

— Учёба. Я немного отстала. Пропустила несколько занятий, кое-что не успела сдать, и теперь не совсем понимаю, как всё наверстать.

— Насколько всё плохо? — спросил Лиам.

— Не катастрофа. Но если я продолжу в том же духе, скоро станет катастрофой.

Маркус, до этого молча слушавший разговор, поставил бутылку на стол.

— С какими предметами проблемы?

Она повернулась к нему.

— С несколькими. В основном нужно разобраться с пропущенными темами и подготовить работы. Я уже составила список, но там столько всего, что я даже не знаю, с чего начинать.

— Покажи список.

Софи удивлённо моргнула.

— Что?

— Список. Посмотрим, что можно сделать.

— Маркус, тебе необязательно...

— Я и не говорю, что обязательно. — Он посмотрел на неё спокойно. — Если хочешь, я помогу тебе разобраться с расписанием. Разделим всё по дням, посмотрим, какие задания нужно сдать первыми. А если потребуется помощь с организацией, я тоже могу помочь.

Софи несколько секунд молчала.

Она привыкла к тому, что Маркус держался от неё на некотором расстоянии. Иногда он казался холодным и отстранённым, словно не знал, как с ней обращаться, а порой и вовсе делал вид, что она его не интересует. Поэтому его неожиданное предложение помочь с учёбой застало её врасплох.

Но Маркус не давил. Не говорил, что она должна принять его предложение. Просто предлагал помощь, как если бы это было самым естественным делом на свете.

Софи улыбнулась, а затем снова посмотрела на Маркуса.

— Хорошо. Я принимаю твоё предложение.

Он слегка кивнул.

— Тогда завтра после занятий покажешь мне свои записи и список заданий. Составим план.

— Договорились.

— И постарайся сегодня не сидеть до трёх ночи, пытаясь наверстать всё за один вечер.

Она посмотрела на него несколько секунд, а потом тихо рассмеялась.

— Ладно. Постараюсь.

Маркус улыбнулся в ответ.

И Софи вдруг поняла, что согласилась не только потому, что ей действительно нужна была помощь с учёбой.

Ей хотелось позволить кому-то быть рядом.

Не вместо Адама. Не для того, чтобы заполнить пустоту, которую оставила его смерть.

Просто потому, что она устала делать вид, будто должна справляться со всем одна.

Вечер продолжался.

Дин уже всерьёз обсуждал концепцию своего будущего канала, Лиам предлагал ему начать с коротких видео, а Дженна составляла список тем, которые, по её мнению, категорически нельзя снимать.

— Никаких видео, где я сплю, — заявила она.

— А если это будет художественная съёмка? — уточнил Дин.

— Никаких.

— А если я добавлю музыку?

— Дин.

— Хорошо, хорошо.

Софи сидела рядом с Дженной и слушала их перепалку, иногда вставляя короткие замечания. Маркус время от времени поглядывал на неё, и каждый раз, когда их взгляды встречались, на его лице появлялась едва заметная улыбка.

Ничего особенного не происходило.

Они просто сидели во дворе, разговаривали о музыке, учёбе, машинах и каких-то совершенно обыденных вещах.

Софи посмотрела на огонь, в котором медленно оседали угли.

Она знала, что впереди ещё много трудных дней. Учёба сама себя не наверстает, музыка потребует времени и сил, а воспоминания об Адаме никуда не исчезнут.

Глава 32

На следующий день Маркус приехал к Софи почти точно в назначенное время.

Она открыла дверь с тетрадами в руках и на мгновение растерялась, увидев его на пороге. На нём были спортивные штаны, простая кофта и лёгкая куртка. Волосы слегка растрепались от ветра, а в одной руке он держал бумажный пакет с кофе.

— Привет, София.

— Привет. Ты принёс кофе?

— Два стакана. Решил, что тебе понадобится дополнительная мотивация, чтобы пережить несколько часов с законами и кодексами.

Софи улыбнулась и отступила в сторону, пропуская его в квартиру.

— Проходи. Только предупреждаю: если ты начнёшь жаловаться на мою подготовку, я выставлю тебя за дверь.

— Учту. Постараюсь сохранить достоинство.

— У тебя оно есть?

— Иногда просыпается.

Софи тихо рассмеялась.

Они расположились за столом в кухне-гостиной. Софи разложила перед собой конспекты, распечатки лекций и список заданий, которые накопились за последние недели. Маркус некоторое время молча изучал всё это, перелистывая страницы.

— Так, — наконец произнёс он. — Начнём с самого срочного. Вот это нужно сдать первым, это можно подготовить к концу недели, а здесь тебе придётся разобраться с пропущенным материалом.

— Когда ты говоришь об этом, всё звучит так, будто моя жизнь ещё не окончательно разрушена.

— Она и не разрушена. У тебя просто накопились дела, которые ты откладывала.

— Ты всегда такой ободряющий?

— Только по особым случаям.

Он оказался на удивление хорошим преподавателем. Не пытался демонстрировать собственные знания и не раздражался, когда Софи задавала один и тот же вопрос несколько раз. Маркус объяснял сложные вещи простыми словами, приводил примеры и помогал ей выстроить логическую цепочку там, где она прежде видела лишь запутанный текст.

Иногда он просил её самой объяснить изученный материал, внимательно слушал, а затем указывал на неточности.

— Вот теперь правильно, — сказал он, когда Софи закончила разбирать очередной вопрос. — Видишь? Ты понимаешь материал. Тебе просто нужно было немного привести всё в порядок.

Она посмотрела на исписанную страницу и невольно улыбнулась.

— Спасибо.

— Пока рано благодарить. Мы ещё не дошли до самого неприятного.

— Маркус!

Он рассмеялся, и Софи вдруг поймала себя на мысли, что ей удивительно спокойно находиться рядом с ним.

Время пролетело незаметно. За окном постепенно менялся свет, на столе опустели стаканы из-под кофе, а количество заданий в её списке наконец начало сокращаться.

Когда Маркус потянулся за следующей тетрадью, Софи неожиданно вспомнила кое-что, о чём давно хотела спросить.

— Можно задать тебе вопрос?

— Ты уже задала.

— Маркус.

— Спрашивай.

Она помедлила, подбирая слова.

— Что произошло после того дня? Я имею в виду университет, хоккей... Как отреагировал твой тренер?

Маркус перестал листать тетрадь. На несколько секунд его лицо стало серьезнее и грубее.

— Меня чуть не отчислили.

Софи грустно на него смотрела.

— После случившегося университету пришлось разбираться в ситуации. Тренер был в ярости. Он сказал, что я поставил под угрозу не только свою карьеру, но и всю команду.

— И что потом?

— Лейн и Сэм заступились за меня. Они разговаривали с руководством, объясняли обстоятельства. В итоге меня отстранили от пяти игр.

— Пяти...

— Для меня это было серьезно, — спокойно подтвердил Маркус. — Я знал, что сам виноват. Никаких оправданий у меня не было.

Он откинулся на спинку стула и провёл ладонью по затылку.

— Приходилось смотреть, как остальные играют, и ничего не делать. Поэтому я проводил больше времени в зале. Тренировался до изнеможения, брал дополнительные занятия, пытался не думать о том, сколько всего испортил.

— И помогло?

— В какой-то степени. Работа всегда помогала мне отвлекаться.

Софи внимательно смотрела на него. Ей хотелось спросить ещё многое, но она боялась задеть что-то, о чём Маркус предпочёл бы не говорить.

— А сейчас... — начала она осторожно. — Ты больше не участвуешь в подпольных боях? Маркус посмотрел ей прямо в глаза.

— Нет.

Ответ прозвучал твёрдо, без колебаний.

Софи медленно кивнула.

— Хорошо.

Она улыбнулась, но вскоре снова стала серьёзной.

— Знаешь, что странно?

— Что именно?

— Раньше ты словно специально закрывался от меня. Я никогда не понимала, что у тебя на уме. А теперь сижу здесь и задаю вопросы, на которые ты действительно отвечаешь. Такое ощущение, будто я читаю тебя как открытую книгу.

Маркус не сразу отреагировал.

Он задержал на ней свой голубой взгляд, и Софи вдруг стало трудно сохранять прежнюю непринуждённость. В его глазах было что-то спокойное и внимательное, от чего она чувствовала себя так, словно он замечал гораздо больше, чем она хотела показать.

— Ты можешь задать любой вопрос, София, — произнёс он. — Я отвечу.

Она замерла на мгновение.

Ей хотелось спросить, почему он раньше держался от неё на расстоянии. Почему теперь предлагал помощь, приезжал к ней, терпел её бесконечные вопросы и не пытался спрятаться за привычными колкостями.

Но вместо этого она только улыбнулась.

— Не обещаю того, о чём можешь пожалеть.

— Я умею отвечать за свои слова.

Маркус поднялся, потянулся и размял шею. Затем снял кофту, оставшись в простой футболке. Софи машинально отвела взгляд к своим конспектам, делая вид, что её внезапно заинтересовали определения на полях.

Он чувствовал вину. Это чувство никуда не исчезло, сколько бы времени ни прошло. Иногда ему казалось, что он не имеет права снова подпускать к себе людей, которые были дороги его брату. Но дело было не только в вине.

Ему хотелось, чтобы София стала ближе. Не потому, что он пытался занять чьё-то место. Не потому, что рассчитывал получить от неё что-то взамен.

Маркус и сам привык справляться со всем в одиночку, отгораживаясь от остальных и не позволяя никому увидеть, что творится у него внутри. Он знал, как легко за этой привычкой потеряться в собственных мыслях, убеждая себя, что справишься сам. И не хотел, чтобы София повторяла его путь и оставалась один на один со своими переживаниями.

Адам хотел бы, чтобы они были рядом. Чтобы они не отворачивались друг от друга, даже когда жизнь становилась невыносимо сложной.

Маркус не мог изменить прошлое. Но, возможно, мог сделать что-то хорошее сейчас.

— Кстати, — Софи подняла на него глаза, — у тебя совсем нет других дел? Ты действительно готов проводить со мной полдня, разбирая юридические задания? Или тебя где-то ждёт какая-нибудь девушка?

Уголок его рта пополз вверх.

— А что? Переживаешь за мою личную жизнь?

— Просто интересуюсь.

— Конечно.

— Ты сам сказал, что я могу задавать любые вопросы.

Маркус усмехнулся и прислонился бедром к дивану.

— Если тебя так волнует вопрос моего удовлетворения, можешь не переживать. Сегодня в университетском туалете обо мне уже позаботились.

Софи несколько секунд молча смотрела на него.

— Фу! В туалете? Маркус, это же отвратительно!

Он рассмеялся.

— А вот теперь я вижу, что ты действительно заинтересована в моём благополучии.

— Я заинтересована в том, чтобы ты когда-нибудь научился вести себя как нормальный человек!

— Поздно. Придётся смириться.

Софи схватила ближайшую тетрадь и бросила в него. Маркус ловко поймал её одной рукой.

— Эй! А если бы ты попала мне в голову?

— Я бы сказала, что это несчастный случай.

— Вот так благодарность за бесплатные занятия.

— Ты сам напросился!

Он положил тетрадь обратно перед ней и снова уселся на диван.

— А теперь грызи гранит науки, София. И постарайся думать о законах, а не о том, что происходит в университетских туалетах.

— Ненавижу тебя.

Она попыталась сохранить серьёзное выражение лица, но не выдержала и рассмеялась.

И Софи поняла, что может смеяться рядом с человеком, которого прежде почти не знала по-настоящему.

Неделя пролетела быстрее, чем она ожидала.

Занятия с Маркусом вошли в привычку. Он приезжал к ней после лекций, помогал разбирать конспекты, проверял выполненные задания и заставлял её объяснять материал своими

словами. Иногда они спорили, иногда отвлекались на разговоры, смотрели фильмы, а иногда Маркус просто молча сидел рядом, пока Софи сосредоточенно писала.

Постепенно её список незаконченных дел становился короче.

И, хотя она по-прежнему не всегда могла заставить себя нормально поесть, теперь хотя бы старалась не пропускать обед и держала в холодильнике продукты, из которых можно было быстро приготовить что-нибудь простое. Дженна регулярно интересовалась, как идут дела, а Маркус больше не позволял ей отмахиваться от каждого вопроса одним коротким «всё нормально».

В пятницу вечером Софи предстояло выступление в Blue Ember.

Она долго выбирала одежду, пока наконец не остановилась на чёрных кожаных брюках, подчёркивающих фигуру, и тёмном топе. Образ получился смелым, но не вызывающим, а распущенные волосы мягкими волнами падали на плечи. На шее, как всегда, лежала тонкая цепочка с музыкальной подвеской, которую подарил ей Адам.

Она никогда её не снимала.

Когда Софи вошла в бар вместе с остальными участниками SYLVARIX, зал уже был заполнен людьми. Свет скользил по стенам, басы отдавались в полу, а посетители разговаривали так громко, что отдельные голоса тонули в общем гуле.

— Сегодня мы их разнесём, — объявил Дэвид, поправляя ремень гитары.

— Постарайся хотя бы не разнести собственный микрофон, — отозвался Гарри.

— Я однажды уронил его случайно!

— Ты уронил его дважды.

— Второй раз был художественным решением.

Софи рассмеялась, чувствуя, как волнение постепенно уступает место предвкушению.

Она обожала эти минуты перед выходом на сцену. Шум зала, приглушённый свет, инструменты в руках музыкантов — всё это заставляло её чувствовать себя живой.

За столиком у сцены уже расположились Дженна, Лиам, Дин и Маркус.

Дженна энергично замахала рукой, заметив Софи.

— Новарро! Если ты сегодня не заставишь меня потерять голос, я потребую вернуть деньги за билет!

— Ты его не покупала!

— Тем более! Я требую компенсацию за моральный ущерб!

Лиам рассмеялся и притянул её к себе, а Дин поднял стакан в приветственном жесте.

Маркус ничего не сказал. Он просто посмотрел на Софи, и она улыбнулась ему в ответ.

Этого оказалось достаточно.

Когда группа вышла на сцену, первые ряды встретили музыкантов одобрительными криками. Гарри взял микрофон и обменялся коротким взглядом с Софи. Дэвид проверил гитару, затем отошёл на своё место.

И музыка началась.

Софи словно оставила все сомнения за кулисами. Она пела рядом с Гарри, их голоса то переплетались, то расходились, создавая напряжение, от которого публика постепенно приходила в восторг. Гарри держался на сцене уверенно и ярко, но Софи не терялась рядом с ним. Она больше не пыталась стать незаметной.

Она позволяла себе звучать.

К середине выступления зал уже двигался в такт музыке. Люди подпевали знакомым припевам, поднимали руки, выкрикивали имена музыкантов. Даже те, кто пришёл просто провести вечер с друзьями, теперь стояли лицом к сцене.

Особенно много внимания доставалось Софи и Гарри, но публика не забывала и остальных участников группы. Кассиан уверенно держал ритм на гитаре, Стивен поддерживал ком-

позиции клавишными, а Рони за барабанами задавал такой темп, что пол под сценой будто вибрировал.

Дэвид же был отдельным представлением.

Он двигался так свободно, словно музыка существовала исключительно для него. В нужные моменты он подходил к краю сцены, подыгрывал публике, бросал эффектные взгляды и успевал обмениваться шутками с Гарри между песнями.

Когда прозвучал последний аккорд, зал взорвался аплодисментами.

Софи тяжело дышала, улыбаясь так широко, что у неё заболели щёки. Гарри что-то сказал ей на ухо, и она рассмеялась, а Дэвид уже требовал от публики ещё больше шума.

В тот вечер SYLVARIX не просто отыграли концерт.

Они заставили людей запомнить себя.

После выступления Дженна буквально повисла у Софи на шее.

— Ты была невероятна! — выпалила она, крепко обнимая подругу. — А теперь объясни мне одну вещь.

— Какую?

Дженна отстранилась и с самым серьёзным видом окинула её взглядом.

— Кто разрешил тебе надеть эти кожаные брюки? Они так аппетитно подчёркивают твою попку, что это практически преступление.

Софи закрыла лицо ладонью.

— Дженна!

— Что? Я выражаю художественное восхищение.

— Ты невозможна.

— Зато ты красивая. Мы обе должны принять это как факт.

Лиам подошёл сзади, обнял Дженну за талию и поцеловал её в висок.

— Нам пора, — сказал он. — Завтра тренировка.

— Уже? — Дженна недовольно сморщила нос, но затем снова обняла Софи. — Напиши мне, когда доберёшься домой. И не вздумай после такого выступления сидеть одна и заниматься своими ужасными конспектами.

— Постараюсь.

— Софи.

— Хорошо, напишу.

Дженна удовлетворённо кивнула, поцеловала её в щёку и ушла вместе с Лиамом.

Дин тем временем уже успел найти компанию из нескольких девушек и вовсю развлекал их рассказами о том, как однажды едва не стал профессиональным танцором.

Софи покачала головой.

— Ты ведь понимаешь, что половина твоих историй неправда?

— Половина? — Дин возмущённо прижал руку к груди. — Софи, я потрясён. Я думал, ты знаешь меня лучше.

— Я знаю тебя достаточно, чтобы не верить ни одному слову.

— И всё равно проводишь со мной время. Трогательно.

Они рассмеялись и направились к барной стойке. Софи заказала себе безалкогольный коктейль, а Дин взял что-то покрепче. Они разговаривали о концерте, обсуждали особенно удачные моменты и спорили о том, какая песня лучше всего подошла для финала.

В какой-то момент Дин достал телефон и начал показывать ей короткие видео, снятые во время выступления.

— Ты уже всё выложил?

— Разумеется. Я человек действия.

— Ты невыносим.

— А ты прекрасно получилась на видео. Так что можешь отблагодарить меня позже.

Софи смеялась, когда из коридора, ведущего к туалетам, появился Маркус.

Он выглядел совершенно довольным собой. Следом за ним вышла девушка с длинными волосами и заметным декольте. Она поправила одежду, подошла к нему и, прежде чем уйти, поцеловала его в губы.

— До встречи, — мурлыкнула она.

Маркус не ответил.

Девушка исчезла в толпе.

Софи медленно повернулась к нему.

— Опять?

Маркус посмотрел на неё.

— Что опять?

— Туалет? — Она выразительно приподняла брови. — Маркус, ты хоть предохраняешься?

На его лице появилась такая довольная улыбка, что Софи сразу пожалела о вопросе.

— Ты сегодня особенно любопытная, София.

— Я серьёзно!

— А я серьёзно отвечаю: да, я знаю, как предохраняться.

Софи скрестила руки на груди.

— Всё равно фу.

Маркус рассмеялся.

— Ты такая малышка.

— Не называй меня так!

— Ладно, малышка.

— Маркус!

Он поднял руки, изображая капитуляцию, но улыбаться не перестал.

— Всё, хватит. Поехали, отвезу тебя домой. Я не пил.

Он уже собирался направиться к выходу, когда обернулся.

— Кстати, хочешь, достану тебе приглашение на трибуну на нашу следующую игру?

Софи замерла.

На несколько секунд ей показалось, что шум бара стал громче.

Хоккей.

Она не хотела возвращаться на арену. Не хотела слышать резкий свист судейского свистка, чувствовать напряжение перед началом матча и видеть, как игроки сталкиваются на льду. Слишком многое в этом спорте теперь было связано с тем, к чему она пока не могла приблизиться.

— Нет, — тихо ответила она.

Маркус не стал настаивать. Он лишь понимающе кивнул.

— Хорошо.

— Но я буду поддерживать вас мысленно, — добавила Софи, пытаясь улыбнуться. — Так что можете считать, что у вас есть мой благословенный дух на трибунах.

— Звучит пугающе.

— Ещё бы. Я очень могущественный дух.

— Тогда нам точно понадобится победа.

Она рассмеялась, и напряжение немного отступило.

Дин подошёл к ним, приобнял Софи за плечи и поцеловал её в щёку.

— Я остаюсь. Здесь есть одна красotka, которой, кажется, очень нравятся мои истории о танцах.

— Бедная девушка, — пробормотала Софи.

— Завидууй молча.

Он пожал Маркусу руку.

— Довези её целой и невредимой, Деверо.

— Постараюсь.

— И не убивай её своими лекциями по юриспруденции.

— Обещать не могу.

Софи покачала головой, смеясь, и направилась к выходу вместе с Маркусом.

На улице было прохладно. После душного бара ночной воздух казался особенно свежим. Маркус открыл пассажирскую дверь своего автомобиля, дождался, пока Софи сядет, и обошёл машину.

Когда они тронулись, несколько минут ехали молча.

— София, — наконец произнёс он, не отрывая взгляда от дороги. — Завтра давай съездим к Сэму и Лейн.

Она сразу напряглась, пальцы невольно сжались на ремне сумки.

— Маркус, я не уверена, что смогу.

Софи посмотрела в окно.

— Мне страшно смотреть им в глаза.

Он ничего не ответил сразу, давая ей время подобрать слова.

— Я так долго не появлялась. Не отвечала на звонки, не приезжала, даже не пыталась...

— Она замолчала, чувствуя, как к горлу подступает ком. — Они ведь наверняка думают, что я просто забыла о них.

— Нет, София.

В его голосе не было ни тени сомнения.

— Они любят тебя. И ждут. Ты им нужна не меньше, чем они тебе.

Софи опустила глаза.

— А если я не смогу вести себя как раньше?

— От тебя этого никто не требует.

Он ненадолго повернул голову, чтобы посмотреть на неё.

— Просто приезжай. Побудь с ними. Этого достаточно.

Она долго молчала, а затем медленно кивнула.

— Хорошо.

Маркус улыбнулся.

— Тогда завтра заеду за тобой.

На следующий день они приехали к Миллерам ближе к полудню.

Софи всю дорогу нервничала. Несколько раз она поправляла рукава, смотрела на своё отражение в зеркале и пыталась придумать, что скажет Лейн, когда увидит её на пороге.

Но стоило двери открыться, как все заранее приготовленные слова исчезли.

Лейн стояла перед ней с той же тёплой улыбкой, которую Софи помнила. Она немного изменилась за последние месяцы: в её лице появилась усталость, а в глазах — глубина, которой прежде Софи не замечала. Но улыбка осталась прежней.

— О, детка...

Лейн не стала ждать, пока Софи заговорит. Она шагнула вперёд, крепко обняла её и поцеловала в щёку.

Софи замерла всего на секунду, а затем обняла её в ответ.

Запах знакомого парфюма, тепло рук, тихое прикосновение к волосам — всё это оказалось настолько родным, что Софи пришлось прикусить губу, чтобы не расплакаться прямо на пороге.

— Я так рада тебя видеть, — прошептала Лейн.

— Я тоже, — едва слышно ответила Софи.

Сэм появился следом. Он крепко обнял её за плечи и улыбнулся.

— Рад тебя видеть, Софи.

— Я тоже рада, Сэм.

Он не стал задавать вопросов и не пытался заставить её объясняться. Просто отступил в сторону, пропуская гостей в дом.

За обедом разговор постепенно стал непринуждённым. Лейн расспрашивала Софи об учёбе, о том, как она устроилась в квартире, а затем, конечно, о музыке.

— Маркус рассказал, что у вас теперь настоящая группа, — сказала она с улыбкой. — И что вы выступали в Blue Ember.

Софи невольно рассмеялась.

— Рассказал? Или показал?

Маркус, сидевший рядом и что-то просматривавший в телефоне, поднял глаза.

— А что, есть разница?

— Огромная.

Он повернул экран к родителям.

— Вот, смотрите. Это вчерашнее выступление.

На видео Софи стояла на сцене рядом с Гарри, пела, улыбалась и двигалась в такт музыке. Затем камера переключалась на Дэвида, который исполнял очередное эффектное движение, на остальных музыкантов и на публику, заполнившую зал.

— София, ты прекрасно поёшь, — сказала Лейн, когда запись закончилась. — И я хочу, чтобы ты знала: я горжусь тобой.

Софи почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось.

— Спасибо.

— Нет, я серьёзно. Ты нашла то, что тебе нравится, и не побоялась выйти на сцену. Это дорогого стоит.

Софи улыбнулась, стараясь не показать, насколько сильно её тронули эти слова.

Вскоре Сэм получил звонок по работе. Он извинился, поцеловал Лейн в макушку и попрощался с гостями, пообещав вернуться к ужину.

Маркус тем временем убрал телефон в карман.

— Я выйду к собакам. Белла и Рори требуют внимания, а я обещал им прогулку.

— Они тебя ждут уже целую вечность, — усмехнулась Лейн.

Он поднялся, посмотрел на Софи.

— Ты идёшь?

— Нет, я пока останусь здесь.

Маркус кивнул и вышел во двор.

Когда дверь за ним закрылась, Лейн пересела ближе к Софи.

— Ну что, рассказывай. Как ты на самом деле?

Софи опустила взгляд на свои руки.

— Я... стараюсь.

Лейн ничего не сказала, только мягко коснулась её ладони.

— Я знаю, что тебе тяжело, милая. И не собираюсь требовать от тебя объяснений. Просто хочу, чтобы ты знала: тебе не нужно притворяться сильной рядом со мной.

Софи с трудом сглотнула.

— Прости меня, Лейн.

— За что?

— За то, что меня не было рядом. За то, что я не приезжала и не отвечала. Я знала, что вы тоже... — Она оборвала себя, не в силах продолжить.

Лейн крепче сжала её руку.

— Тебе не за что просить прощения.

— Но я должна была...

— Нет, Софи. — Голос Лейн оставался мягким, но в нём появилась твёрдость. — Каждый переживает утрату по-своему. Иногда человеку нужно время, чтобы просто научиться вставать по утрам и делать самые обычные вещи. Я это понимаю.

Софи почувствовала, как защипало глаза.

Лейн притянула её к себе, и Софи позволила себе прижаться к ней. Они крепко обнялись, обе стараясь сдержать слёзы.

Некоторое время они просто сидели так, не пытаясь заполнить тишину словами.

Потом Лейн чуть отстранилась и осторожно убрала прядь волос с лица Софи.

— Ты ешь нормально? Спишь?

Софи невольно улыбнулась.

— Вы с Маркусом сговорились?

— Не исключено.

— Он помогает мне с учёбой, и я начала понемногу справляться.

— Хорошо. Только не забывай, что ты живой человек, а не машина, которую можно заставить работать без остановки.

Софи кивнула.

Лейн помолчала, а затем посмотрела на неё внимательнее.

— Знаешь, Маркус очень переживал за тебя.

Софи подняла голову.

— За меня?

— Конечно. Он старался не показывать, насколько его это беспокоит, но я видела. Он спрашивал, не слышала ли я от тебя чего-нибудь, интересовался, как ты, и каждый раз расстраивался, когда не получал ответа.

Софи растерянно моргнула.

— Он не хотел на тебя давить. Боялся, что ты воспримешь его заботу неправильно.

Софи вдруг стало неловко от мысли, сколько всего она не замечала, пока пряталась от окружающего мира.

Лейн вздохнула, а затем попыталась улыбнуться.

— Кстати, твой дедушка, похоже, решил сделать жизнь Маркуса ещё интереснее.

Софи удивлённо посмотрела на неё.

— Мой дедушка? Что ты имеешь в виду?

Улыбка Лейн постепенно исчезла.

— Прости. Я думала, ты знаешь.

— Знаю что?

Лейн помедлила, словно решая, стоит ли продолжать.

— Альберто пытается добиться, чтобы Маркуса убрали из хоккейной команды. Или, по крайней мере, чтобы против него начали какое-нибудь административное разбирательство. После всего, что произошло, он, видимо, решил, что Маркус должен понести дополнительные последствия.

Софи почувствовала, как холодеют пальцы.

— Что?

— Сэм занимается этим вопросом. Он разговаривает с руководством университета, с тренером, пытается не допустить, чтобы всё зашло слишком далеко. Маркус не хочет, чтобы мы вмешивались, но мы не можем просто смотреть, как его лишают возможности играть.

Софи несколько секунд не могла произнести ни слова.

Она знала своего дедушку. Знала, насколько он упрям и как легко мог превратить чужую жизнь в поле для собственных принципов.

— Я не знала, — повторила она уже тише. — Клянусь, я ничего об этом не знала.

— Я верю тебе, детка.

— Я поговорю с ним. Обязательно. Как только... — Софи замолчала, чувствуя, как внутри поднимается знакомый страх. — Как только наберусь смелости рассказать ему о музыке.

Лейн понимающе погладила её по руке.

— Я знаю, как много для тебя значит мнение дедушки. И понимаю, почему тебе страшно. Но тебе не обязательно решать всё сегодня.

— Но Маркус не должен расплачиваться за мои отношения с дедушкой.

— Маркус справится, — мягко сказала Лейн. — Он сильный. Ему пришлось пройти через многое, и он не раз доказывал, что умеет подниматься после тяжёлых ударов. Сэм сделает всё, что сможет. А мы... мы переживём это вместе.

Софи посмотрела на неё. В глазах Лейн стояла усталость, но за ней по-прежнему чувствовалась та самая сила и тепло.

— Я буду рядом, — тихо сказала она. — С вами. И с Маркусом.

Лейн улыбнулась и снова обняла её.

— Вот и хорошо, милая.

Она поцеловала Софи в висок, а затем взяла её за руку.

— И запомни кое-что. Эти двери всегда открыты для тебя. Неважно, сколько времени прошло, сколько раз ты не отвечала на звонки и сколько ошибок, как тебе кажется, совершила. Ты всегда можешь приехать сюда. Мы с Сэмом будем ждать тебя.

Софи прижалась к ней, закрыв глаза.

Ей не нужно заслуживать право быть частью этой семьи.

Её здесь ждали.

Она уже стала частью семьи.

И она больше не собиралась уходить.

Глава 33

За окном уже был апрель.

Весна постепенно вступала в свои права: деревья покрывались нежной зеленью, дни становились длиннее, а по утрам в открытые окна квартир проникал тёплый воздух. Университетский кампус оживал после зимы, наполняясь разговорами, смехом и планами на предстоящие выходные.

Жизнь Софи тоже постепенно менялась.

Теперь почти каждую пятницу SYLVARIX выступали в Blue Ember. С каждым концертом публика становилась всё многочисленнее, а песни группы всё чаще узнавали ещё до того, как музыканты успевали взять первые аккорды. Гарри по-прежнему требовал от всех идеального исполнения, Дэвид продолжал превращать каждое выступление в небольшое шоу, а Софи всё увереннее чувствовала себя на сцене.

Она больше не боялась взглядов публики.

Точнее, боялась гораздо меньше.

После концертов ребята обычно оставались в баре, общались с посетителями, шутили и обсуждали выступление. Иногда к ним присоединялись другие студенты, иногда они всей компанией отправлялись куда-нибудь поесть, а порой просто возвращались в дом, где вечер продолжался уже без музыки и посторонних глаз.

И всегда рядом оказывались Дженна, Лиам, Маркус и Дин.

Дин, как и обещал, всерьёз взялся за свой канал.

Он снимал буквально всё, что считал достойным внимания: Лиам и Маркуса на тренировках, Дженну в столовой, Софи на репетициях, Гарри, который раздражался из-за неправильно выставленного микрофона, и самого себя, который, по собственному мнению, был главным украшением любого видео.

Камера сопровождала их на вечеринках, в университетских коридорах, во время обедов и даже дома, когда они совершенно забывали о её существовании.

Особенно Дину нравилось снимать моменты, когда ребята начинали беситься.

Однажды он застал Лиам и Маркуса за спором о хоккее. Через несколько минут к ним присоединилась Дженна, которая заявила, что оба они совершенно невыносимы, а затем сама начала доказывать, что разбирается в игре лучше них. Софи попыталась вмешаться, но Дин навёл на неё камеру, и она тут же закрыла лицо ладонями.

— Убери это!

— Ни за что. Это лучший материал за неделю.

— Дини, я серьёзно.

— А я уже придумал название: «Софи Новарро пытается контролировать хаос, но хаос побеждает».

— Я тебя ненавижу.

— Зато зрители меня любят.

К сожалению для Софи, он оказался прав.

Видео набирали тысячи просмотров, количество подписчиков росло, а комментарии появлялись быстрее, чем Дин успевал на них отвечать. Людям нравилась их компания: постоянные подколы, перепалки Маркуса с Дином, нежность Лиам и Дженны и спокойные, иногда совершенно неожиданные реакции Софи.

Правда, у каждого из ребят постепенно появлялась своя аудитория.

Девушки особенно выделяли Маркуса. Его грозный взгляд, которым он порой одаривал Дина, казалось, приводил зрительниц в полный восторг. А когда Дин выкладывал фрагменты хоккейных тренировок, на которых Маркус двигался по льду или занимался в тренажёрном

зале, комментарии становились ещё оживлённее. Его мышцы, уверенные движения и неизменно хмурое выражение лица никого не оставляли равнодушным.

«Кто-нибудь объяснит, почему Деверо смотрит так, будто собирается тебя убить, а ты всё равно хочешь, чтобы он посмотрел на тебя ещё раз?»

«Эти руки. Эти плечи. Этот взгляд. Я кончила».

«Мне нужен отдельный канал только с тренировками Маркуса. Дин, пожалуйста, сделай это ради нас».

Дин, разумеется, с удовольствием читал подобные комментарии вслух при самом Маркусе. Тот обычно отвечал очередной колкостью или обещал выбросить телефон Дина в бассейн, чем только сильнее развлекал зрителей.

Но особенное внимание публики привлекала не только их повседневная жизнь.

Софи и Гарри начали обсуждать ещё после первых выступлений SYLVARIX. На сцене они смотрелись удивительно гармонично: Гарри с его уверенностью и яркой манерой исполнения, Софи с эмоциональным голосом и естественной грацией. Они словно чувствовали музыку одинаково, понимали друг друга без лишних слов и умели подхватывать настроение друг друга одним взглядом.

Именно это заставляло публику подозревать, что между ними может быть нечто большее, чем совместное творчество.

Зрители замечали, как Гарри поворачивался к Софи во время припевов, как она улыбалась ему в ответ, как они переглядывались перед особенно сложными моментами и словно передавали друг другу часть собственной энергии. Их голоса идеально дополняли друг друга, а на сцене между ними возникала особая химия, которую было трудно не заметить.

И даже когда они просто стояли рядом, обсуждая следующую песню, казалось, что между ними существует какое-то собственное, понятное только им двоим пространство.

Иногда в видео Дина попадали короткие фрагменты с репетиций или выступлений группы. И тогда под роликами снова начинался настоящий переполох.

«Вы видели, как Гарри посмотрел на Софи в конце песни?!»

«Они так круто смотрятся вместе на сцене, что я не могу перестать пересматривать выступление».

«Не знаю, встречаются ли они в реальной жизни, но эта химия между ними просто невероятная».

«То, как они смотрят друг на друга во время исполнения, — это вообще законно?»

Софи обнаружила эти обсуждения совершенно случайно, когда Дин однажды показал ей комментарии под очередным видео.

— Подожди, — пробормотала она, пролистывая экран. — Они действительно думают, что мы с Гарри встречаемся?

— Не просто думают. Они уже придумали название вашему фан-клубу.

— Какое ещё название?

Дин расплылся в улыбке.

— Не скажу. Не хочу травмировать твою психику.

Софи закатила глаза.

— Ты невозможен.

— Я это слышу каждый день, но почему-то продолжаю жить.

Она рассмеялась и вернула ему телефон.

Самое забавное началось позже.

В университете Софи стала замечать любопытные взгляды, когда разговаривала с Гарри. Стоило ему подойти к ней после лекции или задержаться рядом, чтобы обсудить новую песню, как некоторые студенты начинали переглядываться. Однажды девушка, проходившая мимо,

даже улыбнулась Софи с таким заговорщическим видом, словно они обе знали какую-то важную тайну.

Софи едва не рассмеялась прямо посреди коридора.

Гарри, разумеется, всё знал о слухах. Но его это совершенно не волновало. Он не собирался тратить время на чужие догадки, когда у него была куда более важная цель — вывести SYLVARIX на новый уровень и добиться успеха группы.

Всё остальное казалось ему несущественным.

И Софи это вполне устраивало.

Однако популярность группы была не единственным изменением, которое она замечала.

Дженна первой обратила внимание на то, что в университете появились девушки, словно решившие взять Софи за образец.

Сначала это были мелочи. Одна студентка пришла на занятия с похожей причёской, другая купила сумку в том же стиле, что и у Софи. Затем появились похожие сочетания одежды, свободные блузы, аккуратные украшения и даже привычка собирать волосы так, как Софи делала перед репетициями.

Некоторые пытались повторить её макияж. Другие интересовались, где она покупает одежду.

Однажды Дженна заметила сразу двух девушек, которые шли по коридору с почти одинаковыми сумками, и едва не подавилась кофе от смеха.

— Софи, ты вообще понимаешь, что происходит? Тебя копируют.

Софи недоумённо посмотрела на подругу.

— В каком смысле?

— В прямом! Причёски, одежда, сумки. Я сегодня видела девушку, которая даже пыталась ходить так же, как ты.

Софи рассмеялась.

— Дженна, это уже звучит как выдумка.

— Я серьёзно! Ты становишься иконой.

— Пожалуйста, не говори это вслух. Я ещё не готова к такой ответственности.

— Поздно. Скоро начнёшь давать интервью о своих любимых оттенках помады.

— А ты будешь стоять рядом и рассказывать, что я ем на завтрак?

— Разумеется. Кто-то же должен раскрывать публике настоящую Софи Новарро.

Софи никогда не стремилась стать примером для подражания. Она просто оставалась собой: пела, писала стихи и одевалась так, как ей нравилось. Ей хотелось совсем другого — чтобы люди слышали её музыку, почувствовали эмоции, которые она вкладывала в каждую песню, и, возможно, нашли в её творчестве что-то близкое себе. Ей хотелось вдохновлять людей не тем, как она выглядит, а тем, что создаёт.

И всё же, когда Софи узнала, что другие девушки вдохновляются её стилем, ей стало приятно. Главное, чтобы они не начали копировать её привычку терять тетради перед экзаменами. Эту часть своего образа Софи предпочла бы оставить исключительно себе.

Занятия с Маркусом тоже продолжались.

Несколько раз в неделю он приезжал к Софи после лекций, и они устраивались за столом в её кухне-гостиной. Постепенно накопившиеся задания перестали казаться непреодолимой горой. Софи научилась распределять время, следить за сроками и не откладывать всё до последнего вечера.

Маркус не позволял ей халтурить, но и не требовал невозможного.

Если она уставала, он предлагал сделать перерыв. Если не понимала материал, объяснял ещё раз. Иногда они спорили, иногда отвлекались на разговоры, а порой могли провести целый

час, обсуждая какую-нибудь совершенно постороннюю тему, прежде чем вспоминали о раскрытой перед ними тетради.

Софи всё чаще ловила себя на том, что ждёт этих вечеров.

Рядом с Маркусом ей было спокойно.

Он не пытался вытянуть из неё признания, не требовал улыбаться, когда ей хотелось молчать, и не смотрел на неё с жалостью. Он просто был рядом — уверенный, надёжный, иногда невыносимо самодовольный, но всегда готовый подставить плечо, если ей становилось трудно.

За это время он стал для неё настоящим другом. Человеком, которому она могла доверять.

И чем больше Софи узнавала его, тем яснее понимала, насколько ошибалась, когда считала Маркуса холодным и неприступным. За его резкостью скрывалась способность заботиться о людях, которую он редко демонстрировал открыто. Он мог отшутиться, сделать вид, что ему всё равно, но если кто-то из близких нуждался в помощи, Маркус не отворачивался. Он боролся за своих.

И Софи знала, что однажды он боролся и за неё — даже тогда, когда она сама не хотела никого подпускать к себе.

В один из апрельских вечеров они снова сидели за кухонным столом. На улице уже смеркалось, а свет настольной лампы ложился на раскрытые учебники и исписанные листы.

Маркус закончил проверять её ответы и отложил ручку.

— На сегодня всё. Если продолжим, ты начнёшь путать статьи закона с рецептом приготовления пасты.

Обычно Софи обязательно придумала бы что-нибудь в ответ. Но в этот раз она лишь кивнула и принялась собирать бумаги.

Маркус заметил это сразу.

— София.

— М?

— Что случилось?

— Ничего.

Он посмотрел на неё поверх стола.

— Ты сегодня почти не разговариваешь. И уже третий раз складываешь одни и те же листы.

Софи опустила взгляд. В руках у неё действительно оказалась стопка бумаг, которую она только что разобрала.

— Просто задумалась.

— О чём?

Она попыталась улыбнуться, но улыбка получилась неубедительной.

Маркус откинулся на спинку дивана, внимательно наблюдая за ней.

— София, ты можешь рассказать мне всё.

Эти слова прозвучали просто, без нажима. Он не пытался заставить её говорить и не требовал немедленного ответа. Просто оставил ей возможность самой решить, готова ли она поделиться тем, что её тревожило.

Софи медленно подняла голову.

И посмотрела ему в глаза.

Она знала, что может ему доверять.

Он стал человеком, рядом с которым Софи могла позволить себе не знать ответов на все вопросы.

Могла признаться, что боится.

Могла быть растерянной, уставшей, неуверенной.

И он всё равно оставался рядом.

Софи глубоко вдохнула.

— Я собираюсь домой на выходные.

— Хорошо, — спокойно ответил Маркус. — И что тебя беспокоит?

Она нервно провела пальцами по краю тетради.

— Я должна рассказать дедушке о музыке. О группе. О том, что мы выступаем, что я пою...

Последние слова дались ей особенно тяжело.

Маркус не перебивал.

— Я всё откладывала этот разговор, — продолжила Софи. — Сначала думала, что расскажу, когда у нас будет первый концерт. Потом решила подождать, пока мы начнём выступать регулярно. А теперь прошло столько времени, и я понимаю, что больше не могу делать вид, будто ничего не происходит.

Она подняла на него встревоженный взгляд.

— Дедушка рассчитывает, что я буду заниматься юриспруденцией. Он столько для меня сделал, столько всего организовал... Я не знаю, как он отреагирует. Вдруг он решит, что я предала его доверие? Что всё это время обманывала его?

Маркус некоторое время молчал, обдумывая её слова.

Затем протянул руку через стол и осторожно накрыл её ладонь своей.

— София, твой дедушка любит тебя.

Она грустно улыбнулась.

— Иногда мне кажется, что его любовь зависит от того, насколько хорошо я выполняю его ожидания.

— Возможно, ему трудно принять, что у тебя могут быть собственные планы. Но это не значит, что он перестанет тебя любить.

— Ты так уверен?

— Нет, — честно ответил Маркус. — Я не знаю, как он отреагирует. Не стану обещать, что разговор пройдёт идеально или что он сразу согласится со всем, что ты скажешь.

Софи опустила глаза.

— Вот именно.

— Но я знаю другое. Ты не сделала ничего плохого, найдя то, что тебе нравится. Ты учишься, стараешься наверстать упущенное и при этом занимаешься музыкой. Ты не бросила свою жизнь ради какой-то прихоти. Ты просто нашла ещё одну её часть, без которой тебе было бы трудно быть собой.

Она медленно посмотрела на него.

Маркус слегка сжал её руку.

— И потом, — добавил он с едва заметной улыбкой, — дело уже сделано.

Софи моргнула.

— Что?

— Ты уже выступаешь. У вас есть группа, песни, публика. Люди приходят вас слушать. Ты не можешь отменить всё это одним разговором с дедушкой.

— Ты удивительно хорошо умеешь успокаивать людей.

— Я стараюсь.

— Нет, серьёзно. Ты говоришь, что я не могу отменить всё это, и почему-то мне становится ещё страшнее.

Маркус рассмеялся.

— Хорошо. Тогда попробуем иначе. Ты можешь рассказать ему правду. Он может разозлиться, может не согласиться, может попытаться убедить тебя отказаться от музыки. Но ты

уже не та девушка, которая только мечтает выйти на сцену. Ты знаешь, чего хочешь. И теперь тебе нужно научиться говорить об этом вслух.

Софи смотрела на него, не отводя взгляда.

— А если я не справлюсь?

— Тогда справишься не с первого раза.

— Маркус!

— Что? Это вполне рабочий план.

Она невольно рассмеялась, и напряжение в её плечах немного ослабло.

Он улыбнулся в ответ, но руку не убрал.

— Послушай меня, София. Тебе не нужно переставать бояться, чтобы сделать этот шаг. Ты можешь бояться и всё равно поехать домой. Можешь нервничать и всё равно рассказать правду. Смелость не означает, что тебе не страшно.

Софи почувствовала, как к горлу подступает ком.

Маркус не обещал, что всё будет хорошо.

Он обещал, что она не обязана проходить через это, считая себя слабой.

— Спасибо, — тихо произнесла она.

— За что?

— За то, что ты рядом.

Он на секунду опустил взгляд на их руки, а затем снова посмотрел ей в глаза.

— Не за что.

Софи осторожно переплела пальцы с его пальцами.

— Я не знаю, чем заслужила такого друга, — продолжила она с небольшой улыбкой. — Но я очень тебе благодарна. И буду благодарна всегда.

В его взгляде что-то изменилось. Он будто хотел ответить шуткой, спрятаться за привычной усмешкой, но на этот раз не стал.

— Тебе не нужно ничего заслуживать, София.

Она почувствовала, как сердце болезненно сжалось.

— Я знаю, — прошептала она. — Просто иногда забываю.

Маркус чуть наклонился к ней, не разрывая зрительного контакта.

— Тогда я буду напоминать.

В этих словах не было громкого обещания или попытки казаться героем. Только спокойная уверенность человека, который решил остаться рядом.

Софи улыбнулась ему сквозь подступившие слёзы.

Она не знала, как сложится разговор с дедушкой. Не знала, сможет ли когда-нибудь перестать бояться его неодобрения и научиться ли отстаивать собственные решения без мучительного чувства вины.

Но она знала, что не забудет то, что Маркус сказал ей.

Он некоторое время смотрел на неё, а затем мягко сжал её пальцы.

За окном окончательно стемнело. На стекле отражались свет лампы, раскрытые учебники и две фигуры, сидевшие друг напротив друга за кухонным столом.

Они не торопились вставать.

Софи больше не пыталась придумать, как объяснить свой страх, и Маркус не задавал новых вопросов. Им хватало этого тихого вечера, спокойствия между ними и уверенности, что можно просто оставаться рядом, не требуя друг от друга ничего сверх того, что каждый способен дать.

Глава 34

В выходные Софи, как и планировала, отправилась домой.

Она скучала по семье, по знакомому запаху дома, по уютным комнатам. Но вместе с тем всю дорогу её не покидало волнение. Она слишком хорошо знала своего дедушку, чтобы надеяться на лёгкий разговор.

На пороге её встретили Каталина.

— София, ты прекрасно выглядишь! — Каталина с улыбкой обняла дочь и поцеловала её в щёку. — Я так соскучилась по тебе, родная.

— Мам, я тоже очень скучала.

Внезапно за спиной Каталины послышался топот маленьких ножек. На крыльцо выбежал трёхлетний Николас.

— Софи! — радостно закричал он, протягивая к ней руки.

Она тут же присела и подхватила племянника на руки.

— Ну здравствуй, мой маленький мужчина! — рассмеялась она, покрывая его щёки поцелуями.

Николас звонко рассмеялся и обнял её за шею.

— Ты приехала!

— Конечно, приехала. Разве я могла не приехать к тебе?

— Ты со мной играть будешь?

— Обязательно, малыш. Сегодня я вся твоя.

— Тогда пойдём! — нетерпеливо потянул он её за руку.

Софи рассмеялась и поправила его футболку. Напряжение, которое сопровождало её всю дорогу, ненадолго отступило.

Ужин прошёл в тёплой, почти беззаботной атмосфере. Они обсуждали университет, работу, последние новости и планы на ближайшие месяцы. Каталина с воодушевлением рассказывала о своей новой коллекции одежды, над которой работала последние несколько недель.

— Если всё пойдёт по плану, презентация состоится уже в следующем месяце, — сказала она, оживлённо жестикулируя. — Я давно хотела поэкспериментировать с силуэтами и тканями, но никак не могла найти подходящую концепцию. А теперь наконец всё складывается.

— Ты говоришь об этом так, будто готовишься к премьере собственного фильма, — улыбнулся Кристофер.

— Для меня это почти одно и то же, — возразила Каталина. — Ты просто не понимаешь, сколько сил уходит на создание коллекции.

— Я прекрасно понимаю. Я уже несколько лет слушаю об этом за каждым ужином.

Софи с улыбкой наблюдала за ними. Ей нравилось видеть маму такой — увлечённой, энергичной, по-настоящему счастливой. В такие моменты она особенно остро понимала, как много значит возможность заниматься тем, что любишь. И именно поэтому больше не хотела прятать от семьи собственную мечту.

Когда ужин закончился, Софи отложила салфетку и посмотрела на дедушку.

— Дедушка, мне нужно с тобой поговорить. Наедине.

Альберто оторвался от разговора с Николасом и внимательно посмотрел на внуку. В её голосе было что-то такое, что заставило его отложить приборы.

— Хорошо. Идём.

Кабинет встретил их привычной тишиной. Здесь всё оставалось неизменным: тяжёлый письменный стол из тёмного дерева, высокие книжные шкафы, аккуратно расставленные папки и строгие часы на стене.

Альберто занял своё место за столом. Софи села напротив.

Несколько секунд она молчала, собираясь с мыслями. Затем сложила руки перед собой и подняла глаза на дедушку.

— Дедушка, я состою в музыкальной группе, — твёрдо сказала она.

Альберто долго изучал её лицо, словно пытался понять, шутит ли она или действительно произнесла эти слова.

— Давно?

— Чуть больше двух месяцев.

Он медленно откинулся на спинку кресла.

— Два месяца? — переспросил он, и в его голосе уже проступило раздражение. — И ты всё это время скрывала от меня подобное?

— Я знала, что ты не одобришь.

— И ты решила, что это даёт тебе право ставить меня перед фактом?

Софи глубоко вдохнула.

— Я решила, что имею право самостоятельно выбирать, чем хочу заниматься.

Альберто резко поднялся.

— София, мы уже обсуждали твоё будущее! Ты должна окончить университет и работать в семейной компании. Мы столько вкладывали в твоё образование, чтобы ты получила достойную профессию и продолжила дело семьи. Неужели ты думаешь, что можешь просто отказаться от всего этого ради каких-то песен?

— Я не собираюсь бросать учёбу, — ответила Софи, стараясь сохранять спокойствие. — Я закончу университет и получу диплом юриста. Но работать в твоей компании я не буду.

Альберто замолчал.

Он смотрел на неё так, словно видел впервые после той трагедии, которая изменила их всех.

После смерти Адама Софи стала тише. Она отдалилась от близких, почти перестала улыбаться, словно заперла себя в собственном горе. Альберто привык думать, что внучка сломлена произошедшим, что теперь она нуждается в его защите и руководстве больше, чем когда-либо.

Но сейчас перед ним сидела другая Софи.

Нет, не другая. Та же девочка, которую он знал всю жизнь, просто повзрослевшая. Она всё ещё боялась его разочаровать, всё ещё волновалась, но больше не собиралась отказываться от себя только ради того, чтобы ему угодить.

И это пугало его гораздо сильнее, чем он был готов признать.

— Не смей мне перечить, внучка, — грозно произнёс Альберто. — Если ты продолжишь в том же духе, то не получишь от меня ничего.

Софи медленно поднялась.

— Мне ничего не нужно!

Её голос прозвучал громче, чем она ожидала. Впервые в жизни она не просто возразила дедушке — она повысила на него голос.

— У меня есть собственный план. Я буду петь. Буду выступать. И буду заниматься тем, что люблю.

Альберто усмехнулся.

— София Новарро, представительница уважаемой семьи, собирается прыгать по сцене в одних трусах перед толпой незнакомцев? Это твоё представление о достойном будущем?

Софи побледнела. Слова дедушки больно задели её, но она не позволила им заставить себя замолчать.

— Ты меня совершенно не понимаешь, — произнесла она, глядя ему прямо в глаза. — Если тебя не устраивает моё решение, это твои проблемы, дедушка. Это моя жизнь, и я сама вправе решать, что мне с ней делать.

Она перевела дыхание, чувствуя, как дрожат пальцы.

— Я закончу университет. Получу диплом юриста и, если тебе так важно, лично преподнесу его на блюдечке. Но чем я буду заниматься после этого, тебя не касается.

Альберто смотрел на неё с каменным лицом.

— И ещё, — продолжила Софи, прежде чем он успел ответить. — Прекрати угрожать Маркусу и Миллерам.

При упоминании этой фамилии его взгляд потемнел.

— Не вмешивайся в то, чего не понимаешь.

— Я прекрасно понимаю, что они потеряли сына и брата. Их семья и так пережила достаточно. Оставь их в покое.

— Это тот никчёмный мальчишка надоумил тебя так со мной разговаривать? — резко спросил Альберто. — Ты с ним общаешься?

Софи сжала губы, но ответила без колебаний:

— Я с ним дружу.

На мгновение в кабинете стало так тихо, что было слышно, как тикают часы.

— И я не позволю тебе портить ни мою жизнь, ни его, — добавила она.

Закончив, Софи развернулась и направилась к двери. Сердце колотилось так сильно, что ей казалось, будто дедушка может услышать каждый удар.

Она уже взялась за дверную ручку, когда за спиной раздался его голос:

— София. Стой.

Она замерла.

Альберто медленно опустился в кресло. Впервые за весь разговор его лицо выражало не гнев, а усталость.

Он смотрел на спину внучки и видел перед собой уже не маленькую девочку, которую когда-то старался оградить от всего дурного, что мог предложить мир.

Она выросла.

У неё появились собственные мечты, собственные убеждения и собственное представление о счастье. И сколько бы Альберто ни пытался защитить её, однажды мир всё равно обрушился на его девочку. Он не смог уберечь её от боли, не смог предотвратить трагедию, не смог вернуть ей прежнюю жизнь.

Но теперь она пыталась построить новую.

И, возможно, именно это он должен был наконец принять.

— Ты напоминаешь мне свою мать, — тихо произнёс он.

Софи не двигалась.

— Когда Каталина пришла ко мне и заявила, что собирается выйти замуж за Николая, она говорила почти теми же словами. Она тоже не собиралась спрашивать моего разрешения.

В его голосе появилась едва заметная усмешка.

— Я тогда был уверен, что она совершает ошибку. Мне казалось, что я лучше знаю, что ей нужно. Я пытался убедить её передумать, но она осталась при своём решении.

Он помолчал, словно вспоминая что-то далёкое.

— Я не могу сказать, что мне нравится твой выбор. Музыкальная карьера — непредсказуемая вещь. Не каждый, кто выходит на сцену, добивается успеха. Тебе придётся столкнуться с отказами, критикой и разочарованиями. И никакая фамилия не избавит тебя от этого.

Софи слушала, не поворачиваясь. Она боялась пошевелиться, боялась, что любое слово разрушит хрупкое равновесие, к которому они наконец пришли.

— Но я уважаю то, что ты готова бороться за своё будущее, — продолжил Альберто. — Ты имеешь право хотя бы попробовать. Я не стану тебе мешать.

У Софи перехватило дыхание.

— Только прошу тебя, будь осторожна. Не позволяй чужим обещаниям ослепить тебя и не забывай, что успех требует не только таланта, но и огромного труда.

Он помолчал и добавил уже привычным строгим тоном:

— И, пожалуйста, не позволяй этим своим сценическим нарядам становиться слишком откровенными. Есть вещи, которые не обязательно демонстрировать публике.

Несмотря на слёзы, подступившие к глазам, Софи едва заметно улыбнулась.

Она всё это время стояла к дедушке спиной, боясь показать, насколько сильно её тронули его слова. Теперь слёзы медленно стекали по щекам, оставляя на коже горячие дорожки.

Она повернулась.

— Спасибо, дедушка, — прошептала Софи. — Для меня это очень важно.

Альберто коротко кивнул, словно не желая придавать своему решению слишком большое значение.

Но затем его лицо снова стало серьёзным.

— Что касается Маркуса... Я не стану намеренно портить ему жизнь. По крайней мере, пока он не даст мне для этого нового повода.

Софи ничего не ответила, и он продолжил:

— Если ты нашла в себе силы простить его, это твоё дело. Но я по-прежнему считаю, что этот парень вам всем не ровня. Он не принадлежит к нашему кругу, и я не хочу, чтобы ты забывала об этом. Будь с ним осторожна, София. Не доверяй ему слишком сильно и не позволяй ему становиться важнее, чем он должен быть.

Софи почувствовала, как внутри снова поднимается раздражение, но спорить не стала. Она понимала, что переубеждать дедушку сейчас бесполезно. Он сделал шаг навстречу ей, и она не хотела превращать этот разговор в новую войну.

— Я услышала тебя, — спокойно ответила она.

— Надеюсь.

Софи открыла дверь и вышла из кабинета.

Каталина ждала её в гостиной. Стоило дочери появиться в дверях, как она тут же поднялась с дивана.

— Ну? Как всё прошло?

Софи остановилась перед ней. Её глаза всё ещё блестели от слёз, а на лице смешались усталость, облегчение и неверие в то, что разговор действительно закончился.

— Он согласился, мам.

Каталина на мгновение закрыла глаза, словно сама сдерживала нахлынувшие эмоции, а затем обняла дочь.

— Я так рада, моя девочка.

Она знала о группе Софи. Знала, как сильно дочь любит музыку и как меняется её лицо, когда она рассказывает о репетициях, новых песнях и выступлениях. И ей совсем не нравилось, что Софи приходилось скрывать эту часть своей жизни от дедушки.

Но Каталина понимала и другое: иногда человеку нужно самому найти в себе силы произнести правду, даже если близкие готовы поддержать его и разделить с ним всё, что он так долго держал в себе.

Ради дочери и её улыбки она была готова на многое.

Она не могла исправить то, что произошло с Адамом. Не могла собрать разбитое сердце Софи заново, словно хрупкую вазу, и вернуть всё на прежние места.

Но, возможно, это было и не нужно.

Иногда разбитое сердце нельзя починить. Можно лишь осторожно впустить в него что-то новое — немного света, немного тепла, несколько цветов, которые постепенно оживят то, что казалось навсегда увядшим.

И рядом с музыкой Софи действительно расцветала.

В её глазах снова появился блеск. В голосе звучала уверенность. Она говорила о будущем, строила планы, мечтала и больше не пыталась убедить себя, что не заслуживает счастья.

Каталина крепче обняла дочь.

— Я горжусь тобой, родная.

София уткнулась лицом в мамино плечо и впервые за весь вечер позволила себе заплакать не от страха, а от облегчения.

Она ещё не знала, что ждёт её впереди. Не знала, получится ли у SYLVARIX добиться успеха, сможет ли она однажды выйти на большую сцену и услышат ли люди песни, в которые она вкладывала частичку своей души.

Глава 35

Май наступил почти незаметно.

Ещё вчера Софи казалось, что до конца учебного года целая вечность, а сегодня она стояла у выхода из университетского корпуса с сумкой на плече и пыталась осознать, что второй год учёбы официально подошёл к концу.

— Не верится, — пробормотала она, глядя на ступени перед собой. — Мы действительно пережили ещё один год.

— Говори за себя, — отозвалась Дженна, поправляя солнечные очки. — Я пережила его исключительно на кофе, упрямстве и любви к Лиаму.

— Последнее особенно заметно, — усмехнулась Софи.

За последние месяцы многое изменилось. Весна принесла с собой не только окончание учебного года, но и ощущение, что жизнь постепенно возвращается в привычное русло. По крайней мере, теперь Софи уже не казалось, что каждый новый день требует от неё невероятных усилий.

Она пела. Писала песни. Репетировала до позднего вечера и выходила на сцену, чувствуя, как музыка заполняет пространство внутри неё, которое долго оставалось пугающе пустым.

И всё же некоторые вещи оставались неизменными.

Например, то, что она по-прежнему не могла заставить себя прийти на хоккейный матч.

Для Лиамы, Маркуса и Дина сезон завершился ещё одной победой. Гарвардские хоккеисты завоевали чемпионский титул ECAC Hockey, и парни вновь привезли домой трофей.

Дженна, разумеется, присутствовала на решающих матчах. Вместе с ней на трибунах сидели Сэм и Лейн Миллеры.

После смерти Адама они, кажется, ещё сильнее привязались к Маркусу. Возможно, потому, что слишком хорошо понимали, как легко можно потерять близкого человека. А возможно, потому, что Маркус, несмотря на свою привычку держать всех на расстоянии, тоже нуждался в семье.

Софи знала об их победе. Дженна присылала ей фотографии с трибун, Лиам рассказывал о самых напряжённых моментах, а Дин, конечно же, снял целую серию видео для своего канала.

Софи искренне радовалась за них.

Она просто болела за команду издалека.

Порой, когда Лиам забивал или Маркус делал особенно эффектный бросок, она ловила себя на том, что улыбается экрану телефона, словно находилась рядом с ними. Но на стадион так и не пришла.

Канал Дина продолжал набирать популярность.

У Дженны и Лиамы по-прежнему всё было сладко.

Настолько сладко, что под видео Дина регулярно появлялись комментарии о том, что они напоминают главных героев романтической комедии.

«Сладкая парочка, я не могу. Они даже ругаются так, будто через пять минут соберутся целоваться».

«Лиам смотрит на Дженну так, словно она изобрела кислород».

«Можно мне тоже такую любовь, пожалуйста?»

Дженна зачитывала подобные комментарии вслух и требовала от Лиамы подтверждения, что он действительно смотрит на неё именно так.

Лиам только смеялся и целовал её.

Маркус приобрёл собственную армию поклонниц. Хотя на его личной странице было всего две фотографии, этого оказалось более чем достаточно.

На первой он стоял рядом с Адамом. Снимок был сделан примерно четыре года назад, но даже тогда Маркус уже выглядел так, что на него невольно обращали внимание. Высокий, широкоплечий, с рельефными мышцами, которые отчётливо проступали под футболкой, он казался старше своих лет. В его облике уже угадывалась та самая уверенность, граничащая с дерзостью, а тяжёлый, пронзительный взгляд голубых глаз словно предупреждал окружающих, что лучше не испытывать его терпение. Даже на старой фотографии Маркус выглядел человеком, с которым мало кто решился бы связываться. Рядом с ним Адам улыбался своей привычной открытой улыбкой, и на их фоне особенно отчётливо проявлялась разница между ними: один располагал к себе с первого взгляда, другой заставлял задержать взгляд на себе, даже если этого совсем не хотелось.

Вторая фотография была сделана на первом курсе.

На ней они стояли у машины Дина со стаканами в руках, улыбаясь и смеясь. За их спинами виднелся дом, где проходила вечеринка. Лиам обнимал Дженну за плечи, Софи стояла рядом с Адамом, а Дин и Маркус смотрели в камеру с выражением людей, которые уже придумали какую-то глупость.

Они выглядели счастливыми.
Беззаботными.

И совершенно не подозревали, сколько всего им ещё предстоит пережить.

Под фотографиями Маркуса постоянно появлялись новые комментарии.

«Простите, но почему у него всего две фотографии? Нам нужно больше контента».

«Пожалуйста, пусть кто-нибудь заставит его улыбнуться. Я готова ждать всю жизнь».

Софи тоже замечала, как часто люди спрашивали о ней и Адаме под старыми фотографиями, особенно там, где они были вместе.

Она не удалила снимки со своей страницы. Не стала прятать воспоминания и не собиралась делать вид, будто Адама никогда не существовало.

Но отвечать на вопросы незнакомцев не хотела.

Когда комментариев стало слишком много, она просто закрыла возможность их оставлять.

Её боль не была частью контента. Она не собиралась объяснять людям, что именно чувствовала, как переживала потерю и почему до сих пор иногда просыпалась среди ночи с ощущением, будто забыла сделать что-то важное.

Не каждый должен был знать, что происходило у неё внутри.

Некоторые воспоминания принадлежали только ей.

SYLVARIX продолжали выступать в Blue Ember и репетировать при любой возможности.

К концу учебного года у Софи накопилось столько новых песен, что она уже начала задумываться о том, как они могли бы звучать в полноценном альбоме.

Она писала по вечерам, иногда просыпалась посреди ночи с новой мелодией в голове и записывала её на телефон, боясь забыть к утру. Некоторые песни рождались за считанные часы, другие требовали дней работы и десятков переделок.

У ребят были большие планы на лето.

Они хотели выступать чаще, записать несколько композиций в студии и попробовать заявить о себе за пределами университетских площадок.

Однако в составе произошли изменения: Кассиан покинул группу.

Решение не было лёгким, но они договорились и расстались без конфликтов. У него появились собственные планы, которые больше не совпадали с направлением SYLVARIX.

Теперь Гарри, Софи и Стивен поочерёдно сменяли друг друга за клавишными и гитарой, в зависимости от того, что требовала та или иная песня.

Иногда Гарри и Софи спорили о звучании песен до хрипоты, но оба прекрасно понимали, чего хотят добиться. Гарри по-прежнему мог быть невыносимым, однако в вопросах музыки ему нельзя было отказать в профессионализме.

Вечеринка по случаю окончания учебного года должна была состояться в доме братства.

— Мы закончили второй курс, детка! — объявила она, расположившись на диване в квартире Софи. — Мы обязаны отпраздновать это так, грандиозно.

Софи рассмеялась.

Дженна окинула взглядом гостиную, затем провела ладонью по спинке дивана.

— Кстати, я до сих пор не понимаю, как твоя мама умудрилась создать здесь такую красоту.

— У неё прекрасный вкус, — согласилась Софи.

— Это не просто вкус. Это талант. Посмотри на эту комнату! Если бы моя квартира выглядела так, я бы вообще никогда не выходила из дома.

— Ты бы всё равно ушла к Лиаму.

— Ладно, это другое.

Дженна поднялась с дивана и направилась к спальне.

— А теперь к главному вопросу. Что ты собираешься надеть?

Софи посмотрела на платье, которое приготовила заранее.

— Я думала надеть это.

Дженна взглянула на него, затем на подругу и покачала головой.

— Нет.

— Что значит «нет»?

— Это значит, что сегодня мы будем делать всё по-моему.

— Мне уже страшно.

— И правильно. — Дженна исчезла в спальне, а через минуту вернулась с двумя блестящими юбками. — Детка, твои ноги должны видеть свет.

Софи рассмеялась так громко, что Дженна торжествующе вскинула руки.

— Вот! Уже лучше. Ты должна чаще смеяться, Новарро. Это полезно для здоровья.

— Ты собираешься лечить меня одеждой?

— Я собираюсь лечить тебя правильной одеждой.

Дженна протянула ей мини-юбку морского оттенка, расшитую мелкими пайетками.

— Надевай. И не спорь.

Софи посмотрела на юбку, потом на подругу.

— А почему бы и нет?

В конце концов, она не видела причин отказывать себе в маленьком удовольствии.

Юбка мягко переливалась при каждом движении, отражая свет и подчёркивая линию талии. Софи дополнила её коротким топом в тон, оставлявшим открытой узкую полоску кожи над поясом юбки. Наряд получился смелее привычного, но при этом не выглядел чужим.

Она распустила волосы и завila их мягкими волнами. Две тонкие пряди у лица заплела в небольшие косички по бокам, убрав волосы от висков. На ноги надела босоножки на каблуке, а из украшений выбрала небольшие серьги и тонкую цепочку с музыкальной нотой — подарок, который по-прежнему никогда не снимала.

Последний взгляд в зеркало — и Софи улыбнулась своему отражению.

Она не пыталась выглядеть кем-то другим.

Просто позволила себе немного блеска.

Дженна тем временем тоже закончила собираться. На ней была такая же юбка с пайетками, только нежно-розовая. Она сочетала её с облегающим чёрным топом на тонких бретелях и короткой кожаной курткой, которую собиралась снять, как только они доберутся до вечеринки. Длинные каштановые волосы Дженна уложила крупными волнами, оставив их свободно лежать на плечах. Завершали образ чёрные босоножки на каблуке, небольшая сумочка и несколько тонких браслетов.

Когда подруги встали рядом перед зеркалом, Дженна довольно улыбнулась.

— Мы великолепны.

— Ты скромничаешь, — заметила Софи.

— Я знаю.

В этот момент зазвонил телефон.

Лиам сообщал, что уже подъехал.

— Наш транспорт прибыл, — торжественно объявила Дженна. — Прошу следовать за мной.

— Ты сегодня невыносима.

— Зато красива.

— С этим не поспоришь.

Девушки рассмеялись и направились к выходу.

Лиам ждал их у машины.

Увидев Дженну, он присвистнул.

— Ого.

— Вот теперь правильная реакция, — довольно заявила она, подходя к нему.

— Ты невероятно красивая.

— А вот теперь ты можешь меня поцеловать.

Лиам с готовностью подчинился.

Софи демонстративно отвернулась.

— Господи, дайте мне сил пережить этот вечер.

Они рассмеялись и отправились на вечеринку.

Дом братства уже гудел музыкой, когда они подъехали. Во дворе толпились студенты, из открытых окон доносились басы, а у входа кто-то громко спорил о результатах хоккейного сезона.

Внутри было жарко и шумно. В гостиной танцевали, на кухне толпились люди с напитками, а из соседней комнаты доносился чей-то пьяный смех.

Маркус и Дин расположились у длинного стола рядом с несколькими членами братства. Судя по выражениям их лиц и тому, как уверенно Дин жестикулировал, текила начала действовать задолго до приезда Лиамы.

— Когда вы успели так налакаться? — спросил Лиам, подходя к ним.

Дин поднял рюмку и задумчиво посмотрел на него.

— Это талант, Картер. Не всем дано.

— Судя по твоему лицу, талант этот лучше бы развивать в другом направлении.

— Не завидуй моему мастерству.

Дженна покачала головой, затем наклонилась и поцеловала сначала Маркуса, потом Дина в щёку.

— Фу. От вас несёт алкоголем.

Маркус посмотрел на неё с невозмутимым выражением.

— Дженна, это вечеринка. Чего ты ожидала? Аромата свежескошенной травы?

— От тебя я ожидала хотя бы попытки вести себя как человек.

— Слишком высокие требования для человека, который стал чемпионом! — усмехнулся

Маркус.

— Именно! — поддержал его Лиам, хлопнув Маркуса по плечу.

— Кто чемпионы?! — тут же подхватил Дин, вскидывая руку.

— **МЫ ЧЕМПИОНЫ!** — дружно заорали парни.

Дженна фыркнула, а Лиам рассмеялся.

Дин тем временем оглядел компанию.

— А где Софи?

Дженна кивнула в сторону кухни.

— Слушает лекцию от Гарри о том, что ей следует отправиться домой и лечь спать. Иначе он лично выволочет её.

Она не выдержала и рассмеялась.

Лиам покачал головой, Маркус усмехнулся, а Дин едва не поперхнулся собственным напитком.

— Боже, — выдавил он. — Я бы многое отдал, чтобы увидеть, как Гарри пытается тащить Софи куда-нибудь против её воли.

Все заулыбались.

Маркус медленно оглядел Софи с ног до головы.

Морская юбка переливалась в свете ламп, короткий топ подчёркивал тонкую талию, а распущенные волнистые волосы мягко обрамляли лицо. Она выглядела совсем не так, как обычно.

Маркус задержал на ней взгляд чуть дольше, чем собирался.

Затем повернулся к Дженне.

— И во что ты её одела?

Дженна проследила за его взглядом и довольно улыбнулась.

— В одежду, если ты вдруг не заметил.

— Ты плохо на неё влияешь.

— Спасибо. Я стараюсь.

Маркус усмехнулся.

— Это преступление — скрывать такое тело. Пусть хоть иногда окружающие пускают слюни. — сказала Дженна.

Маркус снова посмотрел на Софи.

На этот раз их взгляды встретились.

Она чуть приподняла брови, словно спрашивая, что он так пристально рассматривает, а затем улыбнулась уголком губ.

Маркус не отвёл глаз. Он медленно поднёс стакан к губам и допил текилу.

Дженна, заметила этот обмен взглядами, но ничего не сказала.

Лиам потянул её за руку.

— Потанцуем?

— Конечно.

Дженна схватила его за ладонь и увлекла за собой в толпу. Лиам последовал за ней, обняв за талию, и вскоре они уже двигались под музыку, совершенно забыв об окружающих.

Софи наконец освободилась от Гарри, который после очередного предупреждения о необходимости беречь голос отправился искать кого-то из участников группы.

Она направилась к столу, где сидели Дин и Маркус.

— Вы уже готовы, я смотрю, — заметила она, остановившись перед ними.

Дин поднял на неё взгляд.

— Новарро! А ты где шлялась? Мы тут уже успели обсудить все важные вопросы человечества.

— И какие же?

— Например, почему Маркус до сих пор не женился на своей единственной настоящей любви.

Софи посмотрела на Маркуса.

— И кто же это?

— Собственное отражение, — ответил Дин прежде, чем тот успел открыть рот.

Маркус показал ему средний палец.

— Очень содержательная беседа, — заключила Софи.

— А ты что, уже сбежала от своего надзирателя? — продолжил Дин. — Или Гарри ещё не закончил исполнять обязанности твоей мамы?

Софи закатила глаза.

— Как ты его терпишь? — спросил Дин. — Он же полный придурок.

— У меня иммунитет на придурков, — невозмутимо ответила Софи. — Пришлось выработать за 2 года общения с некоторыми людьми.

— Это ты сейчас про меня?

— Если узнал себя, значит, не зря учился.

Маркус рассмеялся.

Дин прижал ладонь к груди.

— Предательство. Я, между прочим, всегда был рядом.

— Именно поэтому иммунитет такой сильный.

— Ладно, — Дин махнул рукой. — Я прощаю тебя. Но только потому, что ты сегодня красивая.

Софи рассмеялась, затем повернулась к Маркусу.

— Где моя стопка, Деверо?

Маркус коротко кивнул кому-то за её спиной.

Через несколько секунд перед Софи появился один из парней со стопками текилы.

Она посмотрела на стопки, затем на Маркуса.

— Как предусмотрительно.

— Я стараюсь.

Софи взяла стопку и выпила залпом, даже не предложив никому чокнуться.

Дин уставился на неё.

— Ого! Гарри сейчас удар хватит. Его собственность, — он изобразил пальцами кавычки, — решила напиться.

Софи вытерла губы тыльной стороной ладони и расправила плечи.

— Передай ему, что я взрослая девочка.

Маркус рассмеялся.

Софи покачала головой и, не дожидаясь очередной шутки Дина, отправилась искать Дженну.

Музыка стала громче, свет мигал в такт басам, и впервые за долгое время Софи хотелось не думать.

Просто танцевать.

Просто смеяться.

Просто быть здесь.

Через некоторое время Софи уже чувствовала приятную лёгкость во всём теле. Она танцевала с Дженной, подпевала знакомым песням и несколько раз едва не столкнулась с незнакомыми студентами, каждый раз извиняясь со смехом.

Текила оказалась коварной.

Софи прекрасно это понимала, но вечер складывался так хорошо, что она не собиралась портить его размышлениями о последствиях.

В какой-то момент она снова оказалась у стола рядом с Маркусом. Они о чём-то шептались, стараясь перекрычать музыку, и оба смеялись над очередной историей, которую Маркус рассказывал ей на ухо.

— Да ладно тебе! — Софи легонько толкнула его плечом. — Ты серьёзно так сказал?

Маркус наклонился ближе, чтобы ответить, и Софи снова рассмеялась.

Именно в этот момент к ним подошёл Дин.

Он остановился напротив, сложил руки на груди и подозрительно прищурился.

— Так. Что здесь происходит?

Софи повернулась к нему.

— В каком смысле?

— Вы постоянно о чём-то шепчетесь. У вас какие-то секреты? Я начинаю ревновать.

Софи рассмеялась и, не раздумывая, обняла его за шею.

— Дин, для тебя у меня особое место в сердце. Никто его не заменит.

Она поцеловала его в щёку.

Дин тут же расплылся в улыбке.

— Вот. Вот за это я тебя и люблю.

Затем он повернулся к Маркусу.

— Деверо, ты что, споил мою девочку?

Маркус закатил глаза.

— Она сама прекрасно справляется.

— Не верю. Ты явно приложил руку.

— Могу подтвердить, — серьёзно сказала Софи, поднимая палец. — Виноват исключительно я.

Дин уставился на неё.

— Ты только что сказала «я» вместо «он».

Софи задумалась.

— Это потому, что я очень ответственная.

Маркус фыркнул, а Дин рассмеялся так громко, что несколько человек обернулись в их сторону.

Софи подняла свой почти пустой стакан.

— Предлагаю тост!

— О нет, — пробормотал Маркус.

— За меня! За Дина! И за Маркуса! — торжественно объявила она. — Потому что вы самые лучшие. Я вас люблю!

С этими словами она обняла обоих, прижавшись к ним с такой искренней нежностью, что даже Маркус не стал отстраняться.

Дин обнял её в ответ и поцеловал в макушку.

— Мы тоже тебя любим.

Все трое рассмеялись.

На несколько мгновений Софи почувствовала себя удивительно счастливой. Рядом были люди, с которыми можно было просто быть собой.

— Маркус, привет.

Женский голос заставил его повернуть голову.

Рядом стояла Стелла — высокая брюнетка с безупречным макияжем и уверенной улыбкой. Они были знакомы достаточно давно, чтобы понимать друг друга без лишних объяснений.

Она скользнула взглядом по его лицу и задержалась на губах.

— Как дела? Не хочешь найти место потише и немного уединиться?

Маркус медленно повернулся к ней всем корпусом.

— Сейчас я занят.

Стелла проследила за его взглядом и посмотрела на Софи, которая всё ещё стояла рядом с Дином.

В её глазах мелькнуло раздражение.

Софи заметила этот взгляд, но не придавала ему особого значения. Она слегка икнула, затем весело улыбнулась Стелле.

— Ой, мы не будем вам мешать.

— Но... — начал Дин.

Она уже взяла его под руку и потянула в сторону танцпола.

— Пойдём. Нам нужно срочно найти Дженну.

Дин с сомнением посмотрел на неё, но спорить не стал.

Через несколько шагов Софи отпустила его.

— Иди к Лиаму, — сказала она. — А я сейчас.

— Ты уверена?

— Абсолютно.

Дин прищурился, явно сомневаясь в её способности самостоятельно ориентироваться в пространстве, но в конце концов кивнул.

Софи направилась к группе студентов возле музыкальной аппаратуры.

Там стоял Мэйсон — парень, который учился на третьем курсе, а теперь на четвёртом. Увидев Софи, Мэйсон улыбнулся.

— Новарро! Рад тебя видеть.

— Привет, Мэйсон.

— Ты сегодня выглядишь потрясающе.

— Спасибо. Ты тоже неплохо выглядишь.

Он рассмеялся.

— Это, пожалуй, лучший комплимент, который я получил за вечер.

— Тогда тебе стоит чаще со мной разговаривать.

— Обязательно воспользуюсь советом.

Он протянул ей руку.

— Потанцуем?

Софи посмотрела на его ладонь, затем на него самого.

Почему бы и нет?

Она вложила руку в его ладонь, и Мэйсон повёл её к танцующим.

Маркус проводил Софи взглядом.

Она смеялась, запрокидывая голову, пока Мэйсон что-то говорил ей на ухо. Затем положила ладонь ему на плечо, и они начали двигаться в такт музыке.

Маркус медленно провёл языком по нижней губе.

Он не имел права предъявлять ей какие-либо претензии. Софи была свободна, могла разговаривать и танцевать с кем угодно.

По крайней мере, именно так он заставлял себя думать.

— Ты меня вообще слушаешь? — спросила Стелла.

Маркус перевёл на неё взгляд.

— Да.

— И о чём я говорила?

Он усмехнулся.

— Что хочешь уединиться.

Она обвила руками его шею и потянулась к нему.

Маркус ответил на поцелуй. Сначала неторопливо, затем жаднее, притягивая её ближе. Стелла довольно улыбнулась, когда он отстранился всего на несколько сантиметров.

— Так что там было за предложение? — спросил он, глядя ей в глаза.

— Думаю, я смогу напомнить тебе.

Она взяла его за руку и потянула за собой.

Маркус последовал за ней, больше не оглядываясь на танцпол.

Софи танцевала с Мэйсоном, позволяя музыке заглушить мысли. Ей хотелось лёгкости, беззаботного веселья и непринуждённого флирта — без обещаний, серьёзных разговоров и необходимости объяснять кому-либо свои чувства. Просто провести вечер, улыбаться, смеяться и хотя бы ненадолго почувствовать себя обычной девушкой, которой не нужно постоянно оглядываться на прошлое.

Мэйсон, похоже, воспринял её хорошее настроение как приглашение к более близкому знакомству. Он явно пытался с ней флиртовать: придвигался ближе, обнимал за талию и то и дело пытался притянуть её к себе. Софи не возражала против самого флирта, но и не собиралась позволять ему больше, чем ей хотелось. Когда его руки становились слишком настойчивыми, она ловко отстранялась, продолжая улыбаться и двигаться в такт музыке.

Сегодня Софи хотелось немного свободы. Лёгкости. Флирта, который ни к чему не обязывает.

И она позволила себе это.

Она не искала отношений. Даже не знала, сможет ли когда-нибудь снова полюбить так, как любила Адама. Ей было трудно представить, что однажды рядом с ней окажется человек, которому она сможет доверить всё, что осталось от её разбитого сердца.

Адам занимал в её душе особое место.

И никто не мог просто прийти и занять его.

Но означало ли это, что она должна навсегда отказаться от радости, флирта и новых знакомств?

Мэйсон что-то сказал ей, и она рассмеялась, положив голову ему на плечо на короткое мгновение. Он улыбнулся и осторожно закружил её в танце.

Её сердце всё ещё болело. Иногда сильнее, иногда почти незаметно, но боль никуда не исчезла.

Просто теперь рядом с ней существовало и что-то другое.

Желание жить.

Желание смеяться.

И если для этого ей нужно было иногда надевать блестящую юбку, танцевать до головокружения и флиртовать с симпатичным парнем, то в этом не было ничего плохого.

Она училась жить дальше.

Глава 36

Софи проснулась от ощущения, будто кто-то всю ночь методично бил её головой о стену. Она застонала и накрыла лицо подушкой, надеясь, что мир перестанет существовать хотя бы на ближайшие пять минут.

Не помогло.

Голова раскалывалась. Во рту пересохло, к горлу подкатывала тошнота, а каждый звук, доносившийся откуда-то из-за двери спальни, отдавался в висках болезненным эхом. Волосы превратились в запутанный кошмар, макияж размазался, а глаза покраснели настолько, что она наверняка могла бы напугать случайного прохожего.

Софи с трудом приподнялась на локтях и посмотрела на себя.

Вчерашняя одежда.

Прекрасно.

Она даже не переоделась перед сном.

Последнее, что девушка помнила более-менее отчётливо, — вечеринку, музыку и Мэйсона, который почему-то решил, что танец даёт ему право постоянно держать руки у неё на ягодицах. Дальше воспоминания превращались в набор разрозненных картинок, чужих голов и смеха.

— Господи, — прошептала Софи, осторожно спуская ноги с кровати. — Только не говорите, что я вчера натворила что-нибудь ужасное.

Квартира благоразумно промолчала.

Софи поднялась, нащупала рукой стену и медленно направилась в гостиную. Ей требовалась вода. Много воды. Возможно, целое озеро.

Но стоило ей переступить порог, как все мысли о спасительном стакане исчезли.

На диване спали два человека.

Под одним пледом.

Точнее, под пледом лежал Маркус, занимая большую часть дивана и выглядя так, словно ничто в этом мире не могло нарушить его сон. Рядом расположился Дин, наполовину сползший на край. Его футболка задралась, а брюки были приспущены настолько, что становилось ясно: в какой-то момент вчерашнего вечера он попытался раздеться, но сил на завершение процесса ему уже не хватило.

Софи несколько секунд молча смотрела на эту картину.

Потом набрала побольше воздуха.

— ВЫ ДВОЕ ЧТО ТУТ ДЕЛАЕТЕ?!

Маркус резко распахнул глаза. Дин дёрнулся так, словно его ударили током, и тут же схватился за голову.

— А-а-а! Софи, ты издеваешься?! — простонал он. — Ты вообще знаешь, что у меня голова сейчас расколется?!

— А ты вообще знаешь, что я не понимаю, почему вы спите на моём диване?!

— Не ори!

— Тогда объясни!

— Я бы с удовольствием, но для этого мне сначала нужно пережить ближайшие десять минут.

Маркус, не говоря ни слова, сел и провёл ладонью по лицу. Его волосы торчали в разные стороны, а на лице застыло выражение человека, который уже пожалел обо всех своих решениях за последние двадцать четыре часа.

— Доброе утро, София, — хрипло произнёс он.

Она медленно повернулась к нему.

— Не смей говорить мне «доброе утро», Деверо. Оно не доброе.

Уголок его рта дрогнул.

— Заметил.

— Я ничего не помню! — Софи в отчаянии взмахнула руками. — Вообще ничего! И, насколько я помню, Дин, ты собирался уехать с какой-то девушкой. Кажется, ты даже очень торопился.

Дин приоткрыл один глаз.

— Правда?

— Правда!

Он задумался, нахмурился и тут же пожалел об этом, схватившись за виски.

— Чёрт. Не помню, почему я вообще поехал к тебе домой.

— Великолепно. Просто великолепно.

Маркус поднялся с дивана. На нём были только штаны. Он совершенно не обращал внимания на возмущённый взгляд Софи, направившись напрямиком к холодильнику.

— Воды хочешь? — спросил он, доставая бутылку.

— Да!

— Тогда подожди.

— Маркус!

— София, если ты продолжишь кричать, у меня начнёт болеть голова ещё сильнее.

— У тебя и так болит голова!

— Именно. Не усугубляй.

Она стиснула зубы, решив, что спорить с ним в таком состоянии — всё равно что пытаться вести переговоры с кирпичной стеной.

В этот момент Дин вдруг оживился.

— Кстати, Софи, у тебя в ванной сюрприз.

Она повернула к нему голову.

— Какой ещё сюрприз?

Дин виновато улыбнулся.

— Небольшой.

— Блэквуд.

— Да?

— Что ты сделал?

— Я не хотел.

Софи почувствовала, как внутри зарождается нехорошее предчувствие.

Она развернулась и, придерживаясь за стену, направилась в ванную. Дверь открылась.

Несколько секунд стояла тишина.

Затем из ванной раздался вопль, от которого, вероятно, проснулись бы даже соседи на другом конце дома.

— НЕ-Е-Е-ЕТ! БЛЭКВУД, Я ТЕБЯ НЕНАВИЖУ!

— ПРОСТИ-И-И, РОДНАЯ! — донеслось из гостиной.

Софи зажмурилась.

На коврике перед ванной красовалось отвратительное доказательство того, что Дин вчера окончательно утратил контроль над собой.

Она прикрыла дверь, несколько раз глубоко вдохнула и вернулась в гостиную с выражением лица, обещавшим скорую расправу.

— Кто это будет убирать?

Дин поднял руку.

— Я бы предложил провести голосование, но боюсь, результат мне не понравится.

Маркус расхохотался.

Не просто усмехнулся, не прикрыл рот ладонью — он действительно рассмеялся, при-
слонившись бедром к кухонной тумбе.

Софи медленно повернулась к нему.

— Деверо.

Он продолжал улыбаться.

— Да, София?

— Ты уберёшь.

Улыбка исчезла с его лица.

— Нет.

— Что значит «нет»?!

— Ровно то, что ты слышала. Мне хватило того, что я вчера тащил тебя домой. Так что
пол помоешь сама.

Софи открыла рот, но не сразу нашла, что ответить.

— Я не могу поверить, что ты сейчас это сказал.

— А я не могу поверить, что Блэквуд до сих пор не убрал за собой.

— Эй! — возмутился Дин. — Я здесь жертва обстоятельств!

— Ты здесь источник проблемы, — отрезала Софи.

Она снова посмотрела на коврик и решительно кивнула самой себе.

— Всё. Я его выброшу.

— Разумное решение, — одобрил Маркус.

— А тебя я тоже когда-нибудь выброшу, Деверо.

— Только не забудь сначала вынести мусор.

Софи направилась к нему и показала средний палец. Она выхватила воду у него из рук
и сделала несколько больших глотков.

— Спасибо, — пробормотала она.

— Всегда пожалуйста.

Дин, наблюдавший за ними с дивана, вдруг приподнялся.

— Софи?

Она закрыла бутылку.

— Что?

— У меня есть ещё один неприятный сюрприз.

Софи медленно опустила руку.

— Дини, клянусь, если ты сейчас скажешь, что испортил ещё что-нибудь в моей квар-
тире...

— Кажется, твоя юбка пошла по швам.

Наступила тишина.

Софи посмотрела вниз.

Медленно.

Очень медленно.

На ткани действительно обнаружился разошедшийся шов сбоку.

— Боже мой, — выдохнула она. — Дженна меня убьёт.

— Ну, технически она может сначала спросить, что произошло, — предположил Дин.

— Я где-то зацепилась, но совершенно не помню где!

Маркус сделал глоток воды.

— Я помню.

Софи резко повернулась к нему.

— Что?

— Дверь такси.

Она уставилась на него.

— Я порвала юбку о дверь такси?

— Судя по всему.

— И ты мне не сказал?!

— Ты была слишком занята тем, что пыталась убедить водителя, будто он обязан включить песню, которую ты только что придумала.

Дин начал смеяться, но тут же застонал и схватился за голову.

— Не могу... Не могу смеяться. Это физически больно.

Софи закрыла лицо ладонями.

— Я больше никогда не буду пить.

— До следующей вечеринки, — заметил Маркус.

— Заткнись.

— Как скажешь.

Он направился обратно к дивану, собираясь снова лечь, а Софи подняла бутылку и сделала ещё один глоток.

И вдруг замерла.

В голове вспыхнул обрывок мелодии.

Несколько нот, едва различимых, но удивительно ясных. За ними последовали слова — не целые строки, а отдельные фразы, которые словно кто-то шепнул ей на ухо.

Софи моргнула.

И ещё раз.

Она даже не заметила, как вода потекла по губам, намочила подбородок и капнула на переднюю часть топа.

— София? — Маркус остановился. — Ты чего?

Дин посмотрел на неё, затем на мокрую ткань.

— Ты решила постирать юбку прямо на себе? Не поможет, Новарро. Сначала нужно снять её и...

— Тихо!

Дин замолчал.

Софи уже смотрела куда-то сквозь них, пытаясь удержать ускользающие ноты.

— Мне нужно срочно записать.

Она поставила бутылку на ближайшую поверхность и почти бегом направилась в спальню.

— София! — крикнул Маркус ей вслед.

— Не сейчас!

Парни переглянулись.

— Я за ней не побегу, — заявил Дин, осторожно поднимаясь с дивана. — У меня внутри всё перемещается с места на место.

Маркус вздохнул и всё-таки последовал за Софи.

В спальне она уже сидела перед синтезатором, судорожно нажимая клавиши и что-то записывая в блокнот. Волосы падали ей на лицо, на столе лежала открытая тетрадь, а рядом мигал экран ноутбука.

Она сыграла несколько нот, остановилась, зачеркнула строчку и тут же начала заново.

— Нет, нет, нет... — бормотала она. — Там было немного иначе.

Маркус появился в дверях и прислонился к косяку.

— Ты можешь объяснить, что происходит?

— Вчера вечером мне пришло вдохновение. Мелодия и слова. Или мне это приснилось, я не знаю. Но я должна срочно всё записать, пока не забыла!

Она снова заиграла.

Несколько аккордов прозвучали неуверенно, затем мелодия обрела форму. Софи нахмурилась, попробовала другую последовательность, и её лицо вдруг озарилось.

— Вот! Вот оно!

Маркус посмотрел на неё несколько секунд, после чего тяжело опустился на кровать.

— Если ничего не случилось, я спать.

— Конечно, — пробормотала Софи, не отрываясь от клавиш.

В дверях показался Дин. Он выглядел так, будто каждый шаг давался ему ценой невероятных усилий, но даже похмелье не могло заставить его отказаться от возможности позлить друзей.

— Новарро, — протянул он с хитрой улыбкой, — а тебя, оказывается, вдохновляют руки Мэйсона на твоей заднице?

Софи продолжала играть.

— Не знал, что ты такая извращенка. А то бы Деверо тебе свой член показал...

— Завали, идиот, — лениво отозвался Маркус, не открывая глаз.

Дин просиял.

— О-о-о. А я смотрю, кого-то эта тема особенно заинтересовала.

— Дин, пожалуйста, замолчи, — попросила Софи, не прекращая записывать. — Мне нужно сосредоточиться.

— Творческий человек, — вздохнул он. — Ты бы хоть помылась для начала.

— Дин.

— Всё, молчу.

Он поднял руки в знак капитуляции, хотя улыбка на его лице говорила об обратном.

Софи больше не обращала на него внимания. Она играла, записывала, возвращалась к началу, меняла аккорды и напевала мелодию себе под нос. Постепенно в голове складывались строки. Пока ещё неровные, местами бессвязные, но в них было что-то настоящее — чувство, которое она давно пыталась выразить и никак не могла подобрать для него слов.

Маркус, не выдержав однообразного шума, в конце концов действительно уснул.

Дин отправился на кухню, объявив, что ему необходимо восстановить силы. Вскоре оттуда донеслись звуки открывающихся шкафчиков, шуршание упаковок и тихое бормотание о том, что в этом доме совершенно нечего есть.

Судя по всему, он решил съесть половину содержимого холодильника, прежде чем вернуться в гостиную и окончательно отключиться на диване.

А Софи продолжала играть.

Время перестало иметь значение. Головная боль постепенно отступила на второй план, а шум вечеринки сменился музыкой, которую она сама создавала. Ей больше не нужно было думать о том, как она выглядела вчера, что говорила Мэйсону или каким образом умудрилась порвать юбку. Всё это казалось далёким и неважным.

Остались только клавиши, блокнот и мелодия.

Софи не знала, откуда она пришла. Не понимала, почему именно эти слова вдруг обрели для неё смысл. Но с каждой новой строчкой внутри становилось удивительно спокойно.

Она остановилась, перечитала написанное и снова сыграла начало.

На этот раз мелодия прозвучала так, как нужно.

Софи медленно улыбнулась.

Возможно, вчерашняя вечеринка подарила ей не только чудовищное похмелье, испорченную юбку и коврик, который теперь придётся выбросить.

Возможно, среди смеха, танцев и обрывков воспоминаний она нашла нечто гораздо более ценное.

Песню.

И, кажется, не просто песню.

Кажется, у SYLVARIX появился будущий хит.

Глава 37

Софи принесла песню на первую же репетицию после того, как окончательно привела её в порядок.

Она почти не спала предыдущей ночью, переписывая отдельные строчки, меняя аккорды и снова возвращаясь к первоначальной мелодии. На этот раз перед ней лежал не просто набросок, рождённый после вечеринки и чудовищного похмелья. Это была законченная композиция, в которой каждая строчка имела собственный смысл, а музыка передавала чувства, для которых Софи раньше не находила слов.

— Так, ребята, мне нужно кое-что вам показать, — объявила она, положив блокнот на стойку рядом с синтезатором.

Дэвид первым заглянул в записи.

— Ты написала новую песню?

— Да.

— И молчала?!

— Дэвид, я написала её буквально несколько дней назад.

— Несколько дней?! — Он театрально прижал ладонь к груди. — А я всё это время жил в неведении! Как ты могла так со мной поступить?

— Переживёшь.

— Не уверен.

Софи рассмеялась, но, когда Гарри взял блокнот и начал читать текст, её улыбка стала осторожнее.

Он не произнёс ни слова. Пробежал глазами по строчкам, вернулся к началу, а затем посмотрел на неё.

— Сыграй.

Софи села за синтезатор.

Первые ноты прозвучали негромко. Постепенно мелодия наполнила студию, и разговоры стихли. Даже Дэвид перестал шутить, прислонившись к стене и внимательно слушая.

Когда Софи закончила, Гарри ещё несколько секунд молчал.

— Ещё раз, — наконец сказал он.

Она удивлённо посмотрела на него.

— Что?

— Сыграй ещё раз. Мне нужно понять, как лучше построить вокальную партию.

Это было всё, что ей требовалось услышать.

Они принялись работать.

Гарри предложил изменить несколько строчек в припеве, Софи добавила новую последовательность аккордов, Стивен подобрал партию клавишных, а Рони предложил другой ритм для второго куплета. Дэвид принялся экспериментировать с гитарными партиями и переходами между частями композиции.

Они спорили, возвращались к первоначальным вариантам, переписывали отдельные фрагменты и снова начинали сначала.

И чем больше они работали, тем яснее становилось: у песни есть потенциал.

Не просто хорошей композиции для выступлений в небольшом клубе.

Чего-то большего.

Дальше всё происходило стремительно.

Дин помог организовать запись в студии и договорился о времени, когда группа могла работать без ограничений. Благодаря его связям и настойчивости они получили возможность сосредоточиться на музыке, не отвлекаясь на бесконечные организационные вопросы.

Начались недели, которые слились для Софи в один бесконечный рабочий день.

Они приходили в студию утром и возвращались домой глубокой ночью. Записывали вокал, сводили инструменты, переслушивали каждую дорожку, исправляли малейшие неточности. Иногда одна партия занимала несколько часов, а иногда приходилось полностью переделывать то, что накануне казалось идеальным.

Гарри был беспощаден к деталям.

— Ещё раз, — говорил он, когда Софи снимала наушники.

— Гарри, я уже записала это двенадцать раз!

— И в тринадцатый получится лучше.

— Я тебя когда-нибудь придушу.

— Только после того, как закончишь вокал.

Дэвид смеялся, Стивен качал головой, а Рони стучал палочками по колену, отсчитывая время до следующего дубля.

И Софи снова надевала наушники.

Потому что Гарри, как бы сильно он её ни раздражал, часто оказывался прав.

Они записывали песню за песней, постепенно превращая разрозненные композиции в полноценный альбом. Некоторые произведения Софи написала ещё зимой, другие появились весной, а несколько родились непосредственно во время работы над альбомом.

Она больше не боялась предлагать собственные идеи. Не ждала, пока кто-то разрешит ей высказаться, и не пыталась подстроить каждую мелодию под чужие ожидания.

Музыка становилась её собственным языком.

A SYLVARIX помогали ей говорить на нём всё увереннее.

Лето почти полностью прошло мимо неё.

Пока другие студенты ездили на пляжи, устраивали вечеринки и публиковали фотографии из путешествий, Софи проводила дни за микрофоном, синтезатором или ноутбуком. Она могла забыть пообедать, засидеться над текстом до рассвета и не заметить, как за окном начало светать.

При этом она была по-настоящему счастлива.

У неё появилось ощущение, что она движется туда, куда хочет сама.

Лиам и Маркус тем временем почти всё лето работали в автомастерской. Также, они готовились к новому хоккейному сезону, стараясь улучшить физическую форму и не терять игровую практику. Дин продолжал заниматься своим каналом и помогал группе с организационными вопросами, когда мог.

Софи несколько раз выбиралась к Миллерам. Она ужинала с Сэмом и Лейн, разговаривала с ними о музыке и рассказывала о том, как продвигается запись. Лейн каждый раз интересовалась, достаточно ли Софи спит, а Сэм неизменно спрашивал, как идут дела с учёбой.

На последний вопрос Софи отвечала уклончиво.

Потому что сама предпочитала об этом не думать.

Всё её внимание было приковано к альбому.

И вот однажды вечером, после очередного долгого рабочего дня, они закончили последнюю запись.

Дэвид первым поднял руки вверх.

— МЫ ЭТО СДЕЛАЛИ!

— Не кричи мне в ухо! — возмутился Стивен.

— Мы сделали альбом! — Дэвид обнял его за плечи и потряс так, будто собирался встряхнуть из него остатки усталости. — Настоящий альбом!

Софи сидела перед компьютером и смотрела на список готовых композиций.

Их было достаточно, чтобы заполнить целый диск.

И все они теперь принадлежали одному большому проекту, который ещё несколько месяцев назад казался ей чем-то далёким и почти недостижимым.

— У нас есть альбом, — тихо произнесла она.

Гарри стоял за её спиной.

— У нас есть хороший альбом, — поправил он. — Теперь посмотрим, что скажут люди.

Софи улыбнулась.

Она ещё не знала, насколько скоро узнает ответ.

Девятого августа Софи исполнилось двадцать лет.

Она не устроила вечеринку, не пригласила друзей и даже не стала заказывать торт.

Утром Дженна появилась у неё с коробкой пончиков и подарочным пакетом, а вечером Софи обнаружила на столе записку от Дина с поздравлениями и обещанием, что однажды он заставит её отпраздновать день рождения как следует.

Сама именинница в это время сидела в студии и обсуждала последние детали выпуска альбома.

— София Новарро, — произнесла Дженна, остановившись перед ней со скрещёнными на груди руками. — Ты можешь объяснить, что с тобой не так?

Софи подняла голову от ноутбука.

— Доброе утро?

— Не смей менять тему! У тебя день рождения!

— Я помню.

— И?

— И что?

Дженна прикрыла глаза.

— Господи, дай мне терпения.

— Дженна, нам нужно закончить последние правки. До выпуска осталось всего несколько дней.

— Ты могла хотя бы поужинать со мной!

— Мы можем поужинать завтра.

— А послезавтра ты скажешь, что нужно проверить сведение. Потом — что нужно согласовать обложку. А потом внезапно наступит Рождество, и ты объявишь, что не можешь прийти, потому что у тебя не готова новая песня!

Софи рассмеялась.

— Я обещаю, что мы отпразднуем.

— Когда?

— Когда всё будет готово.

Дженна посмотрела на неё так, словно собиралась немедленно отобрать у неё ноутбук.

— Я тебя ненавижу.

— Нет, не ненавидишь.

— Именно поэтому я до сих пор здесь.

Она поставила перед Софи коробку с пончиками и поцеловала её в макушку.

— С днём рождения, дурочка.

Софи улыбнулась и крепко обняла подругу.

— Спасибо.

А затем, к огромному возмущению Дженны, снова повернулась к компьютеру.

Двенадцатого августа альбом SYLVARIX появился на музыкальных платформах.

Софи проснулась рано, хотя накануне легла далеко за полночь. Она сразу потянулась за телефоном и открыла страницу группы.

Альбом был там.

Настоящий. Доступный для прослушивания.

Она смотрела на обложку, на название, на список композиций, не в силах до конца поверить, что они действительно дошли до этого момента.

— Ну что? — спросила Дженна, заглянув в комнату.

— Он вышел.

— Я знаю. Я уже слушаю его по третьему кругу.

— Дженна!

— Что? Он великолепный!

Софи засмеялась, но почти сразу снова посмотрела на экран.

Ей хотелось увидеть первые отзывы. Услышать, что думают люди. Понравится ли им музыка, поймут ли они тексты, почувствуют ли то, что она пыталась передать каждой строчкой.

Однако в этот день Лиам, Маркус и Дин уже уехали на хоккейные сборы. Они заранее предупредили, что несколько недель будут заняты тренировками и подготовкой к сезону.

Дин обещал следить за новостями группы даже оттуда.

Маркус пожелал ей удачи коротким сообщением, а Лиам прислал фотографию команды с подписью, что они верят в неё.

Софи ответила каждому, после чего вернулась к работе.

Прошла неделя с момента выхода альбома.

И телефон начал вибрировать без остановки.

Сначала сообщение от Дэвида.

Потом звонок от Дженны.

Потом Гарри, который буквально ворвался в студию, держа перед собой телефон.

— Софи.

Она подняла голову.

— Что?

— Ты видела?

— Что именно?

Гарри молча протянул ей экран.

Софи посмотрела.

И перестала дышать.

Их песня занимала первое место в музыкальном чарте.

Та самая.

Та, которую она написала после вечеринки, с раскалывающейся головой, запутанными волосами и ощущением, что мир собирается развалиться на части.

Та, которую она едва успела записать, прежде чем мелодия исчезла бы из памяти.

Её слушали тысячи людей.

Затем десятки тысяч.

Прослушивания росли с такой скоростью, что Софи несколько раз обновляла страницу, уверенная, что произошла какая-то ошибка.

Но цифры не исчезали.

Они продолжали увеличиваться.

Комментарии появлялись один за другим. Люди публиковали отрывки песни, делились любимыми строчками, снимали видео под припев и писали, что композиция задела их до глубины души.

Кто-то рассказывал, что слушает её после расставания.

Кто-то признавался, что песня помогла пережить тяжёлую неделю.

Кто-то просто писал, что не может перестать слушать.

Софи читала эти сообщения, и у неё дрожали пальцы.

— Они поняли, — прошептала она.

Гарри присел рядом.

— Да.

— Гарри, они действительно поняли.

Она не могла объяснить, почему именно это казалось ей важнее цифр и первого места в чарте.

Люди слышали не просто красивую мелодию.

Они почувствовали то, что она вложила в неё.

И это было невероятно.

Софи закрыла лицо руками, пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями.

Она столько времени боялась, что её песни никому не будут нужны. Что её музыка останется чем-то личным, понятным только ей самой. Что люди увидят в ней лишь девушку из обеспеченной семьи, которая решила поиграть в артистку.

Но теперь они слушали.

И им было не всё равно.

Впервые она ощутила, что её творчество действительно может иметь значение для других людей.

И это чувство невозможно было сравнить ни с чем.

Успех альбома привлёк внимание музыкальных продюсеров и нескольких компаний, работающих с молодыми исполнителями.

Предложения посыпались почти одновременно.

Одни хотели заключить с SYLVARIX контракт на дальнейшую запись и продвижение. Другие интересовались отдельными композициями, а третьи предлагали Софи развивать сольную карьеру.

Она не успевала отвечать на письма и разбираться в условиях, которые ей присылали.

Всё это казалось невероятным.

Ещё недавно она выступала в небольшом баре и радовалась, когда публика подпевала знакомому припеву. Теперь люди, о которых она раньше читала только в статьях, хотели работать с ней.

Но вместе с возможностями возникла и проблема.

Кому принадлежали песни?

В группе никто не сомневался, что Софи написала большую часть материала. Гарри тоже внёс вклад в некоторые композиции, а остальные участники помогали создавать аранжировки и доводить песни до окончательного звучания. Однако именно имя Софи стояло в авторских данных той композиции, которая взлетела на вершину чарта.

Альберто Новарро узнал об успехе внучки практически сразу.

Он не стал звонить ей с поздравлениями и не ограничился коротким сообщением. Вместо этого он собрал все поступившие предложения, передал их своему юристу и лично изучил каждый документ.

Досконально.

Он проверил условия передачи прав, размер вознаграждения, порядок начисления роялти, сроки действия соглашений и обязательства, которые могли ограничить будущую карьеру Софи.

Особое внимание он уделил авторству.

Альберто прекрасно понимал, насколько опасно подписывать первый попавшийся контракт, когда молодой исполнитель внезапно становится востребованным. Одно неосторожное соглашение могло лишить Софи контроля над собственными песнями на годы вперёд.

Поэтому он решил действовать сам.

Без согласования с внучкой.

В итоге Альберто добился того, чтобы будущие соглашения закрепляли за Софи статус самостоятельного исполнителя и автора её собственных произведений. В документах её имя указывалось как имя автора, а исключительные права на созданные ею песни оставались за ней. Права на совместно написанные композиции оформлялись отдельно, в соответствии с реальным вкладом каждого автора.

Группе предоставлялось разрешение исполнять и записывать её песни на согласованных условиях. При этом использование композиций ограничивалось рамками договора, а авторские отчисления и порядок дальнейшего использования произведений были прописаны отдельно.

Никакой бессрочной передачи её каталога в чужие руки.

Никакого автоматического перехода всех прав к группе или компании.

И никакой возможности просто исключить имя Софи Новарро из списка авторов.

Альберто также настоял на том, чтобы в документах её не представляли исключительно как участницу SYLVARIX. Софи Новарро должна была фигурировать как самостоятельный исполнитель, способный развивать собственную карьеру независимо от группы.

Для него это было принципиально.

Он не собирался позволять кому-либо использовать талант его внучки, не обеспечив ей юридической защиты.

Вскоре соглашение было подготовлено к подписанию на несколько лет вперёд. Оно предусматривало сотрудничество Софи с музыкальной компанией и отдельно оговаривало условия, на которых SYLVARIX могли исполнять её песни.

Всё выглядело продуманно.

Всё было защищено.

И всё это произошло без ведома самой Софи.

Гарри узнал об условиях соглашения раньше неё.

Он прочитал документы, которые поступили группе, и сначала решил, что неправильно понял формулировки.

Затем перечитал их снова.

И ещё раз.

— Это что вообще такое? — спросил он, швырнув бумаги на стол в студии.

Дэвид, сидевший у гитары, поднял голову.

— Что случилось?

— Ты видел контракт?

— Какой именно?

— Наш!

Гарри ткнул пальцем в первую страницу.

— Здесь Софи указана как самостоятельный исполнитель. Её песни остаются за ней, а группе предоставляется разрешение на использование материала. Они даже не обязаны продлевать его на следующих альбомах, если не договорятся отдельно!

— Ну... это логично, если она автор, — осторожно заметил Дэвид.

— Логично?! Мы вместе работали над этим альбомом!

— Над аранжировками и звучанием, да. Но ты же знаешь, кто написал слова и мелодии. Гарри резко поднялся.

— Дело не только в этом! Мы группа! Мы должны двигаться вместе!

— И никто не говорит, что вы не можете продолжать работать вместе.

— Тогда почему она подписывает отдельный контракт?!

Дэвид посмотрел на него с усталостью.

— Потому что у неё есть собственная карьера, Гарри. И потому что её семья решила защитить её интересы.

— Её семья, — с презрением повторил Гарри. — Конечно. Опять её семья всё решила за всех.

Он забрал бумаги и направился к выходу.

— Я хочу поговорить с Софией.

Софи узнала о случившемся от него самого.

Гарри появился в студии, когда она обсуждала с менеджером будущие выступления. Он даже не поздоровался.

— Ты можешь объяснить, что происходит?

Она удивлённо посмотрела на него.

— О чём ты?

Он бросил перед ней распечатанный контракт.

— Об этом!

Софи взяла документы и начала читать.

Сначала она не поняла, что именно так разозлило Гарри. Потом заметила своё имя в разделе, посвящённом сольному исполнителю, и нахмурилась.

— Подожди. Что это?

— Вот и я хочу знать! — резко ответил он. — Почему ты подписываешь отдельный контракт, не сказав нам ни слова?

— Я ничего не подписывала.

Гарри замолчал.

— Что?

— Я говорю, что ничего не подписывала, Гарри. Я впервые вижу эти документы.

Он недоверчиво посмотрел на неё.

— Ты хочешь сказать, что не знала об этом?

— Да!

Софи снова пробежала глазами по страницам. Чем дальше она читала, тем яснее понимала, что произошло.

Дедушка.

Конечно, Альберто.

Она даже не стала спрашивать, откуда он узнал о предложениях и как сумел так быстро подготовить документы. Это было в его стиле: если он считал что-то необходимым, то предпочитал сначала всё организовать, а уже потом сообщать о решении.

— Я поговорю с ним, — сказала она наконец.

— Вот и поговори. Потому что со стороны это выглядит так, будто ты решила использовать группу, чтобы добиться известности, а теперь собираешься уйти в сольный проект.

Софи подняла на него глаза.

— Ты действительно так обо мне думаешь?

Гарри отвёл взгляд.

— Я не знаю, что думать.

— Тогда не делай выводов, пока не узнаешь правду.

— А когда ты собиралась нам рассказать?

— Когда сама об этом узнаю!

Он сжал челюсти.

— Знаешь что, София? Я думал, мы работаем вместе. Что мы строим что-то общее. Но, похоже, у нас разные представления о том, что значит быть группой.

— Гарри...

— Не надо.

Он развернулся и ушёл.

Софи осталась стоять с документами в руках.

Она не понимала, почему он решил, что она предала их. Она не просила дедушку вмешиваться и не собиралась бросать SYLVARIX.

Но Гарри уже не хотел слушать.

В следующие дни он почти не разговаривал с ней.

На репетициях он обсуждал музыку с остальными, отвечал на рабочие вопросы Софи, если это было необходимо, но больше не шутил с ней и не задерживался рядом после окончания занятий.

Когда она пыталась поговорить с ним, он находил повод уйти.

Дэвид несколько раз пытался их помирить.

— Гарри, она не виновата, что её дедушка решил всё за неё, — убеждал он его после очередной репетиции.

— Она могла бы хотя бы попытаться остановить его.

— А ты не думаешь, что она сама в шоке?

— Мне нужно время.

Софи тоже не собиралась бегать за Гарри.

Она понимала, почему его задело решение Альберто. Для Гарри группа была не просто работой, а проектом, которому он посвятил много времени и сил. Он хотел, чтобы SYLVARIX добились успеха вместе.

Но она не собиралась извиняться за то, что у неё появлялась возможность самостоятельно распоряжаться собственным творчеством.

Если Гарри хотел считать её предательницей, переубеждать его любой ценой она не собиралась.

Лиам, Маркус и Дин вернулись с хоккейных сборов в конце августа.

Дин едва переступил порог их дома, как начал разговор о том, что происходило в сети.

— София Новарро, ты вообще понимаешь, что ты сделала?!

Софи, сидевшая на диване с ноутбуком, подняла голову.

— Добро пожаловать домой, Дин.

— Нет, серьёзно! Я видел статистику! Видел чарты! Видел видео людей, которые снимают себя под эту песню! У нас теперь настоящие фанаты!

Он подлетел к ней и обнял так крепко, что она едва не уронила ноутбук.

— Дин, осторожнее!

— Я горжусь тобой!

Она рассмеялась.

— Спасибо.

— Нет, ты не понимаешь. Я всегда говорил, что у тебя талант, но теперь это официально!

Люди слушают твою музыку! И не только наши знакомые!

Лиам улыбался, стоя рядом.

— Он всю дорогу об этом говорил.

— Потому что это невероятно! — возмутился Дин. — Мы должны отпраздновать!

Маркус подошёл к Софи последним.

Он выглядел уставшим после сборов, но, увидев её, улыбнулся своей привычной самоуверенной улыбкой.

— Ну что, София? Теперь ты звезда?

— Пока нет.

— Скромность тебе не идёт.

— А тебе не идёт самодовольство.

— И всё же ты улыбаешься.

Софи закатила глаза, но не смогла скрыть улыбку.

Маркус обнял её за плечи и слегка притянул к себе.

- Я рад за тебя, София. Правда.
В его голосе не было привычной насмешки.
И от этого простого признания ей стало особенно тепло.
- Спасибо, Маркус.
- Я до сих пор не могу поверить, что твоя песня на первом месте! — взвизгнула Дженна.
- Я говорила тебе, что она потрясающая! Я говорила!
- Ты говорила это про каждую песню, которую я написала за последние полгода.
- Потому что они потрясающие!
- Дженна...
- Не спорь со мной! Сегодня я права во всём!
- Дин засмеялся.
- Вот теперь я точно дома.
- Вечер обещал быть прекрасным.
- Пока Дин, листая телефон, не наткнулся на статью.
- Э-э... ребята?
- Что ещё? — спросил Лиам.
- Дин нахмурился.
- Здесь написано, что между участниками SYLVARIX возник конфликт из-за авторских прав и сольного контракта Софи Новарро.
- В комнате стало тихо.
- Дин продолжил читать.
- Журналисты пишут, что вы с Гарри поссорились из-за того, что ты собираешься отделиться от группы и забрать свои песни с собой.
- Софи медленно выдохнула.
- Разумеется.
- Дин пролистал статью.
- Здесь ещё написано, что Гарри якобы чувствует себя преданным.
- Софи даже не стала спрашивать, откуда журналисты узнали о конфликте.
- Гарри устроил в интернете целый спектакль. Пусть он не называл её имени в каждом сообщении, но намёков было достаточно, чтобы поклонники быстро сложили два и два.
- Она закрыла глаза на секунду.
- Ей было неприятно, что личные разногласия превратились в публичное обсуждение. Ещё неприятнее было осознавать, что люди, которые ничего не знали об их работе и отношениях внутри группы, теперь строили догадки о её мотивах.
- Но кое в чём Софи была уверена.
- Дедушка поступил правильно, защитив её авторские права.
- Да, он не должен был принимать решение за неё, не обсудив его заранее. Однако сама идея сохранить за ней контроль над её песнями не была предательством.
- И если Гарри не мог этого понять, она не собиралась отказываться от собственных прав только ради того, чтобы ему стало спокойнее.
- Я не собираюсь отказываться от контракта только потому, что Гарри злится.
- Маркус внимательно посмотрел на неё.
- И правильно.
- Ты даже не знаешь всех деталей.
- Зато я знаю тебя.
- Она встретила с ним взглядом.
- Маркус пожал плечами, словно не сказал ничего особенного.
- Софи слабо улыбнулась.
- Спасибо.

— Не благодари. Лучше скажи, когда мы идём праздновать твой успех.

— Вы все сговорились?

— Конечно, — ответил Дин. — Мы хоккеисты. Мы умеем работать в команде.

Лиам рассмеялся, а Дженна снова начала перечислять все причины, по которым они обязаны устроить вечеринку.

Начало учебного года приближалось.

Университет готовил традиционное мероприятие для первокурсников, которое одновременно служило приветственным шоу для студентов после летних каникул. В программе были выступления чирлидеров, музыкальные номера и презентации студенческих организаций.

SYLVARIX пригласили выступить на открытии.

Для группы это была отличная возможность показать новый материал перед большой аудиторией.

Софи с головой погрузилась в подготовку.

Они репетировали почти каждый день, обсуждали сценическое оформление, подбирали композиции и согласовывали переходы между номерами. Чирлидеры отрабатывали собственную программу, а музыканты старались добиться того, чтобы всё шоу выглядело единым целым.

Гарри продолжал работать с Софи на сцене.

Он пел свои партии, обсуждал музыку и исправлял моменты, которые требовали доработки. Когда Софи предлагала изменить что-то в композиции, он отвечал по делу. Если требовалось повторить номер, он просто давал знак начать сначала.

Но ни одного лишнего слова.

Они могли стоять рядом перед микрофонами, исполнять песню, которую создали вместе, и при этом оставаться совершенно чужими людьми.

Софи не нравилось происходящее, но она не позволяла этому мешать работе.

Однажды после репетиции Дженна застала её за сбором нот и проводов.

— Ты собираешься и дальше делать вид, что тебя совершенно не волнует Гарри?

Софи посмотрела на неё.

— А что я должна делать?

— Не знаю. Поговорить с ним ещё раз?

— Я пыталась.

— И?

— Он не хочет разговаривать.

Дженна скрестила руки на груди.

— Тогда забей.

Софи невольно рассмеялась.

— Какое глубокое и мудрое решение.

Софи задумалась.

— Я не хочу, чтобы группа распалась из-за этого.

— И не распадётся. Гарри просто нужно время, чтобы остыть.

— Думаешь?

— Уверена. Он слишком любит музыку, чтобы позволить личной обиде разрушить всё, над чем вы работали.

Софи посмотрела на сцену, где ещё несколько минут назад они вместе исполняли новую песню.

Она надеялась, что Дженна права.

Потому что SYLVARIX были для неё гораздо большим, чем просто группой. Это было место, где она нашла себя, где научилась доверять собственному голосу и где впервые за долгое время почувствовала, что может создавать что-то по-настоящему своё.

И она не собиралась от этого отказываться.

— Ладно, — сказала Софи, убирая ноты в папку. — Пусть остывает.

— Вот и умница.

— Но если он продолжит так себя вести, я сама начну петь все его партии.

Дженна рассмеялась.

— Боже, я бы заплатила за то, чтобы это увидеть.

Софи улыбнулась.

Впереди было выступление, новый учебный год, контракт и целая череда возможностей, о которых она раньше даже не смела мечтать.

У неё появилась песня, которую слышали тысячи людей.

Появился шанс строить собственную карьеру.

И, что было не менее важно, рядом оставались друзья, которые верили в неё.

Гарри мог злиться сколько угодно. Софи не собиралась больше оправдываться за то, что нашла собственный голос.

Она знала, чего хочет.

И теперь у неё хватало смелости идти к этому.

Даже если по дороге придётся столкнуться с теми, кого она считала своими.

Глава 38

Концерт для студентов и первокурсников прошёл лучше, чем Софи могла себе представить.

С самого утра университетский кампус гудел от предвкушения праздника. На площадке перед сценой собирались студенты, кто-то занимал места поближе, кто-то снимал происходящее на телефон, а участники университетских клубов сустились за кулисами, стараясь успеть подготовиться к началу выступлений.

Когда зазвучали первые аккорды, Софи почувствовала, как волнение уступает место привычному азарту. Свет прожекторов ударил в глаза, из толпы донеслись радостные крики, и она невольно улыбнулась.

Они исполнили три песни.

Первой была композиция, с которой SYLVARIX уже выступали раньше, второй — одна из любимых песен Гарри. А третьей стала та самая мелодия, написанная Софи после вечеринки, когда голова раскалывалась от похмелья, а мысли неожиданно складывались в слова и музыку. Та, что всего за неделю после выхода альбома добралась до верхних строчек музыкальных чартов.

Стоило первым знакомым нотам разнестись над площадкой, как толпа отреагировала мгновенно. Кто-то закричал название песни, кто-то поднял телефон повыше, чтобы снять выступление, а несколько голосов в первых рядах уже подпевали.

Софи на секунду растерялась.

Она записывала её в тишине своей квартиры, не зная, услышит ли когда-нибудь кто-нибудь её песню и почувствует ли то, что она пыталась вложить в каждую строчку. А теперь её слова пели сотни людей.

И она была здесь. На сцене. Вместе с ними.

Но сюрпризы на этом не закончились.

Репетиции с Дэвидом не прошли даром. Он заставлял Софи снова и снова отрабатывать движения, поправлял её положение, показывал, как чувствовать ритм не только голосом, но и всем телом. Иногда она ворчала, что он слишком требователен, но теперь была готова признать: он знал, что делал.

Когда к выступлению присоединилась группа поддержки, Софи не потерялась среди танцоров и не выглядела так, словно её случайно поставили не на то место. Она двигалась уверенно, легко подхватывая хореографию, и умудрялась одновременно петь, танцевать и улыбаться так естественно, будто занималась этим всю жизнь.

Дэвид, наблюдавший за ней с другой стороны сцены, едва заметно кивнул, словно говорил: *Я же тебе говорил.*

Софи ответила ему широкой улыбкой.

Пели все.

Гарри уверенно держал свою партию, Дэвид играл на гитаре, Стивен и Рони создавали плотное, энергичное звучание, а Софи чувствовала себя частью чего-то по-настоящему большого.

И вдруг у неё защипало глаза.

От счастья.

Софи быстро моргнула, пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями. Она не хотела расплакаться прямо посреди выступления, особенно когда микрофон был у её губ, а сотни людей смотрели на сцену. Но чувства оказались сильнее.

Она так долго пыталась понять, чего хочет от собственной жизни. Так долго убеждала себя, что музыка — лишь увлечение, которому не место рядом с серьёзными планами семьи.

И вот теперь стояла на сцене, слышала, как зал подхватывает её песню, и не сомневалась в том, что находится там, где должна быть.

Когда последняя нота стихла, площадка взорвалась аплодисментами.

Ребята поклонились, обменялись быстрыми объятиями и ушли за кулисы под крики студентов. Дэвид первым заключил Софи в крепкие объятия.

— Ну что, мисс Новарро? — весело спросил он, отстраняясь. — Кажется, я не зря заставлял тебя повторять эти движения до потери сознания.

— Ты не заставлял меня до потери сознания, — рассмеялась Софи. — Я сама чуть не умерла от твоих бесконечных замечаний.

— Это называется профессионализм.

— Это называется невыносимый характер.

— Главное, что результат налицо.

Дэвид подмигнул ей и отправился к остальным, оставив Софи разбираться с поздравлениями от участников группы поддержки.

Она всё ещё улыбалась, когда к ней подошёл Гарри.

Его появление мгновенно заставило её насторожиться. После их ссоры общение оставалось натянутым, и, хотя на сцене они работали безупречно, за пределами выступлений между ними по-прежнему висело напряжение.

Гарри остановился напротив неё, держа в руках несколько листов бумаги.

— Софи, — произнёс он с привычной высокомерной интонацией.

Софи вопросительно приподняла брови.

— Гарри.

Он протянул ей документы.

— Я решил, что пора положить конец этому нелепому конфликту. Поэтому я тебя прощаю.

Софи несколько секунд смотрела на него, пытаясь понять, шутит он или действительно говорит серьёзно.

— Ты меня... прощаешь?

— Именно. — Гарри самодовольно улыбнулся. — Не заставляй меня повторять.

Она едва удержалась от смеха.

— Как великодушно с твоей стороны.

— Я всегда отличался щедростью.

— Особенно когда речь идёт о твоём собственном великодушии.

— Вот видишь, ты уже снова начинаешь меня раздражать. Значит, всё возвращается на круги своя.

Софи наконец рассмеялась, и Гарри, кажется, тоже едва заметно улыбнулся.

Она опустила взгляд на документы.

— Что это?

— Новый контракт. Теперь у меня тоже будет отдельное имя как у сольного исполнителя — Гарри Уайлд. Мы остаёмся в SYLVARIX, но при этом каждый сможет развивать сольную карьеру.

Софи медленно пролистала страницы. В документах уточнялись условия, на которых они продолжали работать в группе, и отдельно прописывались их права как самостоятельных исполнителей.

— То есть мы по-прежнему группа, но при этом каждый из нас сможет выступать отдельно?

— Именно. У группы остаётся своё имя, свои песни и свои планы. Но мы с тобой больше не обязаны существовать исключительно как единое целое. У тебя будет своя карьера, у меня — своя.

Софи снова посмотрела на бумаги.

Она понимала, что это важный шаг. Возможно, даже необходимый. Но почему-то не могла решить, что именно чувствует.

Радоваться?

Или всё-таки немного погрустить?

С одной стороны, ей предстояло получить больше свободы и возможностей. С другой — она не могла не думать о том, что когда-то именно SYLVARIX помогли ей вновь поверить в себя. Эта группа стала для неё чем-то большим, чем просто музыкальный проект. Здесь она нашла людей, с которыми могла быть собой, и дело, ради которого хотелось просыпаться по утрам.

Но, пожалуй, главным было другое.

Гарри больше не злился на неё.

— Думаю, это хорошая возможность для нас обоих. — наконец сказала Софи, собрав документы.

— Разумеется, хорошая. Я бы не согласился на меньшее.

— Конечно. Я и не сомневалась.

Гарри удовлетворённо кивнул и направился к остальным, а Софи осталась стоять с бумагами в руках.

Когда Софи вышла из здания, вечер уже вступил в свои права. После шума, света и бесконечных поздравлений тишина казалась почти непривычной.

Она достала телефон, собираясь вызвать такси, но рядом остановился Маркус.

— Тебя подвезти?

Софи подняла голову. Он стоял возле своей машины, сунув одну руку в карман, и смотрел на неё с обычным спокойствием.

— Если тебе не сложно, — ответила она.

— Было бы сложно, я бы не предлагал.

— Логично.

— Ненавижу водить, — заметила Софи как бы между прочим. — Моя машина большую часть времени просто стоит припаркованная. Если честно, я предпочитаю такси. Села, доехала куда нужно — и никаких проблем.

Маркус усмехнулся, открывая ей пассажирскую дверь.

— Знаю. Ты уже говорила.

— И ничего не изменилось, — улыбнулась она, устраиваясь на сиденье. — Не понимаю, почему люди так любят садиться за руль. Особенно когда можно просто доверить это кому-нибудь другому.

— Например, мне?

— Например, тебе, — невозмутимо подтвердила Софи.

Он усмехнулся и дождался, пока она устроится на сиденье, прежде чем закрыть дверь.

Когда Маркус сел за руль, Софи пристегнулась и откинулась на спинку кресла. В салоне пахло кожей, едва уловимым парфюмом и... сигаретами.

Она нахмурилась и повернула голову к нему.

— Когда ты бросишь курить?

Маркус посмотрел на неё с таким невозмутимым выражением лица, будто она спросила, когда он собирается перестать дышать.

— Я не курю.

Софи недоверчиво прищурилась.

— Не ври мне.

Уголок его губ дрогнул.

— Иногда балуюсь.

— Спортсмены не курят, — категорично заявила она.

— Правда? А мне казалось, что ты собираешься изучать право, а не устанавливать новые законы природы.

— Маркус.

— София.

Она смерила его строгим взглядом, но он лишь улыбнулся и завёл двигатель.

— Ты ужасный человек.

— Мне об этом говорили.

— И тебя совершенно не смущает, что я права?

— Я привык жить с этим.

Софи фыркнула и отвернулась к окну. Она ещё немного поворчала про вредные привычки и профессиональный спорт, но Маркус не стал спорить. Только иногда поглядывал на неё с едва заметной улыбкой.

Всю дорогу они разговаривали о концерте. Софи восхищалась, как публика подпевала их песне, как здорово получилось выступление с группой поддержки и как Дэвид, кажется, был готов лично вручить ей медаль за успешно освоенную хореографию.

Маркус слушал, изредка вставляя короткие комментарии. Он не был человеком, который разбрасывался комплиментами, но Софи знала: он рад за неё. И этого ей было достаточно.

Когда машина остановилась возле её дома, она не потянулась к ручке двери.

Маркус заглушил двигатель и повернулся к ней.

— Что-то забыла?

— Нет.

Он подождал.

Софи сцепила пальцы на коленях, собираясь с мыслями. Весь вечер она чувствовала себя счастливой, но теперь, когда они остались вдвоём, ей вдруг захотелось поговорить о том, о чём они оба старательно молчали.

— Маркус?

— М-м?

— Расскажи мне о своих родителях.

Его улыбка исчезла.

Он не сразу ответил. Только медленно сглотнул и отвернулся, устремив взгляд куда-то за лобовое стекло.

Софи почувствовала, как внутри всё сжалось.

Она знала, что эта тема для него болезненна. И Маркус прекрасно понимал, что она знает. Но сейчас ей казалось важным дать ему возможность самому решить, готов ли он говорить.

Она не торопила его.

Маркус долго смотрел вперёд, словно пытался найти нужные слова где-то за пределами освещённой улицы.

— Мама была потрясающей, — наконец произнёс он.

Голос звучал ровно. Почти бесстрастно. Но Софи заметила, как напряглась его челюсть.

— Она очень меня любила. Именно она привела меня в хоккей, когда мне было пять лет. Я тогда ещё толком коньки завязывать не умел, а уже решил, что однажды буду играть в НХЛ. На его губах появилась едва заметная улыбка.

— Она работала сколько могла, брала дополнительные смены, чтобы купить мне форму и всё необходимое. Иногда приходила домой совершенно без сил, но всё равно спрашивала, как прошла тренировка. Даже если сама едва стояла на ногах.

Маркус на секунду замолчал.

— Она никогда не заставляла меня становиться кем-то другим. Просто верила, что у меня получится.

Софи слушала, не отрывая от него взгляда.

Он говорил спокойно, без надрыва и жалоб. Так, будто рассказывал о чём-то давно знакомом, что стало частью его самого. Но за каждым коротким предложением чувствовалось столько любви, что Софи невольно задержала дыхание.

— Я очень её любил, — продолжил Маркус. — И скучаю.

Он произнёс это без дрожи в голосе. Просто сказал правду — коротко и прямо.

И почему-то от этого Софи стало ещё больнее за него.

Она невольно посмотрела на его профиль. На прямой нос, очерченные губы, резкую линию скул. На тёмные волосы, которые, когда она обнимала его раньше, казались мягче, чем можно было предположить.

Маркус был красивым.

Эта мысль возникла неожиданно, почти не к месту.

Софи растерялась от собственного ощущения. Раньше она замечала его внешность, конечно. Было трудно не заметить широкие плечи, сильные руки и то, как он двигался. Но сейчас смотрела на него иначе — будто впервые увидела не только уверенного в себе хоккеиста с колким языком и тяжёлым взглядом, но и человека, которому пришлось слишком рано научиться справляться с тем, что невозможно исправить.

И это пугало её.

Потому что она не была уверена, что именно меняется в её отношении к нему.

Маркус тем временем продолжил:

— А отец... Он жив.

В его голосе не было ни тепла, ни облегчения. Только усталость.

— Он много пьёт. Постоянно. Если честно, я почти не помню его трезвым.

Софи молчала.

— Я редко его вижу. Иногда приезжаю проверить, жив ли он. — Маркус произнёс это так обыденно, словно речь шла о неприятной обязанности, которую нужно время от времени выполнять. — После смерти мамы ему стало всё равно, что со мной будет. Я тогда фактически остался один.

Он провёл большим пальцем по рулю.

— Так я и оказался у Миллеров.

На этот раз в его голосе появилось что-то мягкое.

— Сэм и Лейн... Они приняли меня, когда я сам не знал, куда себя деть. Не пытались заменить маму или заставить меня забыть прошлое. Просто дали мне дом. Семью. Возможность быть частью чего-то настоящего.

Он сделал короткую паузу.

— Сэм стал для меня отцом. Тем, кем мой родной отец так и не смог стать.

Софи почувствовала, как к горлу подступил ком.

Она знала, насколько Миллеры дороги Маркусу. Но сейчас впервые по-настоящему поняла, что речь шла не просто о благодарности за приют и заботу. Они стали его домом в тот момент, когда прежний дом перестал существовать.

И всё же за этими словами скрывалось ещё кое-что.

Софи знала, что Маркуса до сих пор мучило чувство вины за смерть Адама. Он редко говорил об этом, почти никогда не позволял себе показать, насколько глубоко его ранила

потеря. Но она видела это в его молчании, в том, как он иногда задерживал взгляд на фотографиях, в том, как бережно относился к родителям Адама.

Сэм и Лейн потеряли сына.

А Маркус, который любил их и считал своей семьёй, продолжал жить с ощущением, будто не имел права на их любовь после того, что случилось.

Софи не жалела его.

Она понимала, что жалость только оскорбила бы его. Маркус не нуждался в том, чтобы кто-то смотрел на него как на сломленного человека, которому нужно сочувственно погладить по голове. Он был сильным. Не потому, что никогда не страдал, а потому, что, несмотря на всё, продолжал идти вперёд.

Он тренировался, играл в хоккей, работал над собой и не отказывался от мечты. Софи знала, что им интересуются скауты команд НХЛ. Знала, что он уже прошёл через драфт и что его будущее в профессиональном хоккее перестало быть просто далёкой фантазией.

И она безумно им гордилась.

Не из-за возможного контракта или громкого имени.

Из-за того, сколько всего он пережил и как упорно продолжал двигаться к своей цели.

— Маркус, — тихо позвала она.

Он повернул к ней голову.

И Софи едва не забыла, что собиралась сказать.

Его взгляд встретился с её взглядом. Она увидела в его тёмных глазах усталость, которую он так старательно скрывал от окружающих, и что-то ещё — то, чему пока не могла подобрать названия.

— Ты скучаешь по нему?

Маркус не стал уточнять, о ком она спрашивает.

Он и так понял.

Несколько секунд он смотрел на неё, а затем ответил:

— Каждый день.

Всего два слова.

Софи почувствовала, как защипало глаза. Она не отвела взгляда, хотя ей хотелось обнять его, прижать к себе и хотя бы на несколько минут избавить от необходимости держаться.

Но она знала: Маркус не позволит ей просто так разрушить все его защитные стены.

— Мы никогда не говорили о том, как ты пережил тот день, — начала она.

— София.

Он произнёс её имя негромко, но она сразу замолчала.

— Я ценю, что ты рядом. Правда. И я рад, что мы дружим. — Он на мгновение опустил взгляд на руль. — Но возвращаться к тому дню я не хочу.

В его голосе не было раздражения. Он не отталкивал её и не пытался заставить замолчать. Просто обозначил границу, за которую пока не был готов заходить.

Софи понимала его.

Она и сама не хотела возвращаться к тому дню. Не хотела снова видеть в памяти вспышки света, слышать крики и вспоминать, как быстро всё изменилось. Боль никуда не исчезла. Просто со временем они научились жить так, чтобы не сталкиваться с ней каждую минуту.

Поэтому Софи лишь кивнула.

— Хорошо.

Маркус посмотрел на неё, словно ожидал продолжения, но она не стала задавать новых вопросов.

Вместо этого Софи медленно протянула руку и накрыла его ладонь, лежавшую на руле.

— Я просто хочу, чтобы ты знал: ты не один.

Маркус замер.

Его взгляд опустился на их руки. Маленькая ладонь Софи лежала поверх его руки, и в этом простом жесте было больше, чем она могла выразить словами.

Она не просила его открыться. Не требовала рассказать то, к чему он не был готов. Не пыталась убедить, что всё обязательно станет легче.

Она просто оставалась рядом.

Маркус медленно перевернул ладонь и накрыл её руку своей. Затем крепко сжал её пальцы, переплетая их с собственными.

— Я знаю, — тихо ответил он, продолжая смотреть на их руки. — Я знаю, что ты рядом. Что-то болезненно сжалось у него в груди.

Непривычное ощущение, которому он не мог подобрать названия. Оно не было похоже на благодарность, хотя он был благодарен ей. Не было похоже на привычное спокойствие, которое он испытывал рядом с друзьями.

Это было что-то другое.

Что-то тёплое и одновременно пугающее.

Маркус не понимал, что с ним происходит, и не хотел разбираться в этом прямо сейчас. Он слишком хорошо знал, как легко потерять то, что становится дорогим.

А Софи, глядя на их переплетённые пальцы, вдруг осознала, что тоже не спешит убирать руку.

Она не знала, что это значит.

Не знала, почему ей так важно было услышать его историю и почему теперь ей хотелось остаться рядом ещё немного.

Глава 39

Семестр был в самом разгаре.

Третий курс требовал всё больше времени и сил: лекции, задания, зачёты и бесконечные часы за учебниками постепенно заполняли дни Софи. Но, несмотря на нагрузку, она не собиралась отказываться от музыки. SYLVARIX по-прежнему выступали в баре по выходным, продолжали репетировать и время от времени выпускали новые треки.

Правда, особого успеха пока не было.

Песни набирали прослушивания, кто-то оставлял комментарии, кто-то добавлял композиции в плейлисты, но до того резонанса, который вызвала первая хитовая песня Софи, было далеко.

Однако ребята не сдавались. Они продолжали работать, искать собственное звучание и верить, что однажды их музыка найдёт ещё больше слушателей.

Зато канал Дина развивался стремительно.

Его видео смотрели всё чаще, подписчики прибавлялись, а ролики с тренировок и университетской жизни регулярно собирали комментарии. Особенно старались девушки. Стоило Дину выложить очередное видео с хоккеистами, как под ним появлялись десятки восторженных сообщений.

Девчонки буквально пищали от парней.

Кто-то восхищался улыбкой Лиамы, кто-то обсуждал внешность Дина, а под роликами с Маркусом разворачивались целые дискуссии. Его тяжёлый взгляд, широкие плечи и почти неизменно невозмутимое выражение лица давно стали отдельной темой для обсуждений.

Софи иногда посмеивалась над этим вместе с Дженной, но сама старалась не читать комментарии слишком внимательно.

Она и без того знала, что Маркус красив.

Просто не считала нужным сообщать об этом всему университету.

Впрочем, была одна вещь, которую Софи всё-таки решилась сделать, несмотря на все внутренние сомнения.

Она пришла на хоккейный матч.

Решение далось ей нелегко.

Софи скучала по хоккею. Скучала по шуму трибун, по резкому скольжению коньков по льду, по напряжению, которое нарастало с каждой минутой игры. Но вместе с этими воспоминаниями неизменно приходило другое.

Адам.

Именно поэтому, когда Дженна предложила сходить на очередной матч, Софи сначала отказалась. Потом долго думала. А накануне игры достала из шкафа джерси, которое когда-то подарил ей Адам.

Девятнадцатый номер.

Она долго держала его в руках, проводя пальцами по ткани, словно пыталась прикоснуться к воспоминанию, которое боялась потерять.

После смерти Адама его номер в команде больше никому не присваивали. Девятнадцатый номер вывели из обращения в память о нём — в хоккее это называют *выводом номера из обращения*, или *увековечиванием номера*. Теперь он навсегда принадлежал Адаму Миллеру.

И Софи собиралась прийти на матч именно в его джерси.

В день игры она долго стояла перед зеркалом, поправляя ткань на плечах. Она была ей немного велика, но от этого она казалась ещё уютнее. На спине крупными цифрами выделялось число 19.

Софи коснулась его ладонью.

— Я скучаю, — едва слышно произнесла она.

Она знала, что за прошедшее время многое изменилось. Маркус теперь был капитаном команды. Он вёл за собой игроков, отвечал не только за собственную игру, но и за команду, которая доверяла ему. Софи искренне гордилась им. Она знала, сколько усилий он вкладывал в хоккей и как упорно шёл к своей цели.

И всё же сегодня ей хотелось увидеть на льду не капитана, не будущую звезду НХЛ, а просто Маркуса — своего друга.

На трибунах было шумно.

Болельщики скандировали названия команд, размахивали шарфами и флагами, а над площадкой то и дело раздавались объявления диктора. Софи сидела рядом с Дженной и Сэмом с Лейн. Когда они заняли места, Лейн тепло улыбнулась ей, а потом осторожно сжала её руку.

Она заметила джерси.

Ничего не сказала.

Просто посмотрела на Софи с такой нежностью, что у той на мгновение перехватило дыхание.

Софи была благодарна ей за это молчание. Иногда слова только мешали.

Когда игроки вышли на лёд, трибуны взорвались приветственными криками.

Софи невольно подалась вперёд.

Она нашла взглядом знакомые фигуры. Дин, Лиам и Маркус уже разминались перед матчем. На секунду ей показалось, что она снова оказалась в прежней жизни, когда могла прийти на игру, занять место на трибуне и знать, что после финального свистка обязательно встретится с Адамом.

Но прошлое осталось прошлым.

Софи крепче сжала край джерси и сосредоточилась на игре.

Матч оказался напряжённым. Команды не уступали друг другу, борьба за шайбу становилась всё жёстче, а каждый опасный момент заставлял трибуны замирать. Софи ловила себя на том, что снова переживает за ребят так, как раньше.

Она вскакивала с места, когда Маркус перехватывал шайбу, кричала вместе с болельщиками, когда Лиам выходил на удачную атаку, и смеялась, когда Дин после особенно эффектного эпизода скидывал клюшку, словно только что совершил нечто историческое.

Она действительно скучала по хоккею.

По его скорости, азарту и непредсказуемости. По тому, как вся площадка жила одним мгновением, а затем всё решалось одним движением.

Когда команда забросила решающую шайбу, Софи вскочила на ноги вместе со всей трибуной.

— ДА-А-А!

Она захлопала в ладоши, смеясь и почти не замечая, что глаза снова защипало от счастья.

Они выиграли.

И Софи была по-настоящему рада за них.

Рада за Дина, который наверняка уже придумывал, как эффектнее показать победу в следующем видео. За Лиамом, который заслужил каждый миг этого триумфа. За Маркуса, который снова доказал, насколько хорош на льду.

И за всю команду, продолжавшую идти к своим целям.

Рядом Дженна обняла её за плечи.

— Ну что? — крикнула она, стараясь перекрыть шум. — Всё ещё ненавидишь хоккей?

Софи рассмеялась.

Они обнялись, а Лейн, глядя на девушек, покачала головой с улыбкой.

После матча Сэм получил срочный звонок по работе. Ему пришлось немедленно уехать вместе с Лейн, поэтому они не успели дожидаться ребят в раздевалке и лично поздравить их с победой.

Софи обняла Лейн на прощание и пообещала, что обязательно заедет к ним в ближайшее время.

Затем они с Дженной направились к машинам.

У выхода с арены было многолюдно.

Болельщики ждали игроков, кто-то держал в руках маркеры и фотографии, кто-то надеялся получить автограф или сделать селфи. Несколько девушек стояли у ограждения, оживлённо обсуждая матч и то, кто из хоккеистов выйдет первым.

Софи и Дженна остановились возле машины Дина и Маркуса.

— Надеюсь, они не заставят нас ждать до утра, — пробормотала Дженна, скрестив руки на груди. — Я хочу есть.

— Ты всегда хочешь есть после хоккея.

— Потому что хоккей требует серьёзных энергетических затрат. Особенно когда ты морально поддерживаешь своего парня.

— Конечно. Ты сегодня проделала огромную работу.

— Наконец-то кто-то это оценил.

Софи рассмеялась.

Вскоре двери арены открылись, и появились игроки.

Первым она заметила Маркуса.

Он шёл вместе с Дином и ещё несколькими ребятами, перекинув спортивную сумку через плечо. Волосы после душа оставались влажными, а лицо выглядело усталым, но довольным.

Софи даже не успела подумать.

Она сорвалась с места и побежала к нему.

— Маркус!

Он повернул голову на звук её голоса, но, судя по выражению лица, совершенно не ожидал того, что произошло дальше.

Софи буквально прыгнула ему на руки, обвив ногами его бёдра и обхватив шею руками.

— Вы выиграли! — радостно воскликнула она. — Господи, Маркус, вы выиграли! Это было невероятно!

Маркус инстинктивно подхватил её, удерживая одной рукой за спину, другой — под бёдра. На мгновение он застыл, явно пытаясь осознать происходящее.

Софи сияла.

Она смеялась, продолжая что-то говорить о матче, и, казалось, совершенно не замечала ни его удивления, ни взглядов окружающих.

А вот окружающие замечали всё.

Особенно девушки, которые до этого с восторгом обсуждали Маркуса.

Их лица изменились почти одновременно.

Серьёзно?

Кто она вообще такая?

Почему она висит на нём, будто он её парень?

И почему он вообще её держит?

Несколько недовольных взглядов скользнули по джерси с девятнадцатым номером, затем поднялись к лицу Софи.

Одна из девушек что-то прошептала подруге, и обе посмотрели на неё с нескрываемым раздражением.

Маркус, впрочем, не обращал на них ни малейшего внимания.

Он смотрел на Софи.

На её покрасневшие от бега щёки, сияющие глаза и улыбку, которая, казалось, могла осветить всю улицу. Она была такой счастливой, что он невольно улыбнулся в ответ.

— Ты собираешься когда-нибудь слезть? — спросил он, наконец обретя дар речи.

Софи моргнула.

— Ой!

Она тут же разжала руки и прыгнула на землю.

— Прости! Я просто так обрадовалась!

— Я заметил.

— Ты не представляешь, как я за вас переживала!

— Теперь представляю.

Маркус поставил сумку на плечо поудобнее. Улыбка всё ещё оставалась на его лице, хотя он пытался скрыть её привычным невозмутимым выражением.

И, словно вспомнив, что поздравить нужно не только Маркуса, она развернулась и направилась к Дину.

— Дин!

— О нет, — успел произнести он, но было уже поздно.

Софи повисла у него на шее, обнимая так же крепко, как только что Маркуса.

Дин рассмеялся, подхватил её и даже покружил вокруг себя.

— Вот это я понимаю! — заявил он. — Наконец-то достойное признание моих спортивных достижений!

— Ты был великолепен!

— Я знаю!

— Дин!

— Что? Ты же сама сказала!

Софи засмеялась, а он поставил её на землю и ещё раз крепко обнял.

Тем временем Дженна бросилась к Лиаму. Она обхватила его за шею и поцеловала, совершенно не обращая внимания на то, что вокруг них собралась небольшая толпа.

Лиам прижал её к себе, улыбаясь так широко, что сомнений не оставалось: победа стала ещё приятнее благодаря встрече с девушкой.

— Ты был потрясающим, — прошептала Дженна.

— А ты была самой громкой на трибуне.

— Разумеется. Кто-то же должен был поддерживать команду.

— И я очень ценю твой вклад.

Она снова поцеловала его.

Вокруг продолжали собираться болельщики, но ребят это мало волновало. Они были счастливы, и сегодня им хотелось просто побыть вместе.

Наконец Дин хлопнул в ладоши.

— Так! Все по машинам. Победу нужно отметить как следует!

— Только без твоих идиотских конкурсов, — предупредил Маркус.

— Не обещаю!

— Дин.

— Ладно, ладно. Сегодня я буду образцом приличия.

— Вот это уже пугает, — пробормотал Лиам.

Софи рассмеялась, и они направились к машинам.

Дом встретил их привычным уютом и беспорядком, который появлялся всякий раз, когда Дин решал устроить что-нибудь грандиозное.

Музыка заиграла почти сразу. На столе появились закуски, кто-то открыл пиво, а Дин, объявив себя главным организатором торжества, принялся раздавать указания, которых никто не собирался выполнять.

Победа заслуживала праздника.

И праздник начался.

Дин не выдержал первым.

Когда из колонок зазвучала *Somebodys Watching Me* - Rockwell, он вскочил на стол, едва не опрокинув миску с чипсами, и принялся танцевать с таким видом, будто именно ради этого момента и выходил на лёд.

— Дин, ты сейчас сломаешь стол! — крикнул Лиам.

— Этот стол станет частью истории!

— Он станет частью мусорного контейнера, если ты его сломаешь!

Но Дин уже не слушал.

Софи засмеялась и, подхватив Дженну за руку, потянула её к столу.

— Пойдём!

— Ты серьёзно?

— Абсолютно!

Через несколько секунд обе уже танцевали рядом с Дином, подпевали знакомой песне и смеялись так громко, что едва слышали музыку.

Дженна двигалась уверенно, словно репетировала этот номер всю жизнь. Софи не отставала: она кружилась, вскидывала руки и время от времени пыталась повторить самые нелепые движения Дина.

— Мы великолепны! — прокричал он.

— Мы катастрофа! — возразила Дженна.

— Великолепная катастрофа!

Лиам стоял в стороне с бутылкой пива, наблюдая за ними с довольной улыбкой. Время от времени он качал головой, словно не мог поверить, что эти трое действительно решили превратить гостиную в танцпол.

Маркус устроился в кресле с бутылкой пива в руке.

Он почти не участвовал в общем безумии, предпочитая наблюдать за друзьями. На его лице держалась привычная полуулыбка, но взгляд то и дело возвращался к Софи.

Она была счастлива.

По-настоящему.

Её волосы растрепались от танцев, щёки покраснелись, а на губах не сходила улыбка. Она подпевала вместе с Дином, иногда сбивалась с ритма и смеялась над собственными ошибками.

И Маркус не мог отвести от неё глаз.

Он видел её такой раньше — весёлой, живой, увлечённой чем-то до полной потери времени. Но после смерти Адама эти моменты стали редкостью. Софи словно разучилась позволять себе радость без чувства вины.

Теперь она снова смеялась.

И он ловил себя на том, что хочет видеть эту улыбку как можно чаще.

Дженна первой спрыгнула со стола.

Она подошла к Лиаму, обняла его за талию и поцеловала. Он поставил бутылку на столик и притянул её ближе, ответив на поцелуй.

Дженна улыбнулась ему, затем повернула голову в сторону танцующих.

И вдруг заметила то, на что раньше не обращала внимания.

Маркус смотрел на Софи.

Не мельком, не с обычным дружеским интересом. Он вообще, казалось, перестал замечать всё, что происходило вокруг. Его взгляд следил за каждым её движением, за каждой улыбкой, за тем, как она запрокидывала голову от смеха.

Дженна замерла.

Она знала Маркуса пятнадцать лет. Знала его привычки, характер, способы уходить от неудобных разговоров и скрывать эмоции за сарказмом. Она видела его злым, уставшим, раздражённым и даже совершенно потерянным.

Но такого взгляда не видела никогда.

Дженна медленно посмотрела на Софи, затем снова на Маркуса.

И внутри у неё что-то щёлкнуло.

Ох, Маркус.

Похоже, её друг влип гораздо серьезнее, чем сам мог себе представить.

Софи спрыгнула со стола, когда песня закончилась, и направилась к дивану.

Она была немного запыхавшейся, но довольной. Ноги гудели после танцев, а щёки всё ещё горели. Софи достала телефон, собираясь проверить сообщения и посмотреть, не выложил ли кто-нибудь видео с матча.

Она открыла свою страницу в социальной сети.

И улыбка исчезла.

Уведомления сыпались одно за другим. Сначала она решила, что это обычные поздравления после игры. Но стоило открыть комментарии, как перед глазами поплыли строки, от которых неприятно похолодело внутри.

«Серьёзно? Решила попиариться на смерти Адама?»

«Надела его джерси, чтобы все увидели, какая ты преданная? Очень удобно».

«Адам заслуживал большего, чем превращаться в часть твоего образа».

«Пока он мёртв, ты развлекаешься с его друзьями».

«Хочешь внимания — найди другой способ, а не используй чужую смерть».

Софи перестала дышать.

Она перечитала последнее сообщение, надеясь, что неправильно поняла смысл. Потом ещё одно. И ещё.

Но слова не менялись.

Её джерси.

Её Адам.

Их память.

Люди, которые ничего не знали о том, что она пережила, о том, сколько раз по ночам просыпалась с его именем на губах, как долго не могла заставить себя вернуться к друзьям и как до сих пор иногда ловила себя на желании рассказать ему что-нибудь важное, вдруг решили, что имеют право судить её.

Софи почувствовала, как к горлу подступил ком.

Она не заметила, что музыка продолжает играть, что Дин что-то весело рассказывает Дженне и что Лиам смеётся над очередной его шуткой.

Всё вокруг будто отдалилось.

— Софи?

Дин первым обратил внимание на её лицо.

Он подошёл ближе и заглянул ей через плечо. Увидев комментарии, он резко нахмурился.

— Что за бред?

Софи не ответила.

Дин осторожно забрал у неё телефон, пробежал глазами по нескольким сообщениям, и его лицо потемнело.

— Да они вообще ничего не знают! — возмущённо произнёс он. — Соф, не слушай их. Это полный бред. Ты никому ничего не должна доказывать. Слышишь? Никому.

Он вернул ей телефон, но Софи не сразу протянула руку.

— Софи, — повторил Дин уже тише. — Посмотри на меня.

Она подняла глаза.

— Ты не сделала ничего плохого. Ты пришла поддержать нас. Ты надела джерси Адама, потому что он был тебе дорог. Потому что он часть нашей жизни. И никто не имеет права превращать это в какую-то грязную историю.

Софи сглотнула.

— Я знаю.

Но голос прозвучал так тихо, что она сама едва себя услышала.

Она забрала телефон и быстро погасила экран.

— Мне нужно немного побыть одной.

— Может, я отвезу тебя домой?

— Не надо.

Она поднялась с дивана и направилась к выходу.

Дженна, заметив её движение, тут же отстранилась от Лиам.

— Софи, подожди. Ты же не пойдёшь пешком.

Софи остановилась у двери и обернулась.

— Все хорошо, прогуляюсь.

— Но...

— Дженна, пожалуйста.

В её голосе не было раздражения. Только усталость, от которой Дженне стало не по себе.

Она хотела подойти, обнять подругу, заставить её остаться хотя бы ещё на несколько минут. Но Софи уже открывала дверь.

— Я напишу тебе, — пообещала она.

И вышла.

Дверь закрылась тихо.

Настолько тихо, что на мгновение никто не произнёс ни слова.

Затем Дин выругался себе под нос.

Лиам поставил бутылку на стол.

А Маркус медленно поднялся из кресла.

Он побагровел от злости.

Не той привычной злостью, которая вспыхивала после неудачной тренировки или особенно грубого комментария соперника. Эта была другой — тяжёлой, глухой, почти физической.

Кто позволил этим людям писать такое?

Кто вообще решил, что имеет право обвинять Софи в том, что она использует смерть Адама ради внимания?

Они хоть что-нибудь знали о ней? О том, что ей пришлось пережить? О том, как долго она пыталась снова научиться жить после потери человека, которого любила?

Нет.

Они видели фотографию, увидели девятнадцатый номер на её спине и придумали собственную историю.

И теперь смело бросали в неё грязь, прячась за экранами телефонов.

У Маркуса свело челюсть.

Ему хотелось найти каждого, кто написал эти слова, посмотреть им в глаза и спросить, хватило бы у них смелости повторить всё это лично.

Руки чесались.

Он сжал пальцы в кулаки, затем медленно разжал их.

— Я их найду, — глухо произнёс он.

Дин повернулся к нему.

— Они перешли черту.

— Я знаю. Но если ты сейчас начнёшь искать каждого идиота в университете, завтра у нас будет не победа, а разборки на весь кампус.

Маркус посмотрел на него тяжёлым взглядом.

— Мне плевать на кампус.

— А Софи? — тихо спросила Дженна.

Он замолчал.

Дженна стояла возле Лиамы, крепко сжав его руку. Её лицо было непривычно серьёзным.

— Ты думаешь, ей станет легче, если ты кому-нибудь разобьёшь лицо? — спросила она.

— Она и так сейчас думает, что все обсуждают её за спиной. Не делай так, чтобы завтра обсуждали ещё и тебя.

Маркус отвёл взгляд.

Ему не нравилось, что Дженна права.

Ему вообще не нравилось, что он ничего не мог сделать, чтобы стереть эти слова с экрана и избавить Софи от боли, которую они причинили.

Он снова посмотрел на закрытую дверь.

Софи ушла одна.

С обидой, которую пыталась скрыть, и с мыслями, о которых никто из них не мог знать.

Маркус достал телефон.

Он не собирался писать угрозы и не собирался устраивать драку. Но и сидеть сложа руки не мог.

Он открыл страницу Софи, увидел те же комментарии и почувствовал, как злость снова поднимается внутри.

Они даже не знают, кем был для неё Адам.

Он знал.

Знал, что Софи не надела это джерси ради чужих взглядов. Она пришла на матч, потому что скучала по хоккею. Потому что хотела поддержать друзей. Потому что девятнадцатый номер навсегда останется частью её жизни.

И если кто-то решил использовать её боль против неё, Маркус не собирался делать вид, что ничего не произошло.

Он убрал телефон в карман и направился к выходу.

— Ты куда? — спросил Лиам.

Маркус даже не обернулся.

— За ней.

Дженна облегчённо выдохнула, но тут же нахмурилась.

— Только не вздумай устраивать сцену.

— Не собираюсь.

— Маркус.

Он остановился у двери и посмотрел на неё.

— Я просто не хочу, чтобы она шла одна.

На этот раз Дженна ничего не ответила.

Маркус вышел из дома и направился по тёмной улице туда, куда ушла Софи.

Он всё ещё злился.

Но сильнее злости было другое чувство — тревога от мысли, что она снова останется наедине со своей болью, убеждённая, что должна справляться со всем сама.

Глава 40

Маркус уже почти свернул за угол, когда услышал знакомую фамилию. Небольшая компания парней стояла возле студенческого бара, громко переговариваясь и смеясь. Сначала Маркус не обратил на них внимания. Но потом среди обрывков фраз прозвучало имя Адама.

— Да я тебе говорю, она специально надела эту джерси, — усмехнулся один из парней. — Отличный способ привлечь внимание. Мёртвый парень, трагичная история, футболка с его номером... И все вокруг должны восхищаться, какая она преданная.

— Ага, — подхватил второй. — А потом можно рассказать, как тяжело ей живётся после потери, и собрать ещё подписчиков. Удобно устроилась.

Кто-то рассмеялся.

Маркус остановился.

— Что ты сказал?

Парень, который говорил последним, смерил его взглядом и ухмыльнулся.

— Расслабься, капитан. Мы просто обсуждаем твою подружку.

— Повтори.

— О Новарро? — Он нарочито удивлённо поднял брови. — А что такого? Сначала она встречалась с Миллером, теперь, похоже, решила переключиться на тебя. Или на Уайлда? Хотя, судя по слухам, Блэквуд тоже не против.

Последовал новый взрыв смеха.

Маркус медленно сжал кулаки.

— Закрой рот, — произнёс Маркус.

— Или что?

Ответом стал удар.

Первый парень отшатнулся, схватившись за лицо. Второй бросился на Маркуса, но тот встретил его ударом в живот и толкнул назад. Кто-то попытался разнять их, кто-то, наоборот, полез в драку сам. Через несколько секунд обычная перебранка превратилась в жестокую потасовку.

Маркус почти не слышал криков вокруг.

Он видел перед собой только ухмыляющиеся лица и чувствовал, как ярость, которую он сдерживал последние дни, наконец нашла выход.

Ему кричали, чтобы он остановился.

Он не остановился.

Один из парней упал на асфальт, другой попытался закрыться руками, но Маркус продолжал наносить удары, пока двое прохожих не вцепились в него сзади. Он вырывался, тяжело дыша, и пытался добраться до того, кто первым заговорил о Софи.

— Хватит! Ты его убьёшь! — крикнул кто-то.

Лишь тогда Маркус наконец замер.

На костяшках его пальцев выступила кровь. Губа была рассечена, а на скуле уже начинал наливаться синяк. Один из парней лежал на земле, прижимая ладони к лицу. Другой, пошатываясь, держался за стену и ругался сквозь зубы.

Кто-то вызвал полицию.

Маркус стоял посреди тротуара, тяжело дыша, и смотрел на собственные руки.

Он ведь собирался пойти за Софи.

Хотел убедиться, что она благополучно добралась домой. Теперь вместо этого ему предстояло отвечать за собственную глупость.

Когда на его запястьях сомкнулись наручники, Маркус даже не сопротивлялся.

Ночь он провёл в полицейском участке.

После задержания его доставили на медицинский осмотр, зафиксировали травмы и взяли объяснения. Одному из участников драки потребовалась помощь врачей: у него был сломан нос и рассечена бровь. Маркус тоже получил несколько повреждений, но от медицинской помощи отказался.

Когда ему сообщили, что его отпустят после оформления необходимых документов, он уже не чувствовал прежней ярости. Осталось только тяжёлое, неприятное опустошение.

Он почти не спал. Сидел на жёсткой скамье, наклонившись вперёд и сцепив руки между коленями. Время от времени он осторожно сгибал пальцы, и каждый раз повреждённая кожа отзывалась болью.

Его телефон был недоступен. Софи он так и не нашёл.

А теперь даже не знал, где она и что делает.

Утром за ним приехал Сэм.

Маркус сидел в комнате для задержанных, когда дверь открылась и на пороге появился его приёмный отец. Сэм выглядел собранным, как всегда, но в его лице читалась усталость. Он уже поговорил с сотрудниками участка, выяснил обстоятельства задержания и связался с адвокатом.

— Пойдём, — коротко сказал он.

Маркус поднялся и последовал за ним.

Ни удивления, ни раздражения в голосе Сэма не было. Только спокойствие, которое почему-то действовало на нервы сильнее любого крика.

Маркус смотрел в окно, сжимая и разжимая пальцы.

— Сэм, я не хочу сейчас это обсуждать.

— Я заметил.

— Тогда не спрашивай.

Сэм бросил на него короткий взгляд, но ничего не ответил.

Когда они подъехали к арендованному дому, Маркус уже собирался выйти, однако Сэм остановил его.

— Подожди.

Маркус медленно повернулся.

— Я связался с адвокатом. Тебе предстоит явиться на дальнейшее разбирательство. Один из парней получил серьёзную травму, и я не могу обещать, что дело закончится без последствий.

— Я понял.

— Хорошо. Потому что тебе нужно понять ещё кое-что. Ты не просто студент, который ввязался в драку. Ты капитан хоккейной команды. За тобой следят скауты, и у тебя есть реальные шансы попасть в НХЛ. Ты годами работал ради этого.

— Я знаю, чего добивался.

— Тогда объясни мне, почему ты решил поставить всё под угрозу из-за нескольких идиотов.

Маркус резко повернулся к нему.

— Они говорили о Софи.

Сэм замолчал.

— О ней и об Адаме. Они смеялись над тем, что она надела его джерси. Говорили, будто она использует его смерть, чтобы привлечь внимание. И что теперь встречается то с одним, то с другим.

Его голос становился всё жёстче.

— Я не собирался стоять и слушать это дерьмо.

— Я понимаю, почему ты разозлился.

— Нет, не понимаешь.

— Возможно, не до конца, — спокойно согласился Сэм. — Но это не меняет того, что произошло.

Маркус стиснул челюсть.

Сэм продолжил:

— Я не собираюсь использовать деньги или связи, чтобы заставить пострадавших отказаться от претензий. Адвокат поможет тебе разобраться с юридической стороной дела, но отвечать за свои поступки тебе придётся самому.

— Я не просил тебя ничего решать за меня.

— Знаю. И не собираюсь. Но я твой отец, Маркус. Я не могу просто смотреть, как ты собственными руками рушишь то, к чему так долго шёл.

Маркус отвёл взгляд.

— Я не рушу свою жизнь.

— Тогда перестань вести себя так, будто тебе всё равно, что с ней будет.

Эти слова задели сильнее, чем Маркус хотел показать.

Сэм помолчал, затем продолжил уже тише:

— Тренер тоже звонил. Кто-то снял драку на телефон. Запись распространяется среди студентов. Команда уже знает, что произошло.

Маркус почувствовал, как внутри снова поднимается злость.

— И что он сказал?

— Тебя временно отстранили от тренировок и ближайших матчей, пока руководство не разберётся в ситуации. Тебе предстоит объяснить свои действия. Если решат, что ты представляешь угрозу для команды или не способен контролировать себя, последствия будут серьезнее.

— Отлично.

— Не перебивай меня. Тренер также сказал, что вопрос о капитанской повязке пока открыт.

Маркус замер.

Вот это было больно.

Он мог смириться с синяками, с разбитыми костяшками, с необходимостью разбираться с полицией. Но хоккей был для него не просто спортом. Он был частью его жизни с пяти лет, напоминанием о матери, о том, как она работала сверхурочно, чтобы купить ему первую экипировку. Хоккей помог ему пережить её смерть и Адама. И теперь он рисковал потерять всё из-за одного вечера.

— А скауты? — спросил он после долгого молчания.

— Я не знаю, что они уже слышали. Но если запись дойдёт до них, вопросы будут. Они оценивают не только то, как ты играешь, но и то, как ведёшь себя за пределами льда.

Маркус провёл ладонью по лицу, тут же поморщившись от боли в скуле.

— Чёрт.

— Да, сын. Именно.

Сэм положил руку ему на плечо.

— Я не осуждаю тебя за то, что тебе не всё равно. Но ты не можешь каждый раз решать проблему кулаками. Особенно теперь, когда ты капитан. На тебя смотрят другие ребята. Ты должен понимать, что твои поступки отражаются не только на тебе.

Маркус молчал.

Он мог бы сказать, что эти придурки заслужили каждый удар. Что он не собирался позволять кому-либо оскорблять Софи и превращать память об Адаме в повод для насмешек.

Но ни одно из этих объяснений не отменяло того, что он сделал.

— Ты должен сам решить, кем хочешь быть, Маркус, — продолжил Сэм. — Человеком, который защищает тех, кто ему дорог, или человеком, который оправдывает любой свой поступок тем, что защищал кого-то.

Маркус резко отодвинулся.

— Я не оправдываюсь.

— Тогда перестань вести себя так, будто весь мир обязан понять, почему ты сорвался.

Маркус ничего не ответил. Он вышел из машины и направился к дому.

Ему нужно было остаться одному.

Внутри всё ещё кипела злость. На тех парней, на тренера, на себя самого. На весь этот мир, в котором люди могли безнаказанно говорить о чужой боли, а тот, кто пытался их остановить, в итоге оказывался виноватым.

Но больше всего его раздражало, что Сэм был прав.

Он действительно поставил под угрозу всё, ради чего так долго работал.

И всё равно, если бы ему пришлось пережить тот вечер заново, Маркус не был уверен, что смог бы пройти мимо.

Софи заметила его руки ещё до начала пары.

Маркус сидел рядом с ней, как обычно, откинувшись на спинку стула. Только сегодня его привычная расслабленность казалась искусственной. Костяшки пальцев были разбиты, на лице виднелись свежие ссадины, а возле скулы темнел синяк.

Она невольно задержала на нём взгляд.

Что произошло?

Вопрос вертелся на языке, но Софи так и не решилась его задать. После того как она ушла с вечеринки, Маркус не пытался с ней связаться. Она тоже не писала ему.

Позади них сидели две девушки. Они то и дело переговаривались шёпотом, но стоило Софи повернуть голову в сторону Маркуса, как обе замолкали.

— Он сегодня какой-то особенно мрачный, — прошептала одна.

— Может, они поссорились?

— А может, она ему вообще неинтересна. Ты посмотри, он даже не пытается с ней разговаривать.

Софи слышала каждое слово.

Она отвернулась к преподавателю.

Пусть думают что хотят.

Маркус действительно выглядел так, словно мыслями находился где-то далеко. Он не смотрел на неё, не отпускал привычных язвительных замечаний и даже не пытался заглянуть в её конспект, хотя обычно непременно находил повод отвлечь её.

Девушки за спиной, кажется, решили, что их догадки подтвердились.

Софи же просто старалась сосредоточиться на лекции.

За обедом Дженна устроила Маркусу настоящий допрос.

— Ты совсем идиот?!

Она поставила поднос на стол с такой силой, что стакан с водой едва не опрокинулся.

Дин поперхнулся напитком. Лиам медленно опустил вилку, явно решив не вмешиваться, пока не станет понятно, насколько всё серьёзно.

Маркус продолжал спокойно есть.

— Доброе утро, Дженна.

— Не смей со мной так разговаривать! Я спрашиваю, какого чёрта ты устроил вчера вечером!

Он наконец поднял глаза.

— Уже слышал эту лекцию.

— От кого? От Сэма? Отлично. Значит, мне не придётся объяснять, почему драться с какими-то придурками посреди улицы — отвратительная идея!

Маркус отложил вилку.

— Они перешли черту.

— А ты, конечно, решил показать им, как правильно себя вести, разбив кому-то лицо? Браво. Просто великолепно.

Дин кашлянул, пытаясь скрыть улыбку, но, встретившись с яростным взглядом Дженны, тут же посерьёзnel.

— Она права, чувак, — осторожно сказал он. — Ты мог просто поставить их на место.

— Я поставил.

— Кулаками, — уточнил Лиам. — Мы заметили.

Маркус мрачно посмотрел на него.

— Вы закончили?

— Нет! — отрезала Дженна. — И знаешь, что самое ужасное? Софи не просила тебя об этом. Она и без тебя прекрасно справляется с тем, что на неё свалилось. А теперь ещё и ты добавил ей поводов переживать!

Маркус ничего не ответил.

Потому что именно этого он и боялся.

Он хотел защитить Софи. Хотел, чтобы люди перестали говорить о ней так, будто её чувства ничего не значат. Но в итоге снова сделал всё по-своему, не подумав о том, чего хочет она сама.

Софи сидела напротив и молча слушала.

Ей было неприятно видеть разбитые руки Маркуса. Ещё неприятнее было понимать, что он мог пострадать из-за неё.

Но благодарности он не дожждётся.

Не за то, что превратил её боль в повод для драки.

Софи аккуратно отложила салфетку и поднялась.

— Я спешу на репетицию.

Дженна тут же повернулась к ней.

— Софи...

— Увидимся позже.

Она выпрямилась, вскинула подбородок и направилась к выходу, сохраняя ту безупречную осанку, которой её учили с детства.

Она не собиралась показывать, насколько сильно её задела чужие слова.

И уж точно не собиралась позволять им определять, как ей жить.

Дин поднялся следом.

— Эй, Новарро! Подожди!

Он догнал её в коридоре и пошёл рядом, засунув руки в карманы.

— Ты же знаешь, что они не правы. Никто из этих людей ничего не знает. Они видят пару фотографий, читают какие-то комментарии и решают, что могут судить о твоей жизни.

— Пусть судят.

Дин удивлённо посмотрел на неё.

Софи остановилась возле лестницы.

— Пусть пишут что хотят. Пусть дальше собирают сплетни о том, что я пиарюсь за счёт Адама, что встречаюсь с Гарри, с тобой или с Маркусом. Мне всё равно.

Она произнесла это спокойно, но в глазах мелькнуло что-то болезненное.

— Я знаю, кто я. Я знаю, что чувствовала к Адаму. И знаю, зачем пришла на тот матч. Этого достаточно.

Дин некоторое время молчал, внимательно глядя на неё.

Затем улыбнулся и обнял её за плечи.

— Вот за это я тебя и люблю, Новарро.

Софи уткнулась лбом ему в плечо на секунду, позволяя себе немного расслабиться.

— Только не начинай плакать, Блэквуд, — пробормотала она.

— Я? Плакать? Да я просто расчувствовался от твоей невероятной мудрости.

Дин ещё раз крепко обнял её и отправился обратно к друзьям.

Софи проводила его взглядом, а затем направилась на репетицию.

Хэллоуин наступил неожиданно быстро.

Дом ребят был украшен так, словно Дин решил превратить его в декорации к дешёвому фильму ужасов. На лестнице висела искусственная паутина, в углах прятались пластиковые скелеты, а над входом покачивался огромный оранжевый фонарь с вырезанной ухмылкой.

Музыка гремела на первом этаже. Гости заполняли гостиную, кухню и даже коридор. Кто-то пришёл в костюме вампира, кто-то изображал зомби, а один парень умудрился нарядиться гигантским бананом.

Дин, разумеется, был в восторге.

Софи стояла перед зеркалом в комнате Дженны, рассматривая своё отражение.

Для вечеринки она выбрала образ ведьмы: короткое чёрное платье с открытыми плечами, высокие сапоги, тонкий пояс на талии и небольшую остроконечную шляпу, которую Дженна настояла на том, чтобы купить. Наряд подчёркивал фигуру Софи, но не был чрезмерно откровенным. Тёмный макияж делал её глаза выразительнее, чёрная подводка подчёркивала их форму, а прямые волосы свободно спадали по спине.

Она выглядела эффектно и знала это.

Рядом Дженна поправляла собственный костюм — чёрное облегающее платье с корсетными деталями, высокие сапоги и кошачьи ушки.

— Ну что, ведьмочка? Готова очаровать всех несчастных мужчин в этом доме?

— Я бы предпочла просто пережить вечер без происшествий.

— Тогда ты пришла не по адресу.

Софи усмехнулась и взяла с туалетного столика блеск для губ.

— Серьёзно, Дженна, как ты вообще выносишь эти вечеринки в вашем доме? Они же всё здесь разнесут!

Дженна посмотрела на неё через зеркало.

— А толку? Ты думаешь, Блэквуд кого-нибудь спросит, прежде чем устроить очередной праздник? Он просто объявит, что это его дом и его вечеринка, а потом заставит нас убирать последствия.

— Звучит убедительно.

— Вот именно. Так что не трать силы на возмущение. Лучше возьми что-нибудь выпить и постарайся повеселиться.

Софи закатила глаза, но улыбнулась.

— Ладно. Уговорила.

Они спустились вниз.

В гостиной было жарко и тесно. Свет мигал в такт музыке, кто-то танцевал возле дивана, а у барной стойки уже собралась очередь за напитками.

Софи быстро нашла Дина. Он был одет в чёрное, с нарисованными на лице тонкими линиями, напоминавшими трещины, и с довольным видом снимал происходящее на телефон.

— Новарро! — крикнул он, заметив её. — Вот это я понимаю! Ведьма, которая способна проклясть человека одним взглядом!

— Продолжишь — проверю на тебе.

— Обожаю, когда ты угрожаешь.

Он поцеловал её в щёку и тут же переключил камеру на Дженну.

Софи рассмеялась, обменялась парой шуток с гостями, приняла предложенный ей коктейль и попыталась втянуться в общее веселье.

Но всё это время она искала кого-то глазами.

Маркуса.

С того дня, когда она ушла с хоккейной вечеринки, они практически не разговаривали. На парах он держался отстранённо, а она не собиралась первой делать вид, будто ничего не произошло. Потом узнала о драке и ночи, проведённой им в участке.

Софи не знала, что чувствовать.

Ей было неприятно, что он вмешался, не спросив её. Но ещё сильнее её беспокоило, что он вообще позволил себе так сорваться. Она хотела поговорить с ним. Спокойно, без зрителей и чужих советов. Хотела понять, что происходило у него в голове.

И, возможно, объяснить, что она не нуждается в том, чтобы он бросался в драку ради неё.

Наконец она увидела его.

И тут же пожалела, что искала.

Маркус сидел на диване в центре гостиной, откинувшись на спинку и широко расставив ноги. В одной руке у него был стакан, а на лице играла ленивая, самодовольная улыбка.

Одна девушка устроилась у него на коленях, обвив рукой его шею. Почти не оставляя ему пространства для движения, она целовала его, а свободной рукой скользила по его паху.

Вторая сидела сзади, устроившись на спинке дивана, и проводила ладонью по его прессу через ткань. Третья прижалась к нему сбоку, что-то шепча на ухо и время от времени касаясь губами его шеи.

Их наряды едва ли оставляли простор для воображения.

Маркус не возражал.

Более того, судя по его улыбке, он прекрасно проводил время.

Софи замерла.

Что-то неприятно кольнуло между рёбрами. Резко, почти болезненно.

Она нахмурилась и сглотнула.

Какого чёрта?

Он её друг. Просто друг.

Она расстроилась лишь потому, что надеялась поговорить с ним, а он, очевидно, был слишком занят. Да и в таком состоянии едва ли смог бы её выслушать.

Всё логично.

Совершенно логично.

— Да уж, — тихо произнесла Дженна, появившаяся рядом с ней. Она проследила за её взглядом и поморщилась. — Маркус в ударе.

— Мягко сказано, — отозвалась Софи.

Она сделала глоток коктейля, но вкус вдруг показался неприятным.

Дженна осторожно посмотрела на неё.

— Ты в порядке?

— Конечно.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Софи снова посмотрела на Маркуса. Одна из девушек рассмеялась, откидывая голову, а он что-то ответил ей, после чего притянул ближе и поцеловал. Та, что сидела у него на коленях, провела пальцами по его волосам, а потом снова потянулась к его губам.

Софи отвернулась.

— Я поеду домой.

— Что? — Дженна повернулась к ней. — Новарро, ты шутишь? Мы здесь всего полчаса!

— Мне нужно отдохнуть.

— Отдохнуть? — Дженна прищурилась. — Где твоё веселье? Где твоё фирменное озорство? Ты же сама говорила, что хочешь выбраться куда-нибудь и отвлечься!

— Передумала.

— Софи...

— Просто пропало настроение.

Дженна открыла рот, чтобы возразить, но замолчала.

Она знала этот тон. Софи могла сколько угодно улыбаться и уверять всех, что всё в порядке, но если уж решила уйти, переубедить её было непросто.

— Хорошо, — наконец сказала Дженна. — Но хотя бы дай мне проводить тебя.

— Не нужно. Я сама.

Софи уже собиралась развернуться, когда снова посмотрела в сторону дивана.

Одна из девушек, сидевшая рядом с Маркусом, что-то прошептала ему на ухо, после чего он улыбнулся и провёл ладонью по её талии. Она потянулась к нему, и он вновь поцеловал её, совершенно не обращая внимания на происходящее вокруг.

Софи почувствовала, как внутри поднимается злость.

Вот же...

Она не договорила даже мысленно.

Не сказав Дженне ни слова, Софи решительно направилась через гостиную прямо к дивану.

— Софи? — удивлённо позвала подруга и поспешила за ней.

Но Софи уже остановилась перед Маркусом.

— Вставай, Деверо. Нам нужно срочно поговорить.

Девушка на его коленях недовольно повернула голову.

— Новарро, отвали.

Софи даже не посмотрела на неё.

— Я разговариваю с Маркусом.

— А он, кажется, не хочет с тобой разговаривать, — вмешалась вторая, всё ещё сидевшая за спинкой дивана.

Маркус услышал её голос, но даже не повернулся. Он лишь лениво улыбнулся девушке у себя на коленях и что-то прошептал ей в ответ.

Софи застыла на секунду.

Он действительно её игнорировал.

После всего, что произошло, после драки, после того, как она несколько дней пыталась понять, почему он отдалился, он даже не удосужился взглянуть на неё.

— Маркус, — повторила она, уже жёстче.

Он не отреагировал.

Тогда Софи протянула руку и оттащила девушку за запястье, заставив её отодвинуться.

— Эй! Ты совсем охренела?! — возмутилась та.

— Не трогай меня! — добавила другая, резко выпрямляясь.

Софи не стала отвечать. Она наклонилась к Маркусу, взяла его лицо одной рукой за подбородок и щеку и повернула к себе, заставляя посмотреть ей в глаза.

Его взгляд был затуманенным, улыбка — расслабленной, а движения казались чуть медленнее обычного.

От него пахло алкоголем.

Но дело было не только в этом.

— Что ты, мать твою, принял? — тихо, отчётливо спросила Софи.

На мгновение в его глазах мелькнуло удивление.

Затем выражение лица изменилось.

Маркус резко убрал её руку от своего лица.

— Отвали от меня, Новарро, — произнёс он холодно. — Займись своей жизнью.

Софи замерла.

Шум вечеринки будто отдалился. Она смотрела на него, не веря, что он действительно произнёс это таким тоном.

— Что?

— Ты прекрасно слышала.

Девушки рядом переглянулись. Одна из них усмехнулась и снова устроилась ближе к Маркусу, словно победила в каком-то негласном соревновании.

Софи почувствовала, как к горлу подступает ком.

Она не собиралась плакать. Не здесь. Не перед ним. И уж точно не перед этими девицами, которые, казалось, только и ждали, когда она устроит сцену.

Поэтому она выпрямилась, вскинула подбородок и посмотрела Маркусу прямо в глаза.

В её взгляде больше не было тревоги.

Только злость.

— Хорошо, Маркус.

Она произнесла его имя так спокойно, что он на секунду перестал улыбаться.

— Как скажешь.

Софи развернулась и пошла прочь.

— Софи! — позвала Дженна.

Она растерянно посмотрела на Маркуса, затем на подругу, уже пробиравшуюся сквозь толпу к выходу.

— Ты серьёзно сейчас? — бросила она Маркусу.

Он не ответил.

Дженна ещё секунду смотрела на него, словно надеялась, что он очнётся, встанет и пойдёт следом за Софи.

Но Маркус лишь откинулся на спинку дивана и притянул к себе девушку, которая уже снова пыталась его поцеловать.

— Ну и прекрасно, — процедила Дженна.

Она резко развернулась и бросилась за подругой.

Маркус продолжал целоваться с девушками, смеяться над их шутками и позволять им прижиматься к себе.

Со стороны казалось, что ему совершенно всё равно.

Будто Софи Новарро была очередной знакомой, которая решила испортить ему вечер, а он просто поставил её на место.

Но внутри всё кипело.

Он чувствовал, как под кожей пульсирует злость, как напрягаются мышцы каждый раз, когда перед глазами возникало её лицо. Софи смотрела на него так, словно он стал для неё чужим.

И, возможно, именно этого он и добивался.

Он не знал, почему она пришла к нему. Не знал, что хотела сказать. Но когда увидел её перед собой — такую красивую, сердитую, с гордо поднятым подбородком, — вдруг понял, что не может позволить себе услышать ни одного её слова.

Потому что она могла спросить о драке.

Могла спросить, почему он защищал её.

Могла спросить, почему последние дни он едва мог заставить себя смотреть ей в глаза.

А он не знал, что ответить.

Ему хотелось, чтобы она ушла.

И одновременно он ненавидел себя за то, что позволил ей уйти.

Маркус сделал большой глоток из стакана и снова притянул к себе девушку.

— Ты какой-то задумчивый, — прошептала она, касаясь губами его уха.

— Тебе кажется.

Он улыбнулся.

Но улыбка не дошла до глаз.

Дженна успела добраться до входной двери, когда поняла, что Софи уже исчезла.

Она выбежала на крыльцо, огляделась по сторонам и достала телефон.

Ни звонка, ни сообщения.

— Чёрт, Софи...

Дженна знала, что подруга не станет устраивать истерику. Не будет кричать, обвинять Маркуса или выяснять отношения на глазах у всей вечеринки. Софи скорее проглотит обиду, улыбнётся и уйдёт, чем позволит кому-то увидеть, насколько сильно её задела.

И именно это беспокоило Дженну больше всего.

Она вернулась в дом лишь на несколько секунд, чтобы взять сумочку и куртку.

Маркус по-прежнему сидел на диване. Одна девушка обнимала его за шею, другая что-то рассказывала, а третья устроилась рядом, положив голову ему на плечо.

Дженна остановилась перед ним.

— Надеюсь, ты доволен собой.

Маркус поднял на неё глаза.

— Не начинай.

— Нет, знаешь что? Я не собираюсь сейчас тратить на тебя время. Но если завтра ты вдруг решишь, что Софи обязана разговаривать с тобой как ни в чём не бывало, можешь даже не пытаться.

Его челюсть напряглась.

— Я ничего от неё не требую.

— Прекрасно. Тогда и не удивляйся, если она больше ничего тебе не скажет.

Дженна не стала ждать ответа.

Она вышла из дома и набрала номер Софи ещё раз.

В этот раз телефон зазвонил несколько секунд, прежде чем подруга ответила.

— Я дома, — произнесла Софи.

Голос звучал ровно. Слишком ровно.

Дженна закрыла глаза и прислонилась к перилам крыльца.

— Хорошо. Я просто хотела убедиться, что ты добралась.

— Спасибо.

Повисла пауза.

— Софи...

— Не надо, Дженна. Пожалуйста.

Дженна прикусила губу.

— Ладно. Не буду.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, милая.

Звонок оборвался.

Дженна ещё некоторое время смотрела на экран, а затем убрала телефон в карман.

Она была зла на Маркуса. Очень зла.

Но больше всего ей хотелось понять, что именно произошло между двумя людьми, которые ещё недавно могли молчать рядом друг с другом и всё равно чувствовать себя понятыми.

И почему теперь каждый из них, похоже, был готов сделать всё, чтобы другой держался подальше.

А в доме за её спиной музыка продолжала греметь, гости смеялись, и Маркус Деверо делал вид, что ему совершенно всё равно.

Глава 41

Прошло несколько дней, затем недель, но между Софи и Маркусом ничего не изменилось. Они продолжали пересекаться в университете, иногда оказывались в одной компании, слышали голоса друг друга, но словно существовали в параллельных мирах. Софи больше не искала его взгляд в толпе, не подходила с привычными шутками, не спрашивала, как прошла тренировка. А Маркус не пытался остановить её или заговорить первым.

Когда-то им было достаточно одного взгляда, чтобы понять друг друга. Теперь даже случайная встреча глазами казалась неловкостью, которую оба торопились прекратить.

И Софи не знала, что ранило сильнее: то, что между ними произошло на той вечеринке, или то, как легко после этого исчезла привычная близость.

Их дружба не закончилась громкой ссорой. Не было обвинений, выяснения отношений или последнего разговора. Она просто начала рассыпаться — тихо, почти незаметно, оставляя после себя пустоту там, где раньше жили доверие и понимание.

Софи знала, что у Маркуса возникли серьёзные проблемы после драки. Она слышала об официальном разбирательстве, о разговоре с тренером и о том, что его будущее в команде некоторое время оставалось под вопросом. Однокурсники обсуждали это так, словно речь шла не о человеке, а о главной сенсации университетского сезона.

В конце концов всё разрешилось относительно благополучно. Маркусу вернули капитанскую повязку, и он снова вышел на лёд вместе с командой. Правда, ему пришлось столкнуться с последствиями своего поступка, а тренер ясно дал понять, что второго подобного случая не потерпит.

Софи продолжала ходить на матчи.

Она занимала своё привычное место на трибунах, следила за игрой и вместе со всеми переживала за команду. Иногда её взгляд находил Маркуса среди игроков. Он двигался по льду с той же уверенностью, отдавал точные передачи, забивал голы и руководил командой так, словно ничего не произошло.

Но Софи знала, что это не так.

И всё же после финального свистка она уходила, не дожидаясь его. А он оставался с командой, даже когда замечал её среди уходящих зрителей.

Так они и жили — каждый в своей тишине, не решаясь нарушить её первым.

А потом наступил декабрь.

Вместе с ним пришло восемнадцатое число.

Год.

Целый год без Адама.

Утро выдалось холодным. Небо затянули тяжёлые серые облака, а ветер гнал по дорожкам кладбища сухие листья. Софи шла молча, крепко сжимая в кармане пальто пальцы. Она почти не спала ночью. Впрочем, в последние дни сон и без того редко приносил ей отдых.

На кладбище приехали все вместе: Софи, Дженна, Лиам, Маркус, Лэйн и Сэм. К ним присоединились родственники Адама. Они принесли цветы, постояли у могилы, тихо поговорили, вспоминая его улыбку, привычки, любимые истории. Кто-то плакал, кто-то пытался держаться, а кто-то просто смотрел на фотографию, будто всё ещё надеялся увидеть, как Адам сейчас рассмеётся и скажет что-нибудь в своём духе.

Софи почти не слышала чужих слов.

Она смотрела на его лицо на надгробной фотографии и чувствовала, как внутри медленно сжимается что-то давно знакомое. За этот год она научилась улыбаться, ходить на заня-

тия, репетировать с группой, встречаться с друзьями и даже смеяться так, чтобы окружающие перестали тревожно вглядываться в её лицо.

Но стоило оказаться здесь, перед его именем, как все усилия теряли смысл.

Время не лечило. Оно лишь учило жить с болью, пряча её глубже, чтобы она не мешала дышать каждую минуту.

Постепенно люди начали расходиться. Кто-то направился к выходу, кто-то задержался у соседних могил. Лэйн обняла Софи, поцеловала её в висок и прошептала, что Адам очень хотел бы видеть её счастливой. Сэм сжал её плечо, не пытаясь подобрать слова, которых всё равно не существовало.

Вскоре рядом с памятником остались только Софи и Дженна. Чуть поодаль стояли Лиам, Дин и Маркус.

Софи медленно опустилась на колени перед могилой.

Она положила ладонь на холодный камень, провела пальцами по выгравированному имени, а затем наклонилась и прижалась лбом к памятнику.

— Я пришла, Адам, — прошептала она. — Я здесь, любовь моя.

Голос сорвался на последнем слове.

Софи закрыла глаза. На мгновение ей показалось, что она снова слышит его смех, чувствует тепло его ладони и видит ту самую улыбку, от которой у неё каждый раз становилось светло на душе.

Она помнила всё.

Их разговоры. Его привычку слегка наклонять голову, когда он внимательно её слушал. Как он смотрел на неё, словно в мире не было ничего важнее.

Всё это по-прежнему жило в ней. Только самого Адама больше не было.

Маркус стоял неподвижно.

Он не отводил от Софи взгляда. Её согнутая спина, пальцы, прижатые к камню, дрожащие плечи — каждый жест отзывался в нём болью, которую он не мог ни остановить, ни заглушить.

Всё вокруг постепенно расплывалось. Оставались только Софи и могила его лучшего друга.

Злость поднималась внутри тяжёлой волной. На тех, кто отнял у них Адама. На судьбу, которая позволила всему этому случиться. На самого себя.

Особенно на себя.

Он стоял рядом с человеком, которого любил как родного брата, и не мог сказать ему ни слова. Не мог попросить прощения, не мог объяснить, что каждый день этого года прожил с чувством вины. Не мог признаться, что до сих пор возвращался мыслями к той ночи и снова и снова спрашивал себя, что мог сделать иначе.

А теперь он даже не мог подойти к Софи.

Потому что сам стал ещё одной причиной её боли.

После кладбища все поехали к Миллерам.

Лэйн приготовила чай и выставила на стол еду, хотя никто почти не притронулся к ней. Родственники Адама ненадолго задержались, поделились воспоминаниями и постепенно разъехались. Софи посидела в гостиной рядом с Лэйном, ответила на несколько вопросов Сэма, а затем сказала, что ей пора.

Дженна предложила отвезти её домой, но Софи покачала головой.

— Я поеду с вами. Не хочу пока оставаться одна.

Дженна только кивнула и крепко обняла подругу.

В доме, где жили ребята, было тихо. Обычно здесь постоянно кто-то смеялся, спорил, включал музыку или громко обсуждал очередную игру. Сегодня даже привычный беспорядок казался частью декораций к чужой жизни.

Софи устроилась на диване, поджав под себя ноги. Рядом с ней сидела Дженна, Лиам расположился в кресле, а Дин прислонился плечом к стене. Маркус занял место на другом конце дивана, оставив между собой и Софи свободное пространство.

Никто не разговаривал.

Софи смотрела на свои сцепленные пальцы. Дженна иногда поглядывала на неё, словно хотела что-то сказать, но каждый раз передумывала. Лиам сидел, опустив голову, а Дин непривычно молчал, не пытаясь разрядить обстановку шуткой.

Маркус смотрел в одну точку.

День вымотал всех, но для него он оказался почти невыносимым. Перед глазами снова и снова возникала Софи у могилы Адама. Он слышал её шёпот, видел, как она прижималась лбом к холодному камню, и чувствовал, как внутри всё сжимается от бессилия.

Он не мог больше сидеть здесь.

— Я устал, — наконец произнёс Маркус, поднимаясь с дивана. Голос прозвучал хрипло.
— Пойду к себе.

Никто не стал его останавливать.

Он поднялся на второй этаж, и вскоре наверху закрылась дверь.

Время тянулось медленно. Дженна несколько раз посмотрела на часы, затем попыталась завести разговор с Лиамом, но разговор так и не начался. Софи по-прежнему сидела неподвижно, прислушиваясь к тишине дома.

А потом со второго этажа донёсся резкий звук.

Будто что-то с силой разбилось.

Дженна вздрогнула и мгновенно вскочила на ноги.

— Что это было?

Софи подняла голову и посмотрела на лестницу.

Несколько секунд она колебалась, потом медленно поднялась.

— Я проверю Маркуса.

Дженна уже шагнула следом.

— Софи, я с тобой.

Лиам мягко взял её за руку.

— Нет, Джен. Дай им поговорить.

Дженна посмотрела на него, затем перевела взгляд на Софи. В её глазах читалось беспокойство, но она всё-таки кивнула.

Софи ничего не сказала. Она лишь поднялась по лестнице, стараясь не обращать внимания на то, как сильно колотилось сердце.

На втором этаже царил мрак. Дверь комнаты Маркуса была приоткрыта, а из ванной пробивалась узкая полоска света.

Софи осторожно вошла.

— Маркус?

Ответа не последовало.

Она пересекла комнату и приблизилась к ванной. Уже у порога заметила осколки. Разбитое зеркало рассыпалось по всей раковине и полу, отдельные кусочки блестели в свете лампы, словно крошечные ледяные пластины.

Софи замерла.

Маркус сидел перед раковиной, ссутулившись и опустив голову. Он закрыл лицо руками. По пальцам стекала кровь, капли падали на белую керамику и оставляли на ней яркие следы.

У Софи всё сжалось в груди.

Боль, которую она так старательно прятала, проснулась мгновенно. Слёзы застилали глаза, а дыхание стало неровным.

Перед ней сидел человек с разбитым сердцем.

И она не знала, как помочь ему, потому что сама едва держалась.

Год.

Прошёл целый год с того дня, как Адам умер.

Но иногда Софи казалось, что всё произошло только вчера. Она помнила тот ужас, растерянность, чужие голоса и страшную пустоту, которая пришла следом. За эти месяцы боль стала тише, научилась прятаться за повседневными делами, но никуда не исчезла.

И Маркус, судя по всему, тоже не сумел от неё избавиться.

Софи медленно переступила порог, осторожно обходя осколки. Подошла к нему и опустилась рядом на пол.

Маркус не поднял головы.

Но он знал, что это она.

Узнал её неспешные шаги, едва уловимый её аромат, само её присутствие. Даже в темноте, даже не видя её лица, он безошибочно понимал, кто сидит рядом.

Софи не стала задавать вопросов.

Не спросила, почему он разбил зеркало, почему не позвал никого, почему снова пытается справиться со всем в одиночку. Не сказала, что он ведёт себя глупо, и не попросила прекратить.

Она просто осталась рядом.

Слёзы тихо текли по её щекам, а она смотрела на пол, не в силах произнести ни слова.

Маркус медленно опустил руки и повернул к ней лицо.

Их взгляды встретились.

Софи видела тёмные следы усталости под глазами и кровь на костяшках. Но сильнее всего её поразило выражение его лица. В нём не осталось ни привычной уверенности, ни насмешливой дерзости, ни холодного равнодушия, за которым он так часто прятался.

Только боль.

Такая же глубокая и беспомощная, как её собственная.

Два разбитых сердца среди осколков зеркала.

Маркус смотрел ей в глаза, боясь даже моргнуть. Влажные ресницы Софи слиплись от слёз, а глаза казались сейчас почти прозрачными. Она не пыталась скрыть, как ей больно. И от этого ему становилось ещё тяжелее.

Маркус поднял руку и осторожно прикоснулся к её щеке. На коже остался кровавый след. Он будто не сразу заметил его, а затем большим пальцем бережно провёл по её щеке, вытирая слезу.

Прикосновение было таким осторожным, словно он боялся причинить ей боль одним неверным движением. Будто Софи могла разбиться, как зеркало у него за спиной.

Она не отстранилась.

Их лица оказались совсем близко. Маркус чувствовал её прерывистое дыхание у своих губ, видел, как дрожат её ресницы. Мир за пределами этой ванной словно перестал существовать.

Не было ни дома, ни друзей на первом этаже, ни прошедшего года, ничего.

Была только она.

Только её глаза.

Только губы, которые он слишком долго запрещал себе даже представлять так близко.

Маркус знал, что не должен этого делать.

Знал, что между ними стоит Адам — его лучший друг, человек, которому он обещал не предавать его память. Знал, что Софи всё ещё любит Адама, что её сердце до сих пор принадлежит тому, кого они потеряли.

Но в эту секунду он оказался слишком слаб, чтобы отступить.

Он резко притянул её к себе и поцеловал.

Поцелуй не был нежным или робким. В нём было слишком много накопившейся боли, одиночества и отчаянного желания удержать хоть что-то настоящее, пока оно не исчезло. Маркус целовал её так, словно боялся, что она сейчас растворится в воздухе, оставив его одного среди осколков.

Софи застыла лишь на мгновение.

А затем ответила.

Она сама не успела понять, что делает. Не успела вспомнить, кем они приходятся друг другу, что произошло год назад и почему этот поцелуй не должен был случиться. Всё это осталось где-то далеко, за пределами тесной ванной, где двое людей слишком долго пытались убедить себя, что способны справиться с болью поодиночке.

Маркус запустил пальцы в её волосы, осторожно, но отчаянно притягивая ближе. Софи вцепилась в ткань его рубашки, словно искала опору в человеке, который сам едва держался на ногах.

Она чувствовала солёный вкус слёз и металлический привкус крови. Сердце билось так сильно, что казалось, его стук заполняет всю комнату.

Маркус почти не мог дышать.

Боже, какая она...

Он не позволял себе закончить эту мысль. Не позволял признать даже самому себе, как давно в его чувствах к Софи появилось что-то, чему он не находил названия. Как тяжело было видеть её рядом и одновременно держать дистанцию. Как сильно он боялся однажды обнаружить, что уже не может представить свою жизнь без неё.

Но сейчас всё это прорвалось наружу — без разрешения, без осторожности, без единого шанса вернуть прежнее.

И первой очнулась Софи.

Она резко отстранилась.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

На лице Маркуса появилось выражение такого ужаса, что Софи почувствовала, как внутри всё оборвалось. Он будто только сейчас осознал, что сделал. Его рука замерла у её щеки, пальцы были испачканы кровью, а взгляд метался между её глазами и губами.

Что они наделали?

Как они могли?

Софи любила Адама.

А Маркус был его лучшим другом.

Человеком, который переживал его смерть не меньше неё. Человеком, которому она доверяла, рядом с которым когда-то чувствовала себя в безопасности.

И только что она ответила на его поцелуй.

Софи резко поднялась, совершенно забыв об осколках на полу. Один из них хрустнул под подошвой, но она даже не посмотрела вниз.

В её глазах был ужас. Не отвращение к нему — скорее к тому, что произошло между ними. К собственной слабости. К тому, что на несколько секунд она позволила себе забыть обо всём, что считала неизменным.

Софи выбежала из ванной, пересекла комнату и оказалась в коридоре. Её трясло. Она на ходу вытирала слёзы, но кровь с щеки лишь размазывалась по коже, оставляя красный след.

Маркус остался сидеть на полу ванной.

Он смотрел на пустой дверной проём и не мог заставить себя пошевелиться. Его руки дрожали. Кровь продолжала стекать по пальцам, но он не замечал её.

Зачем он это сделал?

Почему не остановился?

Он ведь знал, как сильно Софи любит Адама. Знал, что она и без того едва справляется с потерей. А теперь добавил к её боли ещё и это.

Он предал не только память лучшего друга. Он предал доверие Софи.

Внизу Дженна первой услышала быстрые шаги на лестнице.

Софи появилась в дверном проёме с таким лицом, что все трое мгновенно подняли головы. Она выглядела так, словно только что увидела что-то страшное. Волосы растрепались, щёки были мокрыми от слёз, а на одной из них темнел странный красноватый след.

— Софи? — Дженна поднялась. — Что случилось?

Софи не ответила.

Она схватила пальто, торопливо продела руки в рукава. Пальцы не слушались, пуговицы выскальзывали, дыхание сбивалось. Ей хотелось только одного — оказаться подальше от этого дома, от ванной, от Маркуса и от собственных чувств.

— Соф, подожди! — позвал Дин.

Она обернулась.

На секунду её взгляд встретился с глазами друзей. В её глазах было столько ужаса и растерянности, что Дин замолчал на полуслове.

Софи ничего не объяснила. Надела обувь, распахнула входную дверь и выбежала на улицу.

— Софи! — крикнула Дженна, бросаясь к двери.

Но та уже скрылась за поворотом.

Дженна замерла на пороге, не понимая, что делать. Лиам подошёл к ней и осторожно положил ладонь ей на плечо.

— Она плакала, Лиам. Ты видел её лицо?

— Видел.

Дин посмотрел на лестницу.

— Что, чёрт возьми, там произошло?

Никто не ответил.

Софи бежала.

Не разбирая дороги, не замечая холодного ветра, который бил в лицо и забирался под пальто. Она не знала, куда направляется. Ей просто нужно было уйти. Как можно дальше от дома, где только что рухнуло что-то важное, от человека, которого она считала близким другом, от самой себя.

Что они наделали?

Как они могли?

Эти два вопроса снова и снова звучали в голове Софи, словно заевшая пластинка. Она повторяла их про себя, пытаясь найти хоть какое-то объяснение случившемуся, но каждый раз возвращалась к одному и тому же.

Она любила Адама. Любила и продолжала любить, даже спустя год после его смерти. Его место в её сердце никто не мог занять. Она никогда не собиралась забывать его, никогда не хотела предавать то, что было между ними.

Но она ответила Маркусу.

Не оттолкнула его. Не остановила. И теперь этот поцелуй невозможно было вычеркнуть из памяти.

Софи плакала, почти не видя дороги. Ноги подкашивались, дыхание обжигало горло. Она споткнулась у входа в свой дом, с трудом поднялась по лестнице и наконец оказалась в квартире.

Дверь захлопнулась за её спиной.

Софи сделала ещё несколько шагов, но силы внезапно закончились. Она опустилась прямо в коридоре, прижала ладони к лицу и разрыдалась.

Её трясло так сильно, что она не могла успокоить дыхание. Она пыталась вдохнуть глубже, но каждый вдох превращался в новый судорожный всхлип.

На щеке всё ещё оставалась кровь Маркуса.

Софи провела по ней пальцами и посмотрела в зеркало на красный след.

А потом закрыла лицо руками.

Она не знала, что будет завтра. Не знала, сможет ли снова посмотреть Маркусу в глаза, сможет ли простить себя и что теперь останется от их дружбы.

Глава 42

После той ночи между Софи и Маркусом словно выросла еще одна невидимая стена. Ни объяснений, ни попыток поговорить. Они будто договорились не замечать друг друга, хотя никакой договорённости между ними не было.

Друзья ничего не понимали.

Дин несколько раз пыталась выяснить у Софи, что произошло, но та каждый раз уходила от ответа. Маркус тоже не собирался ничего объяснять. На вопросы Лиамы и Дженны он отвечал коротко, а если разговор касался Софи, то и вовсе замыкался.

Никто не знал правды.

Никто не видел того, что произошло в ванной комнате. Никто не знал о поцелуе и об ужасе, с которым они оба осознали, что переступили черту.

На общих встречах напряжение между ними ощущалось почти физически. Софи могла сидеть на одном конце комнаты, а Маркус — на другом, и даже тогда казалось, что между ними происходит безмолвный спор. Они не смотрели друг на друга, не пытались заговорить и старательно делали вид, что присутствие другого их совершенно не волнует.

Но иногда Софи ловила себя на том, что прислушивается к его голосу. А Маркус, стоило ей подняться из-за стола, провожал её взглядом, пока не убеждался, что она ушла.

Они избегали друг друга, но не могли перестать замечать.

И это было мучительно.

Музыка стала для Софи единственным местом, где она могла позволить себе чувствовать.

Она продолжала петь в баре, ходила на репетиции SYLVARIX, работала над новыми композициями. Дин часто забирал её после занятий или репетиций, и по дороге они разговаривали о чём угодно — от предстоящих выступлений до очередной выходки Гарри.

Софи старалась быть прежней. Улыбалась, шутила, спорила с Дином о музыке. Иногда даже забывала о том, что произошло.

Но стоило ей остаться одной, как воспоминания возвращались.

Поцелуй. Кровь на её щеке. Глаза Маркуса, полные ужаса.

Она не знала, что чувствовал он. И не хотела знать.

Ей казалось, что если она продолжит держаться от него подальше, то однажды сможет снова смотреть на него как раньше. Просто на Маркуса Деверо — своего близкого друга, человека, которому доверяла и которого никогда не хотела терять.

Однако с каждым днём эта надежда становилась всё слабее.

Рождество Софи провела дома.

Каталина встретила её объятиями и поцелуями, а Альберто, как всегда, постарался сохранить видимость строгого хозяина дома, хотя втайне был рад, что внучка приехала. Кристофер и Бриэль привезли Николаса, который с порога бросился к тёте Софи и потребовал немедленно показать ему все подарки.

На несколько дней жизнь снова обрела привычный ритм. Семейные разговоры за большим столом, смех Николаса, запах праздничной выпечки и музыка, доносившаяся из гостиной, помогали Софи забыть о том, что происходило в университете.

Она любила эти моменты.

Любила маму, которая всегда умела обнять так, словно никакие беды не могли добраться до неё в родном доме. Любила брата, который по-прежнему называл её малышом, хотя она давно выросла. Любила маленького Николаса, не подозревавшего, насколько хрупким порой бывает взрослый мир.

И всё же даже здесь она не могла полностью успокоиться.

Каждый вечер, когда дом затихал, Софи садилась за фортепиано.

Она перебирала клавиши, искала мелодии, записывала отдельные фразы и снова начинала сначала. Иногда музыка рождалась легко, иногда приходилось часами возвращаться к одним и тем же нотам. Но постепенно из разрозненных звуков складывалось нечто цельное — глубокое, нежное и наполненное такой тоской, что порой у неё перехватывало дыхание.

Софи никогда прежде не писала песню Адаму.

Не потому, что забыла его или не хотела сохранить память о нём. Наоборот. Ей казалось, что музыка слишком личная, чтобы делиться ею с кем-то ещё. Адам занимал в её сердце место, куда она никого не пускала, и мысль о том, чтобы превратить их историю в песню для чужих ушей, казалась почти предательством.

Она пела о любви, о потерях, о надежде, но никогда — о нём.

До этого Рождества.

Впервые Софи позволила себе написать мелодию, в которой не было ни попытки объяснить случившееся, ни желания справиться с болью. Она просто позволила памяти звучать.

И музыка получилась такой, какой она сама не ожидала её услышать. Софи играла снова и снова, пока пальцы не начинали болеть.

Эта мелодия принадлежала только ей и Адаму.

Она не собиралась публиковать её, выпускать синглом или приносить на репетицию. И не хотела, чтобы её услышали тысячи незнакомых людей и начали искать в каждой ноте скрытый смысл.

После Рождества дни потекли быстрее. Январь приближал начало нового семестра, и Софи уже собиралась возвращаться к привычному расписанию, когда однажды вечером ей позвонила Лэйн.

— Софи, милая, как ты? — раздался в трубке её тёплый голос.

— Хорошо, спасибо. А вы как?

— Мы скучаем. Давно тебя не видели. Может, приедешь к нам на несколько дней? Пока занятия не начались, у нас будет время спокойно посидеть, поболтать. Сэм тоже будет рад.

Софи невольно улыбнулась.

— Конечно. Я с удовольствием приеду.

Она любила дом Миллеров. Там её всегда принимали как родную, без лишних вопросов и ожиданий. Там можно было просто быть собой.

И, что было особенно важно сейчас, Лэйн ничего не сказала о Маркусе.

Софи не стала спрашивать, будет ли он дома.

Ей хотелось верить, что хотя бы несколько дней она сможет провести там, не сталкиваясь с ним.

Она приехала за несколько дней до начала занятий.

Лэйн встретила её у двери и крепко обняла, а Сэм, выглянув из кабинета, приветственно поднял руку и пообещал, что вечером они обязательно выпьют чаю и поговорят о том, как прошли праздники.

Маркуса дома не оказалось.

Софи испытала такое облегчение, что ей стало немного стыдно. Она ведь приехала к людям, которых любила, а не для того, чтобы выяснять, где находится их сын.

Впрочем, она быстро выбросила эту мысль из головы.

Маркус вернулся домой только через пару дней. В тот же вечер Лэйн решила устроить ужин и пригласила Дина, Лиаму и Дженну. Ей хотелось собрать всех за одним столом, пока до начала нового семестра оставалось ещё немного времени.

За ужином все постепенно втянулись в беседу. Лэйн расспрашивала ребят об учёбе, Сэм поддерживал разговор, а Дженна с Дином спорили о какой-то забавной истории, случившейся на прошлой неделе.

Софи несколько раз украдкой посмотрела на Маркуса, сидевшего напротив. Он почти не участвовал в разговоре. В его движениях чувствовалось напряжение, а взгляд то и дело опускался к тарелке. Он выглядел встревоженным, хотя старался этого не показывать.

Маркус ни разу не посмотрел на Софи.

Он спокойно отвечал на вопросы Сэма, перекидывался репликами с Дином и даже улыбнулся чему-то, что сказала Лэйн, словно Софи за столом вовсе не было.

Через некоторое время Софи поднялась и посмотрела на всех собравшихся.

— Я хочу вам кое-что показать.

— Звучит загадочно, — заметил Дин. — Нам стоит волноваться?

— Тебе — определённо, — улыбнулась она. — Но не сейчас.

Лиам тихо рассмеялся, а Дженна заинтересованно выпрямилась.

— Что ты придумала? — спросила она.

— Пойдёмте в библиотеку.

Софи первой направилась по коридору. Остальные последовали за ней, переглядываясь и пытаясь угадать, что она задумала.

В библиотеке всё оставалось таким же, как прежде. Высокие стеллажи, мягкие кресла, большие окна и белое фортепиано у стены. На полированной поверхности отражался тёплый свет ламп.

Софи остановилась рядом с инструментом.

После смерти Адама она ни разу здесь не играла.

Сначала ей было слишком больно даже смотреть на фортепиано. Потом она просто избегала библиотеки, находя десятки причин не заходить сюда. Белые клавиши слишком сильно напоминали о человеке, который подарил ей этот инструмент, потому что хотел видеть её счастливой.

Сегодня она наконец решилась.

— Я написала мелодию, — произнесла Софи, повернувшись. — Она посвящена Адаму.

В комнате стало тихо.

Дженна медленно опустилась на диван. Лэйн села рядом с ней, а Сэм устроился в кресле напротив. Лиам и Дин переглянулись и тоже заняли места. Маркус остался стоять у двери, словно не был уверен, имеет ли право находиться здесь.

Софи села за фортепиано, положила пальцы на клавиши и на секунду закрыла глаза.

Ей нужно было собраться.

Не ради выступления. Не ради оценки. Она не собиралась доказывать, что умеет писать музыку, и не ждала похвалы. Ей просто хотелось, чтобы эти люди услышали то, что она так долго держала внутри.

Первый звук прозвучал тихо.

Затем за ним последовал второй.

И библиотека наполнилась мелодией.

Она была удивительной.

Нежной, почти невесомой в начале, словно воспоминание, которое боишься потревожить. В ней слышались радость и тепло, то особенное чувство, которое остаётся после человека, подарившего тебе лучшие мгновения жизни. Но постепенно музыка становилась глубже, темнее. Ноты словно тянулись друг к другу, искали выход из невидимой ловушки, а потом обрывались и возвращались вновь — уже другими, надломленными.

Софи играла, не открывая глаз.

Её пальцы двигались уверенно, но на самых трудных фрагментах слегка дрожали. Она не пыталась сдерживать эмоции. В этой музыке не было красивой легенды о потерянной любви. Не было обещания, что время всё исправит.

В ней была правда.

Правда о том, как сильно можно любить человека. О том, как невозможно смириться с его отсутствием. О том, как воспоминания иногда согревают, а иногда причиняют такую боль, что хочется перестать помнить.

Сэм сидел неподвижно, внимательно слушая каждую ноту.

Лэйн уже не пыталась скрыть слёз. Дженна прижала пальцы к губам, и по её щекам тихо стекали слёзы. Дин и Лиам молчали, не отводя взгляда от Софи.

А Маркус стоял у двери.

С каждой новой нотой в груди у него становилось теснее. Он узнавал в мелодии то, о чём Софи никогда не рассказывала вслух: пустоту, оставшуюся после Адама, невозможность простить себя за то, что случилось, и бесконечную тоску по человеку, которого уже не вернуть.

Он вспомнил день на кладбище. Софи, прижавшуюся лбом к памятнику. Её шёпот, предназначенный только Адаму.

Я здесь, любовь моя.

Маркус закрыл глаза.

Он не заслуживал находиться здесь. Не заслуживал слушать эту музыку, видеть её боль и тем более быть человеком, к которому она могла бы обратиться за утешением.

Но он не мог уйти.

Мелодия достигла кульминации — мощной, почти болезненной. В ней будто разом собрались все невысказанные слова, все прощания, которые так и не состоялись, и вся любовь, которой больше некуда было идти.

А потом звуки начали стихать.

Последняя нота повисла в воздухе и медленно растворилась в тишине.

Софи убрала руки с клавиш.

Несколько секунд никто не двигался.

Она повернулась к друзьям. Глаза у неё блестели, но на губах появилась слабая улыбка.

— Ну как вам?

Лэйн промокнула щеки салфеткой и потянулась к Софи.

— Детка, это прекрасно.

Дженна молча кивнула, вытирая слёзы. Она не могла произнести ни слова.

Сэм глубоко вздохнул.

— Это потрясающе, София. Правда. Я даже не знаю, что сказать.

Дин и Лиам согласно закивали.

— Ты должна гордиться собой, — тихо добавил Дин.

Софи опустила взгляд. Ей было приятно слышать их слова, но эта мелодия никогда не предназначалась для похвалы. Она не хотела превращать её в произведение, которое будут обсуждать, разбирать на аккорды или сравнивать с другими песнями.

Эта музыка принадлежала Адаму.

И тем, кто тоже любил его.

Песня должна была остаться там, где прозвучала.

В доме Миллеров, среди книжных стеллажей и мягкого света, в библиотеке с белым фортепиано, которое Адам когда-то подарил ей.

И только с теми, кого Софи любила и кому доверяла, она была готова разделить эту часть своей души.

Она снова подняла глаза — и только тогда заметила, что Маркуса нет.

Дверь библиотеки была приоткрыта.

— А где Маркус? — спросила она, нахмурившись. — Я что-то не так сделала?

Лэйн тихо вздохнула. На её лице появилась печальная улыбка.

— Нет, милая. Ты всё сделала правильно. Просто... у Маркуса сейчас тяжёлое время.

Софи замерла.

— Что случилось?

Лэйн посмотрела на Сэма, словно надеясь, что он найдёт слова лучше.

— У него умер отец, Софи. Неделю назад. Мы только несколько дней назад его похоронили.

Слова прозвучали негромко, но Софи показалось, что они ударили её сильнее любого крика.

Она не сразу поняла смысл сказанного.

Отец Маркуса.

Умер.

Неделю назад.

— Господи... — прошептала она.

Пока она пряталась от собственных чувств, пока убеждала себя, что дистанция поможет ей пережить случившееся, её друг потерял отца.

И снова она не была рядом.

Софи почувствовала, как к горлу подступил ком.

Что я за друг?

Этот вопрос отозвался внутри мучительной болью.

— Где он? — спросила Софи, уже поднимаясь.

Лэйн посмотрела на неё с пониманием.

— Думаю, на заднем крыльце.

Софи кивнула и поспешила к выходу.

Холодный воздух ударил в лицо, когда она вышла во двор.

Маркус сидел на деревянной скамейке у заднего крыльца, наклонившись вперёд и сцепив руки. В пальцах тлела сигарета. Рядом по траве бегали Рори и Белла, время от времени останавливаясь возле него, словно проверяя, всё ли в порядке.

Маркус не обращал на них внимания.

Он смотрел куда-то перед собой, в темноту сада.

Белла первой заметила Софи. Собака радостно завиляла хвостом и направилась к ней.

Софи ласково погладила Беллу, а затем подошла к скамейке.

Маркус услышал её шаги, но не повернул головы.

Она остановилась рядом, не зная, с чего начать. После стольких недель молчания каждое возможное слово казалось неуместным.

Наконец она села рядом с ним.

Некоторое время они молчали. Софи смотрела на его профиль, на напряжённую линию челюсти, на сигарету между пальцами.

— Снова куришь? — тихо спросила она.

Маркус коротко ответил, не глядя на неё.

— Снова курю.

В его голосе не было привычной насмешки. Только усталость.

Софи опустила глаза.

— Маркус, прости меня.

Он повернул голову.

— За что, София?

Она сглотнула, собираясь с силами.

— За то, что меня снова не было рядом.

Его лицо сразу изменилось.

— София, не надо, — сердито произнёс он и отвернулся.

— Нет, Маркус. Надо.

Софи осторожно взяла его за руку. Он напрягся, но не отстранился.

— Ты был рядом со мной, когда мне было плохо. Ты защищал меня, даже когда я сама не знала, как себя защитить. Ты боролся за нашу дружбу, а я просто сбежала. И теперь, когда тебе самому нужна была поддержка, меня опять не оказалось рядом.

— Ты ничего не знала, — глухо ответил Маркус.

— Но я даже не попыталась узнать.

— София...

— Нет, дай мне договорить.

Она крепче сжала его руку.

— Я не знаю, что ты сейчас чувствуешь. Не знаю, что происходит у тебя в голове. Но я знаю, что ты не должен проходить через это один.

Маркус резко поднялся.

Софи отпустила его руку и тоже встала.

Теперь они стояли друг напротив друга. Между ними оставалось совсем немного пространства, но за эти месяцы оно стало почти непреодолимым.

Маркус наконец посмотрел ей в глаза.

Впервые за весь их разговор.

Софи увидела в его взгляде усталость, боль и что-то ещё — то, чему не могла подобрать названия. Она не стала пытаться разгадать это. Просто шагнула к нему и крепко обняла.

Маркус замер.

На секунду его руки повисли вдоль тела, словно он не понимал, имеет ли право ответить на это объятие. Но Софи прижалась к нему сильнее, уткнувшись лицом в его грудь.

— Мы всё ещё друзья? — прошептала она.

Маркус закрыл глаза.

Он не знал, что ответить.

Разве можно назвать их прежними друзьями после того, что случилось? Разве можно сделать вид, будто тот поцелуй ничего не значил, будто он не изменил его самого и не оставил след в каждом воспоминании о Софи?

Он не понимал, кем они были теперь.

Не понимал, кем хотел бы быть для неё.

Но понимал, что не может позволить ей исчезнуть из его жизни окончательно.

Софи чуть отстранилась, чтобы посмотреть ему в лицо.

— Мне тебя не хватает, Деверо, — сказала она, пытаясь улыбнуться. — Твоего острого языка, твоих тупых шуток... Даже твоего ужасного характера.

Уголок его губ едва заметно дрогнул.

— Моего ужасного характера?

— Особенно его.

Маркус тихо выдохнул, и в этом звуке впервые за долгое время послышалось что-то похожее на смех.

Софи снова обняла его.

— Мне не хватает нашей дружбы. наших разговоров. Мне не хватает тебя, Маркус.

Он медленно обнял её в ответ.

Крепко, почти отчаянно, но осторожно — словно боялся, что стоит ему сжать руки сильнее, и она снова исчезнет.

Он прижался щекой к её волосам и на мгновение позволил себе закрыть глаза.

Ему хотелось сказать так много.

Что он скучал по ней каждый день. Что её отсутствие стало частью его наказания. Что он до сих пор помнил тот поцелуй и не знал, как жить с тем, что они оба сделали. Что иногда ему казалось, будто он теряет её окончательно, а иногда — что именно так и должно быть, потому что он не имел права желать большего.

Но ни одно из этих слов не сорвалось с его губ.

Он не мог рассказать ей правду сейчас.

Не мог разрушить это хрупкое мгновение признанием, которое, возможно, снова оттолкнуло бы её.

Поэтому Маркус просто обнял её крепче.

— Мы всё ещё друзья, София, — произнёс он, намеренно растягивая её имя так, как делал раньше.

Софи замерла на секунду.

А потом тихо рассмеялась сквозь слёзы.

И впервые за долгое время Маркус услышал её смех не издалека, не из соседней комнаты, а совсем рядом.

Он не знал, что будет дальше. Не знал, смогут ли они когда-нибудь поговорить о той ночи и перестанут ли воспоминания причинять им боль.

Но сейчас Софи была рядом.

И пока этого ему было достаточно.

По крайней мере, он очень хотел в это верить.

Глава 43

Февраль в Кембридже, выдался промозглым и капризным. По утрам город встречал жителей колючим ветром, пробиравшимся под воротники пальто и заставлявшим прятать лица в шарфы. Небо подолгу оставалось серым, тротуары покрывались грязной снежной кашей, а по вечерам редкие снежинки кружились в свете фонарей, оседая на крышах припаркованных машин. Иногда выглядывало солнце, но тепла от него почти не было.

Зима словно не собиралась уступать место весне.

Софи, впрочем, было не до погоды.

После нескольких недель ожидания и напряжённой подготовки она прошла кастинг на озвучивание принцессы Disney. Когда ей сообщили результаты, девушка несколько секунд просто смотрела на экран телефона, перечитывая сообщение. А затем не удержалась от радостного возгласа.

Она получила возможность не только озвучить персонажа, но и исполнить песни для проекта.

Две композиции, написанные самой Софи, утвердили практически без изменений. Остальные песни ей предстояло разучить и исполнить по предоставленным материалам.

Для неё это было не просто очередной работой. Ещё недавно музыка существовала в её жизни параллельно с учёбой, семейными ожиданиями и бесконечными сомнениями. Теперь же она постепенно становилась чем-то большим — настоящей профессией, в которой её голос и её собственные песни могли услышать тысячи людей.

Начались регулярные поездки в Нью-Йорк на записи.

Иногда Софи отвозил Дин, иногда — Маркус. Когда у ребят были тренировки, занятия или другие дела, она садилась за руль своего Cadillac и ехала сама. Со временем дорога перестала казаться утомительной. В машине она слушала рабочие записи, повторяла партии и напевала мелодии, пока не находила нужное звучание.

С Дином всё было привычно. Он включал музыку погромче, комментировал её вокальные упражнения и периодически заявлял, что однажды потребует процент от её гонораров за моральную поддержку.

Маркус вёл себя иначе.

Он не задавал лишних вопросов, не отвлекал её во время прослушивания записей и всегда следил, чтобы она благополучно добралась до студии. Иногда они разговаривали всю дорогу, иногда молчали. Время от времени он бросал на неё короткие взгляды, когда она увлечённо рассказывала о работе, а Софи улыбалась ему, не замечая, как менялось выражение его лица.

Они упорно считали себя друзьями.

Софи не позволяла себе думать о том вечере в ванной. Маркус не позволял себе вспоминать поцелуй дольше, чем на несколько секунд.

Их дружба постепенно возвращалась к привычному ритму, но между ними оставалось нечто, чему они оба предпочитали не давать названия.

Или, возможно, они просто очень старались убедить себя, что ничего не изменилось.

К апрелю Кембридж заметно преобразился. Снег исчез с тротуаров, деревья начали покрываться молодой зеленью, а в воздухе наконец появилось долгожданное тепло. Люди всё чаще задерживались на улицах, кафе выставляли столики на открытые террасы, и даже вечера больше не казались продолжением зимы.

В один из апрельских вечеров SYLVARIX выступали в своём привычном баре.

Зал был переполнен. Люди стояли у сцены, теснились возле столиков и поднимали телефоны, едва музыканты появлялись под светом софитов. В воздухе смешались запахи алкоголя, парфюма и разгорячённой толпы. Бас пробирал до костей, разговоры перекрывали друг друга, а над всем этим уже звучали первые крики поклонников.

В числе зрителей были Дженна, Лиам, Маркус и почти вся хоккейная команда.

Софи стояла рядом с Гарри.

На ней была простая белая футболка и джинсы, по бокам которых шли кружевные вставки. Волосы она собрала в небрежный пучок, из которого выбились несколько прядей. Под светом софитов они мягко обрамляли лицо, а глаза казались особенно яркими.

Маркус отвёл взгляд.

И тут же посмотрел снова.

Чёрт.

Он прекрасно знал, что София красивая. Это никогда не было для него открытием. Но в последнее время ему всё чаще казалось, что он замечает в ней что-то новое, хотя знал её почти три года.

Когда зазвучали первые аккорды песни, зал взорвался восторженными криками.

Композиция была необычной: весёлая, ритмичная, с почти клубным звучанием в куплетах и припеве. Под неё хотелось танцевать, подпевать и забыть обо всём на свете. Но в середине музыка неожиданно стихала, уступая место спокойной фортепианной партии.

Именно тогда происходило то, ради чего поклонники пересматривали выступления SYLVARIX снова и снова.

Гарри и Софи становились рядом.

Между ними оставались только два микрофона.

Они смотрели друг другу в глаза, продолжая петь. Гарри чуть склонял голову, Софи отвечала ему улыбкой, и на протяжении примерно тридцати секунд между ними словно не существовало никого другого.

В этот момент зал сходил с ума.

Кто-то визжал, кто-то кричал их имена, а несколько девушек у самой сцены обнимались, едва не плача от восторга.

Маркус чувствовал, как внутри медленно закипает злость.

Тридцать секунд.

Всего тридцать секунд, в течение которых Гарри смотрел на Софи так, будто она была единственным человеком в этом переполненном баре.

А она смотрела на него в ответ.

Когда музыка снова набрала темп, они разошлись по сцене, продолжая петь, словно ничего особенного не произошло.

Для них, возможно, действительно ничего не произошло.

Для публики — всё.

Слухи об их отношениях давно ходили среди поклонников группы. Кто-то выкладывал совместные фотографии, кто-то разбирал каждую улыбку и каждый взгляд, а кто-то уже был уверен, что между вокалистами существует нечто большее, чем сценическая химия.

Гарри и Софи не торопились развеивать эти разговоры.

Если публике нравилось наблюдать за ними, почему бы не использовать это в качестве дополнительного разогрева?

В конце концов, люди приходили на музыку.

Маркуса бесил Гарри — его самодовольная улыбка, уверенные движения, манера наклоняться к Софи во время исполнения песни. Бесил Дэвид, который постоянно отпускал шутки в её адрес. Раздражал даже Дин, хотя тот вёл себя с Софи точно так же, как и всегда.

Дин обнимал её при встрече, мог поцеловать в щёку, притянуть к себе за плечи или положить руку ей на талию, когда они смеялись над очередной глупостью. Они дружили давно. Маркус прекрасно это знал.

Но почему-то именно теперь подобные мелочи выводили его из себя.

Его раздражало даже то, как легко она улыбалась другим.

Он ревновал.

И старался скрыть это даже от самого себя.

Софи была его подругой. Он не имел права смотреть на неё иначе, не имел права требовать от неё чего-либо или злиться из-за того, что она улыбалась другому.

Каждый раз, когда Софи улыбалась Маркусу, он вспоминал вкус её губ.

Каждый раз, когда она случайно касалась его руки, он вспоминал, как держал её в своей.

А затем ненавидел себя за то, что вообще позволял себе об этом думать.

Он пытался забыть в хоккее, тренировках, случайных знакомствах и девушках, с которыми не нужно было ни о чём говорить по душам. Но стоило ему увидеть Софи, услышать её смех или поймать взгляд её глаз, как всё возвращалось.

Ничего не помогало.

И сегодняшний вечер не стал исключением.

Выступление продолжалось около часа.

Маркус едва выдержал его до конца.

Каждая улыбка Софи в сторону Гарри казалась ему намеренной провокацией, хотя он прекрасно понимал, насколько нелепо это выглядело со стороны. Он не мог отвести взгляд от сцены и одновременно ненавидел себя за то, что продолжал смотреть.

Когда прозвучали последние аккорды, бар разразился аплодисментами.

Ребята поклонились, поблагодарили публику и скрылись за кулисами. Через несколько минут они уже вышли к друзьям.

Софи первой подлетела к их компании, сияя от счастья.

— Ну как вам?

— Королева сцены! — немедленно заявил Дин и обнял её за талию, притянув к себе. — Господа, прошу любить и жаловать нашу главную звезду!

— Дин, прекрати, — рассмеялась Софи, толкнув его плечом.

— Ни за что. Я знал тебя ещё до того, как ты стала знаменитой. Теперь буду напоминать об этом при каждом удобном случае.

— Ты и раньше делал то же самое.

— А теперь у меня появилось официальное основание.

Парни из хоккейной команды тут же окружили её, наперебой осыпая комплиментами.

— Софи, ты сегодня была невероятной!

— А эта песня с Гарри? Вы вообще видели, что творили на сцене?

— Вам двоим точно нужно записать ещё что-нибудь вместе.

— Спасибо, ребята, — улыбалась она. — Мне очень приятно.

Она принимала комплименты легко и непринуждённо, благодарила каждого, смеялась над шутками и выглядела по-настоящему счастливой.

Маркус стоял чуть в стороне, сжимая стакан в руке.

У него буквально чесались руки.

Он не хотел слышать, как они восхищаются Софи. Не хотел смотреть, как Дин обнимает её за талию. Не хотел видеть, как Гарри подходит к ней и что-то шепчет, заставляя её снова рассмеяться.

И больше всего его бесило то, что он не мог предъявить претензии ни одному из них.

Потому что Софи ему ничего не обещала.

Потому что они друзья.

Потому что он сам поцеловал её, а затем позволил всему между ними превратиться в молчание.

— Ну что, выпьем? — предложил один из хоккеистов.

— Давайте, — согласилась Софи.

Дин крепче обнял её за талию.

— Сначала выпьем за нашу королеву сцены, — объявил он. — А потом заставим её признаться, когда она собирается получить «Грэмми» и бросить нас всех.

— Я вас никогда не брошу, — рассмеялась Софи.

Маркус отвернулся и сделал глоток.

Ему хотелось оказаться где угодно, только не здесь.

Но уйти он тоже не мог.

Позже в баре заиграла песня Pitbull, Ne-Yo, Nayer, Afrojack — *Give Me Everything*.

Толпа тут же оживилась. Люди потянулись на танцпол, и вскоре там стало так тесно, что протиснуться между танцующими было почти невозможно.

Дженна схватила Софи за руку.

— Идём! Мы слишком долго стояли на месте!

— Я думала, ты никогда не предложишь!

Они рассмеялись и затерялись среди людей.

Софи танцевала свободно, запрокидывая голову и улыбаясь. Несколько раз она кружилась вместе с Дженной, а затем к ним присоединился какой-то парень из числа знакомых группы. Он что-то сказал ей на ухо, и Софи рассмеялась, продолжая двигаться в такт музыке.

Маркус наблюдал за ними из-за столика.

Он уже не пытался убедить себя, что ему всё равно.

Ему было далеко не всё равно.

— Маркус, — раздался рядом голос Дженны.

Он не сразу заметил, что она вернулась к столику.

— Что?

Дженна скрестила руки на груди и внимательно посмотрела на него.

— Что с тобой?

— Ничего.

— Ты чернее тучи.

— Показалось.

— Да ну? А я-то думала, что знаю тебя достаточно хорошо, чтобы отличить твоё обычное недовольное лицо от желания кому-нибудь сломать нос.

Маркус бросил на неё короткий взгляд.

— Не начинай, Дженна.

— Я ещё даже не начинала.

Она проследила за его взглядом и посмотрела на танцпол.

Софи всё ещё танцевала с тем самым парнем. Она смеялась, что-то говорила ему, а затем повернулась к Дженне, которая теперь стояла рядом с Маркусом.

Выражение лица подружки изменилось.

Дженна знала Маркуса почти всю жизнь. И она давно замечала, что между ним и Софи что-то изменилось.

Особенно после того вечера, о котором ни один из них не желал говорить.

Дженна не знала, что именно произошло в той ванной, но понимала: случилось нечто, после чего прежними они уже не стали.

— Маркус, — повторила она тише. — Ты ведь понимаешь, что это уже ненормально?

— Что именно?

— Вот это всё.

Он ничего не ответил.

— Ты смотришь на неё так, словно готов разнести весь бар, если кто-нибудь подойдёт слишком близко.

— Ты преувеличиваешь.

— Конечно. А я ещё и слепая.

Маркус поморщился.

Она вздохнула, но спорить не стала. Вместо этого снова посмотрела на Софи.

Та как раз повернулась к незнакомому парню спиной, позволив ему взять себя за руки и покружить. На её лице играла беззаботная улыбка.

Дженну это начинало раздражать.

Не потому, что Софи не имела права танцевать с кем хотела. А потому, что она слишком старательно делала вид, будто ничего не происходит.

И Маркус, судя по всему, поступал точно так же.

— Вы оба меня когда-нибудь в могилу сведёте, — пробормотала Дженна.

Через несколько минут Софи вернулась к ним.

Она была запыхавшейся после танцев, щёки порозовели, а выбившиеся из пучка пряди прилипли к вискам. Подойдя к столику, она протянулась через Маркуса и без малейшего стеснения отпила из его стакана.

Он замер.

Софи сделала ещё один глоток, поставила стакан на место и посмотрела на Дженну.

— Что? — спросила она, заметив её строгий взгляд.

Дженна молча покачала головой.

— Я пойду, Лиам заждался.

— Но...

— Софи.

В голосе подруги прозвучало столько предупреждения, что Софи лишь недоумённо посмотрела ей вслед.

Когда Дженна отошла к Лиаму, Софи повернулась к Маркусу.

— Что с ней?

— Не знаю.

— Она какая-то нервная.

— Бывает.

Софи прищурилась, изучая его лицо.

— А ты какой-то особенно разговорчивый сегодня.

Маркус поставил стакан на стол.

— Поехали. Я отвезу тебя домой.

Софи округлила глаза, а затем надула губы.

— Нет, Маркус, мне весело!

Она схватила его за локоть и слегка потянула к себе.

— Пойдём со мной, пожалуйста.

Маркус медленно посмотрел на её руку.

Затем поднял взгляд на лицо Софи.

Она стояла совсем близко, улыбаясь ему так, словно между ними никогда ничего не происходило. Словно он мог просто взять её за руку и вернуться к прежней жизни, где всё было понятно, где она доверяла ему, а он мог смеяться над её шутками, не вспоминая о том, как однажды поцеловал её.

Но всё изменилось.

И он не знал, как это исправить.

Софи чуть наклонила голову.

— Маркус?

Он заставил себя вдохнуть.

Она была красивой. Непозволительно красивой.

Глаза блестели от выпитого алкоголя и отражали разноцветные огни бара. И от неё пахло так, что Маркус едва мог сосредоточиться на собственных мыслях.

Она приблизилась ещё на шаг.

— Маркус, Маркус, — громче повторила Софи, пытаясь перекрыть музыку. — Ты меня вообще слышишь?

Он поймал её за руку.

— София, я отвезу тебя домой.

Она возмущённо выдохнула.

— Какой ты скучный! Боже, Деверо!

Она нарочито протянула его фамилию, почти так же, как он сам порой растягивал её имя, когда хотел подразнить.

Маркус стиснул зубы.

— Не начинай.

— А ты ведёшь себя как Гарри!

Он поморщился.

— Всё. Мы уходим.

— Маркус!

Но он уже повёл её к выходу, крепко держа за руку. По пути снял с вешалки куртку Софи, накинул ей на плечи, а затем взял свою.

На улице шёл дождь.

Холодные капли падали на асфальт, отражая свет вывесок и уличных фонарей. Музыка осталась позади, заглушённая закрывшейся дверью бара, а ночной воздух сразу остудил разгорячённую кожу.

Софи остановилась на пороге и огляделась.

— Маркус, я даже ни с кем не попрощалась!

Он продолжил идти к машине.

— Ты прощаешься в следующий раз.

— А если следующего раза не будет?

— Будет.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что Дин не позволит тебе пропустить ни одной вечеринки до конца жизни.

Софи рассмеялась и поспешила за ним.

— Ну куда ты так бежишь? — пожаловалась она. — На улице дождь! Мне холодно!

Маркус не ответил.

— Маркус!

Он продолжал идти.

— Маркус, ты меня игнорируешь!

Она шла следом, слегка пошатываясь, и смеялась всякий раз, когда он ускорял шаг. Маркус старался не оборачиваться. Ему нужно было лишь добраться до машины, посадить её внутрь и отвезти домой.

Ничего сложного.

Он справлялся с куда более трудными задачами.

Но, когда он наконец остановился возле автомобиля и повернулся к ней, Софи тут же подбежала и обняла его.

Маркус застыл.

Она прижалась к нему всем телом, обхватив руками за талию, и довольно вздохнула.

— Деверо, ты такой тёплый.

Он опустил взгляд на её макушку.

— София...

— И грозный, — продолжила она, словно не слышала. — Как медведь. Огромный русский медведь.

Маркус прикрыл глаза.

Господи, дай ему терпения.

Софи отстранилась ровно настолько, чтобы посмотреть ему в лицо. Затем подняла руку и легонько щёлкнула его по носу.

— А теперь отвези меня домой.

Она произнесла это совершенно буднично, будто последние несколько минут не доводила его до грани самообладания.

Маркус медленно выдохнул.

Держи себя в руках.

Он осторожно убрал её руку от своего лица.

Просто отвези её домой. Убедись, что она добралась в целости и сохранности, и забудь обо всём остальном.

Но забыть он не мог.

Ни её улыбку. Ни тепло её объятий. Ни то, как легко она прижималась к нему, не подозревая, чего ему стоило оставаться рядом и не выдавать себя.

Никому не нужно то, что я чувствую.

Он повторил это про себя, как делал уже сотни раз.

Софи не должна была знать. Не должна была чувствовать себя обязанной ему. Не должна была снова страдать из-за него.

Она и без того потеряла слишком много.

Маркус открыл пассажирскую дверь и помог ей сесть, придерживая над головой руку, чтобы дождь не попадал на лицо. Затем обошёл машину и устроился за рулём.

Софи уже пристёгивалась, тихо напевая мелодию, которую они с Гарри исполняли на сцене.

Маркус сжал руль.

Просто друзья.

Он завёл двигатель и выехал на мокрую улицу.

Мы просто друзья, София.

Но даже в собственной голове эти слова звучали как ложь.

Глава 44

У SYLVARIX снова был повод для праздника.

Ещё два трека группы попали в чарты и стремительно набирали популярность. Песни крутили по радио, отрывки разлетались по социальным сетям, а количество прослушиваний росло с каждым днём.

Дэвид первым заметил, что одна из композиций поднялась ещё на несколько позиций, и тут же устроил в общем чате настоящий переполох. Гарри делал вид, что ожидал подобного с самого начала, хотя его довольная улыбка говорила сама за себя. Стивен и Рони уже обсуждали, как это повлияет на следующие выступления.

Софи не могла перестать улыбаться.

Её собственные песни, которые ещё недавно существовали только в её голове и на страницах нотных тетрадей, теперь слушали незнакомые люди. И самое удивительное — им действительно нравилось.

Дин появился перед ней с большим пакетом и таким самодовольным выражением лица, что Софи сразу насторожилась.

— Что ты натворил? — спросила она, подозрительно прищурившись.

— Почему ты всегда предполагаешь худшее? Я вообще-то пришёл поздравить тебя с успехом.

Софи удивлённо моргнула.

— С каким ещё успехом?

— Софи, два трека в чартах! — Дин театрально прижал руку к груди. — Наша девочка становится звездой, а ты думаешь, я позволю такому событию пройти без подарка?

— Дин...

— Никаких возражений. Это подарок в честь твоих достижений. И прежде чем ты спросишь, нет, я не жду ничего взамен. Хотя автограф на случай, если ты станешь всемирно известной, не помешает.

Софи рассмеялась и покачала головой.

— Ты неисправим.

— Зато щедр и невероятно скромен.

— Вот насчёт последнего я бы поспорила.

Дин рассмеялся и протянул ей пакет.

— Давай, открывай. Надеюсь, тебе понравится.

Внутри лежала бордовое худи. Софи развернула её и ахнула, увидев надписи на спине, выложенные блестящими стразами.

BLACKWOOD — 27

А ниже,:

DEVEREAUX — 20

Софи провела пальцами по сверкающим буквам и подняла на Дина удивлённый взгляд.

— Дин! Это же потрясающе!

— Я знаю. У меня великолепный вкус.

— Спасибо! Правда, она классная!

Она тут же прижала кофту к себе, рассматривая её со всех сторон.

Дин довольно улыбнулся. Изначально он хотел заказать вещь исключительно со своей фамилией. Всё-таки двадцать седьмой номер принадлежал ему, а кто ещё заслуживал того, чтобы Софи болела именно за него?

Но потом он вспомнил Маркуса.

Последнее, чего ему хотелось, — выслушивать его язвительные комментарии о том, что Дин присвоил себе всю спину кофты. А ещё меньше Дину хотелось наблюдать за тем, как Маркус молча мрачнеет, делая вид, что его совершенно не волнует, чью фамилию Софи носит на спине.

Поэтому пришлось пойти на компромисс.

— Теперь на хоккее будешь болеть за нас обоих, — торжественно объявил Дин. — Хотя, конечно, я рассчитываю, что BLACKWOOD ты будешь скандировать громче.

— Даже не надейся.

— Предательство! После всего, что я для тебя сделал!

— Ты подарил мне кофту.

— Эксклюзивную кофту! С двумя фамилиями! Это, между прочим, дипломатический подвиг.

Софи рассмеялась и обняла его.

— Спасибо, Дини. Мне правда очень нравится.

— Вот и отлично. А теперь приготовься к следующему сюрпризу.

Она отстранилась.

— Мне уже страшно.

— Мы едем в Европу!

Софи несколько секунд молча смотрела на него, пытаясь осмыслить услышанное.

— Подожди. Мы — это кто?

— Мы — это мы! — Дин широко развёл руками. — Ты, я, Маркус, Лиам и Дженна. Все вместе. Никаких отговорок, никаких «я занята» и никаких внезапных юридических лекций.

— Дин, у меня вообще-то...

— София, — перебил он её с видом человека, который готовился к этому разговору всю жизнь, — мы заканчиваем очередной учебный год. Мы пережили экзамены, тренировки, твои бесконечные репетиции, мои невероятно сложные попытки поддерживать всех морально. Мы заслужили нормальный отдых.

— Твои попытки поддерживать всех морально обычно заканчиваются тем, что кому-нибудь приходится тебя спасать, — заметила Софи.

— Детали.

Дженна, услышав о поездке, отреагировала совершенно иначе. Уже через несколько часов она прислала в общий чат фотографии чемоданов, список необходимых вещей и несколько вариантов одежды на каждый город.

Софи подозревала, что подруга начала собираться ещё до того, как Дин закончил рассказывать маршрут.

— Мы едем на каникулы, а не переезжаем на другой континент, — заметил Маркус, когда Дженна в очередной раз упомянула, что ей понадобится дополнительный чемодан.

— Ты просто не понимаешь, насколько важны правильные образы для путешествия, — отрезала она.

— Мне нужны футболки, джинсы, шорты и кроссовки.

— Ужас.

— Лиам, скажи ей.

Лиам поднял руки.

— Не впутывай меня. Я хочу дожить до середины мая.

— Вот! — Дженна победно указала на него. — Хотя бы один разумный человек.

— Я этого не говорил, — возразил Лиам.

Софи смеялась, наблюдая, как Маркус закатывает глаза, а Дин подливает масла в огонь, предлагая взять отдельный чемодан для аксессуаров.

Она была счастлива.

Ей хотелось провести время с друзьями, увидеть новые места, заблудиться на незнакомых улицах, пробовать непривычную еду и смеяться до боли в животе над очередной выходкой Дина.

С ними ей было легко.

Почти как с семьёй.

И всё же рядом с Маркусом эта лёгкость иногда давала трещину.

После их примирения они стали общаться свободнее. Он снова подшучивал над ней, иногда отвозил её на записи, а порой мог просто присесть рядом и начать разговор о чём-нибудь совершенно незначительном. Софи ловила на себе его взгляды, слишком длинные для обычной дружбы, но каждый раз убеждала себя, что ошибается.

Она не могла позволить себе думать о Маркусе иначе.

Она была девушкой Адама. Маркус был его лучшим другом.

Между ними не должно было существовать ничего другого.

И всё же потерять Маркуса Софи боялась едва ли не сильнее, чем признаться самой себе в том, что давно перестало укладываться в рамки дружбы. Он стал одним из самых близких ей людей. Они прошли через слишком многое, чтобы теперь разрушить всё из-за чувств, которым никто из них не давал права на существование.

Она надеялась, что со временем всё уляжется. Что случившееся в декабре останется позади, а их дружба снова станет прежней.

Маркус, судя по всему, придерживался той же стратегии.

По крайней мере, именно так Софи объясняла себе его поведение.

Но стоило на очередной вечеринке какой-нибудь девушке повиснуть у Маркуса на шее, как все её благородные решения мгновенно забывались.

Ей хотелось оттащить незнакомку подальше.

А потом хорошенько встряхнуть самого Маркуса за то, что он позволял им это делать.

Однажды вечером они сидели в кафе после занятий. Дженна обсуждала с Лиамом какие-то организационные вопросы перед поездкой, Дин изучал меню, хотя уже заказал себе еду, а Маркус молча пил кофе.

Софи крутила в руках ложечку, задумчиво глядя в окно.

— Слушайте, — наконец произнесла она. — А может, мне попробовать найти себе парня?

Дин так резко поднял голову, что едва не поперхнулся напитком.

Лиам закашлялся от смеха.

Дженна медленно повернулась к подруге.

— Прости, что?

— Ну, парня, — невозмутимо повторила Софи. — Обычного. С которым можно ходить на свидания, смотреть фильмы, ужинать...

— Нет, я прекрасно услышала, — перебила её Дженна. — Я просто пытаюсь понять, откуда это взялось.

— А что такого? Мне скоро двадцать один. Вполне нормально хотеть отношений.

— Абсолютно нормально, — согласился Дин, всё ещё приходя в себя. — Просто предупреждать о таких вещах нужно заранее. У меня чуть кофе из носа не пошёл.

— Дин!

— Что? Я волнуюсь за твоё здоровье.

Софи закатила глаза.

— Забудьте. Я просто спросила.

Маркус всё это время молчал.

Он смотрел куда угодно, только не на неё: на чашку, на меню, на окно, на телефон, который даже не собирался проверять. Его лицо оставалось спокойным, но пальцы крепче сжали ручку чашки.

— А почему бы и нет? — произнесла Дженна, не сводя с Софи внимательного взгляда.

— Если тебе кто-нибудь понравится, попробуй. Ты ведь не обязана всю жизнь...

Она осеклась, заметив выражение лица Маркуса.

— Что? — спросила Софи.

— Ничего, — быстро ответила Дженна. — Я просто говорю, что ты имеешь право на личную жизнь.

— Вот именно, — поддержал Дин. — Но сначала давайте переживём Европу.

Разговор постепенно переключился на поездку, но Маркус так и не произнёс больше ни слова.

София тоже не была уверена, зачем вообще задала этот вопрос.

Может быть, действительно хотела попробовать начать что-то новое. Может быть, ей хотелось доказать себе, что она способна смотреть на кого-то, кроме Адама и Маркуса.

А может, ей просто хотелось увидеть реакцию последнего.

Эта мысль ей совершенно не понравилась.

Последние экзамены, прощания с преподавателями, закрытые аудитории и бесконечные разговоры о планах на лето остались позади. Кампус постепенно пустел, студенты разъезжались по домам, а впереди маячило целое лето, которое обещало стать незабываемым.

В назначенный день они встретились в аэропорту.

Дженна стояла рядом с пятью чемоданами, проверяя документы и билеты. Лиам терпеливо держал её сумку, Дин рассказывал что-то о первом пункте маршрута, а Маркус с выражением глубокого сожаления смотрел на багаж, который им предстояло тащить за собой.

— Я до сих пор не понимаю, зачем тебе столько вещей, — сказал он Дженне.

— А я до сих пор не понимаю, зачем тебе столько сарказма.

— Он занимает меньше места, чем твоя косметичка.

Лиам рассмеялся, а Дин тут же вмешался, заявив, что готов выступить посредником в их конфликте, если ему за это предоставят отдельное место у окна.

Софи стояла рядом, наблюдая за ними, и улыбалась.

Вокруг звучали объявления о посадке, по залу тянулись пассажиры с чемоданами, а за огромными окнами медленно поднимались самолёты.

Она поправила ремень сумки на плече и посмотрела на друзей.

На Дина, который уже строил планы на первую ночь. На Дженну, проверявшую билеты в третий раз. На Лиаму, с улыбкой наблюдавшего за своей девушкой. И на Маркуса, который наконец оторвался от чемоданов и встретился с ней взглядом.

Он едва заметно улыбнулся.

Софи улыбнулась в ответ.

Всего на мгновение между ними возникло то самое чувство близости, которое она так старательно пыталась считать обычной дружбой.

Затем Дин громко объявил, что если они немедленно не пойдут на посадку, то их европейские каникулы начнутся с ночёвки в аэропорту.

И момент исчез.

— Ну что, народ! — провозгласил он, подхватывая свою сумку. — Европа, встречай! Мы едем!

— Мы летим, идиот, — поправил его Маркус.

— Не придирайся к деталям, Деверо!

Глава 45

Париж встретил их тёплым майским воздухом, шумом улиц и огнями, которые делали город особенно красивым после заката. Дин с первых же минут заявил, что путешествие уже оправдало все его ожидания, хотя они успели только заселиться в отель и дойти до ближайшей кофейни.

За Парижем последовал Амстердам, где они несколько раз едва не потеряли Дина среди узких улочек и велосипедистов, а затем Прага с её старинными мостами, уютными площадями и бесконечными лестницами. Дин фотографировал буквально всё, Дженна с Лиамом постоянно отставали от остальных, потому что то останавливались у очередной витрины, то увлекались разговором, а Маркус всё чаще жаловался, что их путешествие больше напоминает марафон, чем отдых.

Софи смеялась вместе со всеми, наслаждалась новыми впечатлениями и старательно убеждала себя, что наконец-то научилась просто жить.

Не думать о прошлом.

Не искать в каждом воспоминании Адама.

Не замечать, как часто её взгляд возвращается к Маркусу.

Получалось плохо.

Особенно теперь, когда они оказались в Италии.

Вечером они отправились на небольшой прибрежный фестиваль. Музыка разносилась по набережной, цветные огни отражались в тёмной воде, а вокруг стояли палатки с едой и напитками. Люди танцевали прямо на площади, смеялись, поднимали бокалы и наслаждались тёплой ночью.

Дин, разумеется, чувствовал себя так, словно фестиваль устроили исключительно ради него.

— Я официально заявляю, что готов остаться здесь навсегда! — прокричал он, поднимая стакан с коктейлем.

— Мы только приехали, — напомнил Лиам.

— И уже нашли своё предназначение.

— Какое? — спросила Дженна.

— Танцевать, пить коктейли и не думать о будущем.

— То есть заниматься тем же, чем ты занимаешься всю жизнь? — уточнил Маркус.

— Именно. Наконец-то ты оценил глубину моей философии.

Софи рассмеялась, наблюдая, как Дин хватается за руку Дженны и утаскивает её в самую гущу танцующих. Лиам последовал за ними, а спустя несколько минут к ним присоединилась и Софи.

Она танцевала, смеялась, запрокидывала голову, когда Дин изображал какие-то нелепые движения, и на короткое время действительно забывала обо всём. Маркус тоже не остался в стороне. Он двигался гораздо увереннее Дина, и тот немедленно объявил его своим главным конкурентом.

— Не смей затмевать меня на моей же сцене! — возмутился Дин.

— Это не твоя сцена, Блэквуд.

— Пока не моя, Деверо.

Они ещё долго препирались, пока Дженна не заявила, что оба выглядят как дети, которым впервые разрешили выйти из дома без присмотра.

Позже, когда музыка стала тише, а фестиваль постепенно начал редеть, Дин посмотрел на море и вдруг просиял.

— А теперь купаться!

— Сейчас? — Софи посмотрела на него с сомнением.

— Нет, через три рабочих дня. Конечно, сейчас!

Он сбросил обувь и первым побежал к воде, на ходу стягивая футболку. Лиам рассмеялся и двинулся следом. Дженна даже не стала притворяться, что собирается его отговаривать: она просто сняла сандалии и побежала за парнем.

— Последний в воде — зануда! — крикнул Дин.

— Тогда можешь считать, что победил, — ответил Маркус, неторопливо снимая футболку.

Софи задержала дыхание.

Иногда ей казалось, что Маркус прекрасно знает, какое впечатление производит на окружающих, и именно поэтому позволяет себе двигаться с такой непринуждённой уверенностью. Впрочем, возможно, ей просто хотелось найти объяснение тому, почему она замечала каждую мелочь, связанную с ним.

Они подошли к воде. Софи позволила волнам коснуться ступней, но дальше идти не стала. Море оказалось прохладнее, чем она ожидала.

— Ты с нами? — крикнула Дженна, уже по пояс в воде.

— Сейчас!

— София, это не приглашение на светский приём! — добавил Дин. — Просто заходи!

— Иди купайся, Дин!

— Я и купаюсь!

Он с громким всплеском нырнул, тут же вынырнул и принялся брызгаться, словно ему снова было десять лет. Лиам пытался удержать Дженну за талию, пока она смеялась и старалась плеснуть водой в Дина. Через минуту они уже втроём устроили настоящую войну, совершенно забыв о существовании остальных людей на берегу.

Софи всё-таки зашла в воду, но вскоре выбралась обратно. Она промокла почти до пояса, волосы прилипли к шее, а кожа покрылась мурашками. Найдя оставленный коктейль, она устроилась на деревянном настиле у причала, подтянула колени к груди и стала наблюдать за друзьями.

Именно тогда из воды вышел Маркус.

Сначала она заметила его плечи — широкие, сильные, блестящие от капель. Потом влажные тёмные волосы, прилипшие ко лбу, и воду, стекающую по шее и груди. Он провёл ладонью по лицу, убирая волосы назад, и направился к причалу.

На животе и по бокам ещё оставались синяки, последствия недавних хоккейных столкновений. Они постепенно сходили, но пока отчётливо выделялись на коже.

Софи невольно задержала взгляд.

Она слишком хорошо знала, что скрывалось за этой физической силой. Упрямство, резкость, привычка справляться со всем самостоятельно. И та боль, о которой Маркус никогда не говорил вслух.

Он был красив до раздражения.

И совершенно невыносим.

Софи почувствовала, как внутри разливается знакомое тепло, и поспешно сделала глоток коктейля. Сердце застучало чаще. Она попыталась переключить внимание на огни вдоль берега, но стоило Маркусу оказаться рядом, как все её усилия пошли прахом.

Он сел на деревянный настил, вытянул ноги и достал телефон.

Софи старалась не смотреть.

Правда старалась.

Но экран снова и снова загорался, а Маркус печатал сообщения с таким сосредоточенным видом, что её любопытство быстро сменилось раздражением.

Она заметила женское имя.

Потом фотографию профиля.

И, наконец, сообщение, на которое Маркус ответил с короткой улыбкой.

Софи стиснула стакан.

Разумеется. Почему бы ему не переписываться с девушками? Он свободен. Может делать всё, что захочет. Может знакомиться, флиртовать, назначать свидания и целоваться с кем угодно.

Это не должно её волновать.

Совершенно.

— С кем переписываешься? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал безразлично. Маркус даже не поднял головы.

— А тебе какое дело?

Вот и всё.

Эти слова почему-то задели её сильнее, чем должны были.

— Да никакого.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Софи поставила стакан рядом, прежде чем успела передумать.

— Дай посмотреть.

Маркус наконец повернулся к ней.

— Что?

— Телефон.

— София, ты серьёзно?

Она протянула руку. Он несколько секунд смотрел на неё, словно пытался понять, что на неё нашло, а потом усмехнулся и снова уткнулся в экран.

И Софи сорвалась.

Она выхватила телефон у него из рук.

— Эй! Ты что творишь?

— Ничего.

— София, отдай.

Но она уже открыла переписку. Несколько быстрых движений — и контакт оказался заблокирован.

Софи вернула ему телефон с таким видом, словно только что оказала ему огромную услугу.

Маркус молча посмотрел на экран.

Потом на неё.

— Ты сейчас заблокировала девушку в моём телефоне?

— Да.

— Просто замечательно.

— Не благодари.

Он медленно выдохнул, провёл ладонью по мокрым волосам и посмотрел на неё так, что Софи захотелось одновременно провалиться сквозь землю и заставить его никогда больше не смотреть ни на кого другого.

— Ты хоть понимаешь, насколько это ненормально?

— А ты понимаешь, насколько раздражающим бывает твоё поведение?

— Моё поведение? — Он коротко рассмеялся, но в его голосе не было веселья. — Ты только что влезла в мой телефон, София.

— И что теперь? Напишешь ей с другого номера?

Она резко поднялась.

— Прекрасно. Удачи.

Она шла вдоль берега, не желая слышать продолжения.

Маркус остался сидеть на причале, глядя ей вслед.

Ему хотелось догнать её. Схватить за руку, развернуть к себе и заставить наконец объяснить, что происходит у неё в голове. Почему она то прижимается к нему так, словно он единственный человек на свете, рядом с которым ей спокойно, то отталкивает его, едва он пытается приблизиться. Почему смотрит на него так, что у него перехватывает дыхание, а потом делает вид, будто между ними ничего нет.

Он устал от этих бесконечных качелей.

Устал от собственной ревности, когда она улыбалась другим парням. Устал от того, что каждое её прикосновение оставляло после себя больше вопросов, чем ответов. Устал притворяться, что ему всё равно, хотя это было самым большим обманом в его жизни.

И больше всего он устал от себя.

Потому что каждый раз, когда Софи оказывалась рядом, он забывал обо всех причинах, по которым должен был держаться от неё подальше.

А потом вспоминал Адама.

И ненавидел себя за то, что всё равно хотел её.

Позже они устроили небольшой лагерь на берегу. Дин каким-то чудом раздобыл дрова, Лиам помог развести костёр, а Дженна объявила, что после такого насыщенного дня заслужила хотя бы час без единой попытки кого-нибудь утопить.

— Это была не попытка утопить, — возразил Дин. — Это была проверка вашей реакции в экстремальных условиях.

— Ты залил мне водой ухо.

— Зато теперь ты лучше слышишь.

— Дин!

Он рассмеялся и поднял руки в знак капитуляции.

Они расположились вокруг костра. Лиам сел на толстое бревно, а Дженна устроилась между его ног, прислонившись спиной к его груди. Он обнял её за талию и время от времени целовал в висок, пока она что-то тихо рассказывала ему на ухо.

Софи сидела немного в стороне, поджав под себя ноги. После купания она переделалась в сухую одежду, накинула на плечи толстовку и достала из рюкзака небольшой блокнот.

Она открыла чистую страницу.

И замерла.

Весь вечер она пыталась убедить себя, что происшествие у причала ничего не значило. Что она просто разозлилась. Что Маркус сам виноват в её раздражении, потому что вёл себя как самодовольный идиот.

Но стоило ей взять ручку, как все эти объяснения рассыпались.

На бумаге появились первые слова.

Потом ещё одна строка.

И ещё.

Она писала быстро, почти не задумываясь, словно боялась потерять что-то важное, пока пыталась подобрать нужные слова. Зачёркивала фразы, меняла их местами, возвращалась к предыдущей странице и снова начинала с чистого листа.

Она никогда не писала стихов об Адаме.

Даже после его смерти, когда боль казалась такой огромной, что в ней невозможно было дышать, Софи не могла заставить себя превратить их любовь в строки.

Но теперь она писала о Маркусе.

О его взгляде, от которого невозможно было спрятаться.

О руках, которые она хотела чувствовать на себе.

О расстоянии между ними, которое иногда измерялось несколькими сантиметрами, а иногда казалось бесконечным.

О том, как можно скучать по человеку, сидящему в нескольких шагах от тебя.

И о том, как страшно хотеть того, чего, возможно, не имеешь права желать.

Софи остановилась, перечитала написанное и закрыла глаза.

Господи.

Что с ней происходило?

Она не собиралась влюбляться. Не собиралась даже думать о возможности чего-то подобного. Адам был частью её жизни, частью её сердца, и она не могла просто взять и вычеркнуть его, словно ничего не было.

Но, кажется, Маркус уже давно перестал быть для неё просто другом.

— Ну что ж, — тем временем торжественно объявил Дин, подсаживаясь ближе к костру. — Раз уж мы все здесь собрались, предлагаю немного развлечься.

— Если ты собираешься рассказывать страшилки, я уйду спать, — предупредила Дженна.

— Вот именно поэтому я и собираюсь их рассказывать. Мне нужно, чтобы вы все были максимально уязвимы.

— Ты не исправим, — пробормотал Лиам.

— Спасибо. Я стараюсь.

Дин начал историю о путешественниках, которые однажды остановились на ночь в заброшенном доме у моря. Он рассказывал с таким драматизмом, что даже сам то и дело вздрагивал, когда переходил на шёпот или внезапно повышал голос.

Дженна смеялась над его актёрскими способностями, Лиам подыгрывал ей, а Софи продолжала писать.

Она почти не слышала рассказа.

Когда очередная строка наконец обрела нужное звучание, Софи поставила точку, закрыла блокнот и глубоко выдохнула.

Впервые за долгое время ей удалось назвать то, что она чувствовала.

Пусть только для самой себя.

Она подняла голову и посмотрела на Маркуса.

Он сидел напротив, вытянув ноги к костру. На нём были тёмные шорты и простая футболка, а влажные после купания волосы уже почти высохли. Он слушал Дина вполуха и время от времени усмехался, но взгляд его то и дело возвращался к Софи.

Когда их глаза встретились, Маркус слегка нахмурился.

Она улыбнулась ему.

Совсем немного.

И в этой улыбке было столько тоски, что он невольно перестал слушать Дина.

Софи первой отвела взгляд.

А потом, словно приняв решение, которого сама до конца не понимала, поднялась с места.

Маркус проводил её глазами.

Она обошла костёр, прошла мимо Дина, который как раз дошёл до самого жуткого момента своей истории, и остановилась рядом с Маркусом.

— Подвинься, — тихо попросила она.

Он молча сдвинулся, освобождая место.

Но Софи не села рядом.

Она опустилась перед ним и устроилась между его ног, спиной к его груди, точно так же, как Дженна сидела с Лиамом. Только в отличие от Дженны Софи не знала, что заставило её это сделать.

Она ведь сама злилась на него всего час назад.

Сама заблокировала какую-то девушку в его телефоне, сама ушла, хлопнув невидимой дверью между ними.

А теперь сидела здесь, так близко, что могла чувствовать тепло его тела.

Что она творила?

Сердце колотилось так сильно, что ей казалось, Маркус непременно услышит его стук.

Она осторожно придвинулась к нему, прижалась боком к его правой ноге и положила ладонь на колено. Его кожа была тёплой. Софи медленно провела пальцами по обнажённой коленке, почти не осознавая собственного движения.

Маркус замер.

На несколько долгих секунд он перестал дышать, глядя на макушку Софи. Он не знал, что сказать, и ещё меньше понимал, что делать.

Она могла уйти от него в любой момент.

Могла снова отстраниться, испугаться собственной близости, вспомнить об Адаме и решить, что всё это было ошибкой.

Но пока она оставалась рядом.

И Маркус не хотел разрушать это мгновение ни одним неосторожным движением.

Постепенно напряжение в его плечах ослабло. Он поднял руку и осторожно коснулся её волос.

Софи не отстранилась.

Тогда он провёл пальцами по мягким прядям, убирая их с её щеки. Делал это медленно, почти невесомо, словно боялся, что одно неверное прикосновение заставит её передумать.

Она прикрыла глаза.

Ей было хорошо.

Настолько хорошо, что от этого становилось больно.

Софи придвинулась ещё ближе и уткнулась носом в его ногу, пряча лицо. Маркус опустил взгляд на неё, чувствуя, как внутри поднимается волна нежности, которую он уже не мог ни остановить, ни объяснить.

Он скучал по ней.

Даже когда она сидела рядом. Даже когда могла коснуться его в любую секунду. Даже сейчас, когда её волосы скользили между его пальцами, а ладонь лежала на его колене, ему казалось, что он всё ещё не имеет права на эту близость.

Потому что однажды она могла поднять голову и посмотреть на него глазами, в которых больше не будет ни тепла, ни доверия.

И тогда ему придётся отпустить её.

Софи тоже скучала.

По нему, по его прикосновениям, по тому странному спокойствию, которое ощущала рядом с ним, несмотря на все сомнения и страхи. Ей хотелось, чтобы он обнял её крепче. Чтобы не задавал вопросов. Чтобы не напоминал, что они должны остановиться.

Чтобы просто побыл рядом.

Маркус словно понял это без слов. Он обнял её за плечи и притянул к себе, продолжая гладить волосы.

Софи выдохнула и расслабилась в его объятиях.

Никто из них не заметил, как Дженна на мгновение посмотрела в их сторону. Она встретила взглядом с Лиамом, и тот едва заметно приподнял брови.

Дженна ничего не сказала.

Лиам тоже.

Возможно, они действительно не придали этому значения. А возможно, просто решили не вмешиваться.

Дин, впрочем, не собирался упускать такую возможность.

Он уже закончил свою страшилку и теперь наблюдал за Софи и Маркусом с выражением человека, который случайно обнаружил нечто гораздо интереснее любой истории о привидениях.

— Так, — прошептал он, доставая телефон. — Это нужно сохранить для истории.

Он сделал снимок.

На фотографии Софи сидела между ног Маркуса, прижавшись к нему всем телом, а он обнимал её за плечи и склонил голову к её волосам. Она выглядела удивительно спокойной, почти беззащитной, а Маркус смотрел на неё с такой нежностью, что никакие слова не требовались.

Они выглядели так, словно наконец нашли то, что давно искали, но до сих пор не решились признать даже самим себе.

Дин посмотрел на снимок и улыбнулся.

— Ну наконец-то, — тихо пробормотал он.

— Что ты там бормочешь? — спросил Маркус, не поворачивая головы.

— Ничего. Наслаждайся вечером, Деверо.

Он спрятал телефон, но улыбка с его лица так и не исчезла.

К полуночи костёр почти прогорел, разговоры стихли, а усталость наконец взяла своё. Они решили переночевать в палатках неподалёку от берега, чтобы утром встретить рассвет у моря.

Дженна, не раздумывая, отправилась в палатку к Лиаму. Они собирались спать вместе и даже не пытались скрывать, что больше всего на свете сейчас хотят остаться вдвоём.

Софи же должна была ночевать с Дином.

Но Дин, едва закончив складывать вещи, куда-то исчез. Как выяснилось спустя несколько минут, он познакомился на фестивале с девушкой и решил, что предложение прогуляться вдоль набережной слишком заманчиво, чтобы от него отказываться.

— Он серьёзно? — Софи стояла посреди лагеря, держа в руках спальник.

Маркус, уже забравшийся в свою палатку, выглянул наружу.

— Ты ведь знаешь Дина.

— Знаю. Но он хотя бы мог предупредить.

— Он оставил тебе сообщение.

Софи достала телефон. На экране действительно появилось уведомление.

Не жди меня, красавица. У меня возникли срочные дела международного масштаба. Не скучай!

Она закатила глаза.

— Когда-нибудь я его придушу.

— Встань в очередь, — отозвался Маркус.

Софи посмотрела на палатку Дина и наконец перевела взгляд на Маркуса.

Она сжала губы, пытаясь справиться с раздражением.

— Я не хочу спать одна.

Маркус молчал.

Она стояла перед ним в большой толстовке, с растрёпанными после ветра волосами и спальником в руках. И смотрела так, словно просила о чём-то совершенно невинном.

Возможно, для неё это действительно было невинно.

Для него — нет.

Маркус долго смотрел на неё, пытаясь найти хоть один разумный аргумент, который заставил бы её уйти. Но все они рассыпались, стоило ему представить, как она возвращается в пустую палатку и ложится там одна.

Она забралась внутрь, стараясь не задеть его коленями, устроила спальник рядом и выключила фонарик. Несколько секунд они лежали в темноте, слушая шум волн и редкие голоса людей, которые ещё не собирались спать.

Софи смотрела в потолок палатки.

Ей не хотелось возвращаться к себе.

Не хотелось лежать в одиночестве, смотреть на тёмную ткань над головой и думать о том, как сильно изменилась её жизнь. Не хотелось вспоминать Адама и чувствовать, как прошлое снова тянет её назад.

Рядом был Маркус.

Живой. Тёплый. Настоящий.

Она повернулась к нему лицом и осторожно придвинулась ближе.

Маркус почувствовал движение, но не пошевелился.

Когда её рука легла ему на талию, он напрягся всем телом.

Боже.

Что они делали?

Он должен был остановить её. Должен был напомнить, что она пережила слишком многое, что её чувства запутаны, что он сам не имеет права требовать от неё чего-либо.

Но Софи обняла его крепче и прижалась лицом к его спине.

И все правильные слова исчезли.

Маркус осторожно накрыл её руку своей ладонью. Несколько мгновений он просто держал её пальцы, пытаясь убедить себя, что этого достаточно.

Но потом она тихо вздохнула, и он понял, что больше не может лежать к ней спиной.

Он повернулся.

Софи сразу потянулась к нему, словно только этого и ждала. Маркус обнял её, притянул к груди и зарылся лицом в её волосы.

От неё пахло морем, шампунем и чем-то едва уловимым, знакомым до боли.

Он вдохнул глубже, прижимая её к себе, и почувствовал, как бешено колотится собственное сердце.

Софи тоже слышала его.

Каждый удар отдавался у неё под щекой. Она лежала, обнимая Маркуса за талию, и чувствовала, как напряжено его тело, как он старается сдерживать каждое движение, каждое желание, которое могло бы разрушить хрупкое равновесие между ними.

Она знала, что он тоже не спит.

Знала, что он чувствует то же, что и она.

И от этого становилось ещё страшнее.

Потому что Маркус был не просто её другом. Не просто человеком, который остался рядом после смерти Адама.

Он был тем, к кому она тянулась, когда ей было больно. Тем, чьи прикосновения искала, даже когда сама не понимала почему. Тем, чьё внимание могло сделать её счастливой, а равнодушие — причинить почти физическую боль.

Она прижалась к нему ещё ближе.

Маркус тихо выдохнул, уткнувшись носом в её волосы. Он чувствовал её дыхание у своей груди, её руку на своей спине, тепло её тела. И собственное желание, которое становилось всё труднее игнорировать.

Он не мог притворяться, что ничего не происходит.

Не мог убедить себя, что это всего лишь дружба.

Но и не мог позволить себе забыть, чьё имя до сих пор жило между ними.

Адам.

Его лучший друг.

Человек, которого Маркус не смог спасти.

Человек, чью любимую девушку он теперь держал в объятиях, мечтая никогда её не отпускать.

Боль и тоска сжали грудь так сильно, что на мгновение ему показалось, будто он задыхается. Он закрыл глаза и прижался лбом к её виску.

Софи почувствовала, как он крепче обнял её, и вцепилась пальцами в ткань его футболки.

Она не знала, что будет завтра.

Не знала, как посмотрит ему в глаза утром. Не знала, сможет ли снова притворяться, будто между ними ничего нет.

Сейчас ей хотелось только остаться здесь.

В его руках.

Маркус провёл ладонью по её спине, стараясь успокоить её и одновременно самого себя.

Они лежали молча, слишком близко, чтобы обмануть друг друга, и слишком напуганные, чтобы произнести правду вслух.

Так не должно было быть.

Они не должны были лежать в одной палатке, обнимать друг друга и чувствовать то, что чувствовали.

Но Софи не отпускала его.

А Маркус не отпускал её.

Глава 46

После Италии их путешествие продолжилось в Испании.

Софи обещала познакомить друзей с частью своей семьи, и теперь, когда до конца путешествия оставалось ещё пара недель, наконец появилась возможность сдержать обещание. Родственники встретили их с таким радушием, что уже через час Дин чувствовал себя полноправным членом семьи Новарро и совершенно не стеснялся просить добавку за ужином.

Дом стоял прямо на берегу моря. Большой, светлый, с просторными террасами, балконами и огромными окнами, за которыми до самого горизонта простиралась лазурная вода. По утрам солнце заливало комнаты золотистым светом, а вечерами морской бриз приносил с собой запах соли и нагретых за день камней.

Для Софи это место было особенным. Она жила в Испании с шести до пятнадцати лет, и этот дом на берегу моря хранил множество её детских воспоминаний. Она до сих пор помнила, как бегала по песку босиком, собирала ракушки и держала папу за руку, пытаясь убедить его, что однажды обязательно поселится здесь навсегда. В те годы море было частью её привычной жизни, а летние дни казались бесконечными. После смерти отца всё изменилось, но стоило Софи снова оказаться здесь, как знакомые улочки и шум волн возвращали её к тому времени, когда она была ещё ребёнком.

Теперь она привезла сюда своих друзей.

Они провели у родственников несколько дней: ужинали на открытой террасе, купались, загорали и слушали бесконечные семейные истории. Дженна быстро нашла общий язык с кузинами Софи, Лиам помогал хозяевам дома с приготовлением ужина, а Дин успел очаровать практически всех женщин в радиусе нескольких десятков метров.

Маркус же предпочитал держаться в стороне от всеобщего веселья, наблюдая за происходящим с привычной спокойной усмешкой.

По крайней мере, до тех пор, пока рядом не оказывалась Софи.

Тогда его внимание предательски переключалось на неё.

Он мог разговаривать с Лиамом о предстоящем хоккейном сезоне, слушать очередную историю Дина или отвечать на вопросы родственников Софи, но стоило ей засмеяться в другом конце террасы, как он невольно поворачивал голову.

Маркус никогда не испытывал недостатка в уверенности. Он знал, кто он, чего хочет и как добиваться своего. На льду он принимал решения за доли секунды, в сложных ситуациях сохранял хладнокровие, а в общении с девушками давно усвоил простое правило: если ему кто-то нравился, он не тратил время на сомнения.

Но с Софи всё оказалось иначе.

Рядом с ней привычная уверенность почему-то переставала работать. В голове появлялись вопросы, на которые у него не было ответов.

Можно ли было обнять её просто так?

Не покажется ли ей странным, если он сядет рядом?

Что означала её улыбка — обычную дружескую теплоту или что-то ещё?

Он никогда прежде не анализировал подобные вещи. Ему даже в голову не приходило, что однажды он окажется в положении человека, который не знает, как вести себя с девушкой.

И всё же именно это происходило.

Софи делала его не слабым, не робким и уж точно не лишала способности быть собой. Но рядом с ней он впервые боялся ошибиться. Боялся сделать лишний шаг, сказать не то слово, поставить её в неловкое положение или заставить отдалиться.

Потому что потерять её он не мог себе позволить.

В один из дней они отправились гулять по старым улочкам небольшого прибрежного городка.

Солнце стояло высоко, каменные стены нагрелись, а из открытых окон доносились музыка и голоса. Дженна и Лиам шли впереди, споря о том, где лучше пообедать. Дин снимал всё подряд для своего канала, периодически разворачивая камеру на друзей и комментируя их действия так, словно снимал документальный фильм о редком виде животных.

— Картер, ты опять предлагаешь ресторан, в котором мы вчера были? — возмущалась Дженна.

— Потому что там вкусно.

— Мы в Испании! Здесь на каждой улице есть ресторан!

— Вот именно. Значит, у нас огромный выбор. И я выбираю тот, где вкусно.

— У тебя гастрономический кругозор размером с тарелку.

— Зато тарелка большая.

Софи рассмеялась, а Маркус, шедший рядом с ней, посмотрел на её лицо.

— Что? — спросила она, заметив его взгляд.

— Ничего.

— Ты сегодня подозрительно часто на меня смотришь.

— А ты подозрительно часто это замечаешь.

Она прищурилась.

— Очень смешно, Деверо.

— Рад, что ты оценила.

Софи покачала головой, продолжая улыбаться, и Маркус поймал себя на том, что хотел бы видеть эту улыбку чаще.

Гораздо чаще, чем им обоим следовало бы.

Они свернули на узкую улочку, где небольшие магазинчики соседствовали с кафе и сувенирными лавками. Именно там Софи заметила тату-салон.

Она остановилась перед витриной.

— Я хочу татуировку.

Дженна тут же обернулась.

— Что?

— Татуировку, — повторила Софи, продолжая рассматривать рисунки за стеклом. — Небольшую.

Дин немедленно опустил телефон.

— Подождите. Новарро решила сделать что-то спонтанное? Я должен это записать. Исторический момент!

— Запиши ещё, как я закапываю тебя в песок, — невозмутимо ответила она.

— Вот видите? — обратился Дин к камере. — Агрессия. В этой семье меня не ценят.

Лиам заглянул в витрину через его плечо.

— А что именно ты хочешь?

Софи указала на несколько эскизов.

— Пока не знаю. Что-то изящное. Но я хочу, чтобы у татуировки был смысл.

Маркус подошёл ближе, засунув руки в карманы.

Софи посмотрела на него, потом снова на витрину.

Её взгляд остановился на изображении одного крыла.

— Вот это.

Дженна встала рядом.

— Красиво.

— Да, — тихо согласилась Софи. — Мне нравится.

Она некоторое время рассматривала рисунок, словно пыталась понять, почему именно он привлёк её внимание.

— Знаете, я подумала... Мы столько всего пережили вместе. И эта поездка тоже стала чем-то особенным. Мне хочется сохранить хотя бы маленькую память обо всём этом.

Дин посмотрел на остальных.

— Значит, делаем одинаковые татуировки. Все пятеро.

— Ты сейчас серьёзно? — спросил Лиам.

— Абсолютно. Мы должны увековечить нашу дружбу, молодость и мою невероятную красоту.

— Последнее точно можно не увековечивать, — заметила Дженна.

— Завидууй молча.

Софи рассмеялась.

— Я согласна. Но только если рисунок будет небольшим.

— Я тоже, — сказал Лиам.

Дженна кивнула.

— Хорошо. Давайте сделаем что-нибудь, что будет напоминать нам об этой поездке.

Все посмотрели на Маркуса.

Он перевёл взгляд на Софи. Она стояла перед ним, освещённая ярким испанским солнцем, и в её глазах было столько неподдельного воодушевления, что он не смог бы отказать, даже если бы захотел.

— Если ты уверена, я с тобой, — произнёс он.

Софи улыбнулась ему.

— Тогда решено.

И почему-то именно в этот момент Маркус почувствовал, что для него эта татуировка будет значить гораздо больше, чем он готов признать.

Они выбрали одно крыло, направленное влево, с тонкими, тщательно прорисованными перьями. Решили разместить его на задней стороне левой ноги, чуть выше пятки, — небольшое, но заметное, если знать, куда смотреть.

Маркус долго смотрел на эскиз, пытаясь разобраться в собственных чувствах. Но теперь мысль о том, что память о Адаме останется с ними не только в сердце, но и на коже, почему-то отзывалась в нём особенно остро.

Пока мастер готовил всё необходимое, Дин успел несколько раз заявить, что совершенно не боится игл, а затем поинтересовался, можно ли сделать его крыло немного крупнее остальных.

— Тогда оно не будет одинаковым, — заметила Дженна.

— У меня особенная душа.

— У тебя особенное самомнение, — поправил Лиам.

— Это тоже.

Софи смеялась вместе с ними, пока не настала её очередь.

Тогда веселье немного отступило.

Она села в кресло и посмотрела на перенесённый на кожу рисунок. Маленькое крыло казалось почти невесомым. Скоро оно станет частью её тела — постоянным напоминанием о людях, с которыми она прошла через слишком многое.

Софи глубоко вдохнула.

Она знала, что это всего лишь татуировка. И всё же решение оказалось сложнее, чем она ожидала.

Потому что дело было не в рисунке.

Адам навсегда остался частью их истории. Он был с ними в воспоминаниях, в шутках, в привычках, в тех мгновениях, когда кто-то из них неожиданно произносил фразу, которую

когда-то любил повторять он. Его отсутствие по-прежнему чувствовалось даже в самые счастливые дни.

И теперь Софи собиралась сделать на своём теле знак, который навсегда свяжет её с теми, кто остался.

Когда мастер приступил к работе, она крепко сжала край кресла. Боль была терпимой, но каждый раз, когда игла касалась кожи, Софи невольно думала о том, как странно устроена память. Иногда она прячется в песнях, иногда — в запахах и случайных словах. А иногда ей требуется нечто осязаемое, чтобы напоминать о людях, которых невозможно забыть.

Когда всё закончилось, Софи осторожно посмотрела на готовый рисунок.

Одно крыло, направленное влево.

Она провела взглядом по тонким линиям, и к горлу подступил ком.

Теперь Адам был не только в её сердце.

Его память стала частью того, что объединяло их всех, — частью истории, которую они не могли и не хотели забывать.

Когда татуировки были готовы у всех пятерых, они вышли на улицу и устроились на низкой каменной стене, чтобы сделать фотографии.

Дин немедленно поднял телефон.

— Так, все показываем левые ноги. Дружно. И без жалоб. Мы только что стали обладателями самого дорогого символа нашей дружбы.

— Вообще-то, татуировка стоила не так уж дорого, — заметил Лиам.

— Я говорю о моральной ценности, Картер. Попробуй иногда мыслить глубже.

Софи смеялась, пока Дженна помогала ей поправить ногу для фотографии. Маркус сидел рядом и смотрел на своё крыло.

Его лицо оставалось спокойным, но внутри поднималась тяжёлая волна чувств.

Для него этот рисунок тоже был посвящением Адаму.

Но одновременно — напоминанием о том, что он никогда не сможет занять его место.

И не хотел.

Маркус не собирался вытеснять друга из сердца Софи. Не хотел становиться человеком, который заставит её забыть прошлое или откажется принять ту часть её жизни, в которой Адам навсегда останется особенным.

Он знал, что этого не произойдёт. Адам был её первой любовью, человеком, который спас ей жизнь. Ничто не могло отменить этого. Ничто не должно было отменять.

Но от понимания не становилось легче.

Маркус ещё не мог понять, что именно чувствует к Софи. Он лишь знал, что она стала для него кем-то гораздо большим, чем просто близким другом. Но он не спешил называть эти чувства и тем более признавать, насколько сильно они меняют его самого.

По крайней мере, он пытался убедить себя, что всё не так сложно.

Потому что сколько бы раз Маркус ни говорил себе, что не имеет права чувствовать к Софи что-то большее, рядом с ней ему становилось всё труднее верить собственным словам. В случайных прикосновениях, задержавшихся взглядах и тихих моментах, когда она засыпала у его плеча, было что-то, чему он пока не мог дать название. И с каждым днём это нечто занимало в его сердце всё больше места.

Он чувствовал себя виноватым даже тогда, когда просто хотел обнять её.

Виноватым, когда ловил себя на мысли, что хочет видеть её улыбку, как только проснётся.

Виноватым, когда представлял, как однажды сможет сказать ей всё, что прячет за привычными колкостями и спокойным выражением лица.

Он не хотел предавать Адама.

Но и перестать чувствовать что-то к Софи не мог.

В последующие дни всё продолжалось так, словно между ними ничего не изменилось.

И одновременно изменилось почти всё.

Маркус по-прежнему подшучивал над Софи, а она отвечала ему колкостями. Они спорили, выбирали места для прогулок и иногда задерживались вдвоём, пока остальные шли впереди.

Софи замечала каждое его прикосновение и улыбалась ему иначе.

Не так, как улыбалась Лиаму, не так, как смеялась над выходками Дина, и даже не так, как улыбалась Дженне.

В её улыбке появлялось что-то мягкое, почти нежное.

И каждый раз, замечая это, она пугалась.

Что за дурацкое поведение, София Новарро?

Она могла весь день убеждать себя, что Маркус — её друг, самый близкий человек, которым стал после смерти Адама. Но стоило ему оказаться рядом, как все разумные доводы куда-то исчезали.

Особенно её мучило воспоминание об итальянском фестивале.

Точнее, о том вечере, когда она выхватила телефон Маркуса и заблокировала девушку, с которой он переписывался.

Каждый раз, вспоминая собственный поступок, Софи хотела закрыть лицо руками.

Она не имела права решать, с кем ему общаться. Не имела права ревновать. Не имела права злиться, когда он флиртовал с другими девушками.

Но почему-то злилась.

И каждый раз, когда Маркус улыбался кому-то ещё, ей приходилось напоминать себе, что он свободен. Что он ничего ей не обещал. Что между ними нет ничего, кроме дружбы.

Порой ей казалось, что повторять это самой себе приходится слишком часто.

Дженна замечала все, как Маркус искал Софи глазами, когда они оказывались в незнакомом месте. Как невольно замедлял шаг, если она отставала. Как касался её плеча, пропуская вперёд, и как менялось его лицо, стоило ей улыбнуться.

А ещё Дженна видела Софи.

Софи, которая могла смеяться над шутками Дина, спорить с Лиамом, фотографировать старые здания и совершенно спокойно разговаривать с кем угодно. Но стоило рядом появиться Маркусу, как в ней что-то менялось.

Дженна знала Маркуса пятнадцать лет. Он был частью её детства, её семьи, её жизни. Она привыкла видеть его уверенным, насмешливым и почти непроницаемым для чужих чувств. Он мог быть внимательным и заботливым, но по-настоящему открывался очень немногим.

В его жизни всю жизнь была одна девушка — Дженна, почти сестра, человек, которому он мог рассказать то, чего не говорил никому другому.

С другими девушками всё было иначе. Маркус не подпускал их близко. Между ним и его многочисленными знакомыми обычно существовал лишь секс и чёткие границы, которые он никогда не позволял пересекать.

Но Софи...

Софи, казалось, незаметно заняла в его жизни особое место, которому он пока не находил объяснения.

И именно это пугало Дженну.

Она хотела, чтобы Маркус был счастлив. После всего, что он пережил, он заслуживал человека, рядом с которым ему не пришлось бы постоянно доказывать собственную ценность. Человека, который увидел бы в нём не только сильного хоккеиста, не только самоуверенного парня с острым языком, но и того, кто умел любить, бояться и нуждаться в поддержке.

Дженна понимала, что чувства Маркуса гораздо глубже, чем он позволял себе показать, хотя они никогда не говорили об этом. Но она знала и другое: Софи всё ещё жила с огромной дырой в сердце, оставленной Адамом, и пока не была готова впустить в него кого-то нового.

Маркус, только не разбейся о скалы собственных мечтаний, — думала Дженна, наблюдая, как он подаёт Софи руку, помогая ей перешагнуть через небольшую лужу.

Он сделал это почти машинально.

Софи посмотрела на него и улыбнулась.

Маркус ответил ей такой улыбкой, которую Дженна никогда не видела на его лице.

И Дженна отвела взгляд.

Она боялась, что Маркус однажды решится поверить в возможность счастья, а Софи окажется не готова принять его чувства.

Лиам тоже замечал происходящее, хотя старательно делал вид, что ничего необычного не происходит. Он не вмешивался и не задавал вопросов. Иногда лишь переглядывался с Дженной, когда Маркус в очередной раз оказывался рядом с Софи быстрее, чем кто-либо другой.

В этих взглядах было молчаливое понимание.

Они оба знали, что рано или поздно что-то должно измениться.

Но никто не собирался торопить события.

Дин, в отличие от Лиама, молчать не умел.

По крайней мере, когда дело касалось Софи.

Он несколько раз пытался остаться с ней наедине, чтобы выяснить, что происходит между ней и Маркусом. Но каждый раз она находила способ сменить тему, отшутиться или просто уйти, оставив его разговаривать с воздухом.

Наконец, однажды вечером, когда остальные отправились за напитками, Дин перегородил ей дорогу на террасе большого дома.

— Так, Новарро. Нам нужно поговорить.

Софи подозрительно посмотрела на него.

— Если ты опять собираешься спрашивать о Маркусе, я тебя предупреждаю...

— Я ещё ничего не сказал!

— Тебе и не нужно. У тебя всё написано на лице.

— На моём лице написано, что я невероятно красив.

— На твоём лице написано, что ты сейчас пожалеешь о своём следующем вопросе.

Дин приложил руку к груди.

— Ты угрожаешь лучшему другу?

— Я угрожаю человеку, который не умеет держать язык за зубами.

— Соф, я просто переживаю за тебя.

Она на секунду замолчала. Улыбка исчезла с её лица, и Дин понял, что снова подошёл слишком близко к тому, о чём она не хотела говорить.

Но он не отступил.

— Я знаю, как тебе тяжело. И я не собираюсь говорить, что ты должна забыть Адама. Никто не может требовать от тебя такого. Но ты ведь понимаешь, что...

— Дини, — тихо перебила его Софи.

— Что?

— Если ты ещё раз спросишь меня о Маркусе или выложишь хотя бы одно видео, где мы случайно стоим рядом, я опубликую в интернете все фотографии, на которых ты спишь с открытым ртом. А заодно и ту, где тебя тошнит после вечеринки в Праге.

Дин застыл.

— Ты не посмеешь.

Софи молча посмотрела на него.

— Новарро, ты страшный человек! — возмутился он. — Я думал, мы лучшие друзья!

— Мы и есть друзья, Дини, — ответила она, устало вздохнув. — Просто я не хочу об этом говорить.

Он внимательно посмотрел на неё.

За три года Софи стала для него одним из самых близких людей. За её колкостями и привычкой отшучиваться он научился различать моменты, когда она действительно веселилась, и те, когда смех служил ей защитой.

Сейчас она смотрела на него так, словно сама устала от собственного поведения.

Дин прекрасно знал, что Софи не забыла Адама. Он никогда не ожидал, что она сможет просто перевернуть страницу и начать новую жизнь, будто ничего не произошло. Но он видел и то, как она смотрела на Маркуса, как тянулась к нему и как тут же отстранялась, словно испугалась собственных чувств.

Дину хотелось встряхнуть её, заставить перестать мучить себя бесконечными запретами. Но он понимал, что это ничего не изменит.

Софи должна была прийти к этому сама.

Он верил, что однажды она сможет позволить себе снова жить. Не забыть Адама, не отказаться от любви, которую испытывала к нему, а перестать считать собственное счастье предательством.

Однажды она должна будет понять, что память о человеке не требует от неё оставаться несчастной до конца жизни.

Но пока Дин мог лишь быть рядом.

Поэтому он тяжело вздохнул, театрально закатил глаза и отступил в сторону.

Однажды вечером они возвращались с прогулки вдоль моря. Дженна и Лиам ушли вперёд, а Дин задержался у уличного музыканта.

Софи шла рядом с Маркусом, придерживая рукой волосы, которые ветер то и дело бросал ей в лицо.

— Ты сегодня какая-то тихая, — заметил он.

— А ты сегодня слишком наблюдательный.

— Это моя скрытая суперспособность.

— Я думала, твоя суперспособность — раздражать людей.

— Одно другому не мешает.

Софи улыбнулась, и Маркус на мгновение задержал на ней взгляд.

Ему нравилось, когда она улыбалась именно так — без напряжения, без попытки спрятаться за шуткой. В такие моменты ему казалось, что он наконец видит настоящую Софи, ту, которую она редко показывала ему в последнее время.

— Что? — спросила она, заметив его взгляд.

— Ничего.

— Маркус.

— София.

Она закатила глаза.

— Ненавижу, когда ты так делаешь.

— Как?

— Когда смотришь на меня, будто знаешь что-то, чего не знаю я.

Уголок его губ приподнялся.

— Возможно, я просто пытаюсь понять, почему ты сегодня весь вечер смотришь на меня, когда думаешь, что я не замечаю.

Софи мгновенно отвернулась.

— Самоуверенность тебе не к лицу.

— А тебе не идёт притворство.

Она посмотрела на него, собираясь возразить, но так и не нашла подходящих слов.

Маркус не стал продолжать шутку. Он прекрасно понимал, что за её резкостью скрывается нечто гораздо более сложное, чем обычное смущение.

И впервые в жизни не знал, как поступить.

Он мог бы сказать ей прямо, что чувствует. Мог бы перестать ходить вокруг да около и спросить, что происходит между ними. Но каждый раз, когда представлял этот разговор, перед глазами возникал Адам.

Его лучший друг.

Человек, которого Маркус любил как брата.

Он не хотел, чтобы Софи чувствовала себя обязанной ответить ему взаимностью. Не хотел, чтобы она решила, будто должна выбирать между памятью об Адаме и возможностью нового счастья.

И меньше всего он хотел потерять её из-за собственной нетерпеливости.

Поэтому Маркус лишь спросил:

— Ты когда-нибудь собираешься перестать убегать от собственных мыслей?

Софи опустила взгляд.

Они прошли ещё несколько шагов. Впереди шумело море, а на террасах домов зажигались фонари.

— Иногда мне кажется, что я делаю всё неправильно, — призналась она. — Что должна вести себя иначе. Что не имею права...

Она замолчала.

— Не имеешь права на что, София?

Она покачала головой.

— Неважно.

— Для тебя важно.

Софи остановилась и посмотрела на него.

Он стоял перед ней спокойно, уверенно, как всегда. Ни нервозности, ни раздражения, ни попытки заставить её говорить. Но внутри Маркус чувствовал, как напряжение постепенно нарастает. Он хотел услышать правду и одновременно боялся её.

— Я просто не хочу тебя потерять, — сказала она наконец.

Его взгляд смягчился.

— Ты меня не потеряешь.

— Ты не можешь этого обещать.

Софи несколько секунд смотрела на него, пытаясь понять, почему от этих слов ей стало одновременно легче и больнее.

— Мы всё ещё друзья, Маркус, — тихо сказала она. — Ты мой близкий друг.

Он выдержал её взгляд.

— Я знаю, София.

Ему хотелось сказать гораздо больше. Хотелось признаться, что дружбы ему уже давно недостаточно, что он каждый день борется с желанием быть ближе, чем ему позволено. Но он не мог переложить на неё тяжесть собственных чувств, пока она сама не понимала, что происходит у неё в сердце.

Она осторожно коснулась его руки.

Маркус посмотрел на её пальцы, лежавшие на его ладони, и позволил себе переплести их со своими.

Всего одно маленькое движение.

Но Софи не отстранилась.

Они постояли так несколько секунд, слушая шум волн. Потом Маркус большим пальцем мягко провёл по её костяшкам.

— Пойдём, — сказал он. — А то Дин решит, что нас похитили, и начнёт снимать документальный фильм.

Софи тихо рассмеялась.

— Он назовёт его «Трагедия двух идиотов».

— И непременно назначит себя главным героем.

— Разумеется.

Они пошли дальше, держась за руки ещё несколько шагов. Потом Софи первой осторожно разомкнула пальцы.

Маркус ничего не сказал.

Глава 47

До начала учёбы оставалось три недели.

Путешествие по Европе закончилось, но возвращаться к привычной жизни никому особенно не хотелось. За последние недели они успели увидеть столько новых мест, пережить столько ярких моментов и накопить столько историй, что мысль о расставании казалась преждевременной.

Поэтому Софи решила провести ещё пару дней в арендованном доме, где жили Дженна, Лиам, Дин и Маркус.

Через два дня парни должны были отправиться на хоккейные сборы. Времени, чтобы повеселиться оставалось совсем немного.

И ребята решили использовать его по полной.

Вечером они устроились на первом этаже, расположившись на диванах перед телевизором. Музыка гремела так громко, что порой приходилось повышать голос даже для обычного разговора. На журнальном столике стояли стаканы, закуски и бутылка коньяка, которую Дин торжественно поставил в самый центр.

Дженна посмотрела на неё и закатила глаза.

— Блэквуд, нет!

— Наконец-то! — радостно объявил Лиам, поднимая стакан.

Маркус откинулся на спинку дивана и посмотрел на друзей с явным неодобрением.

— Вы ведь понимаете, что послезавтра вам нужно будет встать на ноги и поехать на сборы?

— Спокойно, кэп, — усмехнулся Дин. — У нас ещё целых два дня.

— Именно поэтому ты уже решил потерять один из них, — заметил Маркус.

— София, ты с нами, дорогая? — Дин повернулся к ней с таким видом, будто от её ответа зависел успех всего вечера.

Софи улыбнулась и взяла стакан.

— Конечно, Дини. Разве я могу оставить тебя в такой момент?

— Йохоу! Мне нравится твой настрой! Учитесь, люди!

— Новарро, ты лучшая! — поддержал его Лиам.

Софи и Лиам рассмеялись, а Дженна снова закатила глаза.

— Вы трое однажды сведёте меня в могилу.

— Но зато весело, — заметил Дин.

Маркус покачал головой, некоторое время наблюдая за ними, а затем всё-таки поднялся.

— Ладно. Я с вами. Но если завтра кто-нибудь будет жаловаться на головную боль, я лично напомню ему, кто сегодня предлагал остановиться.

— Вот это я понимаю — командный дух! — провозгласил Дин.

Вечер продолжился.

Музыка становилась всё громче, разговоры — всё бессвязнее, а истории Лиам и Дина постепенно теряли начало и конец. Софи смеялась вместе со всеми, иногда подливая себе совсем немного, и наслаждалась редкой возможностью просто быть рядом с друзьями, не думая о предстоящих занятиях, записях и сложностях, которые ждали её впереди.

Дженна сдалась первой. Около часа назад она пожелала всем спокойной ночи и ушла наверх, заявив, что не собирается слушать, как трое взрослых мужчин соревнуются в бессмысленности разговоров.

Теперь Лиам и Дин пытались объяснить друг другу какую-то историю, то и дело перебивая собеседника и забывая, с чего всё началось.

Маркус полулежал в кресле, вытянув ноги и прикрыв глаза. Он выглядел уставшим, но на губах всё ещё играла едва заметная усмешка.

Софи тем временем принялась собирать пустые стаканы.

— Софи, оставь это до завтра, — пробормотал Дин, наблюдая за ней с дивана. — Стол никуда не убежит.

— Если я оставлю всё вам, завтра здесь будет археологическая находка.

— Слышал, Картер? Она считает нас опасными для домашнего хозяйства.

— Я уже давно это знаю, — невнятно отозвался Лиам.

Софи рассмеялась и потянулась за очередным стаканом.

Вскоре Маркус наконец поднялся с кресла.

— Я спать.

— Удачи с подъёмом, кэп! — крикнул ему Лиам.

— Она тебе понадобится больше, — отозвался Маркус, даже не оборачиваясь.

Дин проводил его взглядом, после чего перевёл внимание на Софи.

— Новарро! Если что, можешь лечь в моей комнате. У меня, в отличие от Деверо, нет сил подниматься на второй этаж.

Лиам расхохотался.

— Блэквуд, ты сейчас серьёзно сравнил свою выносливость с его?

— Я просто признаю очевидное.

Софи ничего не ответила. Она лишь поставила стаканы на стол и продолжила собирать оставшиеся вещи, словно не услышала ни предложения Дина, ни смеха Лиам.

Но взгляд её невольно задержался на лестнице.

Маркус уже скрылся наверху.

Софи ещё несколько минут оставалась внизу, пытаясь привести гостиную в относительный порядок. Потом пожелала друзьям спокойной ночи и поднялась по лестнице.

Она не стала искать оправданий даже для самой себя.

Просто зашла в комнату Маркуса.

В его комнате было темно. Из окна пробивался бледный предрассветный свет, ложась на пол тонкими полосами. Ночь ещё не уступила ему окончательно, но за стеклом уже начинало светлеть.

Софи осторожно прикрыла за собой дверь.

Из ванной доносился шум воды. Она остановилась посреди комнаты, вдруг осознав, насколько странным и одновременно естественным казался ей собственный поступок.

Через минуту дверь ванной открылась, и Маркус вышел в комнату. На нём были спортивные штаны и футболка, волосы оставались влажными после душа.

Увидев Софи, он остановился.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

Она подошла вплотную, подняла голову и поцеловала его.

Сначала осторожно, почти робко, словно сама проверяла, действительно ли решилась на этот шаг. Затем отстранилась на несколько сантиметров, вглядываясь в его лицо, пытаясь понять, что он чувствует.

Маркус смотрел на неё неподвижно. В его глазах промелькнуло удивление, но оно быстро уступило место чему-то более глубокому.

Он обхватил её за талию и притянул к себе, накрывая её губы своими, слегка прикусывал её нижнюю губу, заставляя Софи невольно приоткрывать рот, а затем смягчал поцелуй, будто хотел загладить собственную нетерпеливость. Их языки переплелись, и Софи крепче обняла его за шею, отвечая с той же страстью.

Маркус ответил на её движение, крепко удерживая её рядом, словно боялся, что она снова передумает и исчезнет за дверью, оставив его наедине с вопросами, на которые он так и не

научился отвечать. Всё то, что они так долго сдерживали, будто прорвалось сквозь невидимую преграду.

Она потянула его за край футболки, помогая снять её, и на мгновение замерла, невольно задержав взгляд на его обнажённом торсе. Широкие плечи, крепкая грудь и рельефный пресс выдавали годы тренировок. Но больше всего её привлекали его руки — сильные, мускулистые, с отчётливо выступающими венами на предплечьях. Руки, которыми он удерживал клюшку на льду, уверенно противостоял соперникам и сейчас так бережно притягивал её к себе.

Софи провела ладонями по его плечам, медленно спустилась вдоль напряжённых бицепсов, чувствуя под пальцами упругость мышц. Маркус усмехнулся, заметив её взгляд, и обхватил её за талию, притягивая ближе.

Он подхватил её на руки, и они медленно отступили к кровати, продолжая целоваться. Когда Маркус сел на край кровати, Софи устроилась у него на коленях, обвила ногами его бёдра и руками — шею, после чего снова поцеловала. Его ладони легли ей на талию, а затем скользнули по спине, притягивая её ближе.

На несколько мгновений всё вокруг перестало иметь значение. Остались только его тепло, её сбившееся дыхание и поцелуи, в которых они оба забывали обо всём, что так им мешало.

Не было предстоящих сборов, отъезда, неразрешённых вопросов или разговоров, которые они откладывали слишком долго. Не было даже необходимости объяснять, почему Софи оказалась здесь.

Маркус снял с Софи кофту и расстегнул застёжку её лифчика. Его ладони легли на её грудь, а взгляд потемнел от желания. Софи доверчиво прижалась к нему, запустив пальцы в его волосы.

Маркус наклонился и коснулся губами её шеи, оставляя нежные поцелуи, временами слегка прикусывая кожу. Его губы по очереди коснулись каждой вершинки её груди, а затем он слегка прикусил один из сосков. Софи запрокинула голову и тихо выдохнула его имя. Маркус на мгновение замер.

Он мечтал услышать, как Софи произносит его имя вот так, без привычной иронии, без попытки спрятаться за улыбкой.

Маркус резко переместился, осторожно перевернув Софи на спину и оказавшись над ней. Его взгляд встретился с её взглядом — напряжённый, потемневший от желания. Он помог ей избавиться от оставшейся одежды, не отрывая от неё глаз, а затем разделся сам.

Софи невольно задержала взгляд на нём, чувствуя, как щёки становятся горячими. Она никогда прежде не видела Маркуса таким близким.

Она протянула руку, коснулась его живота и медленно опустила ладонь ниже. Обхватив его член, Софи провела ладонью от основания к головке, почувствовав под пальцами выступившую влагу. Маркус прикрыл глаза на мгновение, а затем наклонился и снова поцеловал её.

В его движениях было столько сдерживаемой страсти, что Софи едва успевала осознавать происходящее.

Маркус провёл ладонью по внутренней стороне её бедра, медленно поднимаясь выше, пока пальцы не коснулись самого сокровенного места. Он осторожно ввёл два пальца, ощущая, насколько сильно она возбуждена и готова к нему. Затем наклонился ниже и нежно коснулся языком её чувствительного места. Софи невольно выгнулась навстречу ему, запустив пальцы в его волосы.

Он продолжал ласкать её между бёдер, уделяя особое внимание клитору, временами вводя пальцы глубже и слегка покусывая чувствительное место. Софи выгибалась, всё сильнее теряя самообладание.

Другой рукой он нежно касался её груди, играя с сосками. Софи резко выгнулась, её тело охватила дрожь. Из груди вырвался стон.

Маркус довольно улыбнулся, заметив её дрожь. Поднявшись выше, он оставил несколько поцелуев на её груди, задержавшись у сосков, а затем поцеловал её в губы. После этого притянул Софи ближе и медленно вошёл в неё, постепенно растягивая её своим членом. Она обняла его за плечи и тихо выдохнула его имя.

Поначалу его движения были медленными и осторожными. Он внимательно следил за её реакцией, а Софи крепче прижималась к нему, отвечая на поцелуи. Постепенно между ними исчезла последняя скованность: дыхание сбилось, поцелуи стали жаднее, а движения — увереннее и быстрее.

— Маркус... — снова сорвалось с её губ.

Он прижался лбом к её лбу, словно хотел удержать этот миг, и продолжил целовать её. За окном появлялся рассвет, но для них существовали только тепло объятий и близость, к которой они так долго боялись сделать первый шаг.

Маркус осторожно повернул Софи к себе спиной и притянул ближе, обнимая за талию. Он поцеловал её в плечо, затем коснулся губами шеи. Его ладонь скользнула по бедру и крепко сжала ягодицу. Другой рукой он настойчиво подтолкнул её, заставляя прогнуться в спине, а затем резким, страстным движением вновь вошёл в неё, крепко удерживая за талию.

Софи запрокинула голову, чувствуя его дыхание у своей кожи. Маркус целовал её шею, постепенно опускаясь к плечам. Его ладони скользнули к груди, нежно лаская её, задерживаясь на чувствительных сосках. Софи выгнулась навстречу его прикосновениям, и с её губ сорвался тихий стон.

— Чёрт, София... Ты даже не представляешь, как сильно меня заводишь, — хрипло прошептал Маркус ей на ухо.

Она обернулась к нему, пытаясь поймать его взгляд, но он снова поцеловал её, не позволяя произнести ни слова.

Софи закрыла глаза, наслаждаясь близостью Маркуса. Ей было невероятно хорошо рядом с ним. Она чувствовала его силу и напор, ощущала, насколько он крупный, и от этой близости по телу вновь пробегала волна удовольствия.

В его движениях нарастала страсть. Софи всё сильнее отзывалась на каждое прикосновение, выгибаясь в его руках и уже не пыталась сдерживать звуки, срывавшиеся с её губ. Она произносила имя Маркуса снова и снова, не заботясь о том, что за стеной всё ещё находились друзья. Казалось, в этот момент она совершенно забыла об их присутствии.

Рука Маркуса скользнула к её клитору, и Софи вздрогнула от прикосновения. Он не мог отвести от неё взгляд. Её тело, упругая грудь, изгибы бёдер, каждый её вздох и движение сводили его с ума. Ему нравилось ощущать её так, видеть, как сильно она откликается на каждое его прикосновение. Он продолжал двигаться в ней, не отрываясь от клитора.

По телу Софи пробежала дрожь. Она больше не могла сдерживать нарастающее напряжение, и с её губ срывались протяжные стоны.

Маркус убрал руку от клитора и ускорил движения. Страсть окончательно захватила его. Ещё несколько движений — и он, не сдержавшись, достиг кульминации внутри неё. Маркус уткнулся лицом в плечо Софи, тяжело дыша и не желая отпустить её даже на мгновение.

Лишь постепенно дыхание стало спокойнее. Его взгляд изменился. На смену опьянению близостью пришло внезапное осознание последствий. Он не знал, что будет дальше и как они оба отнесутся к случившемуся утром, но теперь понимал: эта ночь изменила гораздо больше, чем их отношения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.